

А.Э. ШМИДТ
БИОГРАФИЯ, НАУЧНАЯ
ПЕРЕПИСКА, ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ, БИБЛИОГРАФИЯ

*Столетнему юбилею Туркестанского
восточного института и кафедры исламоведения
Санкт-Петербургского университета посвящается*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.Э. ШМИДТ

Биография
Научная переписка
Избранные труды
Библиография

МОСКВА
2018

УДК 930(47+57)(092) + 008(5-011)
ББК 63.3(533) + 71.1
Ш73

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЙ
ИСЛАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры*

Научный редактор: Р.Н. Шигабдинов, к.и.н., ст. науч. сотр. Института истории при Национальном университете Узбекистана им. М. Улутбека

Научные рецензенты: Е.Н. Груздева, к.и.н., зав. отделом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН;

И.Л. Лилеев, к. полит. н., ст. науч. сотр. Института Африки РАН

А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография:
Ш73 монография / автор-сост. Р.И. Беккин. – М.: ООО «Садра», 2018. – 504 с. – (Российское востоковедение).

ISBN 978-5-906859-04-4

12+

Монография посвящена деятельности российского востоковеда А.Э. Шмидта (1871–1939). Учителями Шмидта были барон В.Р. Розен, И. Гольдциер, М. де Гуэ, Й. фон Карабачек и другие выдающиеся специалисты по мусульманскому Востоку. Учениками Шмидта себя считали И.Ю. Крачковский, А.Н. Самойлович, В.И. Беляев, П.П. Иванов, Е.М. Пещерева и др. Книгу открывает научная биография А.Э. Шмидта, специально подготовленная для данного издания. В книге представлены уникальные материалы из государственных и частных архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента. Издание адресовано всем, кто интересуется историей российского – советского востоковедения в целом и исламоведения в частности.

На обложке:
А.Э. Шмидт. Ташкент,
1925 г. (Из фондов
СПбФ АРАН)

УДК 930(47+57)(092) + 008(5-011)
ББК 63.3(533) + 71.1

ISBN 978-5-906859-04-4

9 785906 859044

- © Фонд исследований исламской культуры, 2018
- © ООО «Садра», 2018
- © Беккин Р.И., текст (Жизнеописание Александра Эдуардовича фон Шмидта, магистра арабской словесности; Кафедра исламоведения Петроградского университета (Об одной малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта)), составление, 2018
- © Шигабдинов Р.Н., текст (А.Э. Шмидт и Коран Османа: возвращение мусульманской святыни в контексте политики, науки и религии), 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия (Р.И. Беккин)	7
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АЛЕКСАНДРА ЭДУАРДОВИЧА ФОН ШМИДТА, МАГИСТРА АРАБСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (Р.И. Беккин)	15
НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ БИОГРАФИИ А.Э. ШМИДТА	235
Кафедра исламоведения Петроградского университета (Об одной малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта) (Р.И. Беккин)	235
А.Э. Шмидт и Коран ‘Усмана: возвращение мусульманской святыни в контексте политики, науки и религии (Р.Н. Шигабдинов)	247
НАУЧНАЯ ПЕРЕПИСКА А.Э. ШМИДТА	266
От составителя	266
Избранные письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897; 1900–1906)	269
Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу (1922–1935)	303
ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ А.Э. ШМИДТА	345
Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (=III века Хиджры) (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему ‘Абдаллаху ибн Тахиру)	345

Шариат и право водопользования в Средней Азии	369
Из истории суннитско-шиитских отношений	383
Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане	440
Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов. В 4-х ч. Собрано и обработано Магомед-Беком-Хад- жетлаше. (Рецензия)	468
СПИСОК ТРУДОВ А.Э. ШМИДТА (Сост. Р.И. Беккин)	476
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	492
СОКРАЩЕНИЯ	501

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Летом 2010 г. мне позвонили из Казанского университета и пригласили приехать. Из телефонного разговора ничего нельзя было понять. Я собрался и отправился в Казань.

Недавно назначенный ректор предложил мне возглавить кафедру. Когда я спросил, как она называется, оказалось, что у нее нет названия. Да и самой кафедры тогда еще не существовало. Ее только предстояло создать...

Название я сформулировал сразу: кафедра исламоведения. Но прошло несколько месяцев, прежде чем мне, человеку чужому в Казани, удалось собрать группу единомышленников и открыть с ними кафедру регионоведения и исламоведения. Слово «регионоведение» пришлось добавить для компромисса, иначе кафедру ни за что не утвердили бы на ученом совете университета. Случилось это 23 декабря 2010 г. Появление нашей кафедры было событием экстраординарным, потому что другой такой кафедры в России тогда не существовало и до сих пор не существует.

Чуть позднее я узнал, что мы все же не были первыми. В России почти сто лет назад уже имелась кафедра исламоведения. В книге «Невольник долга» Анны Аркадьевны Долининой я наткнулся на фразу: «Осенью 1918 года Н.Я. Марр поднял вопрос об учреждении кафедры исламоведения – специально, чтобы предоставить Крачковскому профессорскую должность»¹. Я обратился за разъяснением к Анне Аркадьевне. Но она, к сожалению, не смогла рассказать мне подробнее об истории этой кафедры.

¹ Долинина А.А. Невольник долга: [Биограф. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 152–153.

Я начал искать информацию. Работа в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга привела к долгожданной находке. Мне удалось обнаружить решение (единогласное!) Совета Петроградского университета о создании кафедры, принятое 18 ноября 1918 г., и пояснительную записку, составленную несколькими днями ранее. Автором записки был Александр Эдуардович Шмидт. Дата рождения кафедры была установлена, но что было дальше? Об этом архивные документы, касающиеся факультета восточных языков Петроградского университета, на котором была создана кафедра, молчали.

8

Я поднял все доступные мне источники, связанные с деятельностью Шмидта, но ни в одном из них ни слова не говорилось об интересовавшей меня кафедре. Только в «Записке об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта», подготовленной И.Ю. Крачковским, В.В. Бартольдом и С.Ф. Ольденбургом в связи с выдвижением Шмидта для избрания в члены-корреспонденты АН СССР, говорилось следующее: «Осуществление получила эта идея (создания кафедры исламоведения. – Р.Б.), к сожалению, слишком поздно – в 1919 г.¹, и уже через два года, в 1921 г., с новой реформой Университета кафедра была ликвидирована»².

Эта фраза не только не удовлетворила мое любопытство, но, напротив, лишь подогрела его: ведь в то же самое время в Казанском университете проводились «реформы», которые грозили уничтожением нашей кафедры исламоведения. Мне было важно знать, как относился ко всем этим преобразованиям Шмидт, хотелось найти ответы на вопросы, которые волновали меня самого.

¹ Ошибка. Кафедра, как было отмечено выше, была учреждена в 1918 г.

² Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // Известия Академии наук СССР: Сер. 6. – 1925. – Т. 19. – С. 893.

Я обратился к эпистолярному наследию Шмидта. Читая письма Александра Эдуардовича, адресованные коллегам и друзьям, я проникся искренней симпатией к этому человеку с чистой душой и сложной судьбой. Особое сочувствие с моей стороны вызывали попытки Шмидта отстаивать самостоятельность и целостность востоковедения в целом и исламоведения в частности и противостоять бездумным «реформам», проводившимся в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) в 1920–1930-е гг. Увы, попытки эти не имели успеха: «реформаторы» одержали верх. Но это и не означает, что научно-организаторская деятельность Шмидта была бесплодной. До нас дошло научное наследие ученого в виде его работ, как печатных, так и неопубликованных. Ученики Шмидта, выжившие в годы сталинского террора и Великой Отечественной войны, продолжили исследования, методологические основы которых были заложены А.Э. Шмидтом. Учениками Шмидта себя считали такие выдающиеся востоковеды, как И.Ю. Крачковский, А.Н. Самойлович, В.И. Беляев, П.П. Иванов, Е.М. Пещерева и др. Наконец, перед нами есть биография самого Александра Эдуардовича, которая вполне может служить примером для молодых ученых, делающих свои первые шаги в науке.

Поначалу я не планировал писать подробное жизнеописание Шмидта и предполагал ограничиться небольшим биографическим очерком. Но по мере изучения материалов, связанных с судьбой ученого, я пришел к выводу о необходимости создания подробной, основанной на документальных материалах, биографии Александра Эдуардовича. Моя уверенность усилилась после изучения единственного биографического очерка, написанного В.А. Костецким¹. Данная работа, подго-

¹ *Костецкий В.А.* Судьба человека, посвятившего жизнь изучению ислама. – Ташкент, 2015.

товленная с большой симпатией к Шмидту, тем не менее содержит немалое количество ошибок¹.

Когда готовишь книгу о неординарной личности, существует риск идеализировать своего героя, затушевать его недостатки и подчеркнуть достоинства. В случае с Александром Эдуардовичем Шмидтом такой соблазн крайне велик. Возможно, читатель обнаружит пристрастное отношение автора и в биографическом очерке, помещенном в самом начале книги.

Структурно настоящее издание состоит из четырех частей. Книгу открывает развернутый научно-биографический очерк об А.Э. Шмидте. Вторая часть дополняет первую: сюда входят статьи, в которых рассматривается несколько малоизвестных эпизодов из биографии А.Э. Шмидта.

10 Статья Р.И. Беккина посвящена истории создания кафедры исламоведения в Петроградском университете в 1918 г. Это был революционный шаг, позволивший институционализировать накопленный к тому времени российским исламоведением опыт. Уровень преподавания исламоведческих дисциплин на факультете восточных языков Петербургского университета во второй половине XIX столетия полностью соответствовал уровню исламоведения как в самой России, так и на Западе. О создании специализированной кафедры исламоведения мечтал барон В.Р. Розен, но осуществить эту мечту выпало его ученику – А.Э. Шмидту.

Вторая статья посвящена истории возвращения мусульманской святыни – Корана Османа – в Ташкент

¹ Уже сам подзаголовок очерка: «Судьба православного христианина, посвятившего свою жизнь изучению ислама» содержит грубую ошибку – Шмидт был лютеранином. Не могут не вызвать улыбки такие слова автора: «И сегодня на проспекте Ш. Руставели в 1-й гимназии помнят своих лучших учеников – Александр окончил гимназию в 1889 году с золотой медалью» (*Костецкий В.А. Судьба человека, посвятившего жизнь изучению ислама. – Ташкент, 2015. – С. 5).*

и участию в этом А.Э. Шмидта. Изначально предполагалось, что Шмидт как представитель научного сообщества будет сопровождать Коран из Уфы в Ташкент, однако против участия Александра Эдуардовича решительно выступило мусульманское духовенство. Архивные документы, раскрывающие подробности этой истории, впервые публикуются ученым из Узбекистана Р.Н. Шигабдиновым.

В третью часть книги входит эпистолярное наследие А.Э. Шмидта. В настоящее издание включены избранные письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену, относящиеся к 1895–1905 гг.¹ Это был яркий и вместе с тем крайне сложный период в жизни Шмидта. После окончания Санкт-Петербургского университета в 1894 г. он, как подающий надежды студент, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1897 г. Шмидт при содействии Розена был направлен на стажировку за рубеж. В течение года он обучался у ведущих европейских специалистов по исламу – Игнаца Гольдциера, Михаэля де Гуэ, Йозефа фон Карабачека и др. Работая в библиотеках, Александр Эдуардович собирал материалы для своей диссертации о мусульманском богословии, суфии аш-Ша‘рани.

Вернувшись в Россию в 1898 г., Шмидт, однако, не смог полностью посвятить себя научно-преподавательской работе: он вынужден был служить в нескольких местах, в том числе в Императорской Публичной библиотеке, в газете «Санкт-Петербургские ведомости», в Александровском лицее. В 1905 г. Шмидт претендовал на место в Азиатском департаменте МИДа, о чем говорится в двух письмах. Однако эту вакансию занял известный иранист, старший коллега Шмидта по университету В.А. Жуковский.

¹ Часть этих писем была опубликована нами ранее: *Беккин Р.И.* Зарубежная командировка А.Э. Шмидта в Европу. По материалам его писем барону В.Р. Розену (1897 г.) // Восточный архив. – 2017. – № 2. – С. 6–18.

После Октябрьской революции к работе в Петрограде прибавились частые поездки в Москву – для чтения лекций в Лазаревском институте восточных языков, а также для участия в заседаниях Оргкомитета, а позже – Ученого совета формируемого в Ташкенте Туркестанского народного университета¹.

В 1920 г. Шмидт переезжает в Ташкент. Большой интерес представляет переписка Александра Эдуардовича с академиком А.Н. Самойловичем (за 1922–1935 гг.). В своих письмах Шмидт подробно делится проблемами, с которыми ему приходилось сталкиваться в Ташкентском восточном институте, а затем в Среднеазиатском государственном университете. В публикуемой переписке содержатся письма, написанные А.Э. Шмидтом незадолго до его первого ареста в 1931 г. Последнее письмо датировано 1935 г.²

12

И, наконец, в четвертую часть книги включены избранные произведения А.Э. Шмидта, опубликованные им в 1920-е гг. в Ташкенте: «Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры) (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему 'Абдаллаху ибн Тахиру)», «Шариат и право водопользования в Средней Азии», «Из истории суннитско-шиитских отношений». В книгу также вошли ранее не публиковавшаяся рукопись «Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане», хранящаяся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, и рецензия на книгу М.-б. Хаджетлаше «Шру-

¹ В 1920 г. на базе Туркестанского народного университета декретом СНК РСФСР был образован Туркестанский государственный университет (ТуркГУ). В 1923 г. он был переименован в Первый Среднеазиатский государственный университет (САГУ), в 1959 г. – в Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина. С 2000 г. – Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

² Три письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу были опубликованы Г.Ф. Благовой: Александр Николаевич Самойлович: научная переписка: биография / Сост., авт. ст. и биогр. Г.Ф. Благова. – М., 2008. – С. 261–264.

тель-Ислам» из журнала «Мир ислама». Все указанные работы не утратили актуальности и в наши дни и представляют интерес для исследователя.

В конце книги приводится список опубликованных трудов А.Э. Шмидта. Составитель постарался включить сюда все известные научные работы ученого, опубликованные как при его жизни, так и в последующие годы. Однако по свидетельству самого Александра Эдуардовича и его современников, он в 1900-е гг. активно сотрудничал в различных периодических изданиях. Мне не удалось выявить данные публикации. Нельзя также исключать, что мною не были учтены переиздания некоторых научных трудов Шмидта, осуществленные в постсоветскую эпоху как в самой России, так и в других республиках бывшего СССР.

Хочется верить, что настоящее издание внесет свой вклад в изучение истории российского востоковедения в целом и исламоведения в частности.

Книга значительно проиграла бы по своему содержанию, если бы ее составителю в нужный момент не оказали помощь следующие замечательные люди: Абесалом Шахзадович Асланидзе (г. Батуми), Азат Марсович Ахунов (г. Казань), Маттиас Баттис (г. Лондон), Удо Беккер (г. Штутгарт), Ольга Юрьевна Бессмертная (г. Москва), Валерий Александрович Германов (г. Ташкент), Елена Николаевна Груздева (г. Санкт-Петербург), Лилия Шамилевна Давлетшина (г. Казань), Светлана Валерьевна Дарчиева (г. Владикавказ), Анна Аркадьевна Долинина (г. Санкт-Петербург), Ислам Амирович Зарипов (г. Москва), Лариса Созыровна Засеева (г. Владикавказ), Миляуша Рашитовна Исмагилова (г. Санкт-Петербург), Антон Робертович Ихсанов (г. Санкт-Петербург), Татьяна Владимировна Костина (г. Санкт-Петербург), Эдит Эмильевна Мютель (г. Санкт-Петербург), Сергей Игоревич Новицкий (г. Ташкент), Фаина Михайловна Оленникова (г. Ташкент), Сергей Викторович Павлов

(г. Санкт-Петербург), Мария Михайловна **Перекалина** (г. Санкт-Петербург), Анна Ильинична **Полесицкая** (г. Санкт-Петербург), Наталья Сергеевна **Прохоренко** (г. Санкт-Петербург), Юлия Олеговна **Прудникова** (г. Москва), Ксения Вадимовна **Радецкая** (г. Санкт-Петербург), Камилла Сураатбековна **Рустамбекова** (г. Ташкент), Алла Алексеевна **Сизова** (г. Санкт-Петербург), Эльмира Алимовна **Урусова** (г. Санкт-Петербург), Евгений Нафисович **Хамидов** (г. Казань), Светлана Львовна **Шевельчинская** (г. Санкт-Петербург), Татьяна Эдуардовна **Шумилова** (г. Санкт-Петербург), Игорь Юрьевич **Шундалов** (г. Санкт-Петербург), Максим Владимирович **Финин** (г. Санкт-Петербург) и др.

Особая благодарность – ташкентскому историку Ринату Начметдиновичу **Шигабдинову**, который помог мне добыть ценные материалы, касающиеся истории семьи А.Э. Шмидта, а также утолял мое научное любопытство по вопросам, связанным с историей востоковедения в Средней Азии.

Профессор Российской академии наук,
вед. науч. сотр. Института Африки РАН Р.И. Беккин

Р.И. Беккин

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АЛЕКСАНДРА ЭДУАРДОВИЧА ФОН ШМИДТА, МАГИСТРА АРАБСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«Я более, чем кто-либо знаю
и понимаю, сколь скромны мои заслу-
ги перед наукой, если они вообще есть.
Многое, многое хотелось сделать, мно-
гое и можно было бы сделать, если бы
жизнь сложилась несколько иначе...»

(А.Э. Шмидт)

Детство в Тифлисе

Популярная теория говорит: место, где человек родился или где протекало его детство, оказывает значительное влияние на всю его будущность. Если принять на веру это утверждение, то в таком случае следует согласиться с тем, что судьба Александра Эдуардовича Шмидта была предопределена.

Представитель дворянского рода из Лифляндии Александр Герман фон Шмидт появился на свет в одном из самых пестрых по этническому и конфессиональному составу городов в Российской империи – Астрахани 12 (24) марта 1871 г. В Астрахани исстари проживали вместе русские, татары, армяне, персы, бухарцы, индийцы, евреи и др. Мусульмане – представители разных национальностей и последователи различных течений в исламе – составляли около 15% населения города.

Была в Астрахани и Немецкая слобода. Она граничила с Персидской и Армянской слободами за Варвациевым каналом. Здесь же, в районе, именуемом Махалля, располагалась Татарская слобода. Семья Шмидтов по отцовской линии принадлежала к дво-

рянскому роду из обрусевших немцев и, возможно, после своего прибытия в Астрахань обосновалась в Немецкой слободе. Александр был крещен по евангелическо-лютеранскому обряду в деревянной кирхе на углу Кирочной и Крестовой улиц, сооруженной еще в середине XVIII в.

Отец Александра – статский советник и кавалер, доктор медицины Эдуард Егорович фон Шмидт (1832–1904), сын лютеранского пастора, – служил военным врачом в Астраханском казачьем конном полку, а также исправлял должность ординатора Астраханского военного госпиталя¹. Мать – Вера Мария Луиза (ум. 1925), – также принадлежавшая к дворянскому роду остзейских немцев, имела в девичестве фамилию фон Байер².

16

В августе 1877 г. во время Русско-турецкой войны Эдуард Егорович был назначен главным врачом Кавказского военного временного № 53 госпиталя³. Шмидты переехали в Тифлис осенью того же года. В конце XIX столетия Тифлис был главным мусульманским городом в Закавказье. Здесь в 1872 г. были учреждены целых два Закавказских Магометанских Духовных Правления: суннитского и шиитского учения. В юрисдикцию последнего входили, в том числе, шииты, проживавшие на территории современного Азербайджана. Впрочем, в Тифлисе хватало и своих шиитов: персов и азербайджанцев, или, как их тогда называли, азербайджанских татар.

¹ Послужной список Главного врача Владикавказского военного госпиталя д-ра медицины, статского советника фон Шмидт // ЦГА РСО-А. Ф. 238. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об. – 2об.

² Дело Альбрехта Эдуардовича фон Шмидта (1889–1890) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27292. Л. 6.

³ Послужной список Главного врача Владикавказского военного госпиталя д-ра медицины, статского советника фон Шмидт // ЦГА РСО-А. Ф. 238. Оп. 1. Д. 46. Л. 5об. – 6.

По разнородности его обитателей Тифлис ничуть не уступал Астрахани. Побывавший здесь в 1895 г. профессор медицины Э. фон Лейден (1832–1910) утверждал, что жители города говорят на 40 языках¹. Известный ботаник А.Н. Бекетов (1825–1902) сравнивал Тифлис середины 1850-х гг. с Калькуттой и Каиром: «Майдан и армянский базар, с выходящими из них переулками и темными рядами, всего более характеризуют его, как азиатский город, не говоря об Авлабаре, представляющем нечто вроде Калькутты или Каира. Майдан, или татарский базар, есть тесная площадь, постоянно набитая народом. Если смотреть на нее с обрывистого, каменистого Сололакского хребта, ограничивающего город с юга, то, кроме голов человеческих, лошадиных, буйволовых, бычачьих, ослиных и даже верблюжьих, почти ничего не видно. Зловонные испарения поднимаются над Майданом густою тучею; грязь редко высыхает. Тут представители разнообразного населения Тифлиса: татары, в рыжеватых шапках и бурках, с черными, седыми, красными и белыми бородами²; дородные армяне, с наклонными шеями, в чистых чухах и московских картузах; молодеватые грузины, перетянутые, часто засаленные и оборванные, с шапками, заломленными набекрень; кабардинцы, дико смотрящие исподлобья и продающие оружие и бурки; мулла в белой чалме; персияне с красными ногтями, в аршинных шапках и широких кафтанах, или абах своих; на ногах у них пестрые носки и маленькие туфли, надетые на одни только пальцы...»³.

Город сильно преобразился при кавказском наместнике М.С. Воронцове в 1840–1850-е гг. Но и два-

¹ Профессор Лейден о южно-русских курортах // Черноморский вестник. – Батум, 1895. – № 17. – 20 июля. – С. 3.

² Здесь, по-видимому, имеются в виду азербайджанцы.

³ Бекетов А.Н. Из жизни природы и людей // Наше наследие. – 2005. – № 75–76. – С. 86–101.

дцать лет спустя, когда семейство Шмидтов перебралось в Тифлис, от прежнего восточного города еще оставалось немало приметных следов.

В таких условиях можно было либо возненавидеть Восток, либо влюбиться в него без памяти. С Сашей Шмидтом случилось второе. От тех давно минувших лет сохранилась история о приключениях маленького Шмидта, которая дошла до нас в пересказе востоковеда Веры Александровны Крачковской. «Александр Эдуардович рос вместе с братом¹, оба были здоровые, веселые шалуны. Про одну проделку А.Э. рассказал нам. Однажды братья купили на базаре большой арбуз, выбрались с ним на окраину города, где зигзагами поднимается Каджарское шоссе, там арбуз разрезали пополам и съели мякоть. В это время снизу от города стал подниматься по шоссе горец верхом на осле. Один из шалунов дождался, когда всадник окажется возле них, свесился над обрывом и умудрился надеть полую корку на голову ездока. Тот, естественно, обозлился и пустился в погоню за оскорбителями, крича: «Зарежем как барашки!»². К счастью, оскорбленному горцу не удалось осуществить свою угрозу.

18

Вскоре у Саши Шмидта появилась возможность еще лучше познакомиться с характером и привычками местных жителей. В 1878 г. он был зачислен в Пер-

¹ Старший брат Александра Эдуардовича – Альбрехт – родился 22 июня (4 июля) 1868 г. Прослушал неполные курсы в Дерптском, Санкт-Петербургском, Новороссийском университетах. В 1918 г. эмигрировал. В середине 1930-х гг. проживал в Риге. Дальнейшая судьба неизвестна. У Шмидта была также старшая сестра Адель, которая родилась в 1861 или 1862 г. С 1895 г. она проживала в г. Штутгарте, оставшись в Германии после окончания Дрезденской академии художеств. Скончалась Адель не ранее 1936 г. (Личное дело А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 680).

² Крачковская В.А. Несколько слов об А.Э. Шмидте // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина.* – СПб., 2001. – С. XIX–XX.

вую Тифлисскую классическую гимназию. Гимназия была основана в 1804 г. как Благородное училище для обучения российскому и грузинскому языкам.

В начале 1880-х гг. в гимназии обучалось более 700 мальчиков (гимназия была мужская). Среди учеников преобладали армяне, грузины и представители разных мусульманских народов. Такой многонациональный состав учащихся предъявлял повышенные требования как к руководству гимназией, так и к ее педагогам: «Легче управиться с 3-мя обыкновенными русскими гимназиями, чем с этим столпотворением вавилонским, где нужно примениться к потребностям и свойствам десятка разных враждебных народностей, ко всем этим армянам, грузинам, татарам, лезгинам, осетинам, черкесам, евреям, полякам, русским и пр. и пр.»¹. Очевидно, что для пытливого ума гимназия давала возможность не только познакомиться с основами некоторых местных языков, но и научиться сносно говорить на них. Но общим для всех был, конечно, русский язык, которым выпускники гимназии владели в совершенстве. Гимназия стала кузницей кадров не только для Закавказского края, но и для всей России. Выпускниками гимназии в разные годы были Н.М. Бараташвили, С.Ю. Витте, В.И. Немирович-Данченко, И.Г. Чавчавадзе и др. Некоторое время (в 1901–1903 гг.) здесь обучался Н.С. Гумилев.

Из тех выпускников Первой Тифлисской гимназии, кто оставил свой след в истории, в одно время со Шмидтом учились Л.Н. Андроников (1872–1939), основатель юридического факультета Тбилисского университета, отец литературоведа И.Л. Андроникова; В.А. Степанов (1872–1920), депутат Государственной Думы, впоследствии – деятель Белого движения; И.Н. Атабеков (1870–1916), армянский марксист, корреспон-

¹ Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб.; М., 1887. – С. 426.

дент Ф. Энгельса; А.-б. Топчибашев (1863–1934), один из лидеров мусульманского движения в Российской империи и основателей Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920) и др.

Но у нас, к сожалению, нет никаких сведений, которые могли бы подтвердить факт личного знакомства кого-либо из этих людей со Шмидтом ни в 1880-е гг., ни позднее. Судя по всему, интроверт Саша вполне довольствовался обществом своего старшего брата Альбрехта.

Уже на склоне лет Шмидт нередко вспоминал Тифлис и даже подумывал вернуться туда, чтобы провести там остаток дней¹.

**«Был я тогда еще очень юн и незрел»
(Учеба в Петербургском университете)**

20

В 1889 г., окончив Первую Тифлисскую гимназию с золотой медалью, Шмидт приезжает в Петербург. Поначалу он поступает на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Но ровно через год, осенью 1890 г., Александр переводится на арабо-персидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков (ФВЯ) того же университета². Кто посоветовал молодому Шмидту переменить судьбу, мы не знаем, но этот человек, безусловно, оказал российскому востоковедению неоценимую услугу.

Конец XIX – начало XX в. был одним из лучших периодов в истории факультета восточных языков. Здесь

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 193об. См. также: «...страшно тянет на родину, на Кавказ, по которым прямо-таки болезненно тоскую! Хочется на старости лет опять туда, да только это не так просто» (Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 29).

² Об оставлении при университете А.Э. Шмидта (1894) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 117.

преподавали такие легендарные личности, как И.Н. Березин (1818–1896), К.Г. Залеман (1849–1916), Н.И. Веселовский (1848–1918), В.Д. Смирнов (1846–1922), В.Р. Розен (1849–1908) и др. С работами некоторых из участников этой «могучей кучки» Шмидт познакомился еще в богатой гимназической библиотеке в Тифлисе.

Желавшие поступить на факультет восточных языков не всегда хорошо представляли свое будущее по окончании университета. Когда ФВЯ еще только формировался, его первый декан А.К. Казем-бек (1802–1870) рассматривал его как сугубо практическое заведение, призванное готовить государственных чиновников, владеющих восточными языками: «назначение... факультета чисто практическое... приготовление молодых людей для службы по ведомству иностранных дел, военному и другим... Ученая цель должна занимать... факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей...»¹. Однако уже при следующем декане – А.О. Мухлинском (1859–1866), – вектор развития факультета был изменен и больше внимания стало уделяться чисто научным исследованиям.

Окончательно академическое направление взяло верх над «сугубо практическим» при декане В.В. Григорьеве (1874–1878)². У студентов, в зависимости от того, какую профессию в будущем они для себя наметили, существовала возможность выбрать во время обуче-

¹ Цит. по: Кононов А.Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Востокведение в Ленинградском университете. – Л., 1960. – С. 13.

² «Личной собственностью Григорьева можно признать, по-видимому, те политические соображения, которые приведены в пользу учреждения кафедры в проекте 1837 г.: “лучшее средство противодействовать влиянию Запада – это опереться на изучение Востока”, так как “распространение и усиление в России восточных занятий” сделает “горизонт наших сведений и соображений шире, чем у мыслителей и деятелей Западной Европы”» (Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Бартольд В.В. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 649).

ния некоторые специальные дисциплины¹. Таким образом, не нарушая интересов государства, нуждавшегося в грамотных специалистах по Востоку, факультет восточных языков в то же время создавал условия для тех, кто хотел посвятить себя научной работе.

Ученик Григорьева В.Р. Розен, ставший в 1893 г. деканом, в целом продолжал политику развития факультета как кузницы научных кадров. Вместе с тем он не возражал и против дальнейшей дипломатической карьеры поступавших на факультет². Благодаря знакомствам, Розен устраивал своих учеников в Министерство иностранных дел через начальника ученого отделения Азиатского департамента М.А. Гамазова и в Министерство финансов через Д.Ф. Кобеко³.

22

Но при этом большей благосклонностью со стороны Виктора Романовича пользовались те, кто пришел на факультет ради занятий наукой. Характерным является воспоминание И.Ю. Крачковского о его первой встрече с Розеном: «Я увидел за длинным столом в клубах табачного дыма одного только невысокого полного старика в форменном сюртуке Министерства Народного Просвещения, совершенно седого, несмотря на свои 52 года, как выяснилось позже... “Вы зачем поступаете на восточный факультет? В дипломаты захотелось? Белые штаны нравятся?” Совершенно растерявшись от резкого тона неожиданного вопроса, я наивно пролепетал: “Нет, я хочу остаться при университете”. Говоривший с любопытством посмотрел на меня и прежним тоном продолжал: “Ну, это мы еще

¹ *Бартольд В.В.* К проекту восточного института // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 500.

² Некоторые ученики Розена, избравшие дипломатическую карьеру, не оставляли занятий наукой. В качестве яркого примера можно привести А.Ф. Шубина, автора палеографического исследования Корана ‘Усмана (1891).

³ *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 21.

увидим: для этого надо способности иметь. А у вас, верно, по древним языкам в гимназии тройки были!». Обиженный в своих лучших чувствах, я несколько смелее, но все же робко промолвил, что кончил гимназию с золотой медалью. Строгий декан, по-видимому, несколько смягчившись, но все еще не меняя тона, спросил: “А как у вас дело с новыми языками?” Я ответил, что читаю по-французски и по-немецки, но не говорю. – “Болтать и не надо, это нужно для дипломатов, а нам важно пользоваться пособиями. Непременно еще займитесь английским”»¹. Нельзя исключать, что похожий разговор мог состояться у Розена и со Шмидтом. Впрочем, кроткий Александр Эдуардович мало походил на человека, мечтающего о белых штанах.

О студенческих годах Шмидта нам известно крайне мало. Среди его преподавателей были Н.И. Веселовский, В.Р. Розен, Н.А. Медников и др. В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки сохранился конспект лекций по истории Востока профессора Николая Ивановича Веселовского, сделанный А.Э. Шмидтом в 1893 г.² Это один из ранних известных нам автографов Александра Эдуардовича. Друг и кол-

¹ Из воспоминаний ученика о бароне Розене (1938–1940) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 294. Л. 36–37 // цит. по: *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биограф. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 31. Попытка отсеять случайных людей на факультете была осознанной стратегией Розена, и она давала свои результаты. Это подтверждают свидетельства других студентов Розена: «Когда я выслушивал на первой лекции из уст еще молодого Виктора Романовича увещания к аудитории не увлекаться восточным факультетом и советы лучше оставить его, перейдя на другие факультеты, в виду тех трудностей, которые ожидают студентов, мне стало ясным, что передо мною профессор, который хочет действительно иметь у себя работающую аудиторию, которому совершенно не все равно, кто будет сидеть у него на лекциях» (*Васильев А.* Барон Виктор Романович Розен. Некролог // *Византийский Временник.* – 1907. – Т. XIV, Вып. 2–3. – С. 485).

² История Востока. Лекции, читанные профессором Санкт-Петербургского Университета Н.И. Веселовским // ОР РНБ. Ф. 359 (Колобов). Д. 572.

лега Шмидта И.Ю. Крачковский дал следующую характеристику Веселовскому: «Кафедру истории Востока в то время занимал Н.И. Веселовский, известный как археолог, специализирующийся на истории первобытного общества. Он читал общий обязательный курс “Обзор путешествий в Азию”, в котором ничего не менялось годами и десятилетиями. Все его лекции шли достаточно однообразно, материал излагался обстоятельно и медлительно. Эти лекции успехом у студентов не пользовались, и посещали они их по очереди»¹.

Другим преподавателем Шмидта был Николай Александрович Медников (1855–1918). Предоставим вновь слово И.Ю. Крачковскому, которому также довелось слушать лекции Медникова. По свидетельству Игнатия Юлиановича, студенты «ничего выдающегося в нем (Медникове. – Р.Б.) не видели. Это был очень хороший преподаватель классического арабского языка, который действительно артистически переводил и поражал нас своими переводами, но дальше этого его интересы не шли. Поэтому, когда кто-нибудь из студентов обращался к нему после занятий с каким-нибудь вопросом, то этот вопрос вызывал удивление Н.А. и он совершенно откровенно говорил: зачем вам это? Поэтому мы его никогда не спрашивали»².

Студенты факультета, которые ограничивались посещением лекций, едва ли могли рассчитывать на глубокие знания по изучаемым дисциплинам. Настоящая работа для студентов факультета восточных языков начиналась вечером, когда они приходили на кварти-

¹ Долинина А.А. Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 32–33.

² Выдающиеся историки Востока (по личным воспоминаниям) (1944) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 305. Л. 17 // цит. по: Долинина А.А. Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 35. Его лекции сводились в большинстве случаев к разбору тех или иных памятников с очень краткими обыкновенно введениями (*Крачковский И.Ю. Памяти Н.А. Медникова // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. – М.; Л., 1958. – Т. V. – С. 207*).

ры своих профессоров и занимались с ними изучением рукописей. Такие занятия проводили, например, В.В. Радлов¹ и В.Р. Розен.

Добившийся всего своим собственным трудом, Виктор Романович ценил в учениках трудолюбие и упорство, без которого, по его мнению, не было бы настоящего арабиста. По меткому замечанию Крачковского, Розен был «из тех баронов, которые никогда не имели ни замков, ни имений, ни состояния, а с университетской скамьи всегда жили своим трудом и своим заработком, иногда очень тяжелым»².

На 3-м курсе В.Р. Розен обратил внимание на талантливого студента Шмидта. К счастью, незадолго до своей смерти Александр Эдуардович успел подготовить для сборника памяти барона Розена³ небольшие воспоминания. Это свидетельство ценно не только по той причине, что является важным дополнением к биографии Шмидта, но и потому, что достаточно подробно раскрывает методы работы Розена с его учениками: «Не менее одного раза в неделю приходилось мне с той поры бывать у В.Р. на дому вечерами для чтения под его руководством памятников соответствующих областей арабской литературы, знакомство с которыми он счел для меня необходимыми тогда же, до приступа к более специальным занятиям какой-либо конкретной проблемой, годной в качестве темы для магистерской диссертации. Помню, читали мы с ним на первых порах ал-Газали, его “Оживление религиозных наук”, его “Избавителя от заблуждений”, ту своеобразную

¹ Александр Николаевич Самойлович: научная переписка: биография / Сост., авт. ст. и биогр. Г.Ф. Благова. – М., 2008. – С. 34.

² Из воспоминаний ученика о бароне Розене (1938–1940) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 294. Л. 73об. // цит. по: *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 36.

³ Книга со статьей Шмидта была опубликована уже после его смерти: Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1947.

мусульманскую параллель к исповеди (*Confessiones*) блаженного Августина, и некоторые другие мелкие трактаты... а равно ряд сочинений арабских грамматиков и лексикологов... Не раз, закончив чтение намеченного на данный день материала, я до поздних часов засиживался в накуренном кабинете В.Р., который с неизменной своей папиросой-самокруткой сидел в качалке и вел со мной беседы не только на темы наших специальных занятий, но и вообще, так сказать, обо всем, *de omni re scibili et quibusdam aliis*¹, незаметно для меня расширяя мой научный горизонт»².

26

Занятия проходили обычно по вторникам в том самом кабинете, где впоследствии, уже в квартире И.Ю. и В.А. Крачковских, располагалась столовая. Несмотря на демократизм барона, Шмидт всякий раз, когда приходил к Виктору Романовичу, испытывал что-то вроде оцепенения: «...был я тогда еще очень юн и незрел, да к тому же исключительной застенчивости, т. что я стеснялся обращаться к барону с многими волновавшими и занимавшими меня вопросами. Эта застенчивость (кто теперь поверит, что она у меня была?!) помешала мне вполне использовать свои знания с покойным шейхом, когда уже был магистрантом. Я просто сгорал от застенчивости, какую пытался заглушить глубокими затяжками из тех папирос-пушек, которые В.Р. держал на круглом столе перед диваном для своих гостей»³.

Помимо застенчивости Шмидт обладал еще одним свойством, не всегда помогавшим ему в отношениях с людьми: наивностью. Эта черта служила

¹ Обо всех вещах и (еще) о некоторых других (лат.).

² Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1947. – С. 13–14.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 28об.–29.

предметом доброй иронии со стороны Розена. В одном из писем к В.В. Бартольд у он называет Шмидта «взрослым младенцем»¹.

Однако два таких несомненных достоинства Александра Эдуардовича, как усердие и любознательность, позволили ему добиться блестящих результатов. В 1894 г. он окончил университет с дипломом 1-й степени.

Вместе со Шмидтом в том году факультет окончил еще 21 человек. Многие из них выбрали дипломатическую карьеру (князь Б.Н. Шаховской; П.Г. Тидеман; П.Е. Богоявленский; Н.Г. Поппе (отец известного лингвиста и этнографа Н.Н. Поппе) и др.). Некоторым при этом удавалось совмещать работу дипломата с научными изысканиями, – как, например, Китаеву и маньчжуристу Н.Н. Кроткову (1869–1919). Академическая и преподавательская стезя стала уделом немногих. Здесь стоит упомянуть гебраиста и русиста Н.А. Переферковича (1871–1940). И, конечно, самого А.Э. Шмидта.

27

Дипломная работа Шмидта была посвящена персидской словесности: «О странствующих четверостишиях Хафиза и Омара Хайяма»². Александр Эдуардович мечтал остаться при университете «для приготовления к профессорскому званию». Однако наличия диплома с отличием было еще недостаточно для того, чтобы войти в когорту избранных. Вакансий при кафедрах было немного и решение о том, кого оставить, зависело от декана и ведущих профессоров на факультете.

¹ Письма В.Р. Розена к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 211. Л. 34.

² Личное дело А.Э. Шмидта (1935–1937) // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2. Много лет спустя, уже в Ташкенте в 1921 г., Шмидт вновь обратился к изучению персидской поэзии и просил И.Ю. Крачковского прислать ему его выпускную работу (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 86).

Уместно будет сказать, что востоковеды Петербурга в то время являли собой особую закрытую группу¹. Постороннему попасть туда было крайне сложно. К чужаку долго и внимательно присматривались, прежде чем допустить его в круг избранных. Барон Розен фактически создал систему, похожую по ряду внешних признаков на суфийское братство. Даже в наши дни сотрудники бывшего Азиатского музея – ныне Института восточных рукописей РАН – прослеживают свою преемственность через И.Ю. Крачковского от барона Розена – подобно тому, как суфийские шейхи возводят свою *силсилу* (духовную генеалогию) к основателю братства. Другим важным признаком «петербургского *мазхаба*», как окрестил школу Розена Н.П. Остроумов², было снисходительное отношение к изучению Востока в других регионах, в т.ч. в Москве³.

28

Петербургские востоковеды в буквальном смысле были одной семьей, что служило предметом иронии со стороны коллег с других факультетов: В.В. Бартольд и Н.Я. Марр были женаты на сестрах своего коллеги – ираниста В.А. Жуковского. В своих письмах к последнему, находившемуся на дипломатической работе в Иране, Виктор Романович неизменно

¹ Кузнецова Н.А. Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) / Отв. ред. Н.А. Халфин. – М., 1984. – С. 123–124.

² Самого В.Р. Розена Н.П. Остроумов называл главным *муджтахидом* (Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 430. Л. 35).

³ Так, например, в 1920 г. один из учеников барона Розена – С.Ф. Ольденбург – писал в письме к М. Горькому: «Востоковедение существует у нас только в Петербурге, где, в частности, могут учить "по-европейски" представителей восточных народов» (Из переписки С.Ф. Ольденбурга с А.М. Горьким // Народы Азии и Африки. – 1987. – № 5. – С. 137).

сообщает о том, что происходит в жизни других членов «петербургского *мазхаба*»¹.

Подобная модель научной школы как семьи была, по-видимому, воспринята Розеном от его учителя – Генриха Флейшера (1801–1888), харизматичного «шейха» братства европейских ориенталистов, «для которого верность традициям лейпцигской школы, помимо области научного исследования, выражалась также в готовности ее представителей всячески приходить на помощь друг другу, жертвуя для этого своим временем и не заботясь о своем научном приоритете»².

Иными словами, счастлив был тот, кого принимали в лоно «семьи», и заслуживал сожаления тот, кому туда доступ был заказан. Впрочем, не всем на самом факультете нравилась такая ситуация. Молодой приват-доцент А.Н. Самойлович с возмущением писал в своих «Записных книжках» после беседы с семитологом И.И. Гинцбургом, которого некоторые аксакалы ФВЯ не хотели принимать в свои ряды: «Ведь все эти господа сами любят науку, сами всецело отдают себя на служение ей, а других к ней не подпускают или подпускают нехотя, не то чтобы завлекать. Неужели ревнуют?! Свежего, здорового воздуха побольше надо впустить в застоявшуюся атмосферу восточного факультета. Имеющиеся в нем живительные силы еще недостаточны, очевидно, для победы над застоением. Должны быть по крайней мере учителя и ученики, а не “генералы” и “ничто”»³.

¹ См., например: «Медников сидит в Липецке, лечит геморрой своей жены и читает Коран и арабские стихи» (Письма В.Р. Розена к В.А. Жуковскому // АВ ИВР РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 47. Л. 282).

² Бартольд В.В. Игнац Гольдциер. 1850–1921. Некролог // Бартольд В.В. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 721. Розен слушал лекции Флейшера в Лейпциге в течение двух семестров в 1870 г.

³ Самойлович А.Н. Записные книжки за 1905–1906 // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 78. Книжка 3. Л. 27об.–28.

Шмидт не был столь дерзок и требователен, как Самойлович, хотя и у него, конечно, были претензии к своим коллегам, – по крайней мере, к некоторым из них. Самому ему удалось вписаться в закрытую систему ФВЯ благодаря собственным заслугам и... небольшому везению. Дело в том, что вакансия на кафедре была всего одна. И барон Розен предполагал, что займет эту вакансию совершенно другой человек. Вот как об этом вспоминал сам Шмидт: «Не могу умолчать... об одной очень характерной для В.Р. подробности. Со свойственной ему прямоотой и откровенностью, не допускавшей никакой недоговоренности, В.Р., делая мне упомянутое предложение (остаться при факультете для подготовки к профессорскому званию. – Р.Б.), не преминул оговорить, что “собственно он собирался и предпочел бы” оставить при своей кафедре кончавшего в том году курс факультета очень талантливого студента (А.И. Щербатского¹), но что тот решил посвятить себя дипломатической карьере. В.Р. не скрыл от меня, что для него я был лишь вторым после этого студента, подходящим для кафедры кандидатом»².

Но Александр Шмидт был не из обидчивых. 24 апреля 1894 г. ему было официально предложено остаться с июня того же года при университете для приготовления к профессорскому званию. Срок «аспирантуры»³ для Шмидта составлял 2 года с назначением стипендии в 600 рублей в год. Это время отводилось на сбор материалов для диссертации и сдачу

¹ Щербатский Федор Ипполитович (1866–1942) – русский, советский востоковед. Один из основателей российской буддологической школы. Ввел в научный оборот значительное число памятников на санскрите и тибетском языке.

² *Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена. – М.; Л., 1947. – С. 13.*

³ Слово «аспирант» в современном значении лица, готовящегося к научной и педагогической деятельности, стало употребляться только с 1920-х гг.

магистерских экзаменов. Научные занятия Шмидта были прерваны призывом его на действительную военную службу. В 1894–1895 гг. в течение 10 месяцев Шмидт отбывал воинскую повинность в Лейб-гвардии Измайловском полку в качестве вольноопределяющегося. Злодей фельдфебель всячески третировал безответного Шмидта, не гнушаясь вымогать у него деньги. Пришлось обратиться к барону Розену, и тот одолжил ученику деньги на то, чтобы откупиться от злоупотреблявшего своим положением начальства¹.

В декабре 1896 г. Шмидт сдал экзамены на степень магистра². Оставалось только подготовить и защитить диссертацию. В 1897 г. при содействии В.Р. Розена срок «аспирантуры» Шмидта был продлен еще на год, для того чтобы Александр Эдуардович смог собрать дополнительные материалы для магистерской работы и прослушать лекции европейских профессоров по своей специальности.

Барон Розен всячески поощрял своих учеников после окончания 4-летнего курса обучения отправляться в Европу на учебу к ведущим ориенталистам того времени. Сам Виктор Романович два семестра слушал в Лейпциге лекции профессора Флейшера. Учеба в Лейпциге оказала решающее влияние на формирование Розена как педагога: «В.Р. оценил разницу между способом отечественного преподавания восточных языков, иногда ведущегося без всяких определенных правил и школьных традиций, и строгим методом, выработанным филологической наукой на Западе, и потому сделался убежденным сторонником западной школы и ее научных приемов. Испытав на себе плодотворность поездки за границу для усовершенствования в своем предмете, В.Р. настаивал, чтобы молодые люди,

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 217.

² Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2об.

намеревающиеся посвятить себя ученой деятельности в области востоковедения, непременно по окончании университетского курса пробыли бы некоторое время под руководством западных профессоров»¹.

В конце XIX в. российское востоковедение только вставало на ноги (во многом благодаря усилиям самого барона). В то же время в Европе наблюдался настоящий расцвет академического востоковедения в целом и исламоведения в частности. Центрами изучения ислама в Европе на рубеже двух столетий были такие страны, как Германия, Австро-Венгрия, Нидерланды. В университетах этих стран работали живые классики арабистики и исламоведения: Игнац Гольдциер, Йозеф фон Карабачек, Теодор Нёльдеке, Август Мюллер и др. Эти ученые хорошо знали В.Р. Розена и потому с готовностью оказывали поддержку его ученикам.

32

Так, например, другой ученик барона – В.В. Бартольд – в 1891–1892 гг. совершил поездку по странам Европы (Финляндии, Германии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии). Он слушал лекции таких корифеев, как исламовед Август Мюллер (1848–1892) и арабист Теодор Нёльдеке (1836–1930). Правда, в отличие от Шмидта, получившего стипендию, Бартольд путешествовал «за свой кошт».

Примечательно, что некоторые «птенцы гнезда» Розена за всю свою жизнь так никогда и не выбрались на Ближний Восток. По свидетельству Н.И. Веселовского, «В.Р. не был на Востоке и не видел в этом необходимости для арабистов, так как древний арабский язык, язык Корана, не сохранился до нашего времени в неприкосновенности в живой речи, и удержался только в литературе; для подкрепления своего взгляда он обыкновенно приводил в пример Флейшера,

¹ *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 7–8.

который не был на Востоке. В последнее время он колебался в этом своем убеждении и не только стал сознавать пользу поездки на мусульманский Восток, но и сам составлял для себя планы посещения некоторых стран его»¹.

Выбор места командировки определялся кругом научных интересов будущего профессора. Шмидт интересовался исламским мистицизмом и мусульманским законоведением². Поэтому Розен выбрал тех профессоров, которые могли дать Александру Эдуардовичу знания по этим дисциплинам.

Командировка в Европу

1 января 1897 г. официально начинается зарубежная командировка Шмидта. При содействии В.Р. Розена ему удалось получить стипендию: 1500 рублей³. Это была стандартная сумма, выделяемая министерством для научных командировок лиц, проявивших успехи в учебе и готовящих себя к научно-преподавательской работе. Размер стипендии практически не изменился с середины XIX столетия, когда практика командирования в Европу наиболее способных выпускников российских университетов приобрела широкое распространение благодаря инициативе министров А.С. Норова и А.В. Головнина. От молодых ученых ожидалось, что во время стажировки они приобретут необходимые дополнительные знания, а также соберут материалы для диссертаций. Некоторым стипендиатам во время ста-

¹ *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 22.

² По словам самого Шмидта, идея специализироваться на исламоведении была ему подсказана самим В.Р. Розеном (Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2).

³ Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 19.

жировки даже удавалось написать диссертацию, но это было скорее исключением из правил.

Стажировка Шмидта началась с Будапешта. Разместившись в гостинице, он отправился на квартиру к живому классику европейского востоковедения – Игнацу Гольдциеру (1850–1921). В кармане его пальто лежало письмо от барона Розена. По своим манерам Гольдциер, возможно, напомнил Шмидту Розена, – по крайней мере, Крачковскому показалось позднее, во время его встречи с венгерским ученым, что у того есть что-то общее «в обращении» с их петербургским «шейхом»¹.

Найти жилье в Будапеште оказалось непростым делом. По словам Шмидта, только благодаря содействию Гольдциера ему удалось заполучить комнату, которую он мог себе позволить².

Александр Эдуардович стал часто бывать у Гольдциера, который, подобно Розену, также любил проводить занятия у себя дома. Ученый охотно делился с молодым коллегой любыми сведениями, которые могли быть полезны для диссертации, посвященной анализу труда средневекового египетского ученого ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани «Книга рассыпанных жемчужин». Впоследствии Шмидт с теплотой вспоминал о тех временах: «...в семье Гольдциеров я в свое время встретил столь радушный, столь теплый прием, что чувствовал себя там совершенно, как среди родной семьи»³. Кроме занятий с профессором, Шмидт изучал рукописи, заказанные для него Венгерской академией наук из рукописных собраний Берлина и Готы.

¹ «У Гольдциера был, очень милый старик и страшно разговорчив. По обращению напоминает барона». (*Крачковский И.Ю.* Дневники (1914–1930) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 31 // цит. по: *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 131).

² Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 3.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 30.

Учеба у Гольдциера продолжалась до конца мая. Шмидт готов был еще долго оставаться в Будапеште под крылом учителя, но строгий план стажировки, составленный еще в Петербурге Розеном, требовал отъезда. Много лет спустя Шмидт вспоминал прощальный ужин у Гольдциеров, когда профессор Игнац пел арабскую шуточную песню под аккомпанемент сына-скрипача¹.

Отчеты стажировавшихся за границей студентов представляли собой особый жанр научного сочинения. В середине XIX столетия вошло в обычай публиковать некоторые произведения этого рода в «Журнале Министерства народного просвещения»². О том, был ли Шмидтом подготовлен отчет о поездке в виде отдельного документа, нам неизвестно. Поэтому остается довольствоваться в качестве основного источника письмами Александра Эдуардовича к В.Р. Розену, написанными в 1897 г. и содержащими подробности его научных занятий в европейских странах.

В конце мая 1897 г. Шмидт отправился в Лейден. Здесь он занимался изучением «ценных, частично уникальных рукописных источников по исламоведению, мусульманскому праву и арабской лексикологии»³. По письмам Шмидта мы знаем, что он работал в Лейденской библиотеке с «Мавазин ал-касирина мин шуйух ва муридин» аш-Ша'рани, «Ал-фисал фи-л-милал ва-л-ахва' ва-н-нихал» Ибн Хазма, «Ал-фа'ик фи гариб ал-хадис» аз-Замахшари и другими книгами.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 19.

² Например, отчет младшего коллеги Шмидта – И.Ю. Крачковского, командированного в 1908–1910 гг. в Сирию и Египет, был опубликован в журнале Министерства: *Крачковский И.В. [!]*. Восточный факультет Университета св. Иосифа в Бейруте: (Из отчета о командировке). – СПб., 1910.

³ Личное дело А.Э. Шмидта (1935–1937) // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 2об.

В Лейдене состоялось знакомство Шмидта с М.Я. де Гуэ (1836–1909), Г. ван Влотеном (1866–1903) и другими голландскими ориенталистами. Александр Эдуардович посещал лекции и «домашние семинарии» у М. де Гуэ. По мнению Н.А. Медникова и И.Ю. Крачковского, составивших Curriculum vitae Шмидта в мае 1917 г., «широкий размах построений Гольдциера уравновешивался влиянием преимущественно филологической школы голландского арабиста (т.е. де Гуэ. – Р.Б.)»¹. По замечанию тех же авторов, «личное общение с Де Гуэ, Хаутсмой, особенно с безвременно ушедшим Фан Флотеном, дало работам Шмидта отпечаток той строгой методичности... которой справедливо гордится Лейденская традиция арабистов»².

Здесь же, в Лейдене, Шмидт по просьбе В.Р. Розена готовит конспект двух своих пробных лекций. Согласно традиции, тема одной лекции предлагалась факультетом, а тему второй выбирал сам лектор. Первая называлась «Мусульманские религиозные предания как подробный источник для истории и истории духовной культуры мусульманского Востока», вторая – «История развития мусульманского права»³. Само название первой лекции указывает на влияние учителя Шмидта Игнаца Гольдциера, одного из авторов теории о подложности *хадисов*. В Лейдене Шмидт также подготовил к печати статью «Применение системы фикха в арабской грамматике» для сборника, посвященного барону

¹ Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 118.

² Там же.

³ Личное дело А.Э. Шмидта (1935–1937) // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 3. Первая лекция Шмидта была прочитана 15 (28) января 1898 г. Вскоре он приступил к чтению курсов по арабскому языку, мусульманскому праву и Корану (Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 3).

Розену¹. Эта работа стала первой научной публикацией молодого ученого. В ней Шмидт рассмотрел влияние методов науки мусульманского права на арабскую грамматику. При подготовке данной небольшой по объему работы (15 печатных страниц) Александр Эдуардович использовал рукописи из Лейдена, в т.ч. неизданное ранее сочинение ал-Анбари «Лум‘а ал-адилла фи усул ан-нахв». Благодаря Шмидту европейская наука смогла познакомиться с данным трудом².

В начале октября 1897 г. Шмидт переезжает в Вену. Здесь он слушал лекции по палеографии у австро-венгерского востоковеда Й. фон Карабачека (1845–1918): «У Карабачека, к несчастью, кроме меня будет еще 2 слушателя, притом, как, кажется, из начинающих. Но все же надеюсь, этот курс будет для меня не без пользы. Кроме того, я, с разрешения проф[ессора] К[арабачека], буду присутствовать при его занятиях (практич.) с молодым д-ром арабистом (прослушавшим курс палеографии) в коллекции арабских папирусов. Если увижу, что и сам могу принять более деятельное участие в чтении папирусов, попрошу разрешить и мне»³. Кроме посещения лекций Карабачека, Шмидт работает с рукописями в Императорской библиотеке.

В конце года появилась возможность продлить срок командировки с дополнительным финансированием. Предложение звучало заманчиво, но Шмидт уже настроился на возвращение домой и в декабре 1897 г. в соответствии с первоначальным планом вернулся в Петербург.

¹ Шмидт А. Применение системы фикха в арабской грамматике // Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. – СПб., 1897. – С. 309–324.

² Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 118.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 38об.

**«Как бы нам прожить без Ухтомского...»
(Редакция «Санкт-Петербургских ведомостей»)**

После возвращения из Европы Шмидт вынужден был прервать свои интенсивные ученые занятия – ему требовались средства для содержания семьи. Жалованья в университете было недостаточно, чтобы обеспечивать ее кровом и питанием. С января 1898 г. Шмидт читал в университете 7 лекций по кафедре арабской словесности¹.

В университете Александр Эдуардович занимал должность приват-доцента и первое время работал бесплатно². Кроме Шмидта, в 1898 г. на факультете восточных языков было еще шесть приват-доцентов: В.В. Бартольд, К.Г. Залеман, П.К. Коковцов, Н.Я. Марр, П.М. Мелиоранский, Н.А. Медников³.

38

Институт приват-доцентуры впервые был введен в России в Дерптском университете в 1803 г. В других российских университетах приват-доценты появились после 1843 г.⁴ Университетские уставы 1863 и 1884 гг. закрепили их статус. Предполагалось, что данная категория университетских преподавателей позволит обновить состав профессорской коллегии университетов⁵. Институт приват-доцентуры мыслился как кадровый резерв для профессорского корпуса⁶. Значение приват-доцентов в системе российских университе-

¹ Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 29.

² Дело С-Петербургского университета о приват-доцентах вообще // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1256. Л. 26.

³ Там же.

⁴ Пискунов И.В. Как стать российским приват-доцентом? // Диалог со временем. – М., 2015. – № 15. – С. 243–244.

⁵ Иванов А.Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII–XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. – М., 2016. – С. 106.

⁶ Там же. – С. 106.

тов усилилось после упразднения должности доцента университетским уставом 1884 г.

Для того чтобы стать приват-доцентом, требовалось сдать магистерские экзамены, прочесть две пробные лекции (одну – по выбору факультета, другую – по собственному выбору)¹.

После чтения в течение трех лет лекций можно было претендовать на звание экстраординарного и даже ординарного профессора. Предполагалось, что приват-доцент, не обладающий ученой степенью, в течение ближайших нескольких лет защитит докторскую диссертацию. Но так происходило далеко не всегда, и потому в университетах трудилось немало профессоров, «выросших» из приват-доцентов и обладавших лишь степенью магистра².

Однако поскольку количество профессорских вакансий было ограничено, то среди преподавателей университетов продолжало числиться значительное число лиц, для которых профессорское звание было доступно лишь после защиты докторской диссертации.

Фактически приват-доцент во многом выполнял функции почасовика в современной вузовской системе. Его вознаграждение выплачивалось из «специальных средств», которые формировались в основном за счет платы, получаемой за чтение лекций³. Денег этих с трудом хватало, чтобы обеспечить холостого человека, не имевшего иждивенцев. С другой стороны, отка-

¹ Кроме того, согласно уставу 1884 г., приват-доцентами могли стать: 1) обладатели ученых степеней; 2) профессора других высших учебных заведений; 3) лица, которые приобрели известность своими учеными трудами (ПСЗ-III. Т. 4. № 2404. Ст. 109). Для всех указанных категорий сохранялось требование чтений пробных лекций.

² *Линниченко И.А.* Проект нового университетского устава // Вестник Европы. – 1916. – Кн. 2. – С. 178–179.

³ *Иванов А.Е.* Ученое достоинство Российской империи. XVIII–XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. – М., 2016. – С. 108.

заться от преподавания, хотя бы на некоторое время, было невозможно, так как согласно действовавшему законодательству приват-доцент, не читавший без уважительных причин лекции в университете в течение полугода, подлежал увольнению¹. Поэтому было предпринято, что свежее испеченному приват-доценту Шмидту придется искать дополнительные заработки.

О том, как непросто жить человеку науки, Александр Эдуардович убедился, беседуя с Гольдциером. Тот, уже будучи всемирно признанным ученым, не получал содержания ни на должности приват-доцента, ни даже когда стал ординарным профессором. Избрание действительным членом Венгерской академии наук также не улучшило его материального положения. В результате ученый вынужден был согласиться в 1876 г. занять должность секретаря еврейской общины Пешта. Работа эта отнимала у Гольдциера от шести до семи часов в день, о чем ученый жаловался в письмах к своему другу барону Розену².

40

Шмидт подрабатывал репетиторством: известно, что он занимался с сыновьями начальника Главного тюремного управления Александра Петровича Саломона (1855–1908). Самому Саломону Шмидт преподавал арабский язык. Возможно, по рекомендации Александра Петровича Шмидт поступил секретарем в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей». Он начал работать в газете не позднее 1899 г., как видно из его переписки с авторами данного издания³. В качестве же автора Александр Эдуардович начал сотрудничество с «Санкт-Петербургскими ведомостями»

¹ Подробнее об этом см.: Дело С-Петербургского университета о приват-доцентах вообще // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1256.

² Письмо И. Гольдциера к В.Р. Розену от 18 января 1876 г. // цит. по: *Бартольд В.В. Сочинения* в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 736.

³ См., например: Письма А.Э. Шмидта к М.К. Лемке // ИРЛИ РАН. Ф. 661. Д. 1236.

в 1896 г.¹ Учитывая, что в Петербург из своей зарубежной командировки Шмидт возвратился в середине декабря 1897 г.², то на службу в редакцию газеты он мог поступить либо в 1898, либо в 1899 г.

До середины 1890-х гг. газета находилась в плачевном состоянии. В одном из фельетонов А.П. Чехова отражается отношение петербургского общества к этому периодическому изданию: «Если ты влюблен, то возьми: 1/2 фунта александрийского листа, штоф водки, ложку скипидару... и 1/2 фунта жженных “Петербургских ведомостей”, смешай все это и употреби в один прием. Причиненная этим средством болезнь заставит тебя выехать из дачи в город за врачебною помощью и тебе будет не до любви»³.

В 1896 г. редактором-издателем «Санкт-Петербургских ведомостей» стал князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921). Он получил возможность стать владельцем газеты благодаря личным связям. Когда в конце 1880-х гг. планировалось путешествие на Восток наследника престола – цесаревича Николая Александровича, – ему в качестве компаньона был рекомендован князь Ухтомский. Путешествие сблизило двух молодых людей. Первые годы после воцарения император оказывал покровительство своему эрудированному товарищу.

После окончания университета Ухтомский помышлял о карьере профессора. Но несмотря на положительные отзывы учителя Ухтомского – философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900), – он не был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1892 г. Эспер Эсперович

¹ Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 121.

² Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 41.

³ Чехов А.П. Дачные правила // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 3. – М., 1983. – С. 21–22.

поступил на работу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий при МВД помощником столоначальника. В служебные задачи Ухтомского входила организация встреч представителей восточных держав с российскими государственными деятелями и самим императором. Начальством был принят во внимание его интерес к буддизму, и Ухтомский несколько раз направлялся в командировки в Сибирь, Китай и Монголию, где собрал немало ценных материалов по этой религии. Таким образом, вместо научных изысканий в качестве университетского профессора Ухтомский изучал буддизм как государственный деятель, ответственный за проведение конфессиональной политики. Барон Розен и его коллеги по университету снисходительно относились к таким чиновникам, увлекавшимся Востоком, но считали, что они также способны принести пользу науке, собирая необходимый материал для исследований¹.

Среди читательской публики князь Ухтомский был знаменит и как литератор. Самым известным и таинственным его произведением стала «Книга Юнглея Мансурова». В эпоху Серебряного века были распространены разные литературные мистификации. «Книга Юнглея Мансурова» относилась к их числу. В своих записках князь вспоминал, что впервые услышал слова из «Книги» во время церемонии в Цугольском дацане под Иркутском, куда его пригласил ширетуй². После церемонии Ухтомский якобы выпросил эту книгу, которая называлась «ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha» и переписал ее. В транслитерации князя книга обрела известное нам название: «Книга Юнглея Мансурова».

Начиная с 1896 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» в разделе «Частное объявление» появляются

¹ *Бартольд В.В.* Барон В.Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 593.

² Ширетуй (ширээтэ лама) – в Бурятии: настоятель дацана (монастыря).

отрывки из «*ni-kha-yung-sle'i man-su-ro-bha*», например: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я список кораблей прочел до середины» и т.п.¹ После коротких объявлений следовала подпись: Кн. Ю.М. По мнению востоковеда Коробова, «Книга Юнглея Мансурова» относилась к «разряду тантрийских йогических практик», но была воспринята современниками как литературный эксперимент². В наши дни это сочинение вызывает ассоциации скорее с невинным литературным хулиганством, чем с сакральным текстом.

Редакция «Санкт-Петербургских ведомостей» располагалась в доме 62 по Шпалерной улице. По этому же адресу проживал и сам Эспер Эсперович. Как многие одаренные люди, он вызывал противоречивые чувства у современников: «Это странная фигура. Что-то обаятельное по природным данным и вместе что-то раздражающее, способное в отчаяние привести по практической неприменимости. Маленький, сутуловатый, с беспорядочными черными волосами, очень неряшливый во внешности своей, он говорил как-то мелко, рублено и с преимущественным уклоном к анекдоту. В силу последней привычки он бывал иногда забавен, иногда несносен»³.

Характер хозяина отражало и убранство его жилища: «Его квартира на Шпалерной походила на какой-то храм: занавески, идолы, драконы, бронза, яшма, нефрит, лак; в аквариуме крокодил. Все это могло бы быть смешно, но вокруг нашего “Ухтомчика” это была наивная сказка, а для посещавших его восточных людей это была близкая им родная действительность. Китайцы, тибетцы, сиамцы, индусы и наши буряты – все являлись к нему на поклон. Идолы и крокодил в их глазах свиде-

¹ Цит. по: Коробов В. Из книги «Неизвестные и малоизученные культуры» // www.russianresources.lt/dictant/Materials/Esper.html

² Там же.

³ Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. – Т.2. – М., 1992. – С. 68.

тельствовали о его любви к Востоку, а портрет Лихунг-Чана¹, с собственноручной подписью по-китайски, свидетельствовал о том, что Восток его ценил»².

В петербургском обществе поговаривали, что Ухтомский тайно принял буддизм. Своею любовью к эпатажу Эспер Эсперович только усиливал эти слухи.

При дворе за Ухтомским закрепился имидж защитника прав инородцев, прежде всего, исповедовавших буддизм. Поговаривали даже о существовании некой «тибетской» партии, оказывавшей влияние на внутреннюю и внешнюю политику России на Дальнем Востоке.

Существовала ли при петербургском дворе тибетская партия или нет – вопрос дискуссионный, но то, что у буддистов в Петербурге имелись защитники, не вызывает сомнений. Одним из них был Эспер Эсперович Ухтомский. Он уделял внимание не только внешнеполитическим инициативам, но и покровительствовал буддистам в самой империи, включая столицу. Так, не без участия Ухтомского императором был благосклонно решен вопрос о строительстве буддийского дацана в Петербурге³.

Впрочем, не только проблемы Дальнего Востока занимали Ухтомского. В 1899 г. он составил записку «Мекка в политическом и религиозном отношении»⁴. При такой любви к Востоку нет ничего удивительного в том, что ориентофилу Ухтомскому приглянулась идея взять себе в секретари уже начавшего оправдывать большие надежды исламоведа. Шмидт рассчитывал, в свою очередь, на то, что служба в редакции по-

¹ Ли Хунчжан (1823–1901) – китайский государственный деятель времен Цинской империи. В 1880–1890-е гг. фактически руководил внешней политикой Китая.

² Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. – Т.2. – М., 1992. – С. 70–71.

³ Первая встреча Николая II с тибетским послом А.Л. Доржиевым была организована Э.Э. Ухтомским в 1898 г. Однако участок для строительства был выделен только в 1909 г.

⁴ Ухтомский Э.Э. Мекка в политическом и религиозном отношении // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1174.

может ему обрести материальную независимость для продолжения работы над магистерской диссертацией.

Но он просчитался. Работа в газете поглощала большую часть его свободного времени. Вот как строился рабочий день Шмидта: «Приходилось проводить в редакции от двух с половиною до пяти часов ежедневно, а иногда (правда, очень редко) и более. К тому же время этих занятий было совершенно неопределенно, и я никогда вперед не мог располагать своим “свободным” временем. Приходилось иногда являться в редакцию напрасно, т.к. Ухтомский, не успев предупредить меня, внезапно, в момент моего прихода должен был по вызову куда-н[ибудь] уехать, и мне приходилось вновь приходить в другой час... Случалось нередко, что Ухтомского при мне по телефону вызывали, и я непроизводительно ждал его возвращения час и более, т.к. ему приходилось пробыть в отсутствии дольше, чем он предполагал. Словом, день мой разбивался без всякой системы, и систематическая работа была почти немислима, кроме, как по ночам. Меня это страшно удручало, хотя я и не показывал вида, и не раз мы с женою задумывались над тем, нельзя ли нам как-нибудь прожить и без Ухтомского, но... вопрос этот, разумеется, приходилось решать в отрицательном смысле»¹.

О том, как Шмидт коротал свободное время на Шпалерной, вспоминала (со слов самого Александра Эдуардовича) В.А. Крачковская: «В минуты передышки в редакции, в полном одиночестве А.Э. иногда дразнил крокодила, лязгая портсигаром по стене из железной проволоки, ограждавшей клетку. Крокодил был флегматик, и рев его раздавался не сразу»².

¹ Подробнее об этом см.: Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1900–1906) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 1–3об.

² Крачковская В.А. Несколько слов об А.Э. Шмидте // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XXI.

Это был известный всему Петербургу крокодил. Ему даже посчастливилось попасть на страницы русской классики. Один из персонажей «Жизни Клима Самгина» рассказывает, что «муза редактора – настоящий нильский крокодил, он живет в цинковом корыте в квартире князя Ухтомского и князь пишет передовые статьи по его наущению»¹.

Предположительно, этот самый крокодил вдохновил Корнея Чуковского на создание образа сквозного персонажа – Крокодила – в его сказках. Не случайно в «Мойдодыре» главный герой встречает крокодила в Таврическом саду. Это совсем рядом с квартирой Ухтомского на Шпалерной. Неизвестно, был ли Чуковский лично знаком с Эспером Эсперовичем, но с его творчеством – несомненно. Уже упоминавшаяся выше «Книга Юнглея Мансурова» была настольной у петербургской интеллигенции в начале XX в.

46

По мнению В. Колобова, Чуковский немало позаимствовал для своих сказок из книги Ухтомского: «Многие тексты Корнея Чуковского содержат прямые отсылки к вполне определенным тантрийским ритуалам. Так, например, стихотворение “Мойдодыр”² посвящено очищению и в нем упоминаются вполне определенные ритуальные предметы, как то медный таз – харанга (тиб. ‘khar-rnga), в который обычно ударяют во время тантрийских ритуалов. “Волшебное дерево” Корнея Чуковского можно интерпретировать как “дерево Прибежища”, которое созерцают

¹ Горький М. Жизнь Клима Самгина. – М., 2012. – С. 527.

² Так, в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 3 декабря 1897 г., как обычно в разделе «Частные объявления», был помещен следующий фрагмент «Книги Юнглея Мансурова»: «Майн Додыр. Был-жил убешур – Шыл бул додыр. Кн.Ю.М.» (Коробов В. Из книги «Неизвестные и малоизученные культы» // www.russianresources.lt/dictant/Materials/Esper.html).

адепты во время выполнения так называемых «предварительных практик»¹.

Наверное, если бы Шмидт был стихотворцем, лучшей работы, чем в редакции у Ухтомского, сложно было бы вообразить². В перерывах между редакторской работой он сочинял бы стихи сам или по наущению крокодила. Но помочь написать диссертацию о египетском суфии аш-Ша'рани земляк последнего – нильский крокодил – был, похоже, не в состоянии.

В 1905 г. Шмидт также выполнял обязанности секретаря в политической, общественной и литературной газете «Рассвет». Главным редактором издания был все тот же князь Ухтомский. По своей направленности «Рассвет» был умеренно-либеральным изданием. В газете публиковались не только публицисты либерального толка, но и ученые – например, коллега Шмидта по университету Н.Я. Марр³. С марта по ноябрь 1905 г. вышло 223 номера. Но в ноябре газета была закрыта.

Что касается «Санкт-Петербургских ведомостей», то Шмидт проработал в редакции до 1916 или 1917 г.⁴ Таким образом, Шмидт отдал детищу князя Ухтомского почти двадцать лет. Все это время он мечтал оставить высасывавшую у него все соки работу, но так и не решился на этот шаг. Тут явно не обошлось без тибетской магии...

¹ Коробов В. Из книги «Неизвестные и малоизученные культы» // www.russianresources.lt/dictant/Materials/Esper.html О знакомстве Чуковского с «Книгой Юнглией Мансурова» свидетельствует его дневниковая запись от 5 марта 1918 г.

² В своих письмах к Крачковскому Шмидт признается, что в молодости увлекался поэзией. Но впоследствии он уничтожил свои поэтические опыты.

³ Марр Н. По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе // *Рассвет*. – 1905. – № 68. – С. 5; № 69. – С. 5–6; Марр Н. Из гурийских наблюдений и впечатлений (по поводу бакинских событий) // *Рассвет*. – 1905. – № 169. – С. 1; № 170. – С. 5; № 172. – С. 6; Марр Н. Письмо к кавказской молодежи // *Рассвет*. – 1905. – № 209. – С. 6; № 214. – С. 6; № 222. – С. 6; и др.

⁴ Последние доступные нам письма Шмидта в качестве сотрудника редакции датируются 1916 г. (Письма Шмидта А.Э. к М.П. Ватсон // ИРЛИ РАН. Ф. 402. Оп. 2. Д. 610).

**«...Не уклоняться в сферы, мне столь чуждые»
(Александровский лицей)**

В июле 1900 г. новым директором Императорского Александровского лицея был назначен действительный статский советник Александр Петрович Саломон. Ранее этот представитель старинного дворянского рода возглавлял Главное тюремное управление и заслужил признание заключенных за гуманное отношение к ним. Впрочем, едва ли можно было ожидать другого от одного из ближайших друзей философа и гуманиста Владимира Сергеевича Соловьева.

48

Саломон сменил на посту директора лицея ушедшего по болезни генерал-лейтенанта Ф.А. Фельдмана (1835–1902). В отличие от штабного офицера Фельдмана, Александр Петрович имел боевой опыт: он был ветераном Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В результате ранения Саломон лишился двух мизинцев. В кругу близких Александр Петрович любил вспоминать, как он плакал от умиления, когда император Александр Николаевич кормил его в лазарете из рук¹. Этот физический недостаток подчеркивал в определенные моменты некоторые черты его характера: «... когда он спорил, он поднимал руки, и эти оттопыренные кусочки мизинцев придавали что-то неприятно педантичное всей фигуре спорщика, когда он был серьезен, но что-то мило-юмористическое, когда он смеялся. В нем было много юмора. Он любил смеяться, но не скажу, чтобы он умел смеяться, у него было неприятное подергивание в лице, и смех, усиливаясь, переходил в подергивание и искажал его»².

¹ Лукьянов С.М. Запись бесед с Э.Э. Ухтомским // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 1992. – С. 400.

² Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 72.

Александр Петрович сам в прошлом был воспитанником Александровского лицея и потому был хорошо знаком с традициями этого элитарного учебного заведения.

Императорский Александровский лицей был учрежден в 1811 г. по образцу Терезианума в Вене. Это было высшее учебное заведение для представителей дворянского сословия. Больше всего известен первый звездный выпуск лицея благодаря Пушкину и воспитаным им друзьям-лицеистам. Однако и последующие выпуски давали стране немало выдающихся деятелей науки и культуры и государственных мужей¹. В 1843 г. лицей переехал из Царского Села в Петербург на Каменноостровский проспект во многом потому, что большинство профессоров проживало в Петербурге.

Вот как выглядел лицей в начале XX столетия по описанию одного из его выпускников: «Лицей представлял собою большое четырехэтажное здание, с хорошим подвальным этажом... Здание имело форму буквы Т. Широкая сторона выходила фасадом на Каменноостровский проспект, а другая, ей перпендикулярная часть, шла в глубину сада. В нижнем подвальном этаже жили служащие, в первом этаже направо была квартира Директора и его служебный кабинет, налево был кабинет Инспектора и его квартира, разделяла их большая приемная с портретом Принца Петра Георгиевича Ольденбургского... Вестибюль был очень большой, и из него начиналась лестница, широкая с большими площадками на каждом этаже, ведшая на каждый из них. В швейцарской вестибюля дежурили два швейцара в красных одеяниях с отделкою желтыми лентами с государственными гербами»².

¹ Выпускники лицея получали по окончании данного учебного заведения (в зависимости от успеваемости) гражданские чины XIV–IX классов.

² *Бехтеев А.С.* Императорский Александровский лицей. Лицейские воспоминания 1897–1905 // Родная Ладога. – 2010. – № 3 (13). – С. 240.

Вскоре после назначения А.П. Саломона директором были проведены изменения во внутреннем устройстве лицея: «Часть здания, идущего в сад, была продолжена, прежние дортуары переделаны, около них устроены самые совершенные умывалки с фаянсовыми раковинами, с теплою и холодною водою, новые уборные взамен невзрачных старых, а кроме того, как мы их называли, “зубрилки” на трех-двух человек. Отопление было всюду проведено паровое, вонючие керосиновые лампы уступили место электричеству»¹.

Но преобразования в лицее, затеянные Саломоном, не ограничились только сферой капитального ремонта. Они касались и структуры управления. По инициативе Александра Петровича был создан Совет Императорского Александровского лицея, куда вошли выпускники данного учебного заведения. Совет выступал главным органом управления лицея.

50

Были произведены преобразования в системе корпуса воспитателей. Теперь воспитатель вел свой класс от младшего приготовительного до выпускного². Была усилена роль инспектора воспитанников.

В Записке об устройстве Александровского лицея Саломон писал: «Во главе воспитательной части стоит инспектор воспитанников. Это – первое и главное лицо после Директора, вступающее в его должность в случае его отсутствия или болезни. Ему непосредственно подчиняется весь воспитательский персонал, преподавательский же персонал и другие чины лицея должны соотноситься с его указаниями по всем предметам, так или иначе соприкасающимися с воспитательной частью»³.

¹ Бехтеев А.С. Императорский Александровский лицей. Лицейские воспоминания 1897–1905 // Родная Ладога. – 2010. – № 3 (13). – С. 245.

² Лицейская энциклопедия. Т. 2. Императорский Александровский лицей / Под общ. ред. С.М. Некрасова. – СПб., 2013. – С. 581.

³ Саломон А.П. [Записка об устройстве Александровского лицея]: Господину попечителю Александровского лицея. – [СПб.], 1901. – С. 61–62.

Как и директор лицея, инспектор воспитанников назначался и увольнялся от должности указом императора. Работа в лицее также означала рост в чинах. Иными словами, должность инспектора воспитанников была крайне привлекательна для тех, кто только намеревался делать карьеру по статской линии, и для тех, кто находился уже в зрелых летах и имел солидный послушной список. Желавших стать инспектором воспитанников было немало. Но А.П. Саломон предложил эту должность в июне 1900 г. никому не известному молодому человеку – недавнему выпускнику Санкт-Петербургского университета Александру Шмидту.

Скорее всего, Саломон познакомился со Шмидтом на Шпалерной в доме Ухтомского: Александр Петрович активно сотрудничал с «Санкт-Петербургскими ведомостями» и одно время даже выполнял обязанности секретаря редакции¹. Он искал учителя арабского и Ухтомский рекомендовал ему Александра Эдуардовича. Арабский язык наряду с поэзией Данте был главным увлечением тогдашнего директора Главного тюремного управления Саломона². Шмидт также был воспитателем детей Александра Петровича.

Должность инспектора воспитанников лицея была престижной, но вместе с тем сложной. Не случайно начинающий присяжный поверенный Б.В. Никольский (1870–1919), который был братом жены Саломона, отметил в своем дневнике: «А он... Ох! – В инспекторы приглашает – Шмидта! Мальчишку, моего ровесника! Если тот не дурак, то откажется»³. Шмидт, как нам

¹ Лицейская энциклопедия. Т. 2. Императорский Александровский лицей / Под общ. ред. С.М. Некрасова. – СПб., 2013. – С. 581.

² «Он отлично владел стихом и оставил замечательный, к сожалению не конченный, перевод “Божественной Комедии”, прямо жуткий по приближению к подлиннику». (*Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. – Т. 2. – М., 1992. – С. 72.*)

³ *Никольский Б.В. Дневник 1896–1918. Т. 1: 1896–1903. – СПб., 2015. – С. 406.*

уже известно, был не дурак, но он по-прежнему остро нуждался в деньгах. Кроме того, новая должность позволяла решить жилищный вопрос: инспектор лицея обеспечивался казенным жильем. Его квартира располагалась на первом этаже в здании лицея на Каменно-островском проспекте рядом с квартирой директора.

Свои сомнения о предложении Саломона Шмидт выразил в письме к барону Розену: «Алекс.[андр] Петр[ович] Саломон предложил мне занять в Лицее место инспектора воспитанников и очень убедительно просил меня не отказывать ему, т.к., по его мнению, я именно подходящий для той должности человек, совместно с которым он бы мог работать... Я, было, наотрез отказался, но А.П. меня настойчиво просил и убеждал меня, да и условия настолько хороши, что я, наконец, уполномочил его завести речь обо мне. Должность инспектора воспитанников лицея позволяет мне продолжать занятия в Университете, и весь вопрос, значит, сводился к тому, чтобы решить, в каком смысле этот переворот может повлиять на ход моих научных занятий. Познакомившись, со слов А.П., и с характером обязанностей инспект[ора] восп[итанников] Лицея, я пришел к заключению, что условия для научных занятий будут не менее благоприятны или, вернее, менее неблагоприятны, чем в настоящее время»¹.

52

Нам неизвестно, как отнесся Розен к новой работе своего ученика. Скорее всего, без большого энтузиазма. 20 августа 1900 г. императорским указом Шмидт был назначен инспектором воспитанников Александровского лицея, с оставлением приват-доцентом Петербургского университета. Тем же указом Александр Эдуардович производился в статские советники по ве-

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 1.

домству учреждений императрицы Марии. Ему был назначен оклад в размере 900 рублей в год¹ и 900 рублей подъемных, а также служебная квартира «в натуре»².

Поначалу Шмидту и в самом деле казалось, что работа инспектором – наименьшее из возможных зол. Однако вскоре работа в лицее стала тяготить его. В одном из своих писем к Э.Л. Радлову он сетовал: «Жду не дождусь, чтобы встать наконец твердо на ноги на своей настоящей дороге и не уклоняться в сферы, мне столь чуждые, как лицей и редакция»³. Работая инспектором, Шмидт продолжал, за дополнительную плату, давать директору лицея Саломону уроки арабского языка.

Должность инспектора требовала строгости со стороны лица, ее занимавшего. Предшественником Шмидта был «гроза Лицея»⁴ отставной полковник Семеновского полка Владимир Александрович Шильдер (1855–1925). Шмидт не обладал необходимыми качествами, и потому в глазах лицеистов не имел практически никакого авторитета: «На место деятельного, энергичного Шильдера был назначен А.Э. Шмидт... робкий неопытный человек, быть может, обладающий прекрасными нравственными качествами, но для данной должности совершенно не способный. Этот молодой человек, только что окончивший университет, не имеющий никакого понятия о педагогике, оказался поставленным во главе опытных воспитате-

¹ Дело инспектора воспитанников А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4091. Л. 5. По другим данным, Шмидт получал 3000 руб. в год (Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 42).

² Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 42.

³ Письма А.Э. Шмидта к Э.Л. Радлову // ИРЛИ РАН. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1793. Л. 19.

⁴ Бехтеев А.С. Императорский Александровский лицей. Лицейские воспоминания 1897–1905 // Родная Ладога. – 2010. – № 3 (13). – С. 239.

лей вдвое старших его по возрасту. Что же произошло? Не сумевший внушить к себе желательного уважения, инспектор не может войти в класс, чтобы не быть встреченным взрывом хохота и насмешек, пока он, краснея и запинаясь, не знает, что сказать и куда деть свои руки»¹.

Когда лицеисты переходили границы дозволенного, и для прекращения безобразий требовалась жесткая рука инспектора, Шмидт пасовал и вел себя непоследовательно. Обычно самые отвратительные сцены разыгрывались в дни так называемых «прощаний», представлявших собой что-то вроде выпускного вечера в современных учебных заведениях.

В записках выпускника лицея 1906 г. А.А. Татищева рассказывается об одном из таких «прощаний», имевшем место летом 1902 г. Незадолго до описываемых мемуаристом событий Саломона хватил удар и он отправился на лечение на юг. На время отсутствия директора главным лицом в лицее был Шмидт. Перед ним стояла задача предотвратить пьяный разгул выпускавшихся лицеистов, но задача оказалась робкому приват-доценту не по силам: «Инспектор Шмидт не сумел принять должных мер предосторожности и в день прощания разыгралась в большой зале безобразнейшая оргия... Первоклассникам... было объявлено... что те, которых будут качать в неположенное время, будут держать экзамены не весной, а осенью... По окончании дежурства мы решили его (Фитингофа. – Р.Б.) нести вниз, но Шмидт объявил ему, что нас за это строго накажут. Мы не обратили на это внимания, понесли его вниз, столкнули на пути Константина Густавича

¹ Анонимное письмо бывших лицеистов директору Александровского лицея А.П. Саломону // ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 169. Л. 1. Копия данного документа имеется в РНБ (с прилагаемым фото воспитанников лицея): Копия письма, отправленного группой бывших лицеистов г-ну директору Алекс. лицея А.П. Саломону. – Б.м., [190(?)].

и качали Фитингофа в первом классе. Шмидт дал нам покачать его, а затем вошел в комнату и отправил Нелидова и Будберга в карцер. Затем прогнал нас наверх и явился через несколько минут сам. “Господа, вы не хорошо поступаете и можете навлечь на себя суровое наказание”. “Извините г-н Инспектор, но благоволите посмотреть в выданных нам правилах пункт пятый”. “Да, господа, но вы забываете, что теперь время спать, что вечерний звонок уже давно дан”. “Это не предусмотрено, г-н Инспектор, и мы только воспользовались предоставленным нам правом”. Шмидт смутился, сказав, что он доложит Его Превосходительству о случившемся, а Нелидова и Будберга велел впредь до его приказа в карцер не сажать. Тем дело и кончилось»¹.

О случившемся в тот день имеется и другое свидетельство, содержащееся в анонимном письме выпускников Александровского лицея, направленном А.П. Саломону. Письмо это появилось в 1903 г., и, помимо самого Саломона, его получили некоторые высокопоставленные чиновники в Петербурге. В письме новое руководство лицея (Саломон и Шмидт) подвергались критике и осмеянию. Не могли автор (или авторы) письма обойти стороной и «проводы» 1902 г. Однако здесь история окрашена в более драматические тона и ее конец не столь безобиден для Шмидта, как в воспоминаниях Татищева: «Во время “прощаний” 1902 года, напившиеся в стенах Лицея воспитанники, с криком и шумом сталкивают с лестницы имевшего неосторожность выйти из своей квартиры инспектора»².

¹ *Татищев А.А.* Записки об Императорском Александровском лицее / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В.В. Берсенева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – [Т.] IX. – М., 1999. – С. 423–424.

² Анонимное письмо бывших лицеистов директору Александровского лицея А.П. Саломону // ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

Досталось от анонимного автора и самому Саломону. «Ваш сын, – писал аноним, – уличенный в доносах своими товарищами, был ими (лицеистами. – Р.Б.) за это жестоко наказан: ему мочились (извините за выражение) на голову и исключили из товарищества»¹.

Даже если сведения в цитированном выше письме были «слишком преувеличенными», как утверждал Татищев², аноним достаточно ярко рисует атмосферу, в которой приходилось трудиться Шмидту. Ясно было и то, что Александр Эдуардович оказался не на своем месте. После скандальных «проводов» 1902 г. из лицея были уволены 10 воспитателей. Шмидт сохранил свою должность, что было поставлено в упрек Саломону анонимом³.

Письмо сильно задело Саломона. Он попросил аудиенцию у императора, во время которой Николай II заверил Александра Петровича, что он нисколько не верит пасквилью и продолжает считать лицей образцовым учебным заведением⁴.

Со временем история с «проводами» забылась. Как пишет Б.В. Никольский в своем дневнике: «Дома застал Микку⁵ с дочкой. <...> По ее словам, все в лицее

¹ Анонимное письмо бывших лицеистов директору Александровского лицея А.П. Саломону // ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 169. Л. 2.

² *Татищев А.А.* Записки об Императорском Александровском лицее / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В.В. Берсенева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – [Т.] IX. – М., 1999. – С. 423. В составлении письма подозревали прежнего правителя дел лицея К.В. Атаманова, но точное авторство текста доказано не было.

³ Анонимное письмо бывших лицеистов директору Александровского лицея А.П. Саломону // ГАРФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 169. Л. 1.

⁴ *Татищев А.А.* Записки об Императорском Александровском лицее / Публ., [вступ. ст. и примеч.] В.В. Берсенева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – [Т.] IX. – М., 1999. – С. 423–424.

⁵ Мика – Людмила Владимировна Лассим, сестра Б.В. Никольского, жена Людовика Антоновича Лассима, преподавателя французского языка и воспитателя приготовительных классов Александровского лицея.

очень довольны и Саломоном, и Шмидтом. Ну, что же, в добрый час»¹.

Коллеги Шмидта по лицу, включая самого Саломона, едва ли догадывались, какая борьба происходила в душе этого внешне спокойного человека. Несмотря на свое разочарование в работе инспектора, Шмидт со свойственным ему педантизмом выполнял свои служебные обязанности. Но осенью 1904 г. он все же принял решение уйти из лица.

В своем прошении об увольнении из лица он писал: «Не имея возможности совмещать должность Инспектора воспитанников Императорского Александровского Лицея с моими научными занятиями в Университете, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство уволить меня от занимаемой мною в Лицее должности»².

Отговаривать Шмидта было бесполезно, и 31 октября 1904 г. он был уволен из лица. В знак признания заслуг Александра Эдуардовича Саломон ходатайствовал о награждении его орденом Св. Станислава 2-й степени³.

57

**«Цусимская катастрофа»
(Учебное отделение восточных языков
Азиатского департамента)**

После ухода из лица Шмидт продолжал испытывать нужду. Работа в газете не позволяла заниматься наукой. Необходимо было найти такое занятие, которое оставляло бы время для научных штудий.

¹ *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 1: 1896–1903. – СПб., 2015. – С. 420.

² Дело инспектора воспитанников А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4091. Л. 43.

³ Там же. Л. 13об.

В мае 1905 г. Шмидт записывается на прием к министру иностранных дел Ламздорфу. Неужели все-таки белые штаны? Да и отличный пример был перед глазами: университетский товарищ Александра Эдуардовича князь Борис Николаевич Шаховской (1870–1927) стал дипломатом и служил в то время русским консулом в Алеппо.

Нет, Шмидт прекрасно понимал, что дипломатическая служба будет означать конец его как ученого. Но в структуре министерства было подразделение, которое позволяло совмещать прилично оплачиваемую работу администратора с научной и преподавательской деятельностью. Это было Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Оно было создано в 1823 г. «со специальной целью приготовления молодых людей к драгоманской службе при Императорских миссиях и Консульствах на Востоке»¹. В 1835 г. отделение получило статус университета.

58

Исторически Учебное отделение восточных языков было конкурентом факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета с первых лет существования последнего. Особенно остро это соперничество проявлялось во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг., когда деканом ФВЯ (1855–1859) был А.К. Казем-бек (1802–1870), который, как уже отмечалось выше, делал ставку на практическую специализацию факультета.

И даже после того, как при декане Григорьеве окончательно оформился основной профиль ФВЯ как кузницы научных кадров, конкуренция между двумя

¹ Учебное отделение восточных языков // АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 97. Л. 6 // цит. по: Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО: [к 200-летию Лазаревского института восточных языков / Л.Б. Алаев, А.Н. Алексахин, Е.В. Воевода и др. – М., 2015. – С. 192.

учебными заведениями не прекратилась. Впрочем, это не мешало Розену сохранять хорошие отношения с многолетним начальником Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД Матвеем Авелевичем Гамазовым (1872–1893).

После Гамазова Учебное отделение с 1894 по 1905 г. возглавлял Иван Александрович Иванов (1835–1908). О том, что Иванов уходит на покой, Шмидт мог узнать, судя по одному из писем к Розену, либо от своего бывшего начальника А.П. Саломона, либо от Ухтомского, либо от самого Виктора Романовича. Александру Эдуардовичу теперь требовалось лишь убедить чиновников министерства в том, что он является наиболее подходящей кандидатурой на должность начальника Учебного отделения восточных языков.

Поначалу все складывалось благоприятно: министр Ламздорф благосклонно выслушал Шмидта и обещал оказать ему содействие. Однако вскоре Александра Эдуардовича постигло разочарование. У него оказался более серьезный конкурент, и что самое обидное – его старший коллега по факультету восточных языков, член розеновского братства – В.А. Жуковский (1858–1918). Шмидт был раздавлен. Свою неудачу при поступлении в МИД он сравнивал с Цусимской катастрофой¹. Ему вдвойне было обидно, что именно он, Шмидт, добился возможности назначения представителя ФВЯ на эту должность: «Ведь я в сущности был тараном, пробившим брешь в Китайской стене М[инистерст]ва И[ностранных] Д[ел], а прошел через эту брешь другой»².

Впрочем, и здесь Шмидт оставался самим собой: «Единственное утешение нахожу в том, что должность, составлявшая предмет моих вожделений, досталась

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 8.

² Там же.

не какому-нибудь неудачнику-консулу, а Валентину Александровичу, к которому не могу отнести иначе, как с искренним уважением и признательностью за всегда доброе ко мне отношение. Но утешение это, конечно, совершенно платонического свойства, а с точки зрения практической жизни я нахожусь в положении рака на мели или, что почти то же, Линевица¹ в Маньчжурии; положение мое отличается от положения Линевица лишь тем, что меня окружают не японцы, а доморощенные хунхузы², как то: домохозяин, повышающий квартирную плату; мясник, аккуратно обвешивающий покупателей и набавляющий цену на мясо, и все другие прочие...»³.

60

Судя по одному из писем к Розену, Александр Эдуардович очень рассчитывал на содействие Саломона, но тот почему-то не отвечал на его обращения⁴. Нам неизвестно, с чем связано охлаждение отношений между Саломоном и Шмидтом. Возможно, старик не мог простить Александру Эдуардовичу, что тот оставил лицей.

Слабым утешением было награждение Шмидта в 1905 г. орденом Станислава 2-й степени.

Ко всем прочим напастям прибавилось решение властей закрыть в октябре 1905 г. Санкт-Петербургский университет. Он не функционировал почти год из-за революции и студенческих волнений, что также не могло не отразиться на материальном поло-

¹ Линевиц Николай Петрович (1839–1908) – русский военный деятель. В 1905–1906 гг. – Главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

² Хунхузы – члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае, а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во 2-й пол. XIX – нач. XX в.

³ Подробнее об этом см.: Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1900–1906) // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 8–13об.

⁴ Там же. Л. 13.

жени Шмидта¹. Ему так и не удалось распрощаться с князем Ухтомским и его крокодилом, но он продолжал мечтать о том, как бы оставить отупляющую работу в редакции.

Что касается профессора Жуковского, то его назначение, кажется, расставило все точки над «i» в противостоянии между Учебным отделением восточных языков и факультетом восточных языков. Вот что он писал в записке, составленной в 1907 г. и посвященной вопросам реформирования Учебного отделения: «Изменились ли теперь условия Нессельродовского времени, когда Учебное отделение было создано, т.е. отпала ли необходимость в практически подготовленных для службы на Востоке в консульствах и миссиях лицах? Нет, – наоборот, с развитием русских интересов и политических задач России на Востоке, с открытием целого ряда новых миссий, политических агентств, консульств и вице-консульств. Изменились ли с тех пор задачи Университета и в частности Факультета Восточных Языков настолько, чтобы они могли заменить Учебное отделение? Нет, – по-прежнему задача Факультета – служение чистой науке, ученая обработка предметов, входящих в круг его преподавания, и какие-либо практические цели, будь то дипломатические или коммерческие, сколько ни важны они, задачи Факультета не составляют и составлять не могут»².

¹ Очерки по истории Ленинградского университета: [Вып.] 6. – Л., 1989. – С. 131.

² АВПРИ. Ф. 153. Оп. 668. Д. 23647. Л. 14–15; цит по: Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО: [к 200-летию Лазаревского института восточных языков / Л.Б. Алаев, А.Н. Алексахин, Е.В. Воевода и др. – М., 2015. – С. 192.

**«Слишком немецкий дядя»
(Семейные радости и горести)**

Вскоре после возвращения из Европы Шмидт женился на своей родственнице, дочери лютеранского пастора Вере Юлиевне Мютель (1878–1958). Родители Веры также были остзейскими немцами. Отец – Германн Юлиус Мютель (1841–1906) – служил в 1887–1903 гг. пастором в Аннекирхе (церкви Св. Анны) в Петербурге. Мать – Ангелика Леонтина Елизавета фон Хельмерзен (1843–1926) – происходила из старинного дворянского рода. В семье Мютелей было 12 детей. Вера Матильда Александрина была четвертым ребенком¹. Шмидт приходился двоюродным братом своей жене². У лютеран кузенные браки не вызывали возражения со стороны церкви и не были экстраординарным явлением.

62

Венчание супругов состоялось 11 (23) января 1898 г. в церкви Св. Анны на Кировной улице, где служил отец Веры.

Новость о свадьбе Шмидта с неодобрением встретил барон Розен. Вот что об этом пишет В.А. Крачковская: «Довольно рано Александр Эдуардович женился на своей двоюродной сестре Вере Юльевне, красивой, статной женщине. Она любила модно и броско одеться, ходить в концерты, бывать в обществе, музицировать на рояле. В.Р. Розен сокрушался, что это обстоятельство отразится неблагоприятно на научной работе А.Э. Шмидта, и не ошибся»³.

¹ Автор благодарен Эдит Эмильевне Мютель за предоставленные сведения о семье Мютель.

² Крачковская В.А. Несколько слов об А.Э. Шмидте // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисмагулина.* – СПб., 2001. – С. XX.

³ Там же. Вообще профессора факультета с каким-то неодобрением относились к ранним бракам их молодых коллег. Так, по свидетельству А.Н. Самойловича, П.К. Коковцев в числе аргументов

Барон не без основания называл Шмидта «взрослым младенцем». В одном из писем к Бартольду Виктор Романович писал о своем ученике: «несомненно (Шмидт. – Р.Б.) очень способный человек и из него может выйти толк. Однако я только боюсь: у него слишком много кузин и слишком немецкий (т.е. остзейский) дядя (пастор Мютель)»¹.

Но дело было, конечно, не в дяде и не в кузинах, и даже не в том, что дочь пастора оказалась «кокоткой» и «слишком немкой». Вскоре после женитьбы в семье Шмидтов появился ребенок, и Александр Эдуардович для содержания не работавшей жены и сына нуждался в средствах. Первое время он вообще не получал денег за чтение лекций и только с 1 июля 1899 г., при содействии Виктора Романовича, Шмидту установили вознаграждение в размере 1200 рублей в год².

В официальных документах, касающихся А.Э. Шмидта, начиная с конца 1900-х гг. обычно упоминаются два сына: Эдуард (род. 20 октября (2 ноября) 1904 г.) и Александр Энрико (род. 10 (23) июля 1906 г.)³. Старший сын был назван в честь своего деда, а младший – в честь отца. Однако у Шмидта был еще один сын, о котором не упоминается в научной и биографической литературе. Он родился 15 (27) апреля 1899 г. и умер в возрасте 8 лет 13 июня

против оставления семитолога И.И. Гинцбурга при университете упомянул то обстоятельство, что Иона Иосифович собирается жениться. «В. факультет имеет не одного приверженца “целибата для ученых”. Не вредят ли науке такие черезчур усердные ее рабы?» (Самойлович А.Н. Записные книжки за 1905–1906 // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 78. Книжка 3. Л. 28.)

¹ Письма В.Р. Розена к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 211. Л. 34–34об.

² Дело инспектора воспитанников А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4091. Л. 10об.

³ О службе А.Э. Шмидта // ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 8.

1907 г. от «тяжелого воспаления слепой кишки и брюшины»¹. Об умершем сыне Шмидт вспоминает в письме к Э.Л. Радлову. Мальчика звали Виктор Альбрехт Гаральд². В соответствии с традицией, второе имя ребенок получал по имени одного из воспитанников при крещении младенца. Так, Виктор получил второе имя от старшего брата Александра Эдуардовича – Альбрехта.

О постигшем его несчастье Шмидт вскользь упоминает в написанной им в 1937 г. статье, посвященной памяти В.Р. Розена: «Никогда я также не смогу забыть того дружеского родственного отношения, того теплого участия, которое В.Р. проявил ко мне во время постигшей меня тяжелой семейной утраты»³.

Шмидт обожал Виктора и не мог забыть о смерти сына много лет спустя. Об этом говорят его письма к друзьям: «Когда я раз, пародируя жену, стал соблазновать моему покойному сыну, заплакавшему из-за пустой царапины, он (тогда еще 4-х-летний мальчик) отказался от моего утешения, а на мой вопрос: почему? ответил: *du sprichst nicht mit dem Herren*⁴»⁵.

За несколько лет до этого Александр Эдуардович потерял отца. Еще в 1895 г. Эдуард Егорович вышел

¹ Письма А.Э. Шмидта к Э.Л. Радлову (1899–1919) // СПбФ АРАН. Ф. 252. Оп. 2. Л. 31об. См. также свидетельство о смерти Виктора Шмидта: Об оставлении при университете А.Э. Шмидта // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 897. Л. 66. Виктор был похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Петербурге.

² Коллекция метрических книг лютеранских церквей г. Петрограда // ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 83. Л. 212об.

³ Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена. – М., 1947. – С. 17.

⁴ *Du sprichst nicht mit dem Herren* (нем.) – Ты говоришь не со взрослым человеком.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 4.

в отставку и стал вести частную практику в Кишиневе¹. Он скончался от сердечного приступа в январе 1904 г. в возрасте 72 лет.

О том, как преобразило несчастье Александра Эдуардовича, вспоминал его ученик Крачковский: «Встретились мы со Шмидтом только через год уже на третьем курсе, где он вел занятия по мусульманскому праву. Мы были поражены происшедшей в нем переменой: он сильно поседел, ходил с палкой, выглядел каким-то измученным. Впоследствии я узнал, что этот год был особенно тяжелым для него в связи с семейным горем, и его болезнью, и необходимостью вести нервную и утомительную службу, мало его удовлетворявшую»².

Третий курс Крачковского пришелся на 1903–1904 гг., поэтому, говоря о семейном горе Шмидта, Игнатий Юлианович скорее всего имел в виду смерть его отца.

Хранитель мусульманской святыни (Императорская Публичная библиотека)

После «Цусимской катастрофы» Шмидт продолжал искать работу. Среди рассматривавшихся вариантов была Императорская Публичная библиотека, но возможность поступить туда появилась только в 1909 г. в связи с предполагаемым расширением кадров, затыянным директором Д.Ф. Кобеко (1837–1918).

В те годы служба в «Публичке» считалась престижной и устроиться туда было почти так же сложно, как и поступить на работу в министерство. Собственно говоря, работа в библиотеке мало

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 303об.

² *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. – М.; Л., 1948. – С. 111–112.

чем отличалась от обычной государственной службы. Ее сотрудники были такими же чиновниками, как и служащие министерств¹.

В сентябре 1909 г. Шмидт был зачислен в Императорскую Публичную библиотеку на должность регистратора. Систематический учет всех поступавших в библиотеку книг велся с 1819 г. Первое время этим занимались сами библиотекари. Однако по мере увеличения количества книг² стало ясно, что для их регистрирования требуется отдельная штатная единица. Поэтому директор М.А. Корф выступил с инициативой об учреждении должности регистратора. Решение данного вопроса требовало Высочайшего утверждения, и оно было получено 29 января 1853 г. Первым человеком, занявшим должность регистратора в библиотеке, был известный русский библиограф В.И. Межов (1830–1894). Он получал 300 рублей в год. При поступлении Шмидта на службу его оклад составлял 1200 рублей в год³. Непосредственным предшественником Шмидта на должности регистратора был К.Р. Берент, бывший преподаватель латинского языка при евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины в Петербурге.

Регистратор обладал меньшим объемом прав по сравнению с библиотекарем. Так, например, вскры-

¹ В этом можно убедиться, рассмотрев послужной список лиц, служивших в библиотеке. Например, барон Александр Эмилиевич Нольде начал свою карьеру на должности помощника регистратора в 1901 г. К 1906 г. он дослужился до должности библиотекаря. В 1910 г. Нольде был назначен профессором в Александровском лицее, а в 1913 г. поступил юрисконсультантом в Главное управление земледелия и землеустройства. (Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. – СПб., 1914. – С. 461.)

² Например, в 1853 г. их количество составило 26 000 единиц (Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. – СПб., 1914. – С. 203).

³ Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. – СПб., 1914. – С. 424. В 1911 г. оклад регистратора был увеличен на 200 руб.

тие пакетов с поступившей литературой и их проверка была возложена на библиотекарей¹.

Педантичный Шмидт, по-видимому, неплохо справлялся со своими обязанностями и потому сохранил за собой должность регистратора при назначении библиотекарем в соответствии с приказом директора от 9 января 1914 г. В следующем году он был включен в число членов хозяйственного комитета библиотеки.

После Октябрьской революции Шмидт продолжил работу в «Публичке», но и университета он также не оставлял. В 1917 г. он был, наконец, назначен экстраординарным, а в следующем, 1918 г., – ординарным профессором. В университете, между тем, возник законный вопрос: сможет ли Александр Эдуардович сочетать работу профессора со службой в библиотеке?

В своем ответе на запрос декана факультета восточных языков Н.Я. Марра директор библиотеки Э.Л. Радлов отвечал: «В Российской Публичной библиотеке в числе служащих находятся... В.И. Саитов и А.Э. Шмидт. Оба названные лица представляют собой крупную ученую силу... Российская Публичная библиотека... находит, что для университета столь же важно удержать его (Шмидта. – Р.Б.) в качестве профессора, как и библиотеке в качестве своего постоянного сотрудника»².

Если мы взглянем на послужной список Шмидта в том самом 1919 г., когда был написан ответ Радлова, то обнаружим, что и в самой библиотеке Александру Эдуардовичу приходилось совмещать несколько ответственных должностей. С 30 января 1919 г.

¹ Согласно утвержденному в 1874 г. новому штату ИПБ, библиотеке был положен следующий основной состав: директор, помощник директора, 12 библиотекарей, регистратор, заведующий хозяйственной частью, заведующий читальным залом и два его помощника. (Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. – СПб., 1914. – С. 386.)

² Письмо Э.Л. Радлова декану Факультета восточных языков (1919) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 97. Оп. 1. Д. 77. Л. 13–13об.

он временно заведовал хозяйственно-административной частью. Затем последовало новое назначение – на должность заведующего Отделением общего каталога. 15 марта 1919 г. скончался А.Я. Гаркави (1839–1919) – старейший российский востоковед, заведовавший Отделением книг на восточных языках. Шмидт не был единственным специалистом по Востоку в штате библиотеки (достаточно вспомнить его старшего коллегу по университету – тюрколога В.Д. Смирнова, которого коллеги в шутку именовали за его правые взгляды «наш Пуришкевич»¹), но именно ему было поручено возглавить осиротевшее после смерти Гаркави отделение 21 марта 1919 г. Таким образом, Александру Эдуардовичу пришлось почти два месяца совмещать работу заведующего двумя подразделениями библиотеки².

68

22 мая того же года Шмидта ждет новое назначение – теперь в его обязанности также входит работа помощника директора библиотеки. Если мы вспомним, что в это же самое время он преподает в Санкт-Петербургском университете, периодически ездит с лекциями в Москву в бывший Лазаревский институт, а также принимает активное участие в организации Туркестанского университета, то станет понятно, что такая нагрузка могла привести лишь к одному – срыву. Требовалось какое-то радикальное решение, которое позволило бы вырваться из замкнутого круга неустроенной жизни, покинуть голодный и холодный Петроград. Отъезд Шмидта в Ташкент был predetermined.

С 15 января Шмидт был уволен «в отпуск ввиду командирования его в Ташкент для организации

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 8об.

² *Шилов Л.А.* Шмидт Александр Эдуардович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф. слов. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 585.

Туркестанского университета»¹. Почему только в отпуск? Ведь Шмидт после долгих раздумий все же принял для себя решение покинуть Петроград. Но уезжал он в полную неизвестность и потому существовала вероятность, что он вернется назад, разочарованный. Руководство библиотеки предусмотрительно оформило Шмидту длительный отпуск – до получения от него окончательного ответа из Ташкента.

В Ташкенте Шмидт не утратил связь с бывшими коллегами по библиотеке. Сохранилось его письмо к библиографу и историку литературы В.И. Саитову (1849–1938) от 23 мая 1922 г.² В письме Шмидт рассказывал о становлении Туркестанского восточного института, интересовался делами в библиотеке. Возможно, от Саитова, а может, от кого-нибудь другого из бывших сослуживцев Александр Эдуардович узнал, что его ждут в «Публичке» и готовы принять на работу, если он решит возвратиться в Петроград³. Дело было в 1923 г. Шмидт с большим сердечным волнением воспринял приглашение, но в библиотеку по причинам, о которых мы расскажем несколько позднее, не вернулся.

С библиотекой у Шмидта было связано немало теплых воспоминаний. Он хорошо помнил, как приходил с шумного Невского в здание «Публички» и отдыхал там душой в тени книг и ящичков с карточками. Но так было до 1917-го. В революционный год все переменялось, и к рутинным обязанностям сотрудников библиотеки прибавилась еще одна, самая важная: сохранение книг от разграбления и гибели. И библиотекари благополучно справлялись с этой миссией, даже с риском для

¹ Шилов Л.А. Шмидт Александр Эдуардович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. слов. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 585.

² Письмо А.Э. Шмидта к В.И. Саитову // РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 364.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 251об.

жизни. Один из наиболее драматичных и ярких эпизодов того времени на всю жизнь запечатлелся в памяти Александра Эдуардовича. История эта была связана с мусульманской реликвией – Кораном ‘Усмана.

По преданию, это был список Священной Книги, собственноручно переписанный третьим праведным халифом ‘Усманом (574–656). То же предание сообщает, что за чтением этого экземпляра Корана халиф был убит ворвавшимися в его жилище заговорщиками.

Существует несколько версий того, как Коран ‘Усмана оказался в Средней Азии. Согласно одной из них, рукопись была привезена в Самарканд мюридом суфийского шейха братства Накшбандийа Ходжи Ахрара (1404–1490). Мюрид владел врачебным искусством и смог исцелить турецкого султана от тяжелой болезни. В награду суфий получил Коран ‘Усмана. По другой версии, старинный манускрипт находился среди трофеев, добытых войсками Тамерлана во время одного из походов последнего на Ближний Восток. В Самарканде Коран ‘Усмана хранился в медресе Ходжи Ахрара.

70

В Петербург рукопись попала в 1870 г. После взятия в 1868 г. русскими войсками Самарканда реликвия была принудительно выкуплена новыми властями у духовенства за 500 коканов (около 100 руб.). Вслед за тем Коран ‘Усмана был передан генерал-губернатором Туркестанского края К.П. фон Кауфманом в Императорскую Публичную библиотеку.

В 1891 г. востоковед А.Ф. Шebuнин описал и датировал рукопись¹. Он пришел к заключению, что она была подготовлена не ранее начала VIII в. и потому никак не могла принадлежать халифу ‘Усману. (Примечательно, что ранее к подобным выводам пришел татарский богослов Ш. Марджани (1818–1889), кото-

¹ Шebuнин А.Ф. Куфический коран С.-Петербургской публичной библиотеки. – СПб., 1891.

рый имел возможность изучить рукопись еще в Самарканде до завоевания его русскими¹.) Однако это, по мнению Шебунина, нисколько не снижало ценности Корана 'Усмана как одного из старейших списков мусульманской Священной Книги в мире. В 1905 г. другой востоковед – С.И. Писарев подготовил к печати факсимиле с прорисовки рукописи. Было напечатано всего 50 экземпляров².

После Октябрьской революции мусульмане еще активнее стали добиваться возвращения им Корана 'Усмана. 6 декабря было оформлено решение Совета народных комиссаров за подписью Ленина о передаче Корана 'Усмана Национальному парламенту в Уфе. Однако исполнение решения правительства затягивалось, и только 29 декабря А.В. Луначарский подписал распоряжение, предписывавшее «заведывающему» Государственной публичной библиотекой Э.Л. Радлову передать Коран Председателю Мусульманского съезда Петроградского национального округа, товарищу председателя Всероссийского мусульманского военного шуро Усману Токумбетову.

29 декабря³ 1917 г. около 3 часов пополудни к зданию бывшей Императорской Публичной библиотеки в Петрограде подъехала карета в сопровождении небольшого конного отряда. В карете находилось пятеро пассажиров: мусульманские политические и военные лидеры А. Цаликов, У. Токумбетов и И. Еникеев, петроградский купец М.-А. Максудов и бывший имам 4-го магометанского прихода Петрограда Л. Исхаков. Неко-

¹ *Валиди Дж.* Очерк образованности и литературы татар (до революции 1917 г.). – М., 1923. – С. 34.

² Самаркандский куфический Коран, по преданию, писанный собственноручно третьим халифом Османом (644–656) и находящийся в Имп. С-Петербург. Публ. библиотеке. – СПб., 1905. Часть экземпляров этого тиража и по сей день находится в Петербурге (два экземпляра в Государственном музее истории религии, одна копия – в Санкт-Петербургской Соборной мечети).

³ По старому стилю.

торые из упомянутых лиц в прежние, более спокойные времена, были читателями библиотеки, но в тот день их путь в «Публичку» лежал через служебный вход.

Радлов собрал экстренное совещание, в котором помимо него самого приняли участие хранитель рукописного отделения И.А. Бычков, член хозяйственного комитета библиотеки профессор А.Э. Шмидт, библиотечарь В.В. Рейц, исполняющий обязанности секретаря Н.Р. Политур. На совещание были также приглашены упомянутые нами пассажиры кареты и бойцы сопровождавшего их отряда.

Разговор был непростым, некоторые из гостей вели себя вполне в духе того времени. Вот как об этом вспоминал Шмидт: «Тщетно мы пытались уговорить наших возбужденных собственников не производить вооруженного насилия; один помоложе вскочил даже с места и, бряцая шашкой, кричал, что нам нечего вести переговоры, силой оружия отнимем все тут. Не удалось его унять, а положение становилось еще серьезнее благодаря тому, что служители наотрез отказались допустить приехавших к выемке Корана и хотели вызвать по телефону вооруженную роту Семеновского полка. С трудом удалось мне их удержать от этого, указывая на то, что вооруженное столкновение в помещении рукописного отделения могло бы повести к гибели еще более ценных сокровищ, чем Коран»¹.

Таким образом, не в последнюю очередь благодаря усилиям Шмидта, в стенах библиотеки удалось избежать бойни, о последствиях которой можно только предполагать. Радлов просил повременить с переда-

¹ Докладная записка профессора Александра Шмидта по вопросу о выемке Корана Османа из рукописного отделения Российской Публичной Библиотеки в Петрограде // ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 728. Л. 90. Записка была составлена 15 марта 1922 г. по поручению руководителя Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис) Д.И. Нечкина.

чей Корана хотя бы до следующего дня, до проведения собрания сотрудников библиотеки, но и это предложение было отвергнуто мусульманами¹.

Никакие доводы не действовали. «В конечном итоге, – пишет Шмидт, – пришлось уступить вооруженной силе и Коран был выдан вместе с витриной, причем о насильственном отнятии его был составлен акт за подписями присутствующих с обеих сторон; копия этого акта была на следующий день выдана представителю мусульманских организаций»².

Поздно вечером карета с пассажирами и ценным грузом отъехала от здания библиотеки и направилась в сторону Конногвардейского переуллка. В одной из комнат, которые занимал Исполком Всероссийского мусульманского совета (Икомус), Коран ‘Усмана хранился под охраной до января 1918 г., а затем был перевезен в бронированном вагоне в Уфу.

На следующий день после описанных выше событий все-таки состоялось собрание сотрудников библиотеки. На нем обсуждался вопрос об изъятии накануне Корана ‘Усмана. По окончании собрания Усману Токумбетову было направлено письмо следующего содержания³: «При передаче Корана в Российской Публичной Библиотеки Вы дали служителям сорок рублей в качестве вознаграждения за охрану священной рукописи. Служителя на Общем Собрании постановили единогласно вернуть Вам означенную сумму, при сем прилагаемую, в виду того, что охрана корана входила в их прямые обязанности, как и всех вообще слу-

¹ Переписка с народным комиссаром по просвещению А.В. Луначарским о выдаче Корана из библиотеки мусульманам // ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

² Докладная записка профессора Александра Шмидта по вопросу о выемке Корана Османа из рукописного отделения Российской Публичной Библиотеки в Петрограде // ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 728. Л. 90.

³ В письме сохранены особенности орфографии и пунктуации оригинала.

жащих Библиотеки. Признавая, что Вами руководило доброе чувство когда Вы передали нам сорок рублей, мы в то-же время считаем для себя невозможным принять оные и просим Вас вернуть их по принадлежности. Вообще говоря при новом демократическом строе и при полном равенстве всех служащих и граждан принимать деньги в качестве вознаграждения за личные услуги мы признаем неудобным. С полным уважением уполномоченные Общим собранием младших служащих А. Виноградов, И. Сорокин, А. Князев»¹.

Так завершилась почти полувековая история пребывания Корана 'Усмана в стенах Публичной библиотеки.

Эта мусульманская реликвия еще напомним о себе Шмидту в 1923 г. Тогда ему было поручено участвовать в передаче и доставке мусульманской реликвии из Уфы в Ташкент. Александр Эдуардович прибыл в Москву, где ожидал распоряжения ехать в столицу советской Башкирии. Однако по настоянию мусульманского духовенства буквально в последний момент фамилия Шмидта была исключена из списка участников данной церемонии².

74

Та поездка в Москву в июле 1923-го вообще была неудачной для Александра Эдуардовича: столичные карманники вытащили у него золотое пенсне и бумажник со всеми документами и бумагами³. Не удалось ему попасть и на прием к Уншлихту по делу сосланной в Полторацк (Ашхабад) Н.В. Брюлловой-Шаскольской⁴.

¹ Переписка с народным комиссаром по просвещению А.В. Луначарским о выдаче Корана из библиотеки мусульманам // ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

² Подробнее об этом см. статью Р.Н. Шигабдинова «А.Э. Шмидт и Коран 'Усмана: возвращение мусульманской святыни в контексте политики, науки и религии» в настоящем издании.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 166.

⁴ Подробнее о Брюлловой-Шаскольской см. далее.

**«Объединение ориентальных сил»
(Журнал «Мир ислама»)**

Во второй половине 1911 г. работа Шмидта над диссертацией приостанавливается. На этот раз причиной послужила подготовка к печати цикла лекций об исламе для нового академического журнала «Мир ислама».

Мы подробно остановимся здесь на истории журнала, потому что работа в нем была важным этапом в жизни Александра Эдуардовича. По нашему мнению, деятельное участие Шмидта в «Мире ислама» в качестве помощника главного редактора и автора не в последнюю очередь способствовало его превращению в один из ведущих мировых исламоведческих журналов.

Идея специализированного периодического издания с названием «Мир ислама» была озвучена еще в 1907 г. казанским миссионером М.А. Машановым (1875–1915)¹. Предполагалось, что это будет миссионерский журнал, имеющий своей задачей «с одной стороны поколебать ислам, с другой стороны сблизить мусульман с русско-христианской культурой и таким образом подготовить почву для слияния наших татар с русскими»².

Созданный в 1912 г. академический журнал «Мир ислама» не имел с проектом Машанова ничего общего, кроме названия. Обсуждение рабочей концепции нового издания состоялось на совещании Министерства внутренних дел, проходившем в январе 1910 г. в Санкт-Петербурге. В работе совещания принимали участие представители других ведомств: Синода, Министерства народного просвещения. Реализация проекта журнала была поручена Императорскому обществу востоковедения, во главе которого стоял генерал-лейтенант

¹ Хайрутдинов Р.Р. «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. – 1999. – № 1/2. – С. 5.

² РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 41. Л. 1 // цит. по: Хайрутдинов Р.Р. «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. – 1999. – № 1/2. – С. 5.

Н.К. Шведов (1849–1920). Последний, в свою очередь, обратился от имени Совета Общества востоковедения к В.В. Бартольд и предложил ему приступить к работе в «Мире ислама» в качестве главного редактора.

Во время переговоров между Бартольдом и Шведовым обсуждались условия, на которых Василий Владимирович согласился бы принять на себя обязанности редактора. Бартольд сформулировал кредо нового издания: «Из программы журнала безусловно исключаются: 1) статьи, посвященные миссионерской полемике против ислама, 2) статьи, посвященные защите ислама с точки зрения верующего мусульманина»¹.

Одним из главнейших условий, выдвинутых Бартольдом, было невмешательство Общества и лично Шведова в политику редакции. Но уже при подготовке к печати первого выпуска журнала возник серьезный конфликт. Когда «Мир ислама» уже был отправлен в типографию, Бартольд узнал, что его печать задержана по требованию Шведова. Василий Владимирович незамедлительно обратился к генералу за объяснениями. Оказалось, что Общество намерено добавить в журнал вкладную страницу.

Данная страница содержала обращение от Совета Общества востоковедения. Оно начиналось с краткой информации о самом Обществе, учрежденном в 1900 г. Далее указывалось, что Совет Общества «счастлив начать выполнение программы, предначертанной августейшей Покровительницей общества». Далее приводилась телеграмма императрицы, в которой та посылала обществу «душевные пожелания полного преуспевания в будущем»². Телеграмма заканчивалась словами: «Уверена, что Императорское Общество Востоковедения приложит все усилия, дабы содейство-

¹ Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5. Л. 207.

² От совета // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 1. – Без паг.

вать издавна желаемому сближению интересов восточных стран с нашей дорогой Россией»¹.

Реакция Бартольда на данную инициативу Общества была крайне резкой. Он поставил перед Обществом вопрос о том, что не готов при таких условиях оставаться главным редактором издания. В письме от 8 февраля Бартольд пишет: «Я бы мог продолжить дело только в том случае, если бы председателем общества, вместо ген.-лейт. Шведова, сделалось другое лицо – предположение, разумеется, невозможное»².

Бартольда полностью поддержали другие члены редакции, в т.ч. Шмидт. В своем письме к Василию Владимировичу он сообщал о том удивлении, которое он испытал, когда получил 1-й выпуск журнала с «вкладной страницей от совета»³. «Мне казалось совершенно невероятным, – писал далее Шмидт, – чтобы этот листок мог появиться без Вашего согласия, а с другой – казалось столь же невероятным, чтобы Вы могли пропустить такие “объединения ориентальных сил”. Разумеется, на такую недостойную и неприличную выходку не могло быть иного ответа, чем тот, который Вы дали и с которым ни один из сотрудников не может не считать себя солидарным»⁴.

Такая жесткая реакция со стороны Василия Владимировича на вставку с посланием императрицы не означала, конечно, что он и его коллеги были принципиальными антимоноархистами. Бартольда и Шмидта возмутил сам факт вмешательства ангажированных непрофессионалов (иронично названных Александром Эдуардовичем «объединением ориентальных сил») в работу редакции. Вставка в журнал была сде-

¹ От совета // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 1. – Без паг.

² Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5. Л. 23.

³ Там же. Л. 117об.

⁴ Там же. Л. 117об. – 118.

лана без согласования с Бартольдом. Жесткая реакция со стороны редакции не была снобизмом, это была попытка отстоять честь мундира ученого, которому безграмотные бюрократы пытаются указывать, что и как делать.

Шведов попытался прийти к примирению с Бартольдом. Он подтвердил, что Василий Владимирович как главный редактор волен самолично решать судьбу предоставляемых материалов и Общество не смеет посягать на его право. Об отставке самого Шведова, как справедливо полагал Бартольд, речи быть не могло. Но обещание Шведова не вмешиваться в дела редакции показалось Бартольду приемлемым, и он продолжил работу над журналом вместе с другими членами редакции.

78

Однако игнорирование Обществом прежних договоренностей не прекратилось и в дальнейшем. Так, в частности, Совет Общества требовал предоставления ему корректур номеров до их отправки в печать. Бартольд жестко отверг это требование. В одном из писем к Шведову он указывал, что «об этом не может быть и речи, так как это было бы равносильно отказу от моих редакторских прав»¹. По инициативе Совета Общества продолжалась и публикация пошлых верно-подданнических вставок².

Конечно, со стороны Бартольда, Шмидта и других членов редакции было бы чистым донкихотством ожидать, что правительство, финансировавшее журнал, не будет осуществлять никакого контроля над из-

¹ Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5. Л. 28.

² Так, в самом начале Вып. 2 сообщалось, что Вып. 1 «был повергнут Государю императору, и Его Величество Высочайше соизволил на принятие означенного издания» (От совета // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 2). Здесь же сообщалось о вручении Вып. 1 императрице, которая также соизволила принять журнал (От совета // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 2.).

данием. Но Бартольд рассчитывал, что отношения между чиновниками и редколлегией будут строиться на доверии: «Мир ислама» не интересовался политическими вопросами, а бюрократы, в свою очередь, не должны были вмешиваться в работу редакции. Однако именно отказ редколлегии от освещения вопросов, имеющих, с точки зрения Министерства внутренних дел, актуальное значение, и вызывал критику в адрес «Мира ислама» со стороны чиновников.

Вопрос о разрыве между Обществом востоковедения и редакцией во главе с В.В. Бартольдом, таким образом, был лишь вопросом времени. Уже в ноябре 1912 г. было принято решение о расформировании прежней редколлегии и подготовке новой программы журнала¹.

Поначалу Бартольд полагал, что смена редакционной коллегии является результатом интриг Шведова. 24 ноября он пишет письмо министру внутренних дел А.А. Макарову, рассчитывая раз и навсегда расставить все точки над «i» с журналом². 1 декабря 1912 г. ученый был приглашен к министру.

Аудиенция у министра продлилась не более 15 минут. Бартольд сразу убедился в том, что решение реорганизовать «Мир ислама» было принято на самом высоком уровне, и министр в курсе всех событий, связанных с разногласиями между редакцией и Шведовым³. Макаров дал понять ученому, что «журнал очень интересный, прекрасно ведется, но министерству... он не нужен, министерство не находит в нем необходи-

¹ Хайрутдинов Р.Р. «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. – 1999. – № 1/2. – С. 13.

² Б.В. Лунин, ссылаясь на свидетельство Н.Я. Марра, ошибочно утверждает, что Макаров вызвал Бартольда с целью его «образумить» (Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Сред. Азия в отеч. востоковедении. – Ташкент, 1981. – С. 102).

³ Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5. Л. 211.

мых сведений и по-прежнему вынуждено командировать людей на места»¹. Он также подчеркнул, что не винит ни в чем самого Бартольда. Главным виновником, по мнению министра, был его заместитель А.Н. Харузин (1864–1932), который неверно озвучил задачи, поставленные министерством перед редакцией журнала².

По окончании беседы Макаров поднялся, давая понять, что встреча окончена. Прощаясь, Бартольд передал министру составленную им записку о журнале, суть которой он изложил во время их короткой встречи.

Информация о прекращении издания «Мира ислама» прежней редакцией содержалась в предисловии к 4-му выпуску журнала. Под обращением к читателям стояли фамилии В. Бартольда, А. Шмидта, И. Крачковского, А. Самойловича и А. Хашаба³.

80

Обновленный «Мир ислама» прекратил существование в начале 1914 г. Новый журнал в большей степени отвечал целям и задачам Министерства внутренних дел, но в меньшей степени – критериям российской востоковедной науки. Последняя же, благодаря изданию «Мира ислама» командой Бартольда, сделала значительный шаг вперед на пути признания в мире: как на Западе, так и на Востоке.

Василий Владимирович и члены редакции не оставляли надежды на возрождение журнала. Но удалось это сделать только в 1916 г. под эгидой Петербургской академии наук. Первый номер журнала, получившего название «Мусульманский мир», был опубликован уже после Февральской революции.

¹ Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5. Л. 211.

² Там же.

³ Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 4. – Без паг.

И снова Гольдциер («Очерки истории ислама, как религии»)

Я решил уделить особое внимание первой крупной научной работе Шмидта прежде всего потому, что данный труд является неким водоразделом в научной биографии ученого. В самих «Очерках» и до них Шмидт еще выступает безусловным адептом Гольдциера, развивающим его идеи в своих немногочисленных трудах. Но он уже на пути к формированию собственного научного взгляда на различные аспекты исламоведения. Через два года после «Очерков» вышла из печати магистерская диссертация Шмидта «Абд-ал-Ваххâб-аш-Ша'рâний († 973/1565 г.) и его “Книга рассыпанных жемчужин”», которая, по словам коллег ученого И.Ю. Крачковского, В.В. Бартольда и С.Ф. Ольденбурга, представляла собой «выдающийся труд по общему исламоведению».

После своего возвращения из зарубежной стажировки в Россию в 1897 г. Шмидт выступил как активный популяризатор идей Игнаца Гольдциера. При этом не всегда Александра Эдуардовича отличала беспристрастность по отношению к своему учителю. Например, в предисловии к русскому изданию работы Гольдциера об исламе Шмидт эмоционально писал: «Все предшествующие работы автора всегда открывали новую эпоху в науке, безразлично, затрагивали они историю ислама... или историю арабской литературы»¹.

81

¹ Шмидт А.Э. Предисловие // Гольдциер И. Ислам = (Die Religion des Islams) / Пер. И. Крачковского; под ред. и с предисл. прив. доц. А.Э. Шмидта. – СПб., 1911. Как отмечал впоследствии В.В. Бартольд, эти слова Шмидта содержали в себе некоторое преувеличение (Игнац Гольдциер (1850–1921). Некролог // Бартольд В.В. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 718). Однако, по утверждению самого Александра Эдуардовича, этот фрагмент был вставлен И.Ю. Крачковским как редактором издания (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 228–228об.).

Шмидт активно использовал работы и идеи Гольдциера при подготовке к лекциям в университете¹. Позднее влияние венгерского ученого проявилось в серии научных публикаций Шмидта. Наиболее заметно оно в «Очерках истории ислама, как религии».

«Очерки» были опубликованы в трех выпусках «Мира ислама» за 1912 г.² Вот что писал об этой работе сам Шмидт, представляя ее читателям журнала: «Как совершался в исламе... процесс ассимиляции и обновления, как ислам в своем последовательном развитии дошел до современных нам форм своего проявления, весьма обстоятельно изложено в вышедших в 1910 г. “Лекциях по исламу” известного будапештского профессора И. Гольдциера. Этот труд мы и положили в основание настоящего очерка, с одной стороны, опуская подробности, лишние для наших целей, а с другой, дополняя его некоторыми необходимыми, по нашему мнению, сведениями, знакомство с которыми проф. Гольдциер мог предложить в аудитории, для которой предназначены его “Лекции”. В особенности мы сочли нужным более подробно остановиться на истории развития мусульманского права»³.

Как нам представляется, отдавая должное своему учителю, Шмидт вместе с тем несколько приуменьшил свои собственные заслуги. В «Очерках», вдохновленных трудами Гольдциера, очевиден вклад и самого Александра Эдуардовича, выразившийся не только в творческой переработке взглядов венгерского профессора, но и в развитии проблематики, связанной

¹ В частности, одна из двух пробных лекций Шмидта «Мусульманские религиозные предания как подробный источник для истории и истории духовной культуры мусульманского Востока», прочитанная им в 1898 г., была основана на теории Гольдциера о происхождении *хадисов*.

² Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 32–55; Т. I, № 2. – С. 185–202; Т. I, № 4. – С. 562–581.

³ Шмидт А.Э. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 1. – С. 33.

с мусульманским правом¹. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить работу Шмидта с двумя переводами трудов Гольдциера на русский язык: «Лекциями об исламе», изданными в том же 1912 г. в издательстве «Брокгауз–Ефрон»², и «Исламом», опубликованным годом ранее под редакцией самого Шмидта³. Раздел, посвященный истории развития мусульманских богословско-юридических наук, составляет важную часть «Очерков».

Неслучайно «Очерки» вызвали большой интерес не только у рядовых читателей «Мира ислама», но и у специалистов⁴. Подробно данная работа была рассмотрена в книге Н.А. Смирнова «Очерки истории изучения ислама в СССР»⁵. Книга Смирнова является идеологизированной и содержит оценку научных работ как советских, так и дореволюционных специалистов по исламу с точки зрения марксистско-ленинского учения. Но тем самым характеристики, данные

¹ «Следует отметить, что Шмидт широко привлекает не только европейских, но и арабских авторов и тем самым вносит много дополнений в текст Гольдциера, которого он в основном придерживается» (Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. – М., 1954. – С. 102).

² Гольдцигер И. Лекции об исламе. Прил. статья Г. Вамбери: Культурное движение среди русских татар / Пер. с нем. А.Н. Черновой. – СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1912. Шмидт написал на это издание рецензию, справедливо упрекая авторов в искажении арабо-мусульманской терминологии, но подчеркивая вместе с тем значимость издания данного труда. См.: Шмидт А.Э. Рец. на кн.: И. Гольдциер. Лекции об исламе. Прил. статья Г. Вамбери: Культурное движение среди русских татар / Пер. с нем. А.Н. Черновой. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1912. [Современное человечество. Б-ка общественнознания под общ. ред. И.М. Бикермана] // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 2. – С. 227–231.

³ Гольдциер И. Ислам = (Die Religion des Islams) / Пер. И. Крачковского; под ред. и с предисл. прив. доц. А.Э. Шмидта. – СПб., 1911.

⁴ См., например, письмо Н.А. Остроумова В.В. Бартольд // Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5. Л. 39.

⁵ Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. – М., 1954. – С. 99–102.

Шмидту, обвинявшемуся в контрреволюционной деятельности в 1931 г. и имевшему судимость, а впоследствии арестованному еще раз, представляют особую ценность.

По мнению Смирнова, «Очерки» Шмидта – наиболее важный для развития русского исламоведения труд¹. Смирнов противопоставляет «Очерки истории ислама, как религии», автор которых, по его мнению, «внес в свою работу много оригинального», книгам и статьям другого исламоведа – А.Е. Крымского, который выступал преимущественно в роли переводчика и компилятора и «целиком находился во власти своих иностранных источников»².

Говоря о значении труда Шмидта для отечественной науки, нельзя, вместе с тем, отрицать сильное влияние идей Гольдциера даже в тех фрагментах «Очерков», в которых Шмидт проявил себя как оригинальный исследователь – например, в заключительной части работы при анализе особенностей мусульманского права.

Рассматривая вопрос о происхождении *фикха*, Шмидт выступил последователем взглядов того же Гольдциера и других ученых, считавших, что оно во многом сформировалось под влиянием римского права и других правовых систем. «Изучение истории ислама, – писал Шмидт, – с несомненностью убеждает нас в том, что на развитии правовых установлений ислама отразилось римское право, что государственный строй абассидского халифата представляет собою отражение персидских государственных идеалов, и что мусульманский

¹ Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. – М., 1954. – С. 99.

² Там же. – С. 97. В 1902–1914 гг. Крымский опубликовал одну из главных своих работ, основанную во многом на трудах Гольдциера: *Крымский А.Е. История мусульманства: Самостоят. очерки, обработки и доп. пер. из Дози и Гольдциера, А. Крымского.* – 2-е изд., значит. изм. и доп. Ч. 1–3. – М., 1904–1912.

мистицизм пропитан идеями, заимствованными частью у неоплатоников, частью у индийских философов»¹.

В «Очерках» проводится мысль о большой роли внешних идей не только в формировании мусульманского права, но и ислама в целом: «Характерною чертою ислама, красной нитью проходящею через весь процесс его развития, по справедливому замечанию проф. Гольдциера, приходится считать именно его восприимчивость к проникавшим в него извне идеям и представлениям, его способности к их усвоению и настолько полной их ассимиляции, что лишь путем основательного научного анализа удастся выявить эти чуждые, наносные элементы»².

Не мог обойти стороной в своей работе Шмидт и другой важный вопрос: проблему происхождения *хадисов*. Одна из основных гипотез Гольдциера сводилась к тому, что значительная часть мусульманских преданий была сфальсифицирована в первые века мусульманской истории³.

В «Очерках» Шмидт выступает безусловным сторонником теории о «беззастенчивой фабрикации *хадисов*»⁴. В частности, он пишет: «Они (приверженцы преданий. – Р.Б.) не желали отступать от своего основного принципа и, будучи поставлены в необходимость признать право гражданства за какой-либо правовой нормой, которая силою вещей на практике уже достигала всеобщего признания, они придавали такой норме религиозную санкцию, попросту сочиняя для этой

¹ Шмидт А.Э. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 1. – С. 34.

² Там же.

³ По мнению Бартольда, приоритет в постановке и решении вопроса о подлинности хадисов принадлежит голландскому исламоведу Снуку-Хюргронье (*Бартольд В.В.* Игнац Гольдциер (1850–1921). Некролог // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 730).

⁴ Шмидт А.Э. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 52.

цели особый *хадис* и влагая в уста пророка нужные в данном случае указания. Равным образом, в форме *хадисов* находили себе санкцию иной раз чисто местные обычаи и установления, которых не удавалось искоренить и в признании которых именно и выразился присущий исламу вселенский характер. А так как жизненные условия по мере расширения территории мусульманского государства изменялись и усложнялись, фабрикация подложных преданий с благою целью приняла огромные размеры... благодаря той легкости, с которою сочинялись, распространялись и принимались на веру *хадисы*, у представителей различных направлений в вопросах права, религии и нравственности вошло в обычай, для достижения большей авторитетности высказываемых ими взглядов, облекать таковые в форму *хадисов* и защищать их устами самого пророка»¹.

86

Таким образом, *хадисы*, по мнению Шмидта, отражают «не столько сунну пророка, сколько сунну мусульманского общества»². Вместе с тем ученый признает, что «*хадисы* сыграли немаловажную роль, как один из факторов создания единой мусульманской культуры»³.

Очевидно влияние западноевропейских учителей и в следующих фрагментах текста Шмидта: «Мухаммед никогда не был дальновидным политиком, а, напротив того, жил всегда интересами минуты. Этим обстоятельством объясняется между прочим и то исключительное внимание, которое в Коране уделено вопросам семейного и наследственного права...»⁴; или: «Действительно, в коротких, незатейливых по содержанию сурах... мекканского периода, часто высоко поэтических, мы видим непосредственные излияния восторженной души, меж-

¹ Шмидт А.Э. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 50–51.

² Там же. – Т. I, № 2. – С. 186.

³ Там же.

⁴ Там же. – Т. I, № 1. – С. 39.

ду тем как суры мединского периода, в которых Мухаммед, несмотря на их зачастую просто деловое содержание, продолжает придерживаться рифмованной прозы, производят тяжелое впечатление длиннотою отдельных стихов и всюду сквозящею вымученностью рифм»¹.

Впрочем, подобные формулировки являются результатом влияния не только Гольдциера, но и В.Р. Розена. У самого барона было двойственное отношение к исламу, о чем достаточно красноречиво написал его ученик Бартольд: «Не будучи безусловным почитателем ислама, вполне признавая “сравнительную скудость мухаммедовой религии”, Виктор Романович, однако считал изучение ислама “настоящей и благодарнейшей задачей арабиста-историка”. Несравненно более важной, чем изучение арабской поэзии и литературы и даже арабской науки. Ислам, по его мнению, – “настоящий аттестат зрелости... арабской народности, главный вклад ее в культурную историю человечества, центр, из которого исходят все лучи арабского просвещения, и фокус, в котором они в большей или меньшей степени отражаются”»². Следует добавить к этому, что это было не только кредо самого барона Розена, но и всей школы петербургского исламоведения.

¹ Шмидт А.Э. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 1. – С. 40.

² Цит. по: Бартольд В.В. Барон В.Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Бартольд В.В. Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 592. В рецензии на книгу Крымского «Мусульманство и его будущее» Шмидт пишет, соглашаясь с автором рецензируемой работы: «В заключении ко второй главе... автор дает краткую оценку исторического значения и культурных заслуг ислама. Последние, по его мнению, очень незначительны, так как ислам является цивилизующею силою лишь для совсем грубых народов, историческое же значение ислама сводится к тому, что он объединил и вывел на арену исторической жизни способную арабскую расу» (Шмидт А.Э. Рец. на кн.: А. Крымский. Мусульманство и его будущее. – М., 1899 // Записки Вост. отдел. Рус. археол. об-ва. – 1904. – Т. XII, Вып. 1. – С. 024).

**«Бандиты пера»
(Рецензия А.Э. Шмидта
на книгу Магомет-бека Хаджетлаше «Шрутель-Ислам»)**

88

Сотрудничество Шмидта с журналом «Мир ислама» не ограничивалось лишь «Очерками». Александр Эдуардович, прежде не сильно баловавший научные периодические издания своими публикациями, в «Мире ислама» оказался едва ли не самым плодовитым автором. Во всех четырех выпусках журнала за 1912 г. он опубликовал рецензии на работы европейских и российских авторов об исламе, а также на некоторые периодические издания («The Moslem World», «Revue du Monde Musluman», «Der Islam»)¹. В ряду этих большей частью положительных рецензий выделяется одна, в которой Шмидт, перемежая критику едким сарказмом, со всей беспощадностью обрушивается на автора рецензируемой книги. Книга называлась «Шрутель-Ислам», а ее автора звали Магомет-бек Хаджетлаше (1868–1929).

Рецензируемая работа, структурно состоявшая из 4-х частей, представляла собой компиляцию общеизвестных сведений о пророке Мухаммаде, истории зарождения ислама и основах исламского вероучения. В предисловии к «Шрутель-Ислам» автор выражал признательность лицам, «в большей или меньшей степени помогавшим ему написать книгу»: доктору прав Ахмет-беку Аллаеву, находящемуся в Марокко, князю Измаил-Баракай Окка, живущему в Бомбее, Худояр-Хану (Сеиду) из Мекки, полковнику Мамед-Бею Хузвекору из Каира².

¹ См. библиографический список опубликованных работ А.Э. Шмидта в конце настоящей книги.

² *Хаджетлаше М.-б. Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 7–8.*

На первый взгляд могло показаться, что автор либо выдумал, по крайней мере, часть этих персонажей с книжными именами, либо до неузнаваемости искажил их в русской передаче. Но вскоре один из них, а именно Ахмет-бек Аллаев, заставил с тревогой заговорить о себе Бартольда и его коллег по редакции «Мира ислама».

В декабре 1912 г. в газете «Казанский телеграф» за подписью А.-б. Аллаева вышла рецензия на журнал, в которой Бартольд и Шмидт подвергались даже не критике, а прямым оскорблениям.

Автор рецензии, в частности, писал: «У нас в России так мало людей основательно знающих мусульманский мир, что достаточно было немцу Бартольду написать кое-что о Монголии, чтобы сделаться русским профессором с приличным окладом, а другому немцу А.З. Шмидту – чуть ли не знаменитым писателем и ученым»¹. «Кое-что о Монголии» – это магистерская диссертация Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ставшая классическим сочинением вскоре после ее опубликования². Перепутал автор и инициалы Шмидта. Последнему особенно досталось от рецензента: «...г. Шмидт, с потугами на ученого... развивает давно всем известные истины, что положив перед собою какую-нибудь немецкую книгу, можно черпать из нее материалы на много десятков рублей, получая их исправно из редакции журнала “Мир ислама”...»³.

Но, видимо, осознавая, что его нападки, неподкрепленные конкретными примерами, звучат неубедительно, Аллаев в конце своей рецензии обещал

¹ Аллаев А.-б. Мир ислама (рецензия) // Казанский телеграф. – 1912. – № 5828. – 6 дек. – С. 2.

² По решению совета факультета восточных языков магистерская диссертация Бартольда была зачтена как докторская.

³ Аллаев А.-б. Мир ислама (рецензия) // Казанский телеграф. – 1912. – № 5828. – 6 дек. – С. 2.

следующее: «Если господа русские немцы найдут, что я не прав, то я с большим удовольствием займусь статьями гг. Шмидта и Бартольда и фактически докажу, что писания их не больше, не меньше как сворованный труд у своих же германских земляков»¹. Под «сворованным трудом» имелись в виду, прежде всего, «Очерки истории ислама, как религии», которые были посвящены той же проблематике, что и «Шрутель-Ислам», и были рассчитаны примерно на ту же читательскую аудиторию. Это обстоятельство придавало еще большую остроту конфликту между М.-б. Хаджетлаше и А.Э. Шмидтом.

90

О публикации Аллаева Бартольду сообщил тюроколог из Казани Н.Ф. Катанов (1862–1922) в письме от 9 декабря 1912 г.: «Неизвестный мне человек, назвавшийся Ахмед-беком Аллаевым, под заглавием “Мир ислама” поместил до крайности дерзкую и несправедливую статью в прилагаемом при сем в Ваше полное распоряжение № 5878 газеты “Казанский телеграф” от 6 декаб. с.г. Никто из моих знакомых не мог сообщить, кто такой г. Аллаев и где он проживает»².

Об Аллаеве и в самом деле было не так много известно. Даже те, с кем этот субъект состоял в переписке, не смогли бы дать о нем подробной справки. О себе в письмах своим русским корреспондентам он сообщал следующее: родился в Ставропольской губернии, затем эмигрировал во Францию и проживал в Париже³. Бартольду, Шмидту и другим сотрудникам

¹ Аллаев А.-б. Мир ислама (рецензия) // Казанский телеграф. – 1912. – № 5828. – 6 дек. – С. 2.

² Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 430. Л. 113.

³ Так он представлялся одному из своих корреспондентов – русскому публицисту и журналисту С.Н. Сыромятникову (1864–1933). *Бессмертная О.Ю.* Был ли Хаджетлаше мусульманином? // Казанское исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 172.

«Мира ислама» было совершенно непонятно, почему рецензент столь яростно нападает на журнал.

О том, кем на самом деле был парижский литератор Ахмед-бек Аллаев, стало известно лишь через сто лет благодаря исследованию О.Ю. Бессмертной. Оказалось, что Аллаев и Хаджетлаше – это одно и то же лицо¹. Аллаев был двойником, alter ego Магомет-бека, выдуманным им в 1908 г., когда в Париже стал выходить русскоязычный журнал «Мусульманин». Хаджетлаше находился в поисках средств на издание и вступил в переписку с русскими консерваторами. Но письма он писал не от своего имени, а как Аллаев. Ахмет-бек рекомендовал своим корреспондентам Хаджетлаше как известного мусульманского журналиста и русского патриота².

Начало издания «Мира ислама» совпало с окончательным прекращением существования журнала «Мусульманин», на финансирование которого то же МВД выделяло немалые суммы – только не официально, как в случае с бартольдовским проектом. Таким образом, ярость Аллаева (то бишь Хаджетлаше) была вполне закономерна. Мало того, что эти «немцы» перешли ему дорогу и забили последний гвоздь в гроб «Мусульманина» своим академическим журналом, так они еще посмели выставить его на посмешище и тем самым оспорить его компетентность как эксперта по мусульманским делам.

Подпись Аллаева стояла под несколькими текстами, опубликованными в «Мусульманине» в 1908, 1910–1911 гг. Впрочем, Аллаев не был единственной маской-псевдонимом Хаджетлаше. Свои беллетри-

¹ *Бессмертная О.Ю.* Мусульманский Азеф, или игра в Другого: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше. Почти роман // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. – М., 2012. – С. 249.

² *Бессмертная О.Ю.* Был ли Хаджетлаше мусульманином? // Казанское исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 172.

стические произведения ориенталистской направленности с политической подкладкой он подписывал вначале именем Юрия Кази-бека Ахметукова¹. Таким образом, Хаджетлаше использовал различные псевдонимы для разных целей. Для решения деликатных проблем он прибегал к «помощи» Аллаева. Но свои письма в редакцию «Мира ислама» Магомет-бек подписывал «своим» именем.

В январе 1912 г. Бартольд получил машинописное письмо, в котором Магомет-бек Хаджетлаше заявлял о своей готовности «принять деятельное участие в журнале»². В этом же письме Магомет-бек сообщал, что он работает «над историей ислама с момента его появления»³. По-видимому, он имел в виду «Шрутель-Ислам»⁴.

Почему Бартольду не написал письмо Аллаев, как в случае с А.Н. Харузиным и С.Н. Сыромятниковым? Возможно, он приберег своего двойника на случай, если отношения с редакцией не сложатся. Если все было именно так, то предчувствие не обмануло опытного афериста.

После ознакомления со «Шрутель-Ислам» Бартольд и его коллеги, конечно, едва ли имели желание сотрудничать с Хаджетлаше. Судить о нем они могли только по его беспомощной, полной нелепых ошибок и бездарных выдумок книге. Единственное, что можно было сделать в такой ситуации, – это написать разгромную рецензию. Шмидт так и поступил.

¹ *Кази-Бек Ахметуков Ю.* Черкесские рассказы: Т. 1. – М., 1896; *Он же.* Современная Турция: Очерки и рассказы о царстве османов. – СПб., 1897; *Он же.* В часы досуга: [Рассказы]. – Владикавказ, 1902; и др.

² Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 430. Л. 222.

³ Там же.

⁴ Возможно, что книга была передана в редакцию коллегой Хаджетлаше – ответственным редактором газеты «В мире мусульманства» А.Г. Датиевым (его визитная карточка также находится в фонде Бартольда в СПбФ АРАН).

Рецензия начиналась оптимистично, правда, несколько в ориенталистском ключе. «Узнав о выходе в свет упомянутой в заголовке книги, – писал Шмидт, – нам было хотелось от души приветствовать ее появление как попытку мусульманина со своей стороны способствовать ознакомлению немусульман с мусульманством и тем самым внести и свою лепту в дело приготовления почвы для мирного приобщения мусульманского востока к общеевропейской культуре»¹.

Но вслед за тем автор рецензии наглядно демонстрировал, что книга ни на йоту не оправдала возложенных на нее ожиданий. Начав с мягкого замечания об особенностях структуры «Шрутель-Ислам», Шмидт усиливает тональность к концу работы. Рассматривая лишь некоторые, наиболее вопиющие ошибки в книге, он приходит к выводу, что автор не владеет даже самой базовой информацией об исламе: «С присутствием вообще легендарного материала в книге, написанной мусульманином, для которого многие из приведенных легенд окружены ореолом святости, мы могли бы, конечно, примириться, но чем оправдать, что автор не знает даже ни даты рождения пророка, ни даты хиджры (автор пишет «Геджра») и утверждает, будто Мухаммед родился в 550 г. по Р.Хр. (вместо 570) и бежал в Медину в 602 г. (вместо 622 г.)? Дальше идти, право же, некуда»².

Шмидт, как мы видим, исходил из того, что автор «Шрутель-Ислам» является «природным мусульманином». Александр Эдуардович и не подозревал, что был заочно знаком с Хаджетлаше еще как минимум

¹ Шмидт А.Э. Рец. на кн.: Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. Собрано и обработано Магомет-Беком-Хаджетлаше. Изд. журн. «Мусульманин» (Библиотека «Кавказских горцев», № 3). Париж, 1911–1912 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 118.

² Там же. – С. 121.

с середины 1900-х. Как секретарь издаваемых князем Э.Э. Ухтомским «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Рассвета» он вел переписку с авторами, среди которых был некто Магомет Айшин. Под этим именем Магомет-бек публиковал статьи в российской прессе в начале XX в. – еще до того, как стал называться Хаджетлаше¹. Так, например, в умеренно-либеральном «Рассвете» в 1905 г. под именем Айшина было опубликовано несколько заметок².

Шмидту, как и другим современникам Магомет-бека, не было известно, что, помимо Аллаева, Юрия Кази-бека, а также еще нескольких вымышленных персонажей с благородными восточными именами, существовал еще один. Его звали Григорий Яковлевич Э(т)тингер. Крещеный еврей из Одессы, он по неизвестным причинам решил стать Магомет-беком Хаджетлаше, черкесом, турецким подданным. Надев маску мусульманина, Эттингер не нашел времени, чтобы изучить основы исламского вероучения. Почему он этого не сделал, сказать сложно. Предположим, что он посчитал это напрасной тратой времени. Как будет продемонстрировано далее, самоуверенность заменяла Хаджетлаше знания.

Но Шмидту всего этого, конечно, не было известно, – как, впрочем, и другим его коллегам. Возможно, не слышал он (по крайней мере, до публикации первого выпуска журнала «Мир ислама» с рецензией на «Шрутель-Ислам») и о расследовании, которое было

¹ По мнению О.Ю. Бессмертной, псевдоним Айшин возник от имени жены Хаджетлаше – Айши. Также он использовал другой псевдоним, образованный от женского имени: Лейлин (Лейлой звали старшую дочь Магомет-бека). (*Бессмертная О.Ю.* Был ли Хаджетлаше мусульманином? // Казанское исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 172.)

² *Айшин М.* С Ближнего Востока // Рассвет. – 1905. – № 71. – 18 мая (31 мая). – С. 6; *Он же.* О черноморском побережье Кавказа (в связи с экономическим положением горцев) // Рассвет. – 1905. – № 77. – 25 мая (7 июня). – С. 1.

начато российскими мусульманами в отношении Хаджетлаше в 1911 г. Расследование это завершилось появлением в двух русскоязычных газетах – кадетской «Речи»¹ и «Каспии»², издававшимся мусульманскими либералами, «Письма в редакцию», в котором раскрывалось двурушничество Хаджетлаше. В «Письме» указывалось, что Магомет-бек писал антимусульманские статьи в правительственной и консервативной прессе и получал деньги от МВД на борьбу с либеральным движением среди русских мусульман.

Рецензия Шмидта заканчивалась безжалостным сарказмом: «Автор в одном месте разбираемого труда говорит про пророка “Ибрагима или еврея Авраама”, что “во всяком случае, для мусульман он – бесполезное лицо”. Боимся, что просветитель в духе нашего автора окажется для мусульман лицом не только бесполезным, но даже вредным»³.

Рецензия (если ее можно назвать рецензией) в «Казанском телеграфе» за подписью Аллаева была мстостью Хаджетлаше за текст Шмидта. Это было блюдо, поданное холодным: рецензия Аллаева вышла в декабре, через 10 месяцев после появления рецензии Шмидта. Однако Хаджетлаше решил не ограничиваться полемикой в прессе.

Вскоре после выхода из печати первого номера журнала Бартольд получил еще одно письмо от парижского «горца». Но на этот раз в нем не было дежурных любезностей и разговоров о сотрудничестве. Приведем текст письма полностью:

¹ Речь. – 1911. – 24 дек; 1912. – 6 янв.

² Каспий. – 1912. – 8 и 11 янв.

³ Шмидт А.Э. Рец. на кн.: Шрутель-ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. Собрано и обработано Магомет-Бекком-Хаджетлаше. Изд. журн. «Мусульманин» (Библиотека «Кавказских горцев», № 3). Париж, 1911–1912 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 123.

«Милостивый Государь, Господин Редактор!

Я получил от Вас или по Вашему приказанию от-тиск, который был напечатан в виде заметки в отделе “Критика и Библиография”, в № 1-м, редактируемо-го Вами журнала “Мир Ислама”. Этим самым Вы под-черкнули свою солидарность с автором заметки г. А.Э. Шмидт и, так сказать, фактически подтвердили, что заметка помещена с Вашего одобрения.

Я всегда думал, что серьезный журнал, преследу-ющий исключительно научные цели, как Вы об этом громко заявляли в печати и в письмах ко мне, не будет уподобляться бульварным листкам. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что не только авторы сего по-чтенного органа преследуют какие-то личные очень по-дозрительные интересы, но и редактор его – профессор¹ недалеко ушли от самых обыкновенных бандитов пера.

96

К Вам, как к ответственному редактору я предъ-являю обвинение в клевете и возбуждаю ходатайство перед прокурором СПбургского окружного суда о при-влечении Вас к ответственности; что же касается ав-тора заметки г. Шмидта, то в первый же приезд мой в Петербург я лично потребую от него объяснение по поводу его подлых и гнусных заключительных слов.

Разберем дело по существу.

Не будем спорить о том, кто из нас лучше знает русский язык, во всяком случае не г.г. Шмидтам гово-рить об этом. Работая более двадцати лет в настоящем, а не бумажном Мире Ислама, имея постоянные сно-шения с единоверцами других стран, состоя членом многих просветительских мусульманских обществ, я никогда не слыхал, чтобы моя деятельность была бы признана не только “бесполезной, но даже и вред-

¹Здесь и далее слова, выделенные полужирным шрифтом, в оригинале письма отмечены красным цветом.

ной”, как об этом осмелился заявить неизвестный мне г. Шмидт. Я допускаю, что моя книга может быть неудачна, неталантливо написана – все, что угодно. Такая критика допустима. Но если критик, претендующий к тому же на звание журналиста и ученого, позволяет себе касаться личности автора и его двадцатилетней деятельности, то это непорядочно и подло.

Я сомневаюсь, чтобы такими способами редакция жур. “Мир Ислама”, во главе с Вами, приобрела бы доверие моих единоверцев и способствовала бы приобщению их к культуре.

Настоящим я выражаю Вам полное свое презрение и постараюсь путем печати познакомить своих единоверцев с тенденциозными приемами господ ученых компиляторов.

Да будет Вам стыдно!

Магомет-Бек Хаджетлаше

Villemomble
26/III/12»¹

97

Реакция автора рецензируемого сочинения оказалась совершенно неожиданной для Бартольда. Он находился в полной растерянности. В письме к А.Н. Самойловичу Василий Владимирович писал: «...я очень просил бы Вас отметить... в каких №№ “Вақыта”... было помещено письмо в редакцию с обвинением в провокации Хаджетлаше. Он сегодня прислал мне ругательное (в буквальном смысле) письмо, усматривает в последней рецензии Шмидта признаки клеветы и даже привлекает к ответственности меня как редактора»².

¹ Материалы, посвященные изданию журнала «Мир ислама» // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 430. Л. 162.

² Письмо В.В. Бартольда к А.Н. Самойловичу // СПбФ АРАН. Ф. 782. Оп. 2. Д. 6. Л. 55.

Бартольд не случайно интересовался публикациями в татарской газете «Вақыт», издававшейся в Оренбурге. В одном из ее номеров было напечатано разоблачительное письмо («Письмо в редакцию»), опубликованное ранее в «Каспии» и «Речи».

Скандал, вызванный публикацией в упомянутых изданиях, серьезно подорвал авторитет Хаджетлаше в среде его «единоверцев». А это означало, что он более не мог выступать в роли представителя интересов правительства в мусульманской среде и получать от этого немалые дивиденды. Хаджетлаше стал, как говорят современные политологи, «хромой уткой». Правительство продолжало по инерции использовать его как информатора, но делать на него ставку как на политическую фигуру считало безумием. В немалой степени падению авторитета Хаджетлаше как эксперта в мусульманских делах содействовала рецензия Шмидта. Не случайно заключительные ее слова о «вредности автора “Шрутель-Ислам”» для мусульман так разозлили Магомет-бека. Он готов был стерпеть обвинения в бездарности, но заявление о его ненужности влекло слишком серьезные последствия для столь удачно выстраиваемой карьеры полезного правительству «магометанина».

98

Так, скромный приват-доцент Санкт-Петербургского университета внес свой вклад в разоблачение «мусульманского Азефа», как теперь стали именовать Хаджетлаше в прессе¹.

Сам Александр Эдуардович, конечно же, не предвидел всего этого, когда взялся писать рецензию, да и вряд ли догадывался потом о той роли, которую он сыграл в окончательном падении парижского «горца».

¹ *Бессмертная О.Ю.* Мусульманский Азеф, или игра в Другого: метаморфозы Магомет-Бека Хаджетлаше. Почти роман // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009. – М., 2012. – С. 227.

Что касается суда, которым Магомет-бек грозил Бартольд и редакции, то он так и не состоялся. После разоблачения Хаджетлаше мусульманами у него начались проблемы посерьезнее, и ему было не до разборок с академическим журналом. Тем более что в конце того же 1912 г., как уже отмечалось выше, редакционная политика в «Мире ислама» была радикально изменена.

**«Пионер в научном исламоведении»
(Защита магистерской диссертации)**

Нам не так много известно о Шмидте-преподавателе Санкт-Петербургского университета. Основным источником для нас служит свидетельство все того же И.Ю. Крачковского, утверждавшего, что Александр Эдуардович пользовался популярностью у студентов¹. Сначала можно было принять его несколько сбивчивую манеру подавать материал за неуверенность в собственных знаниях, но дело было совсем в другом. Шмидт от природы был мягок и кроток, о чем говорил и его внешний облик. Один студент метко назвал Шмидта человеком с «глазами испуганной газели»².

Такие глаза у Шмидта были, когда кто-то из студентов задавал ему вопросы. Оставалось только гадать, чего он больше боится: самого вопроса или задавшего его студента. Тайна открылась не сразу: «Только со временем нам стало понятно, почему Шмидт относится точно с каким-то испугом к выходившим за программу научным вопросам с нашей стороны: они бередили его незаживающие раны, ответ требовал иногда каких-то справок, а даже для этого у него времени не было»³. Но, несмотря на это, Крачковский позже признавался,

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. – 3-е изд., испр. – М.; Л., 1948. – С. 110–111.

² Там же. – С. 111.

³ Там же. – С. 112.

что больше всего знаний за первые университетские годы он приобрел именно от Шмидта¹.

У Александра Эдуардовича не хватало времени не только на наведение справок для студентов, но и на работу над диссертацией. Научный руководитель Шмидта барон Розен не дождался дня защиты своего ученика². После возвращения Александра Эдуардовича из командировки в Европу барон имел большие виды на него. Среди учеников Розена Шмидт был единственным, чьи профессиональные интересы были связаны преимущественно с исламоведением. Но шли годы, а работа об аш-Ша‘рани все по-прежнему не была готова. Когда Розена спрашивали об успехах Шмидта, он лишь с огорчением говорил о том, что ранняя женитьба разрушила научную карьеру его талантливого ученика.

100

Действительно, заботы о хлебе насущном постоянно отвлекали Александра Эдуардовича от работы над диссертацией. Жалование приват-доцента составляло 1200 рублей в год. Это было крайне мало и не позволяло содержать семью. Но помимо повседневных забот было еще одно обстоятельство, которое мешало завершению диссертации. Оно заключалось в самом характере Шмидта. Природная скромность вкупе с «болезненной», по выражению Крачковского, неуверенностью в себе создавали все предпосылки для того, чтобы написание магистерской диссертации превратилось для Шмидта в бесконечный про-

¹ Долинина А.А. Невольник долга: [Биограф. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 32.

² Но учителю и ученику все же удалось поработать вместе над одним трудом. После смерти академика А. Куника – специалиста по Византии – среди его бумаг были обнаружены тексты, касающиеся арабского географа ал-Бакри. Розен и Шмидт перевели эти бумаги на русский и с комментарием Розена напечатали в 1903 г. (Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: Ст. и разыскания А. Куника и бар. В. Розена / Пер. с нем. А.Э. Шмидта. – СПб., 1903).

цесс¹. О таких ученых говорят: автор одной книги². Они пишут одну книгу всю жизнь и не всегда успевают закончить ее.

Причины появления «авторов одной книги» могут быть разные, в одних случаях все, что может сказать автор читателю, вполне укладывается в одну книгу, в других – ученый обладает обширными знаниями, но увлеченность делом и требовательность к себе мешают ему поставить точку. Шмидт, несомненно, принадлежал ко второй группе авторов. Это, впрочем, не означало, что Александр Эдуардович совсем ничего не писал, пока над ним «висела» незаконченная диссертация. В период с 1897 г. – даты появления первой статьи в сборнике в честь барона Розена «Ал-Музаффарийат» и до октября 1914 г. – даты защиты диссертации, у Шмидта было немало публикаций, среди которых, правда, преобладали рецензии, но встречались и оригинальные исследования вроде статьи «Насираддйн-ат-Тусий († 672/1273) по вопросу о свободе воли»³. В 1912 г. Шмидт опубликовал в журнале «Мир ислама» «Очерки истории ислама, как религии»⁴.

¹ «Своею собственною работою я zelo недоволен, охотнее всего, издав текст и перевод с небольшим введением, все остальное сжег бы. Быть может, так и сделаю», – писал Шмидт Крачковскому в мае 1909 г. (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 12).

² Так, например, Крачковский характеризовал своего коллегу по факультету восточных языков Н.А. Медникова как homo unis libri (человека одной книги), который всю жизнь посвятил написанию фундаментального труда «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов» (СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 322. Л. 1). К этому Крачковский добавлял нелестную характеристику коллеги, относя его к категории исследователей, «у которых книги выше их самих» (СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 322. Л. 160б.).

³ Шмидт А.Э. Насираддйн-ат-Тусий († 672/1273) по вопросу о свободе воли // Сборник статей в честь Д.Ф. Кобеко от сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. – СПб., 1913. – С. 169–176.

⁴ Шмидт А.Э. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 32–55; Т. I, № 2. – С. 185–202; Т. I, № 4. – С. 562–581.

Однако диссертация была для него вещью особой. Изначально предполагалось, что диссертация будет представлять собой публикацию «небольшого рукописного памятника мусульманского мистицизма»¹, но по мере работы над материалом книга об аш-Ша‘рани превратилась для Александра Эдуардовича в *opus magnum*, капитальный труд, охватывающий не только биографию аш-Ша‘рани и текст одного из его сочинений, но также эпоху, в которую жил и творил суфийский шейх. Диссертация теперь состояла из трех частей: 1) историко-литературной, включавшей биографию аш-Ша‘рани и обзор его сочинений, 2) исламоведческой, заключавшей в себе характеристику учения аш-Ша‘рани на фоне общей эволюции ислама, и 3) текстуальной с критическим изданием трактата «Книга рассыпанных жемчужин».

102

Шмидт уже подсознательно не хотел расставаться с этим трудом, отторгнуть его от себя и поставить точку. Отсюда мысли о том, что диссертация еще не завершена, что впереди еще немало работы. Александр Эдуардович был необычайно требователен к себе. Заверения Виктора Романовича, что его ученик предъявляет завышенные требования к магистерской диссертации, не действовали. Розен рассказывал Шмидту, как он в свое время сам получал степень магистра. После смерти профессора М.Т. Навроцкого в январе 1871 г. на факультете восточных языков остро встал вопрос о замене. По настоянию декана В.Ф. Гиргаса, Розен был срочно отозван из зарубежной командировки и стал в авральном режиме готовить диссертацию к печати. В ноябре того же 1871 г. Виктор Романович сдал магистерский экзамен и напечатал небольшую по объему диссертацию «Древнеарабская поэзия и ее критика»².

¹ Личное дело А.Э. Шмидта // ГАРФ. Ф. Р4737. Оп. 2. Д. 2313. Л. 3.

² *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. – СПб., 1908. – С. 8. Сама защита диссертации состоялась в мае 1872 г. «Сам Виктор Романович очень строго относился к своей диссертации и иногда благодуш-

Шмидт внимательно слушал учителя, но диссертацию предъявлять не спешил.

Даже когда работа и в самом деле была закончена, Александр Эдуардович медлил и не решался отдать ее в печать. Он уже был увлечен новым исследованием – трактатом мусульманского богослова XVIII столетия Зийада б. Йахьи «Ясное исследование о том, что есть истинная вера». Рукопись этого сочинения первоначально принадлежала библиотеке православной школы Трех Святителей в Бейруте. Во время своей командировки в Сирию и Ливан в 1896–1898 гг. востоковед А.Е. Крымский приобрел ее, сделал описание¹ и передал в дар библиотеке Лазаревского института восточных языков в Москве, выпускником которого он был. Шмидт заинтересовался сочинением Зийада б. Йахьи в начале 1910-х гг., и рукопись была передана ему для работы.

В начале XX в. в министерских и научных кругах обсуждались вопросы университетской реформы. Прежний, принятый в 1884 г. устав уже не соответствовал реалиям нового времени. Некоторые предложения по реформированию высшей школы России предполагали сохранить только одну ученую степень вместо двухступенчатой: магистр – доктор². Если это предложение будет принято, писал Шмидт Крачковскому в июне 1912 г., то тогда бы он не спеша печатал

но, хотя и несправедливо, говорил, что это пример того, как не надо писать диссертаций» (*Васильев А.* Барон Виктор Романович Розен. Некролог // *Византийский Временник*. – 1907. – Т. XIV, Вып. 2–3. – С. 484).

¹ См.: *Крымский А.Е.* Антихристианская [рукопись] «О правой вере» шейха Зияде ибн-Яхьи // *Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического Общества*. – Т. III, Вып. 1. – С. 24–31.

² Согласно Университетскому уставу 1884 г., возведение в докторскую степень, минуя степень магистра, допускалось в виде исключения при «выдающихся достоинствах» магистерской диссертации. Так, в 1900 г. В.В. Бартольд был произведен в доктора за свое сочинение «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

диссертацию отдельными выпусками, а все остальное свободное время посвятил бы изучению творчества Зийада б. Йахйи¹.

Неизвестно, сколько бы еще продолжались эти сомнения, если бы друг Игнатий решительно не вмешался в дело. По свидетельству Крачковского, именно он убедил Шмидта наконец отдать диссертацию в печать. Дело в том, что у самого Крачковского к тому времени уже была готова магистерская работа, но он настоял на том, что будет защищаться лишь после своего учителя. Это был верный ход. Шмидт оказался в деликатной ситуации. Теперь его кунктаторство касалось не только его самого, но и друга и ученика Крачковского. Александр Эдуардович с неохотой дал свое согласие на печать диссертации.

104

Но Шмидт не был бы Шмидтом, если бы не вмешивался постоянно в типографский процесс. По его требованию перепечатывались некоторые страницы. Наконец, летом 1914 г. диссертация была опубликована. На 1 октября была назначена защита. Но фортуна, которая не любит колеблющихся, по-видимому, решила подвергнуть Шмидта суровому испытанию.

Буквально за месяц до долгожданной церемонии Крачковский работал в библиотеке Петербургского университета. Он давно поставил себе целью систематизировать арабские рукописи, имевшиеся в библиотеке. Вот как он сам описывает то, что произошло в один из осенних вечеров: «Раз вечером, отдыхая от трудного дня, я опять погрузился в это занятие. Вдруг рука, начавшая механически выписывать незнакомое заглавие, вздрогнула точно от электрического тока. У меня сохранился листок, где неожиданный росчерк от ...нного слова невольно пробежал по всей странице. В индексе отчетливо стояло неведомое мне название “Памятка

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 21–21об.

людям ума о доблестях шейха аш-Шарания Абд аль-Ваххаба". Этого источника в диссертации А.Э. Шмидта не фигурировало. Что же это значит?»¹.

Оказалось, что Шмидт, объездивший пол-Европы в поисках материала для диссертации, не догадался внимательно изучить индекс рукописей библиотеки в своей альма-матер. Еще более интригующим в этой истории было то, что запись в индексе, на которую наткнулся Крачковский, была сделана рукою самого Розена! Но со временем барон, через руки которого проходили десятки рукописей, забыл о биографии аш-Ша'рани в фондах библиотеки.

Крачковский оказался в непростой ситуации. Еще недавно он сам подгонял своего учителя и вот теперь одной фразой он мог разрушить предстоящую защиту и обернуть дело против Шмидта. Умолчать же о находке, по словам самого Крачковского, ему не позволяла его научная совесть.

Игнатий Юлианович принял соломоново решение. Он решил все же рассказать о существовании рукописи на защите, но прежде сообщил о своей находке Шмидту. Реакция последнего оказалась предсказуемой: он сразу заговорил о переносе защиты. И вновь Крачковскому пришлось с еще большим усердием, чем прежде, уговаривать своего нерешительного учителя. Он утверждал, и это вполне соотносилось с его собственными убеждениями, что неучтенная рукопись, конечно, была упущением, но диссертация и без нее является самодостаточной и вносит большой вклад в науку. Шмидт внял доводам Игнатия Юлиановича и не стал отменять защиту.

Однако фортуна решила вновь подвергнуть Александра Эдуардовича испытанию. За неделю до за-

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. – 3-е изд., испр. – М.: Л., 1948. – С. 114–115.

щиты Крачковского одолел недуг. Больной, он лежал на диване и не выходил из дома. Мнительный Шмидт и в этом обнаружил перст судьбы, указывавший на нежелательность защиты. Но и здесь Крачковский проявил упорство: «По счастью, домашний врач, которому я предъявил ультиматум поставить меня на ноги, хотя бы на один день, дал какое-то, по его выражению, “конское” средство, и я прямо с дивана отправился на диссертацию...»¹.

106

Защита состоялась в назначенное время. Как и обещал Шмидту Крачковский, он упомянул во время своей оппонентской речи о найденной им рукописи, но выстроил свое выступление так, что у присутствовавших не осталось сомнений в том, что диссертация несколько не проигрывала от того, что в ней не была использована эта рукопись. Игнатий Юлианович отметил новаторский характер исследования Шмидта и указал, что оно «может послужить прекрасным средством для ознакомления с общей эволюцией ислама за все почти его периоды»². «Вы не только пионер в научном исламоведении в России, – говорил Крачковский, обращаясь к диссертанту в своем выступлении на защите, – но даже пионер и на этой кафедре: последняя диссертация по истории ислама была защищена Гиргасом в 1865 году»³.

Говоря об исламоведении, Крачковский не мог не упомянуть двух главных учителей Шмидта: «От барона Розена вы унаследовали и простоту постановки вопросов и их освещения, от Гольдциера тонкое понимание деталей исламоведения. От голландских арабистов их аполитичность и чистоту отделки, которые

¹ Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. – 3-е изд., испр. – М.; Л., 1948. – С. 117.

² О научной деятельности и диссертации А.Э. Шмидта // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 429. Л. 5.

³ Там же. Л. 2об.–3.

особенно сказались в приложении»¹. Игнатий Юлианович особо отметил то обстоятельство, что «по легкости и изяществу изложения стиль Шмидта напоминает работы барона Розена»².

Указав на вклад Гольдциера в изучение ислама на рубеже XIX – начала XX в., Крачковский вместе с тем заметил, что венгерский ученый изучал идеи отвлеченно от социально-экономических условий, рассматривал ислам отвлеченно от жизни мусульманства³. В этом смысле, по мнению Крачковского, работа Шмидта отвечала в полной мере задачам современного исламоведения, поскольку в ней рассматривались жизненные условия, в которых возникали различные теории⁴.

Была отмечена значимость диссертации на фоне сочинений таких авторов, как Остроумов и Цветков. По мнению Крачковского, работа Шмидта в совокупности с его очерками «оказалась бы полезнее изучения... разных многотомных “Исламизмов”, “Исламоведений”, которые отстают от науки лет на 50»⁵.

Затем оппонент отметил мелкие недостатки диссертации (употребление союза «*ۛ*» в некоторых местах отдельно от следующего за ним слова; наличие европеизмов, в т.ч. в самом заглавии; опечатки в цитате из Корана и др.). Но достоинства работы настолько перевешивали ее недостатки, что даже суровый В.Д. Смирнов не сильно придирился. Шмидту была присуждена долгожданная степень магистра.

¹ О научной деятельности и диссертации А.Э. Шмидта // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 429. Л. 5–5об.

² *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биограф. И.Ю. Крачковского]. – СПб., 1994. – С. 135.

³ О научной деятельности и диссертации А.Э. Шмидта // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 429. Л. 3–3об.

⁴ Там же. Л. 3об.–4.

⁵ Там же. Л. 5.

А на следующий год состоялась защита диссертации Крачковского «Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'вā Дамасский: Материалы для характеристики поэтического творчества»¹. Работа в соответствии с традициями тогдашнего востоковедения включала критическое издание текста *дивана* (около 1700 *бейтов*), перевод текста на русский и собственно само исследование. Одним из оппонентов на защите выступал свежеспеченный магистр Шмидт. Ученик не посрамил своего учителя. Некоторые присутствовавшие ожидали, что теперь Крачковскому достанется от его оппонента, у которого чуть не сорвалась защита из-за несвоевременной находки Игнатия Юлиановича. Но они были разочарованы. Шмидт был деликатен и справедлив. Он охарактеризовал диссертацию Игнатия Юлиановича как «крупный шаг вперед в области исследования арабской литературы»².

108

Книга об 'Абд ал-Ваххабе аш-Ша'рани стала единственной квалификационной работой в жизни Шмидта. Докторскую диссертацию ему защищать уже не пришлось. В 1917 г. он был избран экстраординарным, а в 1918 г. – ординарным профессором Санкт-Петербургского университета.

Те годы, которые Шмидт потратил на диссертацию, не были потерянными. Книга об аш-Ша'рани стала работой, которой склонный к самокритике Александр Эдуардович неизменно гордился. Так, в одном из писем к Крачковскому он писал, что рад тому, что его коллеги получают докторскую степень, но сам он вполне доволен своей магистерской дис-

¹ Крачковский И.Ю. Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'вā Дамасский: Материалы для характеристики поэтического творчества. – Пг., 1914.

² Шмидт А.Э. Рец. на кн.: И.Ю. Крачковский. Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества. – Пг., 1914 // Журн. Мин. нар. просв. – 1915. – Ч. LVIII. – Авг. – С. 400.

сертацией и время от времени не без удовольствия в нее заглядывает¹.

Сама жизнь и творчество аш-Ша‘рани служили для Александра Эдуардовича неиссякаемым источником радости и позволяли, по его собственным словам, обрести то душевное равновесие, которое позволило ему пережить «ряд весьма тяжелых невзгод»².

К слову сказать, подобные чувства испытывал не только сам автор диссертации. В 1929 г. Шмидту пришло письмо от его бывшего студента Мухаммеда-Сафы Баязитова. Этот недоучившийся студент Петербургского университета, ставший впоследствии муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания в Уфе в 1915 г., писал, что, случайно наткнувшись на диссертацию Шмидта, начал «понимать в исламе многое, что другие его соплеменники совершенно не понимают: “Удаляюсь, пишет он, в другой, далекий от мирских сует мир, и становится так легко на душе, а ум просветляется”»³.

109

**По завету барона Розена
(Кафедра исламоведения
в Петроградском университете)**

Лето 1917 г. Шмидты встретили на даче Ивана Веяльинена в Куоккале. Их семья временно пополнилась еще одним иждивенцем. «В.Ю. все же решила принять у нас того бездомного мальчика, о котором я Вам, кажется, говорил, – писал Шмидт Крачковскому. – Мальчик не дурной, но т.ск. запущенный, и хлопот с ним очень много. Удалось нам правда немного

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 152об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 19об. – 20.

³ Там же. Л. 221.

уже дисциплинировать его, и он к нам очень привязан и домой к отцу не хочет возвращаться»¹.

Ездить в Петроград по служебным делам было не просто. Однажды во время забастовки железнодорожников Шмидт вынужден был сойти на станции Дюны по Сестрорецкой дороге. Оттуда с группой таких же товарищей по несчастью он перешел по лесу и вдоль берега границу с Финляндией – подобно шайке контрабандистов².

Шмидт продолжал работать в Петроградском университете и после Октябрьской революции. Нам ничего не известно о том, как он воспринял революционные события Февраля и Октября 1917 г. Шмидт был осторожный и сдержанный человек, и даже если что-то ему не нравилось, он не спешил делиться своими выводами с окружающими. Однако июньские события в Петрограде он назвал «смутными днями большевистского мятежа»³.

110

Едва ли его мнение о большевиках изменилось после Октябрьской революции. Еще летом 1917 г. Шмидт вместе с семьей покинул Петроград и через Псковскую губернию направился в Дерпт (Юрьев). Шмидт уехал больным: с катаром желудка и кашлем⁴. В одном из писем Александр Эдуардович описал свой маршрут: сначала они добрались до Пскова, где провели некоторое время в бараках под карантином; наконец из Пскова на пароходе прибыли в Дерпт.

Шмидт был хорошо знаком с ректором Дерптского университета К.К. фон Дегио. Нам в точности не известно, вел ли он занятия в университете в 1917–1918 гг.,

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 35об.

² Там же. Л. 37–37об.

³ Там же. Л. 41.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к Э.Л. Радлову // ИРЛИ РАН. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1793. Л. 25об.

но основным источником его доходов служили переводы. К 1918 г. все близкие родственники Александра Эдуардовича находились за границей. Мать еще в самом начале века переехала в Лейпциг, сестра Адель жила в Штутгарте и работала скульптором, старший брат Альбрехт вскоре после революции в России переселился в Ригу.

Александр Эдуардович мог попытаться счастья в университетах Германии, Австрии или Нидерландов, но он все же решил вернуться на Родину. Согласно дневнику Крачковского, Шмидт уже был в Петрограде 31 августа 1918 г.¹ За время отсутствия Александра Эдуардовича к нему приходил необычный гость. О нем стало известно благодаря мемуарам В.А. Крачковской.

24 декабря 1917 г. на пороге квартиры Крачковских появился солдат азиатской внешности. Он плохо говорил по-русски. В руках у него была записка на языке тюрки. Вера Александровна разобрала подпись Ахмета-Заки Валидова (Валиди). Солдат на ломаном русском, усиленно помогая себе жестами, убеждал ее идти куда-то. Крачковская возразила, что не может оставить дом, что она готовит обед для мужа и у нее стирка. Тогда солдат знаками объяснил, что ему нужен пустой мешок. Вера Александровна принесла маленький мешочек из-под крупы, но солдат замотал головой и показал руками, что нужен большой мешок. Крачковская принесла наволочку. Предложила солдату папиросы. Солдат забрал наволочку и папиросы и ушел.

Прошло довольно много времени, потом снова стук в дверь. На одном плече у солдата туго набитая «наволока», на другом – большой кусок мяса. В «наволоке» оказалась чудная крупчатка. Вечером пришел Крачковский и прочитал записку. Там содержалось

¹ «31. VIII. 1918. В мое отсутствие был Шмидт, вернувшийся сегодня утром, привез письмо от старика Goldziher'a – жив, слава Богу! (Крачковский И.Ю. Дневники // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 179).

приглашение спуститься вниз. У дома ожидал автомобиль, где находились продукты. Затем авто должно было доставить получателя записки на бывший Николаевский вокзал, где стоял специальный поезд. Позже Крачковские узнали, что посланец Валидова побывал также в домах других петербургских востоковедов: Самойловича, Бартольда, Шмидта и др. с подобными записками и приглашениями. Шмидта с семьей он не застал. Единственными, кто добрался до поезда, были Самойловичи¹.

Шмидт возвратился к началу учебного года. Несмотря на все сложности военного времени, университет продолжал работать, как, впрочем, и Публичная библиотека, где Александра Эдуардовича также ждали его служебные обязанности.

112 В 1918–1919 учебном году Шмидт преподавал в Петроградском университете чтение и объяснение Корана, а также грамматических, исторических, богословских, философских и юридических текстов². Кроме того, Шмидт регулярно ездил в Москву – читать лекции: с октября 1918 по февраль 1920 г. он состоял по совместительству профессором этно-лингвистического факультета при бывшем Лазаревском институте в Москве. Заработанные деньги сразу же обменивались на рынке на Сухаревской площади на муку,

¹ Об этом эпизоде можно также встретить упоминание в «Воспоминаниях» Валиди: «Для помощи нашим войскам я привез несколько вагонов продовольствия. Петроград голодал. Все с жадностью взирают на вагоны, заполненные мясом и маслом. Жену и сына моего старого друга профессора Самойловича арестовали, когда они везли из соседней губернии мешок картошки, и заперли в подвал Николаевского вокзала. Я помог им освободиться, дал мяса и масла. Выделили масла, мяса и сахар семьям других известных востоковедов – Бартольда, арабиста Крачковского, монголоведа Владимирцова, ираниста Розенберга и некоторых других...» (Валиди А.-З. Воспоминания. Кн. 1. – Уфа, 1994. – С. 318).

² Об обозрениях преподавания на 1918–1919 гг. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 27. Л. 35–35об.

масло, сало, пшено, с которыми Шмидт возвращался в Петроград к семье¹.

В 1918 г. происходит важное событие в истории отечественного востоковедения, к которому имел самое непосредственное отношение Шмидт. В своих воспоминаниях о В.Р. Розене Александр Эдуардович писал: «Исламоведение в то время не было представлено на факультете восточных языков отдельной кафедрой, но об открытии таковой в будущем В.Р. уже тогда подумывал и хлопотал»². Намерение барона удалось реализовать через десять лет после его смерти, в 1918 г. В ноябре этого года Шмидт составил «Записку», обосновывающую необходимость создания специализированной кафедры исламоведения³. На двух с небольшим страницах «Записки», датированной 14 ноября 1918 г., дается подробное обоснование необходимости создания кафедры. «Записка» Шмидта была подготовлена к заседанию совета факультета восточных языков, где инициатива Александра Эдуардовича была единодушно поддержана. Через несколько дней, 22 ноября 1918 г., на заседании Совета Первого Петроградского университета⁴ было принято единогласное решение об учреждении кафедры исламоведения.

Что представляла собой эта кафедра, сказать сложно. Нельзя исключать, что по кафедре числился

¹ «Помните, буханы черного хлеба, которые мы покупали на Сухаревке, и полчища крыс, которые покушались на их целость во время нашего сна в квартире на Армянском переулке?» (Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 27).

² Шмидт А.Э. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена. – М.; Л., 1947. – С. 13.

³ Подробнее о создании кафедры см. статью Р.И. Беккина «Кафедра исламоведения Петроградского университета (Об одной малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта)» в настоящем издании.

⁴ Так с июня 1918 по октябрь 1919 г. назывался бывший Императорский Петроградский университет.

всего один человек – сам А.Э. Шмидт¹. Такая практика имела место на ФВЯ², а затем и на Восточном факультете Ленинградского университета³. Известно, что Шмидт обеспечивал преподавание мусульманского права и других предметов из исламоведческого цикла. Остальные же дисциплины читались преподавателями других кафедр. Поэтому нельзя исключать, что ликвидация кафедры в 1921 г.⁴ могла быть связана как с преобразованиями на самом факультете (об этом прямо говорится в «Записке» Крачковского, Бартольда и Ольденбурга⁵), так и с тем обстоятельством, что Шмидт к тому времени окончательно перебрался в Ташкент⁶. Другого специалиста, способного полноценно заменить Шмидта, в Петроградском университете в то время еще не было. Кафедра была открыта под конкретного человека – уникального специали-

¹ Так, в ответ на запрос Отдела высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР от 6 мая 1919 г. за № 2794 декан факультета общественных наук сообщает, что в отличие от ряда других востоковедных кафедр, не укомплектованных профессорско-преподавательским составом, преподавание по кафедре исламоведения обеспечивается А.Э. Шмидтом (Переписка с Наркомпросом РСФСР о вакантных кафедрах на факультетах // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 101. Л. 9об.).

² Так, например, в 1908–1910 гг. на кафедре арабской словесности было два преподавателя, а до 1908 г. – три (*Крачковский И.Ю.* Памяти Н.А. Медникова // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. – М.; Л., 1958. – Т. V. – С. 197).

³ Автор благодарен за это указание А.А. Долининой.

⁴ Эта дата указана в «Записке об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта» (*Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // *Известия Академии наук СССР: Сер. 6.* – 1925. – Т. 19. – С. 893). Фактически же кафедра прекратила свое существование к 1920 г.

⁵ *Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // *Известия Академии наук СССР: Сер. 6.* – 1925. – Т. 19. – С. 893.

⁶ А.Э. Шмидт был официально отчислен из Петроградского университета 23 апреля 1921 г. (см.: Список личного состава профессоров и преподавателей университета на 20 марта 1921 г.).

ста-исламоведа, и прекратила свое существование после того, как он перестал работать в университете.

Одним из факторов, безусловно повлиявших на намерение Шмидта переехать в Ташкент, была ликвидация его родного факультета восточных языков. Осенью 1919 г. в Первом Петроградском университете начался процесс формирования факультета общественных наук (ФОН) – на базе ФВЯ, историко-филологического и юридического факультетов, а также Археологического и Историко-филологического институтов и ряда факультетов Бестужевских высших женских курсов. Востоковедные дисциплины были распределены между несколькими отделениями нового мегафакультета: философским, историческим, филологическим и этнологическим-лингвистическим. Однако религиозно-философский факультет так и не был создан¹.

Не следует сбрасывать со счетов и материальный фактор. В 1918 г. Шмидтам удалось спастись от голода и других невзгод, перебравшись в Дерпт, но и в 1919 г. ситуация была ненамного лучше. От недоедания и плохой пищи болели дети. В 1919 г. сын Эдуард страдал каким-то желудочным заболеванием и мог умереть, если бы его не спас известный на весь Петроград доктор Г.Г. Вестфален, специалист по болезням внутренних органов, лечивший в свое время таких высокопоставленных пациентов, как великий князь Михаил Александрович.

В Ташкенте, между тем, открывались новые возможности. Здесь создавался первый в Средней Азии университет.

Идея создания высшего учебного заведения в Туркестане была впервые озвучена С.Ф. Ольденбургом еще

¹ Подробнее о создании ФОН см.: *Март Н.Я., Жебелев С.* О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в Факультет общественных наук (в части, касающейся Историко-филологического факультета и Факультета восточных языков). – Пг., 1919.

в 1902 г.¹ Предложение Сергея Федоровича состояло в том, что необходимо учредить высшую школу востоковедения – наподобие организованной французами в Индокитае школы Крайнего Востока². В 1903 г. Ташкентское отделение Петербургского общества востоковедов подготовило проект об Институте восточных языков в Ташкенте. Однако по ряду причин вопрос об институте развития так и не получил. В дальнейшем возобладала точка зрения об учреждении в Ташкенте полноценного высшего учебного заведения с различными факультетами. Проект университета в Туркестане сдвинулся с мертвой точки только в 1917 г., когда С.Ф. Ольденбург стал министром народного просвещения во Временном правительстве. Шмидт наряду с другими крупными петербургскими востоковедами (В.В. Бартольд, Н.И. Веселовским, Н.Я. Марром, А.Н. Самойловичем, С.Ф. Ольденбургом и другими) был назначен постановлением Временного правительства членом Организационного комитета по созданию Туркестанского университета.

После Октябрьской революции работа по организации высшего учебного заведения в Ташкенте не только не была приостановлена, но, напротив, активизировалась. Туркестанский народный университет был открыт 21 апреля 1918 г. Это не было еще высшее учебное заведение в полном смысле этого слова, но его возникновение явилось важным этапом на пути формирования будущего Туркестанского государственного университета (ТуркГУ).

Организационно сотрудники университета делились на две группы: московскую и ташкентскую. Основной костяк профессорско-преподавательского

¹ Подробнее об этом см.: *Бартольд В.В.* По поводу проекта С.Ф. Ольденбурга // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 492–495.

² *Бартольд В.В.* К проекту восточного института // *Бартольд В.В.* Сочинения в 9 т. Т. 9. – М., 1977. – С. 499.

корпуса составляли «москвичи». В Москве же решались основные вопросы, связанные с организацией университета, в т.ч. с созданием отдельных факультетов. В 1919–1920 гг. Шмидт регулярно ездил в столицу для участия в заседаниях и совещаниях в качестве заместителя ректора ТуркГУ и будущего декана основного гуманитарного факультета – историко-филологического. Он также отвечал за комплектование библиотеки формируемого вуза.

Таким образом, Александр Эдуардович приступил к работе в университете еще в 1918 г. в качестве одного из ключевых руководителей и преподавателей, и потому его переезд в Ташкент был теперь лишь вопросом времени. И это время пришло в феврале 1920-го. Однако из университета и Публичной библиотеки Александр Эдуардович был официально уволен только весной 1921 г. Коллеги сохраняли за ним место на тот случай, если дела в Ташкенте пойдут плохо.

117

Первый эшелон на юг (Путешествие на «поезде науки» в Ташкент)

«Наше путешествие могло бы послужить прекрасною канвою для рассказа Жюль Верна или другого такого писателя»¹, – писал Шмидт Крачковскому 24 марта 1920 г. с одной из станций на пути «поезда науки». Пожалуй, история этого путешествия в большей степени заинтересовала бы писателя Андрея Платонова. Наверное, не приходилось ему, любителю паровых машин, видеть, как профессора столичных вузов противостоят красноармейцам в неумолимом споре за паровоз.

Шмидт был руководителем «поезда науки». Маршрут некоторых пассажиров поезда начался

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 61.

в Петрограде. До Москвы Шмидт и его коллеги доехали благополучно, если не принимать в расчет то обстоятельство, что вагон с их вещами куда-то исчез. Взять с собой можно было только самое необходимое. Часть своей мебели Шмидт оставил у коллег из Публичной библиотеки. Он рассчитывал потом перевезти ее в Ташкент, но когда узнал расценки на перевоз, оставил эту затею. Исключение составлял рояль, на котором любила музицировать Вера Юлиевна. Инструмент был оставлен на квартире у А.И. Браудо. В 1924 г., когда тот скончался, Шмидт все же решился выписать рояль в Ташкент¹. У другого коллеги Александр Эдуардович оставил на хранение ларь с портретами и фотографиями родных, а также картинами². В 1925 г. во время приезда в Ленинград Шмидт узнал, что ларь пострадал во время прошлогоднего наводнения.

118

Но не менее грустная судьба ожидала вещи, следовавшие в 1920 г. за Шмидтами в Ташкент. Вагон с имуществом петроградских ученых был присоединен к другому составу и также следовал в Москву. Но напрасно ожидали его прибытия пассажиры «поезда науки». Шмидт как руководитель группы отправился разыскивать вагон. Оказалось, что тот прибыл на другой вокзал. Свои вещи ученые смогли увидеть только на одной из станций в Самарской губернии. Вагон оказался взломан. При его осмотре выяснилось, что больше всего от грабителей пострадали Шмидты. Была украдена швейная машинка, а из вскрытой корзины было похищено несколько платков Веры Юлиевны, костюм Шмидта и почти вся обувь³.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 265. Рояль был продан в конце 1980-х гг. наследниками А.Э. Шмидта.

² Там же. Л. 23об.

³ Там же. Л. 65–65об.

Помимо розыска пропавшего вагона с вещами у Шмидта в Москве были другие заботы. Отправление поезда из Москвы по непонятным причинам задерживалось. Каждый день Шмидт как на работу ходил по разным ведомствам, добиваясь решения вопроса с отправкой состава с московскими и петроградскими учеными. Командировочные, предоставленные ученым, быстро таяли. Многим пришлось продать часть своего имущества. Шмидт называл вынужденное стояние в Москве «московским пленом»¹.

За время ожидания отправления поезд стал для ученых новым домом. По признанию Шмидта, условия были вполне сносные. Каждый вагон состоял из шести отделений (купе), из них пять предназначались для пассажиров, а одно использовалось под туалет и кухню. В отделении имелось три места: два внизу и одно наверху. Шмидт с Верой Юлиевной и Эдуардом ехали в одном отделении. Младшему сыну Шуре пришлось делить соседнее купе с другой семьей.

119

В каждом вагоне имелась чугунная печка, что позволяло пассажирам не страдать от холода. С обеспечением дело также обстояло неплохо. Ежедневно пассажиры получали сытный обед из санитарного поезда. Другие продукты (крупы, масло, сало) удавалось приобретать недорого. Хлеба пассажирам поезда выдавалось вдоволь, так что все заготавливали сухари – «на черный день». Не забывая о друзьях, оставшихся в голодном Петрограде, Шмидт безуспешно попытался отправить Крачковским посылку с сухарями. Однако посылки, как оказалось, принимались только от военнослужащих². Почти с каждой станции Шмидт отправлял другу Игнатию либо письмо, либо открытку.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 57.

² Там же. Л. 63об.

Изначально предполагалось, что в городе Сасове Рязанской губернии к ученым из Петрограда и Москвы присоединится бывший миссионер, востоковед Н.П. Остроумов (1846–1930). Но еще в Москве Шмидт получил телеграмму с приказом не брать Николая Петровича в поезд, поскольку тому запрещалось находиться в Туркестане. Здесь же, в Сасове, с поезда сошел профессор А.А. Семенов: он отправился в Моршанск за своей семьей и рассчитывал нагнать поезд в Сызрани или Самаре.

Гражданская война еще не закончилась, и по законам военного времени правда оказывалась на стороне того, у кого была сила. Несмотря на то что в Москве Шмидт запасся мандатами, никакой документ не мог спорить с маузером или винтовкой. Особенно если речь шла о такой ценной вещи, как паровоз.

120

Шмидт вспоминает о двух случаях, когда они не смогли продолжать путь, лишившись не по своей воле локомотива. На станции Акбулак красноармейцы перехватили у Шмидта и его коллег паровоз. Состав «поезда науки» был тяжелый (до 54 000 пудов), и для него требовался мощный локомотив. Найти его в Акбулаке не удалось. Тогда решили разделить состав на две части: одна, присоединенная к маломощному локомотиву, отправилась в путь, другая осталась в Акбулаке в ожидании еще одного паровоза. Наконец, он нашелся, но его бригада наотрез отказывалась ехать в сторону Урала. Причина была прозаической: они захватили где-то 40 пудов сала, которым они хотели «спекулировать»¹. Другой случай имел место в Оренбурге. Здесь ученым пришлось отдать паровоз под дулами винтовок.

Не менее жесткой была борьба за топливо. На одной из станций военные из стоявшего на соседних путях эшелона завладели механической пилой и все

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 60об.

дрова стали забирать себе. Красноармейцы хотели тронуться в путь раньше, хотя приоритет был у «поезда науки», прибывшего первым.

Все это приводило к неимоверным задержкам в пути. Так, из-за утраты паровоза в Оренбурге «поезду науки» пришлось простоять здесь целых две недели. Как и в Акбулаке, состав был разделен на две части. Продвижение поезда также затрудняла разруха – путь состава лежал через места недавних сражений. Многие мосты были разрушены. Поезду приходилось идти по деревянному настилу на льду, когда позволяла погода. Если пути были завалены снегом, пассажиры выходили и брались за лопаты.

Решение всех возникавших проблем ложилось на Шмидта как руководителя группы. Он бегал по станциям и полустанкам, добывая паровозы, дрова и само право на дальнейший проезд: «Особенно неприятной эта беготня была в виду огромного обилия вшей, которые ползали на всех тулупах густо заполнявших все помещения “товарищей”»¹. Пассажиры поезда не раз были искусаны вшами, но тифом Шмидты, к счастью, не заболели.

Во время вынужденного простоя на больших и малых станциях каждый из пассажиров «поезда науки» развлекал себя как мог. Кто-то читал публичную лекцию для всех желающих, кто-то давал концерт в рабочем клубе.

«Поезд науки», наконец, после почти двух месяцев пути, прибыл в Ташкент 10 апреля 1920 г.² Но на этом трудности не закончились. Только часть пассажиров

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 65.

² Осенью того же года в Ташкент прибыл еще один состав, доставивший новую группу профессоров и преподавателей, а также лабораторное оборудование, научную и учебную литературу (ок. 90 000 томов) и др. Всего же из Москвы в Ташкент было отправлено пять эшелонов с личным составом.

(точнее сказать, уже обитателей) поезда смогла получить служебные квартиры. Остальные, в том числе Шмидты, почти три недели продолжали жить в своих вагонах и лишь затем были размещены в разваливавшемся здании школы. Город оказался не вполне готовым к встрече энтузиастов просвещения. Прибывшим оставалось только радоваться, что из записавшихся к концу 1919 г. в число сотрудников университета 193 профессоров и преподавателей до Ташкента доехало не более 90 человек¹. В противном случае жилищные условия были бы еще хуже и для кого-то вагон мог надолго стать постоянным домом.

«На высоте задачи»

(На посту декана Туркестанского восточного института)

122

Оказавшись в Ташкенте, Александр Эдуардович довольно скоро принял решение навсегда остаться здесь, посвятив себя организационной, преподавательской и научной работе. В пользу Ташкента говорили как климатические, так и материальные условия.

Впрочем, было бы неверно утверждать, что в Туркестанском крае Шмидт, наконец, обрел желаемое благополучие. Нужда не оставляла его и здесь. Цены в Ташкенте были, конечно, не такими высокими, как в пережившем голод Петрограде, но некоторые продукты можно было позволить себе разве что по праздникам. Фунт черного хлеба стоил 60 рублей, белого – 110–120. За фунт белого риса просили 60 рублей, а кишмиша – 100–200. Фунт сливочного масла обходился в 1200–1400 рублей².

¹ Баранов П.А. Среднеазиатский университет. Исторический очерк // Среднеазиатский университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции. – Ташкент, 1927. – С. 9.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 66об.

Гражданская война еще не закончилась, и прибывшим сотрудникам университета приходилось жить и трудиться в спартанских условиях. Но ожидаемые сложности поначалу не сильно огорчали Шмидта. Тогда ему и многим другим, приехавшим в Ташкент, казалось, что все трудности со временем могут быть преодолены. Шмидт приехал в Туркестан, чтобы начать новую жизнь. Отступать было некуда: в Петрограде все мосты были сожжены. Оставалось только одно: методично и честно делать свою работу, которой здесь был непочатый край. Не сидела без дела и Вера Юлиевна. В университете она заведовала кооперативной лавкой, а впоследствии работала библиотекарем¹.

Александр Эдуардович прибыл в Ташкент в качестве помощника ректора Туркестанского государственного университета. На первых порах ему приходилось участвовать в двух-трех заседаниях в день². Кроме того, он был деканом историко-филологического факультета университета (до 31 июля 1921 г.) и в его задачи входила организация учебного процесса.

С осени к административной нагрузке прибавились лекции и семинары. В неделю Шмидту приходилось читать по 16–18 лекций³. Традиция совмещать несколько должностей продолжилась и в Ташкенте. В письмах Шмидта начала 1920-х часто возникает образ беличьего колеса, в котором он крутится.

С апреля 1920 г. Александр Эдуардович также находился в должности профессора Туркестанского восточного института (ТВИ). ТВИ был учрежден еще

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 92об.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Л. 78.

в 1918 г.¹, причем, в отличие от университета, преимущественно силами местных энтузиастов. В инициативную группу по созданию института входили туркестанские ориенталисты М.С. Андреев, А.А. Гаррицкий, П.Е. Кузнецов, М.-А. Кучербаев, А.Ф. Машковцев и др. Первым ректором Восточного института был избран Михаил Степанович Андреев (1873–1948). Уроженец Ташкента, Андреев стал заниматься изучением Туркестана еще в 1890-е гг. Сбор и анализ археологических и этнографических данных он совмещал с преподаванием в Ташкентской учительской семинарии и в Ташкентском реальном училище.

124

На посту ректора ТВИ Андреев сумел в короткие сроки создать условия для работы данного учебного заведения. 8 ноября 1918 г. положение об институте было утверждено Наркоматом просвещения Туркеспублики, а уже 27 декабря в ТВИ начались занятия. На первый курс в 1918 г. было зачислено 234 человека, в т.ч. 148 (63%) – на полное четырехгодичное обучение и 86 (37%) – на неполный курс наук².

Институт был обеспечен минимальным, необходимым для начала работы числом преподавателей и помещениями. При ТВИ существовала библиотека. Ее основой послужила востоковедная литература, поступившая из бывшей Туркестанской учительской семинарии. Фонды библиотеки пополнялись за счет приобретений у частных лиц и даров, но она не могла обеспечить студентов учебной литературой³.

¹ В этом же году на Украине были созданы образовательные учреждения, специализировавшиеся на изучении Востока: Восточный институт в Киеве и Техникум востоковедения в Харькове.

² Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение.– Ташкент, 1922.– № 2. – Окт.-дек. – С. 114.

³ Впоследствии библиотека ТВИ вошла в состав библиотеки САГУ. Ее рукописный фонд описан А.А. Семеновым (см.: Семенов А.А. Описание

В конце 1920 г. М.С. Андреев сообщил Шмидту, что планирует уходить с поста ректора и хотел бы рекомендовать на эту должность кандидатуру Александра Эдуардовича. Но тот, загруженный работой в университете, решительно отказался от этого предложения.

Первое время Александр Эдуардович достаточно спокойно относился к судьбе Восточного института. Но по мере вовлечения в работу ТВИ в качестве профессора он изменил свои взгляды на будущее вуза. Преобразования в высшей школе, полным ходом шедшие в Петрограде и Москве, докатились в скором времени и до Ташкента. Историко-филологический факультет, которому Шмидт отдавал массу сил и времени, был с 1 июня 1921 г. упразднен, но о его ликвидации стали говорить еще в конце 1920-го¹.

Повторялась ситуация с факультетом восточных языков и историко-филологическим факультетом Петроградского университета, влитых в состав факультета общественных наук (ФОНа) в 1919 г. Анализируя происходящее, Шмидт понял, что все попытки создать систему подготовки востоковедов в ТуркГУ – это не более чем строительство песочных замков. Такой замок будет смыт ближайшей волной непоследовательных, бессмысленных и губительных реформ.

Туркестанский восточный институт был небольшим, но независимым от университета вузом. Происходившие в ТуркГУ – САГУ² преобразования формально не затрагивали его. Таким образом, теоретически

персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета. – Ташкент, 1935).

¹ С 1 июня 1921 г историко-филологический факультет прекратил существование. На базе историко-филологического и физико-математического факультетов был организован педфак, на котором, впрочем, не было исторического отделения.

² В 1920 г. Туркестанский государственный университет был переименован в Первый Среднеазиатский государственный университет, а с 1924 г. – в Среднеазиатский государственный университет (САГУ).

существовала возможность реализовать те замыслы, которые были в голове Шмидта, когда он ехал в Ташкент и которые (увы!) невозможно было претворить в жизнь в университете.

А между тем Семенов, Андреев и другие преподаватели ТВИ продолжали настаивать на том, чтобы Шмидт согласился стать ректором. Но Александр Эдуардович колебался. Во-первых, он справедливо опасался, что это станет серьезным препятствием для его научной работы. Во-вторых, ему было хорошо известно об интригах, которые существовали в Восточном институте. Ему не хотелось стать еще одной жертвой внутренней борьбы в ТВИ – подобно его предшественнику. О причинах, побудивших амбициозного Андреева покинуть свой пост, он был наслышан: «Как я потом узнал... представители студенчества имели в виду выразить ему свое недоверие (между прочим за то, что он оттягивал привлечение представителей студенчества в президиум), и он парировал этот удар»¹. Иными словами, представитель «старой школы» не принимал новых, установленных после Октябрьской революции порядков, согласно которым студенты на равных правах с профессурой привлекались к принятию административных решений в учебных заведениях. Шмидт также не разделял подобных нововведений и потому не горел желанием наступать на те же грабли, что и его предшественник.

Однако Семенов и Андреев уже достаточно хорошо изучили Александра Эдуардовича и привели тот довод, против которого Шмидт ничего не сумел возразить: «Вопрос был поставлен ребром, другого кандида-

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 13об. Влияние партийного студенчества привело к тому, что в декабре 1920 г. ректором ТуркГУ был избран студент (!) А.Ф. Солькин. Только в мае 1921 г. его сменил А.Л. Бродский.

та не было (все отказались) и институту грозила опасность потерять свое самостоятельное существование»¹.

Но и здесь Александр Эдуардович оставался самим собой. Поддавшись давлению со стороны преподавателей и студентов института, он не переставал терзаться сомнениями.

Впоследствии еще не раз Александру Эдуардовичу приходилось соглашаться на работу, которая не приносила ему ничего, кроме разочарований. Причина была все та же: сохранение и спасение института, а затем – факультета и даже целого университета, как было в 1926 г., когда Шмидт согласился войти в правление Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в качестве проректора. Таким образом, кажущаяся слабость характера Александра Эдуардовича была не более чем иллюзией, способной ввести в заблуждение только тех, кто его плохо знал. Он проявлял мнимую слабость лишь там, где дело касалось его са-

127

мого. При решении проблем, затрагивающих интересы других людей, Шмидт демонстрировал строгость, иногда даже чрезмерную. И своими поступками и даже обликом он напоминал окружающим Дон Кихота, сражавшегося с несправедливостью и спешившего на помощь тем, кто нуждался в его защите. На этот раз пришел черед выручать туркестанских востоковедов.

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 13об.

то, что в Положении об институте среди основных задач, стоявших перед данным вузом, были обозначены, помимо прочего, «подготовка кадров¹ ученых востоковедов, имеющих в виду посвятить себя всестороннему изучению края»². «Почему-то местные коллеги, – сообщал Шмидт Крачковскому, – не могут освободиться от стремления к востоковедному энциклопедизму, с одной стороны, и от чисто школьно-практического подхода к преподаванию и к программам такового, с другой»³. Последнее проявлялось, в частности, в том, что все языки изучались непременно с первого семестра и с необъятным количеством часов⁴. Подобный подход проистекал из представлений о том, что местный востоковед должен был в равной степени хорошо владеть всеми языками проживавших в регионе народов⁵.

128

Шмидт считал эту теорию методологически неверной. Он хотел сделать из Восточного института полноценное высшее учебное заведение, которое будет готовить не обычных толмачей, а специалистов по региону, владеющих несколькими языками, но при этом имеющих определенную специализацию. Одна из идей Шмидта сводилась к тому, чтобы превратить ТВИ в вуз с археологическим уклоном⁶. Однако посоветовавшись с Бартольдом и Крачковским, он пришел к мысли построить на базе ТВИ полноценный востоковедный вуз, взяв за образец факультет восточных языков времен деканства барона Розена.

¹ В оригинале, возможно, опечатка: кадра.

² Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 112.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 109.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 110об.

⁶ Там же. Л. 72.

Для этого Шмидту в сжатые сроки требовалось решить ряд важных проблем, и прежде всего – вопрос с кадрами. Среди профессоров и преподавателей Восточного института были местные туркестанские ориенталисты, с энтузиазмом относившиеся к изучению Востока, но не всегда соответствовавшие строгим требованиям, предъявляемым к преподавателям вуза.

Приходилось рассчитывать лишь на местные силы. В письмах к И.Ю. Крачковскому и В.В. Бартольд Шмидт дал краткие характеристики своих коллег по ТВИ. Все они (за редкими исключениями в лице П.А. Фалева, А.А. Семенова и др.) были в науке любителями, а не профессионалами. Многим из них не хватало систематических знаний и педагогического опыта. Так, например, про уже упоминавшегося выше этнографа Абубакира Диваева Шмидт говорил, что тот – «кладезь знаний по этнографии, но историю края знает слабо»¹. Другим коллегам, по мнению Александра Эдуардовича, не хватало усердия, как «обладавшему научной жилкой» профессору-финансисту Николаю Эдуардовичу Вундцеттелю² или преподавателю узбекского языка Петру Евдокимовичу Кузнецову, которого все называли Пьером Кузнецовым.

Достаточно критично отзывался Шмидт о научно-педагогической деятельности М.С. Андреева, который после ухода с должности ректора ТВИ продолжал работать в институте в качестве профессора. В одном из своих писем к Бартольду Александр Эдуардович признавался: «Я же, откровенно, положу руку на сердце, должен сказать, что при всем богатстве материалов, которыми располагает М.С., у него нет никакой академической выучки, у него нет перспективы мас-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 96об.

² Там же. Л. 96.

штаба, у него нет никакого умения, хоть маленечко систематизировать свои материалы»¹.

Данная характеристика Андреева была вызвана желанием последнего стать избранным профессором в 1924 г. Шмидт считал, что Андреев пока не может претендовать на это звание. «Я очень, очень расположен к М.С-чу, и рад бы ему сделать приятное, – писал он в том же письме к Бартольд, – но тут я в тупике: по глубокому моему убеждению он не может руководить кафедрой и, вообще, не способен к систематическому изложению даже предмета своей специальности². Если бы у него было напечатано больше... то можно было бы поднять вопрос о предоставлении ему профессуры *honoris causa*³»⁴.

Принципиальность Шмидта, как ему самому казалось, сильно задевала некоторых его коллег по ТВИ и прежде всего – Андреева. Шмидт писал об этом с иронией в декабре 1924 г.: «Словом, я начинаю чувствовать, что против меня начинает в отдельных “местных” ориенталистах назревать настроение примерно такое, как в Иране 8–9 стол[етий] против арабских завоевателей, а это отравляет мне работу, в конечном счете совершенно бескорыстную»⁵.

Бартольд, читая эти строки, не мог не согласиться с доводами Шмидта. Сам он, как известно, умел проявлять твердость и в своей жизни следовал принципу: «Платон мне друг, но истина дороже».

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 35.

² В ТВИ и на востфаке М.С. Андреев читал таджикский и персидский языки.

³ *Honoris causa* (лат. – ради почета). Профессор *honoris causa* – заслуженный или почетный профессор.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 36об.

⁵ Там же.

Впрочем, возможно, Александр Эдуардович несколько преувеличивал степень недовольства среди местных ориенталистов. В любом случае, его верными союзниками в институте оставались Н.Г. Маллицкий и А.А. Семенов.

Александр Александрович Семенов был, пожалуй, самой заметной фигурой среди профессоров и преподавателей ТВИ. Шмидт высоко оценивал его как блестящего знатока края, хотя и подтрунивал иногда над «лазаревской» манерой Семенова транслитерировать арабские и персидские термины. Выпускник Лазаревского института в Москве Семенов писал не так, как было принято у учеников барона Розена, а по принципу: «как слышу, так и пишу».

В характере Семенова Шмидту не нравилась излишняя дипломатичность. Он «не прямой человек», осторожный, избегает острых углов, писал о нем Шмидт, ссылаясь на мнение третьих лиц, но, кажется, вполне соглашаясь с ним¹. Благодаря этой осторожности бывший вице-губернатор Самаркандской области не только смог продолжать свою научную работу, но и дожить до преклонного возраста.

Но несмотря на недостатки и слабости своих коллег, Шмидт умел максимально использовать их потенциал для общего дела – укрепления и развития Восточного института.

Единственный человек, которого Александр Эдуардович категорически не хотел видеть в числе преподавателей Восточного института, был Евгений Дмитриевич Поливанов. «Я постараюсь не допустить его к институту и на ружейный выстрел», – писал Шмидт Крачковскому².

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 59об.–60.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 95об.

Такая категоричность в формулировках была несвойственна Александру Эдуардовичу. Можно лишь догадываться, что послужило причиной этой неприязни со стороны сдержанного и деликатного Шмидта. В непрофессионализме «красного профессора», члена РКП(б) Поливанова упрекнуть было сложно. Талантливый полиглот, он блестяще владел 17 языками, в т.ч. и их диалектами¹. Он был как воздух необходим в ТВИ, где не хватало не только специалистов по Дальнему Востоку, но и филологов с образованием ведущих университетов страны. В таком случае, чем же не угодил Поливанов Шмидту? Похоже, ответ на этот вопрос был настолько очевиден для Крачковского, что не требовал дополнительных пояснений со стороны Александра Эдуардовича. Нам же, не обладающим всей необходимой информацией, остается только строить предположения. Впрочем, основа для них существует.

132

Поливанов и внешним обликом своим, и образом жизни никак не вязался с представлениями Александра Эдуардовича об университетском преподавателе. Прежде Шмидт и Поливанов работали на одном факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, но практически не соприкасались. В 1914 г., когда Шмидт защищал магистерскую диссертацию, Поливанов был зачислен приват-доцентом на кафедру сравнительного языковедения. Но поймать Евгения Дмитриевича на факультете было задачей непростой: он не любил сидеть на одном месте. До революции три раза (в 1914, 1915 и 1916 г.) он побывал в Японии. Здесь он и понабрался тех привычек, благодаря которым прославился на весь Ташкент. Одной из них была страсть к переодеваниям. Для того чтобы

¹ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // Восток-Oriens. – М., 1997. – № 5. – С. 128.

погрузиться в среду и собрать необходимый языковой материал, Поливанов наряжался буддийским монахом и проводил время у ворот храмов. Результатом этих «посиделок» стали монографии и статьи, посвященные японским диалектам и получившие высокую оценку у специалистов¹.

В Ташкенте Поливанов объявился в 1921 г. Сюда он был командирован Коминтерном, но об истинных целях его затянувшейся командировки мало кто догадывался². В конце того же года Поливанов поступил на работу в САГУ. Он также читал несколько курсов в Восточном институте, вопреки желанию Шмидта.

Евгений Дмитриевич поражал студентов своей внешностью, появляясь на лекции в засаленном узбекском халате с тибетской шапкой на голове и дырявых калошах³. Как и в Японии, этот маскарад нужен был Поливанову для сбора материала. Он не хотел тратить время на переодевание и потому сразу после лекции отправлялся в Старый город, где проживало коренное население, чтобы проводить там свои полевые исследования.

¹ Поливанов Е.Д. Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. – СПб., 1914; *Он же*. Музыкальное ударение в говоре Токио. – Пг., 1915; *Он же*. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Говор деревни Мие, префектуры Нагасаки, уезда Ниси-Союки. Музыкальное ударение в говоре Киото. – Пг., 1917; и др.

² Существует версия, что Поливанов был сотрудником секретного отдела, в задачи которого входила координация революционной работы в Синьцзяне (*Ашинин Ф.Д., Алтатов В.М.* Из следственного дела Е.Д. Поливанова // *Восток-Oriens*. – М., 1997. – № 5. – С. 127).

³ *Кардашев М.С.* Воспоминания о Е.Д. Поливанове (1890–1940). Материалы к «Поливановским чтениям в Самарканде» // *Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР*. – 1966. – № 1. – С. 57 // *цит. по: Германов В.* Япония и Узбекистан в судьбе и ученых трудах ориенталиста Евгения Поливанова // *Узбекистан и Япония на возрождающемся Шелковом пути* (сборник докладов научной конференции, Ташкент, 14–16 декабря 2006 г.). – Ташкент, 2007 // http://sklyarevskiy.livejournal.com/1818436.html#/_edn3

Но вскоре Евгению Дмитриевичу показалось этого мало, и он решил еще глубже погрузиться в среду. Он приобрел хибарку в самом чреве Ташкента – на базаре среди притонов, где собирались курильщики опиума¹. Погружению в немалой степени содействовало употребление наркотиков, как легких, так и тяжелых. Но они же послужили причиной экстравагантных, необъяснимых с обывательской точки зрения поступков, о которых потом кто со смехом, а кто и с ужасом говорил в университете. Однажды под воздействием наркотиков Поливанов бросился под трамвай и чудом остался жив². Но сильно повредил при этом руку.

Очевидно, что для Шмидта Поливанов был человеком с другой планеты. Талантливым, но совершенно неуправляемым *enfant terrible*.

134

Однако выбирать не приходилось. В Восточном институте Поливанов закрывал дальневосточный блок. Здесь он читал следующие курсы: общего и сравнительного языкознания, общей этнографии, китайского языка и др. И Шмидт сумел найти с «чокнутым профессором» общий язык, хотя это и стоило ему «напряжения душевных сил». Впоследствии Александр Эдуардович даже признавался: «Много пользы принес нам Поливанов, несмотря на то, что он как-то совершенно уже отбил от масштаба “нормального” человека»³.

Поливанов, впрочем, недолго удивлял студентов и преподавателей Восточного института и САГУ своими чудачествами. В 1926 г. его направили в Дальневосточный университет во Владивосток, а затем в Москву. Здесь он не оставил своих привычек: жил полуофици-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 180об.

² Письма А.А. Семенова к В.В. Бартольдью // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 221. Л. 117.

³ Подробнее об этом см.: Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 25–27об.

ально с двумя женами, имел слугу-китайца¹. В 1929 г. Поливанов вновь объявился в Средней Азии, на этот раз в Самарканде, где поступил на работу в только что открытый Узбекский НИИ педагогических наук. Но их со Шмидтом пути больше не пересекались.

Евгений Дмитриевич стал фактически единственным (кроме самого Шмидта) профессором нетуркестанцем в Восточном институте. Других ученых Александру Эдуардовичу так и не удалось уговорить перебраться в Ташкент.

В итоге, одни кафедры были укомплектованы преподавателями лучше, другие – хуже. Еще весной 1920 г. в структуре ТВИ была создана кафедра арабской словесности и исламоведения, профессором которой был избран А.Э. Шмидт². Поначалу судьба кафедры складывалась более или менее удачно. Об этом имеется свидетельство самого А.Э. Шмидта: «В течение 1920–1921 и 1921–1922 учебных годов, благодаря притоку квалифицированных сил из центра, удалось значительно усилить преподавание и заменить пустовавшие до того времени кафедры, в частности арабский язык и исламоведение...»³. К 1922 г. кафедра исламоведения была обеспечена профессорами наряду с четырьмя другими кафедрами ТВИ: иранской филологии, философии, языковедения и государственного права⁴.

Арабский язык в ТВИ вначале преподавал Шабид Хузейми – выпускник Казанской духовной академии. Шмидт хотел привлечь к преподаванию возвратившегося в Ташкент Н.П. Остроумова, но эта идея не встре-

¹ Кузнецов П.С. Воспоминания // Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 7, № 1. – С. 194.

² После присоединения Туркестанского восточного института к САГУ кафедра стала называться кафедрой арабской словесности и истории ислама.

³ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.–дек. – С. 115.

⁴ Там же. – С. 118.

тила одобрения властей. Неудачей кончилась и попытка оформить профессором Восточного института другого чиновника времен империи – Н.Л. Лыкошина, бывшего генерал-губернатора Самаркандской области. Когда стало известно о намерении избрать его профессором, разразился громкий скандал, и Лыкошин вынужден был сам написать заявление о своей непригодности для профессорской должности¹.

Еще больше хлопот вызывала кафедра тюркологии. До 1922 г. основную нагрузку по турецкому разряду нес Павел Александрович Фалев (1888–1922). В 1921 г. он был командирован в Туркестан как руководитель экспедиции, в которую входили слушатели Центрального Института Живых восточных языков в Петрограде². Под влиянием Шмидта он решил связать свою судьбу с Туркестаном и летом 1922 г. отправился в Петроград за своей семьей. Но в пути ученый заболел тифом и скончался. По просьбе Шмидта тюрколог Абубакир Диваев вел переписку с Н.Ф. Катановым. Тот дал свое принципиальное согласие на приезд³. Оставалось утрясти некоторые детали. Но в марте 1922 г. Николай Федорович скончался. Неудачей закончилась и затея с приглашением П.К. Жузе (1871–1942), который после революции работал в университете в Баку⁴. Здесь, казалось, все поначалу складывалось положительно: имелась вакансия, и сам Пантелеймон Крестович готов был приехать. Но приглашение Жузе пришлось отложить на неопределенное время, так как не было никакой возмож-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 73об. В 1923 г. из ТВИ был уволен А.А. Гаррицкий. Благодаря хлопотам Шмидта его удалось восстановить на работе, но уже в качестве профессора, а не заведующего кафедрой.

² В составе делегации была ученица И.Ю. Крачковского К.В. Оде-Васильева (1892–1965).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 70об.

⁴ Там же. Л. 100–100об.

ности обеспечить его в Ташкенте даже самым скромным жильем¹. Сам Шмидт с женой и детьми продолжал жить в двух комнатах в общежитии университета, но и о таких бытовых условиях многим оставалось только мечтать.

Большие надежды Шмидт поначалу возлагал на приезд в Ташкент коллег из Петрограда. На протяжении всех 1920-х гг. он активно приглашал И.Ю. Крачковского, В.В. Бартольда, И.П. Кузьмина, С.Е. Малова и др. Но по разным причинам никто из столичных коллег не решился на переезд.

Дефицит профессоров приходилось компенсировать за счет молодых сотрудников – вчерашних студентов. Без большого энтузиазма Шмидт решил взять в качестве практиканта «заносчивого» арабиста Михаила Александровича Салье (1899–1961) – будущего переводчика сказок «Тысячи и одной ночи»². Позднее, уже на востфаке САГУ, основная нагрузка по разряду тюркологии легла на сына Александра Эдуардовича – Эдуарда.

Другой важной проблемой, которую приходилось решать Шмидту, было обеспечение студентов учебной литературой. Он хорошо понимал, что при ее отсутствии даже самые лучшие преподаватели не смогут вести полноценную педагогическую работу. Библиотека ТВИ также не могла обеспечить студентов и вольнослушателей всей необходимой литературой, хотя и насчитывала к концу 1919 г. около 4000 томов³. Студенты вместо учебников пользовались конспектами лекций преподавателей. «Вообще книг мало, так арабской грамматики нет совсем, и Шмидту приходится диктовать слушателям свои лекции», – писал

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 107об.

² Там же. Л. 107об.–108.

³ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение.– Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 115.

В.В. Бартольд осенью 1920 г.¹ Помимо лекций, результаты своих исследований сотрудники ТВИ излагали в докладах, которые читались ими в таких научных организациях, как Туркестанский отдел Русского географического общества, Туркестанское научное общество при ТуркГУ² и др.³

Однако, несмотря на существовавшие трудности, Шмидту удалось почти невозможное: создать на базе «туземной языковой школы» полноценный востоковедный вуз. Он по максимуму сумел воспользоваться теми небогатыми материальными и человеческими ресурсами, которые находились в его распоряжении. Если организацией работы ТурГУ занимались многие люди, то основная нагрузка по развитию и сохранению ТВИ ложилась на плечи Шмидта. И он самоотверженно отдавал все силы этому институту, справедливо считая его своим детищем. Первый ректор ТВИ М.С. Андреев, всегда ревниво относившийся к успехам Шмидта, признавал: «А.Э. Шмидт... оказался совершенно на высоте задачи и очень успешно ведет институтское дело»⁴.

138

¹ Цит по: *Лукин Б.В.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Сред. Азия в отеч. востоковедении. – Ташкент, 1981. – С. 124. Кстати, едва ли не первой востоковедной работой, напечатанной в Ташкенте для студентов ТуркГУ и ТВИ, был конспект лекций Бартольда «История Туркестана», читанных им в университете осенью 1920 г.

² А.Э. Шмидт был одним из учредителей Туркестанского научного общества при ТуркГУ.

³ *Шмидт А.Э.* Востоковедение в Туркестане // Новый Восток. – 1924. – Кн. 6. – С. 513.

⁴ Письма М.А. Андреева к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 5.

**«Объединить... в туркестанском масштабе
все востоковедение»**

Туркестанский восточный институт пользовался популярностью у абитуриентов. Принимали обычно большинство желающих, но в процессе обучения происходил естественный отсев неуспевающих. Так, в 1920 г. в качестве студентов и вольнослушателей в Восточный институт записалось до 400 человек, но до второго курса добралось лишь около 60¹. Начиная с 1922 г. количество абитуриентов растет. Но в августе 1923 г. заявления на поступление в ТВИ подали всего 100–150 человек. Это явилось следствием проводимых в Восточном институте «чисток», в результате которых отсеивались беспартийные элементы². Некоторые студенты и слушатели, понимая, что могут попасть под очередную кампанию, сами оставляли учебу в институте³.

139

Среди студентов были представители различных профессий: «По своим занятиям студенты Института дают чрезвычайно живописную картину. Здесь мы встречаем 47 учителей, 79 сов. служащих (преимущественно конторский и бухгалтерский труд), библиотекарей, механиков, стенографов, красноармейцев, меллиционеров (так в оригинале. – Р.Б.), даже мыловаров и музыкантов. Имеются два политработника. Таким образом, в институте собрались лица самых разнообразных профессий»⁴. Среди слушателей курсов в ТВИ были чиновники разных министерств и ведомств.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 95.

² Там же. Л. 172–172об.

³ Так, например, произошло с одним из учеников Шмидта – В.И. Беляевым. Подробнее о нем см. далее.

⁴ Восток. Журнал студенчества Туркестанского восточного института. – Ташкент, 1923. – № 6. – С. 28.

Их помощь и поддержка имела принципиальное значение для института. Так, благодаря тому, что среди слушателей ТВИ был товарищ наркома просвещения ТуркАССР, отвечавший за вопросы снабжения, институту удавалось решать многие материальные проблемы оперативно¹.

Преподавательская работа отнимала у Шмидта много сил. Как и в прежние годы, он серьезно готовился к своим лекциям, а их, как уже отмечалось выше, было немало, и не только в стенах Восточного института. А.Э. Шмидт читал лекции по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской экзегетике и догматике и другим дисциплинам². Кафедра арабской словесности и исламоведения в лице Шмидта обеспечивала преподавание исламоведения и мусульманского права на факультете хозяйства и права ТуркГУ–САГУ³. Шмидт также вел занятия на Военных курсах востоковедения (в 1922 г. они были преобразованы в Высшую военную школу востоковедения). Он, в частности, читал там мусульманское право, пока данная дисциплина не была исключена из программы. Слушатели курсов изучали по два восточных языка. Учитывая, что в ТВИ жалование платили не всегда вовремя, получаемый Шмидтом на курсах паек был спасением для семьи⁴.

140

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 1об.

² Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 4об.

³ Лунин Б.В. По велению сердца и разума: А.Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкенте // Общественные науки в Узбекистане (Ташкент). – 1970. – № 8. – С. 52.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 137об. Например, в октябре 1922 г. Шмидт не мог написать ответ Крачковскому, так как у него не было денег на отправку заказных писем: два месяца им не выплачивали содержания (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 106).

Впрочем, не только ради хлеба насущного Александр Эдуардович соглашался на дополнительную «халтуру». Так, в начале 1924 г. он после долгих колебаний и раздумий все же дал свое согласие на чтение 10–12 лекций по исламоведению на курсах востоковедения при Восточном отделе ОГПУ. Однако Шмидт выдвинул условие: вернуть в Ташкент этнографа Н.В. Брюллову-Шаскольскую (1889–1937)¹, высланную за принадлежность к партии социалистов-революционеров в 1923 г. из Ташкента в Самарканд. Александру Эдуардовичу было дано обещание, что весной Надежда Владимировна с семьей будет возвращена в Ташкент². Чекисты свое обещание выполнили, но не полностью. Из Самаркандской области Брюллова-Шаскольская была перемещена в Полторацк (так назывался Ашхабад в 1919–1927 гг.). В Ленинград она смогла вернуться только в 1929 г. Судьба снова забросила ее в Ташкент в 1933 г. – после очередного ареста она была направлена сюда в ссылку³.

141

Иногда Александр Эдуардович сам приходил в смятение от собственной безотказности: «Приглашали меня летом читать лекции по мусульманскому праву в Комиссариате юстиции, уговаривали, угovarивали... я махнул рукой и согласился»⁴. Но дома Шмидт «пришел в... ужас» от того, что будет связан

¹ В Туркестанском восточном институте Н.В. Брюллова-Шаскольская читала курс этнографии.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 201об.–202. Когда Шмидт был в Москве, он пытался решить вопрос с Брюлловой-Шаскольской, записавшись на прием к начальнику Восточного отдела ОГПУ Я.Х. Петерсу. Но попасть к Петерсу, которого он, возможно, знал по Ташкенту, Шмидт не смог.

³ Брюллова-Шаскольская Н.В. – в ОГПУ // http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000570.pdf

⁴ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольдзу // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 7об.

занятиями все лето¹. От лекций в Наркомюсте пришлось отказаться.

К упомянутой выше вузовской нагрузке следует прибавить общественные обязанности, от которых также невозможно было уклониться. Так, в феврале 1921 г. Шмидт был командирован представителем ТуркГУ в совет Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстариса). В апреле того же 1921 г. он был приглашен в состав научной комиссии при Совнарком Туркеспублики для обследования быта коренного населения Туркестана.

В июле 1922 г. Шмидт согласился занять должность заместителя председателя Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса – вместо выбывшего из-за обострившегося психического заболевания Поливанова. ГУС представлял собой научно-методический орган при Наркомпросе Туркеспублики и был создан по образцу общероссийского Государственного ученого совета. При ГУСе были учреждены национальные научные комиссии, где сбором этнографического и иного материала занимались как представители европейской науки, так и местные исследователи из числа представителей коренных народов.

Кроме организации и проведения полевых исследований, предметом пристального внимания комиссий при ГУСе была просветительская работа: выработка нового правописания для местных народов, разработка учебной терминологии, издание учебно-методической литературы и др.

Активно участвовал Шмидт и в деятельности уже упоминавшегося выше Туркомстариса, переименованного в 1924 г. в Среднеазиатский комитет по делам

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 8.

музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Комитет возник на базе комиссии по охране памятников Центрального управления архивным делом (ЦУАрДел) Турккеспублики¹.

Еще до создания Туркомстариса Шмидт принял участие в поездке в Бухару вскоре после падения Бухарского эмирата. В состав комиссии также входили В.В. Бартольд, Е.К. Бетгер, В.Л. Вяткин, П.Е. Кузнецов. Архитектурные памятники города подверглись повреждениям и разрушениям во время недавних боев, в особенности же в результате бомбардировок с воздуха, осуществленных Красной армией. Комиссия выработала рекомендации по охране памятников. Экспедиция в Бухару наглядно продемонстрировала, что вопрос сохранения памятников требует более глубокой и продуманной работы, чем та, что велась прежде. Благодаря усилиям Д.И. Нечкина, активно лоббировавшего создание Туркомстариса, решение об учреждении комитета было принято Совнаркомом Турккеспублики².

Первостепенной задачей, стоявшей перед Туркомстарисом, было взятие на учет наиболее ценных в археологическом отношении памятников старины и искусства в Средней Азии³. В дальнейшем, помимо учетно-фиксаторского направления деятельности Комитета, выделялись научно-организационное, ремонтно-реставрационное, музейное, общественно-просветительское и научно-исследовательское

¹ Горшенина С.М. Туркомстарис–Средазкомстарис–Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 54.

² Там же. – С. 54–55.

³ Нечкин Д.И. Задачи и ближайшие цели комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1926. – Вып. 1. – С. 6.

направления¹. Шмидт как исламовед оказался востребованным при изучении памятников архитектуры, сохранивших арабские надписи.

В ноябре 1922 г. А.Э. Шмидт и А.А. Семенов по поручению Туркомстариса занимались изучением эпиграфики мечети Ходжи Ахмета Ясави в городе Туркестан². Позднее, в 1926 и 1929 гг., оба ученых принимали участие в экспедиции в Аннау и Меану.

В 1924 г. в рамках политики размежевания в Средней Азии возникла реальная угроза ликвидации Средазкомстариса, но активная позиция Нечкина позволила не только предотвратить расформирование Комитета, но и дала возможность сохранить его общерегиональное значение для всей Средней Азии. Однако праздновать победу было преждевременно. В 1926 г. Нечкин был без объяснений снят со своей должности, а через два года был упразднен и Средазкомстарис³.

144

В Средазкомстарисе и в других вышеупомянутых учреждениях Шмидт не только посещал обязательные заседания и совещания, но и принимал активное участие в обсуждении и решении различного рода проблем. Он не мог, не был обучен относиться формально к возложенной на него работе. Более того, порою он сам выступал с инициативами по созданию других научных организаций.

Так, в феврале 1924 г., когда вопрос о присоединении Восточного института к университету был уже

¹ Лунин Б.В. Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) // Общественные науки в Узбекистане. – 1990. – № 3. – С. 38.

² Подробнее об этом см.: Семенов А.А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане // Известия Средазкомстариса. – 1926. – Вып. 1. – С. 121–130.

³ Горшенина С.М. Туркомстарис-Средазкомстарис-Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 63.

делом решенным, по инициативе Шмидта и ряда членов Туркестанского отдела Русского географического общества была учреждена Секция этнографии и археологии. По замыслу Александра Эдуардовича, данная секция в составе Туркестанского отдела должна была играть ту же роль, которую играло Восточное отделение Российского археологического общества (ВО РАО) до революции. Шмидт рассчитывал, что, не ограничиваясь археологией и этнографией, секция сможет «объединить в себе в туркестанском масштабе все востоковедение»¹. Таким образом, уже второй раз в жизни он выступал прямым продолжателем как осуществленных, так и неосуществленных начинаний барона Розена. Первым проектом стала кафедра исламоведения в Петроградском университете, явившаяся воплощением замысла Виктора Романовича о создании кафедры мусульманского законоведения. И вот теперь Секция этнографии и археологии стала фактически реинкарнацией Восточного отделения Русского археологического общества (ВО РАО) – разумеется, со скидкой на эпоху и местные условия².

145

Активными сотрудниками секции, выступавшими с докладами, были А.А. Семенов, М.Я. Массон, Н.Н. Йомудский и др. В статье «Востоковедение в Туркестане», опубликованной в 1924 г., Шмидт выражал надежду, что секция будет служить «научным центром, объединяющим представителей всех отраслей востоковедения в Туркестане»³. Однако национальное размежевание в регионе и общее изменение политической атмосферы в стране во второй половине 1920-х гг. также не самым

¹ Шмидт А.Э. Востоковедение в Туркестане // Новый Восток. – 1924. – Кн. 6. – С. 514.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 214.

³ Шмидт А.Э. Востоковедение в Туркестане // Новый Восток. – 1924. – Кн. 6. – С. 514.

лучшим образом сказались на судьбе секции. В итоге ее постигла та же судьба, что и Средазкомстарис.

Культурная и просветительская политика в республике проводилась по известному принципу «шаг вперед, два шага назад». Вслед за важными решениями, открывавшими горизонты для развития науки и просвещения в ТуркАССР, из Наркомпроса и других ведомств шли инициативы, которые фактически сводили на нет прежние благие начинания. Энтузиазм первых двух лет, когда Шмидту казалось, что стоит только всерьез взяться за дело и в Туркестане удастся создать очаг востоковедения, постепенно исчезал.

Все чаще стали посещать Александра Эдуардовича соблазнительные и, вместе с тем, горькие мысли все бросить и вернуться в Петроград, где остались друзья. В 1923 г. от бывших коллег по Публичной библиотеке Шмидт узнал, что его по-прежнему ждут и готовы принять на работу. Это предложение прозвучало в один из тяжелых для Шмидта периодов, когда судьба Восточного института висела на волоске. Можно только догадываться, какая борьба шла в душе Александра Эдуардовича¹. Но взвесив все «за» и «против», он все же решил остаться: он не мог бросить «свое детище»². Между тем дни Восточного института были уже сочтены.

«Лидер правой профессуры», «колонизатор» и «басмач»

Январь 1923 г. был богатым на юбилейные даты. 23 января Александр Эдуардович и Вера Юлиевна отметили серебряную свадьбу. Для празднования этого

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 251об.

² Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 36об.

торжества сосед – профессор П.П. Ситковский¹ – уступил им на вечер свою более просторную квартиру: жилище Шмидтов едва ли смогло бы вместить 40 гостей².

На январь приходилось также празднование другой памятной для Шмидта даты – четверти века со дня его первой лекции в Санкт-Петербургском университете. Коллеги по ТВИ подготовили по случаю этого события сборник научных трудов «Ал-Искандарийа»³. Среди авторов статей были практически все преподаватели и некоторые ученики Александра Эдуардовича (Е.К. Бетгер, П.П. Иванов, Е.М. Пещерева и др.).

Следует отметить, что подготовка специальных сборников, приуроченных к двадцатипятилетию первой лекции или другому подобному событию, – верная примета школы барона Розена. Начало было положено в 1897 г. В день 25-летия первой лекции Виктора Романовича 13 ноября барону был преподнесен сборник «Ал-Музаффарийат»⁴, куда входили работы его учеников: В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, С.Ф. Ольденбурга, А.Э. Шмидта и др.⁵ Помимо дня первой лекции Виктора Романовича его ученики чтили другую дату – 30 октя-

147

¹ Ситковский Петр Порфирьевич (1882–1933) – российский, советский хирург. Профессор Туркестанского (затем – Среднеазиатского) государственного университета (1920–1932). Основатель первого медицинского периодического издания в Средней Азии – «Туркестанского медицинского журнала» (1922).

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 150об.

³ Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А.Э. Шмидта: (25-летие его первой лекции 15/28 янв. 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. Сам Шмидт в шутку называл себя Искандером Алефшиным (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 42).

⁴ Ал-Музаффар (*араб.* – победитель) – арабский аналог имени Виктор, имеющего латинское происхождение.

⁵ Ал-Музаффарийат. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. – СПб., 1897.

бря – день, когда барон был избран штатным доцентом по кафедре арабской словесности. «Ал-Музаффарий-ат» послужил примером для сборников, посвященных 25-летию первой лекции А.Э. Шмидта и 25-летию со дня защиты диссертации В.В. Бартольдом¹.

Юбилею первой лекции Шмидта был также посвящен специальный номер журнала «Восток», издаваемого студенчеством Туркестанского восточного института. Там было сказано немало теплых слов в адрес Александра Эдуардовича, в том числе и таких: «Праздновался в этот день юбилей научной деятельности нашего дорогого учителя А.Э. Шмидта. Его преданные ученики говорили ему приветственные речи и в речах их слышалась горячая просьба: Учитель. Не покидайте нас никогда. Учите. Мы с Вами. Арбенин²»³.

Студенты-арабисты подготовили для Шмидта адрес на арабском языке. Он был переписан местным каллиграфом и снабжен художественной виньеткой (копией заставки из восточной рукописи)⁴.

Однако уже тогда, в 1923 г., когда благодарные студенты пели дифирамбы своему любимому ректору Шмидту, судьба ТВИ была предрешена. Волна реформ, которая в свое время привела к ликвидации факультета восточных языков и уничтожению целого ряда гуманитарных направлений в Петроградском университете и других вузах страны, докатилась, с некоторым опозданием, и до Ташкента.

Впервые угроза расформирования института возникла уже в конце 1920 г., когда Шмидт еще не был рек-

¹ عقد الجمال В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели // Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Беггера. – Ташкент, 1927.

² Судя по всему, это псевдоним.

³ Арбенин. Из дневника студента Т.В.И. // Восток. Журнал студенчества Туркестанского восточного института. – 1923. – № 1 (5). – С. 30.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 148об.–149.

тором. Обсуждался вопрос о слиянии ТВИ с историко-филологическим факультетом ТуркГУ. Несмотря на то, что Александр Эдуардович тогда еще оставался деканом факультета, он решительно выступил с критикой проекта ликвидации ТВИ как самостоятельного вуза. Он бы не имел ничего против присоединения Восточного института к университету, если бы ситуация в последнем оставалась стабильной. Между тем в ТуркГУ, начиная с самого его образования, шел непрерывный процесс реформ, затеянных страдающим «зудом реформаторства» республиканским ведомством просвещения, и Александр Эдуардович не желал, чтобы Восточный институт оказался в роли «опытного кролика в лаборатории физиолога»¹.

Угроза присоединения к университету вновь обозначилась в 1921 г., когда в САГУ расформировывали недавно созданный факультет общественных наук. Но Шмидту вновь удалось отвести беду от института. Благодаря неоспоримому авторитету Александра Эдуардовича к концу 1921 г. отношение чиновников Наркомпроса Туркестанской республики к ТВИ изменилось в лучшую сторону².

Влиятельным защитником Восточного института выступал один из его слушателей, работавший товарищем наркома просвещения ТуркАССР³. До этого же Наркомпрос, являвшийся тогда оплотом джадидов, был едва ли не одним из главных противников ТВИ. В письме к Крачковскому, написанном в июне 1921 г., Шмидт сообщал: «...почему-то он (ТВИ. – Р.Б.) стал поперек горла татарам – руководителям местного просвещения. Притесняют нас всячески, и зная, что ин-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 124.

² Там же. Л. 108об.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 1об.

ститут находит известную поддержку в местных сферах, прижимают нас в финансовом отношении, т[ак] что я не одну сотню тысяч положил на институт из свои личных “премиальных” и пр., причем далеко не все мне пока что возмещено¹.

Джадиды, прежде видевшие в Восточном институте лишь осколок колониализма, познакомились поближе со Шмидтом и поняли, что институт полезен для дела просвещения. В 1922 г. Шмидт был приглашен в качестве редактора издаваемого Наркомпросом журнала «Наука и просвещение»². Улемы-новометодники хотели перепечатать в своем журнале «Хакикат» перевод статьи Александра Эдуардовича «Как слагалось житие Мухаммеда» из «Науки и просвещения»³.

Но даже после всех усилий Шмидта, направленных на сохранение ТВИ, и в Ташкенте, и в Москве оставались недовольные как самим институтом, так и его ректором. ТВИ критиковали, в первую очередь, за две вещи: 1) за то, что он не был нацелен на подготовку кадров для практической работы в регионе, и 2) за дискриминацию местного населения.

Споры о практической значимости получаемого в институте образования напомнили Шмидту первую встречу с бароном Розеном, когда он, испытующе глядя на желавших записаться в студенты, пытался понять, кто пришел сюда за белыми штанами, а кто ради науки. На факультете восточных языков проблема соотношения между академическим и практическим знанием была решена путем компромисса. Сохраняя в целом научный

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 94об.–95.

² В том же 1922 г. Шмидт был редактором двух номеров журнала «Билим очагы» (на узбекском языке) и одного номера «Сана» (на казахском).

³ Имеется в виду данная публикация: *Шмидт А.Э.* Как слагалось житие Мухаммеда // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1.– Август-сентябрь. – С. 4–7 (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 138об.).

характер факультета, его руководство ввело дополнительную специализацию для тех студентов, которые хотели в дальнейшем пойти «по практической части».

Шмидт пошел по схожему пути. Он провел, как он сам выразился, «бифуркацию» с 3-го курса. Опираясь на опыт факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, Шмидт предусмотрел возможность выбора студентами специальности в процессе обучения. В результате проведенной осенью 1923 г. реорганизации в структуре ТВИ возникло два отделения: 1) научно-педагогическое (основное) и 2) практическое с четырехлетней программой обучения¹. Первое имело основной целью подготовку востоковедов для работы в научных учреждениях и в вузах, второе – работников для отдельных наркоматов и различных ведомств.

Студентам и слушателям 1-го и 2-го курсов обоих отделений должны были читаться общие дисциплины. Начиная с 3-го курса, вводились специальные предметы. Так, например, для тех, кто специализировался на исламоведении и арабской филологии (в рамках научно-педагогического отделения), в расписание были включены арабский язык и литература, практические занятия по мусульманскому праву, история средневековой схоластической философии, древнееврейский язык².

Для студентов и слушателей, которые не хотели в дальнейшем заниматься научно-педагогической деятельностью, предполагалось введение специализации «с уклоном, в зависимости от той отрасли государственного управления, которому в будущем имеет в виду по-

¹ Докладная записка представительства Турк. Республики о включении ТВИ в сеть вузов РСФСР // ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 2366. Л. 6.

² Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 121.

святить себя слушатель» (административное управление, внешние сношения, внешняя торговля)¹. Для них вводились специальные курсы, – такие как организация местных органов управления, международное право, экономическая география сопредельных стран и др.

Также предполагалось в ближайшее время учредить третье, подготовительное отделение для местного населения с четырехгодичным курсом обучения². Создание такого отделения давно назрело, так как упреки в пренебрежении интересами коренных жителей Туркестана продолжали звучать в адрес Шмидта и Восточного института со стороны противников вуза³.

Обучение туземного населения действительно было одной из главных целей создания ТВИ, заявленной в положении об институте, принятом в 1918 г.⁴ Между тем доля представителей местных народов была на факультете действительно невысока. К началу 1922–1923 учебного года в институте обучалось 210 студентов, из которых только 16% представляли туземное население края⁵. Но Шмидт отметал любые обвинения в дискриминации туземцев. Он резонно возражал, что обвинять в сложившемся положении вещей ТВИ – значит валить все с большой головы на здо-

¹ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 122.

² Там же. – С. 125.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 23об. Сравн.: «Мне передавали, что мусульманские круги настаивали на закрытии Вост. института, который никакой пользы, по их мнению, не приносит коренному населению страны» (Письма И.И. Умнякова к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 241. Л. 4–4об.)

⁴ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 112.

⁵ Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции // Становление советского востоковедения. – М., 1983. – С. 95.

ровую. Проблема, по его мнению, заключалась в том, что средняя школа не обеспечивала должный уровень подготовки будущих абитуриентов, и лишь небольшая часть коренного населения обладала необходимой подготовкой для обучения в институте.

Главные критерии, которые признавал Шмидт при отборе студентов и слушателей, – это знания и способности. Он не делал скидку на национальность или партийность. При этом Александр Эдуардович прекрасно понимал, что подобная позиция не приведет его ни к чему хорошему. В 1926 г. в письме к В.В. Бартольд у он писал «...я веду совершенно определенную академическую линию и у себя на факультете никому из комсомолии поблажек не делаю»¹. Эти слова справедливы и в отношении времени, когда Шмидт работал в Восточном институте.

Противниками Александра Эдуардовича его политика в качестве ректора ТВИ интерпретировалась в определенном ключе. В глазах многих просвещенных туземцев, сетовал Шмидт, Восточный институт «почитается игрушечной затеей русских колонизаторов»². Против Александра Эдуардовича активно настраивали местную интеллигенцию. Кем-то из недоброжелателей был запущен слух, что Шмидт «редактировал занимавшийся травлей инородцев журнал, от участия в котором отказались Радлов и Бартольд»³. Речь, понятно, шла о «Мире ислама», и клеветники совершенно обоснованно рассчитывали на неосведомленность мусульман Туркестана о деталях истории журнала. К счастью, в защиту Александра Эдуардовича выступил его приятель Николай

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 59об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 192об.

³ Там же. Л. 160.

Николаевич Йомудский, который опроверг лживые домыслы о деятельности ученого до революции¹.

О том, каким колонизатором был Шмидт, наглядно демонстрируют его слова в письме к В.В. Бартольд, написанном в октябре 1922 г. «Я здесь пользуюсь каким-то раздутым авторитетом, мною совершенно незаслуженным, и представители коренного населения относятся ко мне с большим доверием»². Далее Александр Эдуардович добавлял, что именно это доверие удерживает его на посту ректора³.

Имея дело с мусульманской аудиторией, Шмидт с большой деликатностью подходил к изложению предмета своих выступлений: «Очень неудобно чувствовать себя на лекциях по исламоведению в Вост. Институте в виду присутствия студентов-мусульман. Приходится, не уклоняясь от объективной исторической правды, быть очень осторожным в выражениях»⁴. Он с готовностью согласился выступить с лекцией на тему «Шариат и экономический прогресс»⁵, но впоследствии постарался спустить на тормозах поручение написать для целей антирелигиозной пропаганды очерк с критическим разбором материалов, заключенных в Коране⁶.

Александр Эдуардович был чужд того снобизма, который отличал некоторых его старших коллег по Петербургскому университету. Неслучайно к нему

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 160.

² Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 22.

³ Там же.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 138об.

⁵ Там же. Л. 178об.

⁶ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 181.

запросто мог зайти, например, Газизян Ваисов¹ – сын основателя Ваисова Божьего полка Багаутдина Ваисова. Целью визита было узнать мнение Шмидта о совместимости социализма с религией. Сардара сопровождал молодой мулла, учившийся в Медине и Дели: «Увы! Совсем консервативный, неспособный допустить, что в сборниках хадисов могут быть и вымышленные хадисы. Ваисов несколько более прогрессивный. Обещал еще заходить для собеседования»².

Подобная открытость в отношениях с местными общественными и религиозными деятелями сыграла со Шмидтом злую шутку. Летом 1923 г. его обвинили в связях... с басмачами. Причиной для этого нелепого обвинения послужило то, что он имел неосторожность вступить в правление просветительского общества «Талаб» и участвовать в его заседаниях³. Вскоре на участников общества навесили ярлык правых националистов и басмачей и все, кто с ними был так или иначе связан, также попали под подозрение.

Все вышеприведенные обвинения (в колонизаторстве, в связях с басмачами и т.п.) по отдельности, быть может, не представляли большой угрозы, если бы они не были звеньями одной цепи в истории, которая чуть не окончилась для Шмидта печально.

Осенью 1922 г. Александра Эдуардовича едва не выслали из Туркестана как «лидера правой профессуры»⁴. Все началось с того, что у Шмидта с несколькими другими профессорами возникла идея организовать «Академический клуб» – своего рода неофициальный профсоюз, имевший целью

¹ Ваисов Газизян (1887–1937) – лидер ваисовского движения после гибели его брата Гайнана в 1918 г.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 189об.

³ Там же. Л. 174.

⁴ Там же. Л. 156об.

«не дать развалиться академической среде в связи с сильно оппортунистической политикой правления университета и возглавляющего его ректора проф. Бродского»¹.

В клуб вошла преимущественно старая профессура. Председателем был избран Шмидт. Членом клуба можно было стать по рекомендации двух его членов. Ректор Бродский был также приглашен вступить в клуб, но он демонстративно отказался². В результате в университете образовалось две группы: правление, которое было полностью подконтрольно студентам-коммунистам, и другая, «правая», группа, как ее потом окрестили.

156

Конфликт достиг пика осенью 1922 г. во время пере выборов правления университета. Предложенные «Академическим клубом» компромиссные кандидатуры были отвергнуты правлением во главе с Бродским. В ответ члены клуба воздержались от голосования. Этот демарш был охарактеризован как контрреволюционный. Вслед за тем в местной печати появились материалы, в которых звучали лозунги вроде «Надо бить реакционеров», направленные против Шмидта и других членов «Академического клуба»³.

О том, что Шмидта планируют выслать из региона, ему сообщил один из членов ЦК Коммунистической партии Туркестана, с симпатией относившийся к его работе⁴. Но Александр Эдуардович не сдавался. Он обратился к председателю Туркпрофобра. Обстановка в университете, по мнению Шмидта, напоминала двоевластие накануне Октябрьской революции. Любопытно, что «Академический клуб»

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 157.

² Там же. Л. 157об.

³ Там же. Л. 158–158об.

⁴ Там же. Л. 159.

Шмидт сравнивал с Советом рабочих депутатов, а правление, состоявшее из коммунистов, – с Временным правительством¹.

Тогда ученого спасли от судебного преследования два обстоятельства: советская власть все еще нуждалась в его знаниях, а среди партийных чиновников были те, кто с уважением относился к нему².

Случай с «Академическим клубом» стал первым тревожным сигналом для Шмидта. Но он то ли не слышал его, то ли не захотел сделать этого.

«Сам я, видимо, научно уже умираю...»

В ноябре 1924 г. Шмидт писал Крачковскому: «Сам я, видимо, научно уже умираю, а потому остается радоваться чужой жизни»³. В другом своем письме другу Александр Эдуардович сравнивал научную работу с десертом, который не всегда удается получить: «Если был бы способен к зависти, то позавидовал бы Вам, потому что моя жизнь материально складывалась всегда как-то так нелепо, что научная работа оставалась лишь каким-то десертом после обильного и невкусного обеда!»⁴.

Слова эти, полные пессимизма, не вполне соответствовали действительности. Несмотря на бешеный график в первой половине 1920-х, Шмидту довольно часто удавалось выкраивать время для исследовательской работы и лакомиться (пусть и урывками) «десертом». Лишь на первый взгляд может показаться, что масштабы этой работы в рассма-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 160об.–161.

² Там же. Л. 156об.–157.

³ Там же. Л. 247об.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 34об.

триваемый период незначительны. Если обратиться к списку публикаций Шмидта с 1920 по 1924 г., то там можно отыскать всего лишь одну короткую научную статью «Как слагалось житие Мухаммеда»¹, в которой дается критический анализ историографии, посвященной личности основателя ислама. В этой работе Шмидт остался верен теории Гольдциера о фальсификации большинства сохранившихся мусульманских преданий – *хадисов*. При этом ученый на конкретных примерах критически рассматривает предания, касающиеся отдельных событий в жизни Мухаммеда, с опорой на Коран как единственный безусловно достоверный источник². Неслучайно данная статья вызвала интерес у местных джадидов, которые планировали напечатать ее перевод в издаваемом ими журнале «Хакикат»³.

158

Остальные опубликованные работы Шмидта первой половины 1920-х гг. посвящены преимущественно научно-организационным и учебным вопросам. К первой категории следует отнести две статьи: «Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922)»⁴ и «Востоковедение в Туркестане»⁵.

¹ Шмидт А.Э. Как слагалось житие Мухаммеда // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – Авг.-сент. – С. 4–7.

² «Для того, чтобы выявить истину, надо только осторожно распутать клубок легенд и преданий, разросшихся вокруг личности пророка. Распутывание этого клубка имеет целью выявление личности Мухаммеда такую, какою он сам рисует ее нам на страницах единственно достоверного о нем памятника – Корана...» (Шмидт А.Э. Как слагалось житие Мухаммеда // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – Авг.-сент. – С. 7).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 138об.

⁴ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 112–125.

⁵ Шмидт А.Э. Востоковедение в Туркестане // Новый Восток. – 1924. – Кн. 6. – С. 512–514.

Во вторую группу входят изданные под редакцией Шмидта «Арабская хрестоматия» В.Ф. Гиргаса и В.Р. Розена, по которой обучалось не одно поколение арабистов на факультете восточных языков в Санкт-Петербургском университете¹, и «Отрывки из жития Мухаммеда по Ибн-Хишаму»². «Отрывки» использовались Александром Эдуардовичем при преподавании дисциплин, связанных с начальной историей ислама. Вслед за хрестоматией был выпущен словарь к ней, составленный также Гиргасом и Розеном³. Шмидт также планировал издать другие материалы на арабском для учебных целей – например, отрывок из Ибн Баттуты⁴, но осуществить задуманное не удалось.

Особняком стоят напечатанные в 1924 г. под редакцией Шмидта посмертные материалы исследователя Средней Азии Абдель-Азиза Давлетшина, посвященные вопросам водо- и землепользования с точки зрения мусульманско-правовой доктрины⁵. Они представляли собой переводы из сочинений мусульманских авторов по указанной проблематике. Когда Давлетшин готовил материалы, они имели прежде всего практическую цель – ознакомить колониальную администрацию Туркестанского края с особенностями мусульманского права, регулирующего вопросы водопользования и землепользования. В реалиях 1924 г.

¹ Арабская хрестоматия для I курса / Сост. В.Ф. Гиргас и В. Розен / Под ред. А.Э. Шмидта. – 4-е изд. – Ташкент, 1921. [Литограф. изд.].

² Отрывки из жития Мухаммеда по Ибн-Хишаму (Арабский текст [по хрестоматии Fischer'a] как материал для семинара по исламоведению). – Ташкент, 1923 [Литограф. изд.].

³ Гиргас В.Ф., Розен В.Р. Арабско-русский словарь. Хрестоматия для I-го курса / Под ред. А.Э. Шмидта. – Ташкент: Туркестан. Вост. ин-т, 1924.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 193об.

⁵ Свод постановлений мусульманского права (шариата) о водопользовании и землепользовании / Под ред. А.Э. Шмидта // Вестник ирригации. – Ташкент, 1924. – № 9. – С. 60–84.

данные переводы уже представляли в большей степени научную, чем утилитарную ценность.

Некоторые небольшие публикации выросли из выступлений Шмидта, как, например, «Эпоха мирзы Улуг бека»¹. Этот доклад был прочитан Шмидтом на торжествах, посвященных 500-летию строительства обсерватории Улуг-бека в 1925 г., на русском и узбекском языках².

Однако вышеупомянутые работы – это только незначительная часть того, над чем Александр Эдуардович работал в начале 1920-х гг. Некоторые тексты были только начаты им в рассматриваемый период, но закончены позднее. Например, начатая в конце 1924 г. статья о суннитско-шиитском диспуте при Надир-шахе³, которая впоследствии была опубликована в сборнике, посвященном В.В. Бартольд. Другие работы были закончены и даже отправлены в редакции журналов, но так и не увидели свет: к примеру, перевод и анализ текста по *фикху* Ибн Аби Зайда ал-Кайравани⁴, сданный Шмидтом в печать в 1923 г. И, наконец, в письменном столе Александра Эдуардовича имелась еще одна группа трудов, которые были начаты, но по разным причинам не завершены. Так, в январе 1921 г. он сообщал Крачковскому, что возобновил занятия персидской поэзией и Хафизом в частности⁵.

Начатые и неоконченные труды не были редкостью в научной биографии Шмидта. Работая над одним тек-

¹ Шмидт А.Э. Эпоха мирзы Улуг бека // Шмидт А.Э., Субботин М.Ф., Вяткин В.Л. Мирза Улуг бек. – Ташкент, 1925. – С. 3–5. Прибыв в Ташкент, Шмидт поставил себе задачу «заняться сартским языком» (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 71об.).

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 196об.

³ Там же. Л. 249об.–250.

⁴ Там же. Л. 181.

⁵ Там же. Л. 86.

стом, он вдруг зажигался идеей написать другой. А потом, когда доходили руки до брошенной статьи или перевода, оказывалось, что за эту тему уже взялся кто-то из коллег. «Как много начатых у меня работ! Многие уже потеряли свое значение, ибо те уж темы исчерпаны другими!» – сокрушался Шмидт¹.

В 1920-е гг. Александр Эдуардович выступал перед разными аудиториями с большим количеством докладов, темы которых были связаны как со средневековой, так и новейшей историей ислама. Иногда его приглашали для выступления по определенной теме («Шариат и экономический прогресс»², о панисламизме³ и др.). Нередко Шмидт сам выбирал тему для доклада, как в случае с «психологией» Ибн ал-'Араби⁴.

Всю первую половину 1920-х гг. Александр Эдуардович продолжал работать над вещами, начатыми еще в бытность его приват-доцентом в Санкт-Петербургском университете: подготовкой критического издания трактата мусульманского богослова XVIII в. Зийада б. Йахьи «Китаб ал-бахс ас-сарих фи-ма хува ад-дин ас-сахих» («Ясное исследование о том, что есть истинная вера») и переводом Корана.

Интерес к изучению наследия Зийада б. Йахьи возник у Шмидта в первой половине 1910-х гг. в процессе работы над магистерской диссертацией. В 1914 г. он изучал рукописи Зийада во время командировки в Тюбинген. К данному тексту он подходил не менее основательно, чем к работе над диссертацией.

Исследование трактата Зийада строилось примерно по тому же принципу, что и диссертация. Оно де-

¹ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 34об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 178об.

³ Там же. Л. 139.

⁴ Там же. Л. 213об.

лилось на три части: 1) арабский текст плюс критическое издание, 2) перевод на русский язык, 3) само исследование.

Работу над переводом трактата об истинной вере Шмидт закончил в первой половине 1920-х гг. В письме от 5 февраля 1925 г. Александр Эдуардович сообщал Крачковскому, что текст по Зийаду «почти совершенно готовый к печати, лежит, пылится и пропадает»¹. В середине 1925 г. Шмидт решил напечатать свой труд за границей и вел по этому вопросу переписку с одним из издателей – Картманном. Шмидт даже готов был издать перевод на немецком, хотя это и потребовало бы дополнительных усилий и, главное, времени.

В ноябре 1928 г. Шмидт сообщал Крачковскому, что не знает, «что делать с Зийадом»: вернуть рукопись Крымскому, а все остальное сжечь, так как нет возможности напечатать этот перевод в Ташкенте². Однако надежда опубликовать свой труд сохранялась у Александра Эдуардовича по крайней мере до середины 1930-х гг.

О том, что представляло собой исследование Шмидта, читатель может судить по одной ранней публикации ученого – «Новые данные по вопросу о мнимом упоминании имени Мухаммеда в Пятокнижии Моисея», в котором рассматривался один из аспектов дискуссии между христианами и мусульманами о личности пророка Мухаммада³. В указанной работе был помещен выполненный Шмидтом перевод фрагмента трактата Зийада ибн Йахьи.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 261об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 137об.

³ Шмидт А.Э. Новые данные по вопросу о мнимом упоминании имени Мухаммеда в Пятокнижии Моисея // Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. общ-ва. – 1917. – Т. XXIV, Вып. 1. – С. 1–28.

В рассматриваемый период Шмидт также посвящал свои свободные часы переводу Корана. Наиболее активная фаза работы над переводом приходится на 1920-е гг., хотя сама мысль об этом возникла у Шмидта еще в самом начале его научного пути – в 1900-е¹. В августе 1921 г. Шмидт писал Крачковскому: «Исподволь перевожу Коран, но движется перевод медленно»².

Судя по тексту писем, Шмидт работал над переводом до 1929 г., но прекратил его, когда узнал о том, что Игнатий Юлианович также переводит Коран³. 4 мая 1930 г. Александр Эдуардович писал Крачковскому: «О продвижении Вашего перевода Корана читал с великим удовольствием, я все собирался послать Вам кое-какие мои наброски переводов отдельных мест, сделанных мною в разное время в связи с тем, что Вы мне вменили когда-то в обязанность заняться этим переводом. Я бы его, конечно, никогда не завершил... а потому рад, что Вы взялись»⁴. Но вслед за тем Шмидт сообщает, что черновики перевода в ужасном виде и потому он предал их уничтожению⁵. Возможно, что Александру Эдуардовичу не удалось осуществить свое намерение, и этот незаконченный труд ученого ждет своего часа в одном из ташкентских архивов. Пока же мы можем судить о данной работе по переводам некоторых *айатов*, содержащихся в статьях Шмидта, – преимущественно неопубликованных⁶.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 207.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 101.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 207.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 26об.

⁵ Там же.

⁶ См., например, статью А.Э. Шмидта «Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане» в настоящем издании и наше предисловие к ней.

**«Настаивайте отдельном факультете...»
(Борьба за востоковедение)**

В самом конце декабря 1923 г. Шмидт получил грустное письмо из Дрездена от своей тети. Она сообщила, что мать Шмидта Вера Мария Луиза скончалась 1 декабря 1923 г. в возрасте 86 лет.

Прочитав письмо, Александр Эдуардович не находил себе места. Он не мог простить себе того, что так и не навестил мать перед смертью¹. «У нас с ней были совершенно исключительно близкие отношения, и я знаю, что она глубоко страдала от того, что не видела меня... целых почти 10 лет!», – писал Александр Эдуардович Крачковскому².

164

Последний раз мать с сыном виделись летом 1914 г., когда Шмидт был направлен университетом в командировку в Тюбинген для работы с рукописями. По дороге он заехал в Дрезден к матери. Могли ли они вообразить тогда, что судьбе будет угодно сделать эту встречу последней?..

Александр Эдуардовичу живо вспомнился другой случай. Тогда, больше пятнадцати лет назад, в Петербурге он также ломал руки и укорял себя в том, что не мог быть подле старшего своего сына Виктора, когда тот, умирая, «звал его, хотел сказать что-то, так и оставшееся невысказанным и унесенным с собой в могилу»³.

И вот теперь ушла, не попрощавшись с ним, его мать.

С самого своего прибытия в Ташкент он ходатайствовал о научной командировке в Германию, но надежда получить ее была невелика. Оставалась единственная возможность – ехать за свой счет. Бюджет

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 210об.

² Там же.

³ Там же. Л. 211об.

поездки составлял около 30 червонцев. Александр Эдуардович ежемесячно откладывал по 2–3 червонца, но необходимую сумму собрать не успел¹.

Мать Шмидта проживала вместе со своей старшей сестрой. Вера Мария Луиза писала письма сыну, пока окончательно не потеряла зрение. Ослепнув, она твердо заявила, что отныне переписку с сыном прекращает, так как не хочет общаться с ним через третьих лиц². Последнее ее письмо было написано в 1922 г. Она крепко держала свое слово и даже не передавала приветов. Ее сестра также была слепой, но не впадала в такой пессимизм, как Вера. Поэтому все новости о матери Александр Эдуардович узнавал от тетки, которая диктовала свои письма старой прислуге, служившей у нее почти полвека³.

Кроме тетки из близких родных у Шмидта оставалась сестра Адель, жившая в Штутгарте в большой нужде, и старший брат. С последним он не поддерживал связь после 1918 г., когда Альбрехт переехал жить в Ригу, но через общих знакомых знал, что у брата, который остепенился и завел семью, все в порядке⁴.

Шмидт не знал, как помочь сестре и тетке. Проблема заключалась не только в том, что у него не было достаточно средств, чтобы помогать им. Сама возможность переводить деньги за границу была сопряжена со значительными сложностями. Ситуация с денежными переводами со временем только ухудшилась. Так, в 1927 г., чтобы получать деньги от Шмидта за проданные ему книги, немецкий издатель Ганс Харрассовиц,

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 211.

² Там же.

³ Там же. Л. 194об.

⁴ В 1927 г. Шмидт писал: «О брате, благополучно проживающем с семьей в Риге, не слышал вот уже 8 лет, если не считать случайных вестей из 3-х и 4-х рук!» (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 85).

которого Шмидт с Крачковским между собой называли «Хорошевичем»¹, вынужден был открыть счет в Госбанке в Москве².

В тяжелых раздумьях встретил Шмидт новый 1924 г. Все говорило в пользу того, что он будет еще более тяжелым, чем предыдущий. Над Восточным институтом опять нависала угроза уничтожения. Но на этот раз все, похоже, было гораздо серьезнее, чем прежде.

С прошлого лета Шмидт безуспешно добивался включения ТВИ в число вузов РСФСР. Отсутствие института в этом списке вело к проблемам с финансированием, так как Наркомфин в таком случае не выделял средства. В то же время передача ТВИ в ведение местных финансовых органов была равносильна закрытию вуза³. Это была замечательная возможность для противников института задуть его.

166

Вопрос с материальным обеспечением всегда остро стоял перед ТВИ. Денежные средства поступали исключительно на содержание профессорско-преподавательского состава. На хозяйственно-операционные расходы деньги выделялись редко и в недостаточном объеме. В результате Восточный институт испытывал нужду в инвентаре (парты, доски), существовала также проблема с отоплением и освещением аудиторий⁴.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 208.

² Там же. Л. 84об.

³ Там же. Л. 192об.

⁴ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение.– Ташкент, 1922.– № 2. – Окт.-дек. – С. 117. Проблема никуда не исчезла и после присоединения Восточного института к университету. В 1925 г. из-за нехватки средств Шмидт и его коллеги по бывшему ТВИ вынуждены были производить ремонт в помещениях восточного факультета за свой счет (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 2об.).

Эпопея с включением ТВИ в число вузов РСФСР стала переломным моментом в судьбе института. Поначалу решение этой проблемы тормозилось из-за того, что от института не была вовремя получена необходимая документация: учебные планы, списки профессоров и др.¹ Между тем еще летом 1923 г. Шмидт направил в Главпрофобр² через местные инстанции требуемые документы. Однако представление о включении Восточного института в сеть вузов РСФСР попало в Москву только в феврале 1924 г. Как потом оказалось, лица, заинтересованные в уничтожении ТВИ, умышленно задерживали отправку документов в столицу³.

Время было безнадежно упущено. И в Ташкенте, и в Москве уже активно велись разговоры о готовящемся слиянии ТВИ с университетом. Московские чиновники, занимавшиеся вопросами образования, полагали, что иметь два вуза в одной республике нецелесообразно.

167

Из опыта предыдущих лет Шмидт понимал, что любой приемлемый для него компромисс может возникнуть лишь в результате яростной борьбы с ташкентскими и московскими бюрократами. И он терпеливо ходил по инстанциям, писал письма, звонил, слал телеграммы.

В телеграмме, направленной А.Н. Самойловичу 25 февраля 1924 г., Шмидт писал: «Предполагается слить институт университетом найдете ли возможность воспользовавшись оплаченным ответом теле-

¹ Докладная записка представительства Турк. Республики о включении ТВИ в сеть вузов РСФСР // ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 2366. Л. 8.

² Главное управление профессионально-технического образования (Глафпрофобр). Создано в структуре Народного комиссариата просвещения РСФСР в 1920 г. Являлось центральным органом управления профессиональным образованием в 1920–1930 гг.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 217об.

графно просить Файзуллу Ходжаева¹ Бухаре через Средне Азиатское бюро опротестовать и поддержать самостоятельный институт посылает ему мотивированное представление его заявление может иметь решающее значение Шмидт»². Однако вместо ожидаемой помощи или слов поддержки от Самойловича приходит холодный ответ: «Абсолютно лишенный возможности разобраться весьма ответственном вопросе вдали от Ташкента вынужден сожалением воздержаться»³.

Самойлович лукавил. Он не мог не знать ситуацию с ТВИ от своих многочисленных информантов, в т.ч. среди туземного населения, а если и не знал каких-то деталей, то мог бы положиться на мнение Шмидта. Но он решил по одному ему известным причинам не вступаться за обреченный институт. Проблема заключалась не только в том, что ликвидировался специализированный востоковедный вуз. Это был первый шаг на пути к демонтажу всего востоковедения как отдельного направления подготовки. И Шмидт это хорошо понимал. Перед его глазами был пример историко-филологического факультета САГУ и факультета восточных языков в Петроградском университете, прекративших существование в 1921 и 1919 г. соответственно⁴.

Союзником ТВИ выступало представительство Турккеспублики при ВЦИК. Но его усилия не имели

¹ Ходжаев Файзулла Губайдуллаевич (1896–1938) – советский партийный и государственный деятель. Председатель Совета народных назиров (правительства) Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924). В 1925–1937 гг. – Председатель СНК Узбекской ССР. Автор ряда оригинальных трудов по истории Узбекистана. Подробнее о нем см.: *Германов В. Файзулла Ходжаев: силуэт историка // Центральная Азия и Кавказ. – 1997. – № 10 // www.ca-c.org/journal/10-1997/st_04_germanov.shtml.*

² Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 23.

³ Там же. Л. 23.

⁴ «Наш историко-фил. факультет окончательно умер... Как хорошо, что я противился слиянию Института с Университетом, был бы тоже закрыт» (Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 5).

успеха. 16 мая было отклонено поданное представительством повторное ходатайство о внесении ТВИ в список российских вузов¹, а затем 10 июня его же протест на решение Совета народных комиссаров РСФСР².

Инициатива о включении Восточного института в состав САГУ исходила от ректора А.Л. Бродского и находила понимание в Наркомпроссе ТуркАССР³. Летом и осенью 1924 г. обсуждалось несколько сценариев ликвидации ТВИ. Вопрос о самостоятельности Восточного института уже не стоял. Борьба теперь велась за сохранение бывшего ТВИ в качестве отдельного факультета САГУ.

Одним из наиболее обсуждаемых вариантов было слияние Восточного института с бывшим факультетом общественных наук. В рамках проходившей по всей стране кампании по ликвидации факультетов общественных наук ФОН при САГУ преобразовывался в факультет местного хозяйства и права. Однако само руководство ФОНа было против включения в него чуждого организма в лице Восточного института⁴.

Всего же было три сценария «реформирования» ТВИ⁵: 1) оставить институт нетронутым, но организационно связанным с университетом, 2) закрыть институт и за счет «обломков» кафедр открыть несколько востоковедных кафедр ФОНа, 3) расформировать ФОН

¹ Докладная записка представительства Туркестанской республики о включении ТВИ в сеть вузов РСФСР // ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 2366. Л. 48.

² Там же. Л. 55.

³ О слиянии Туркестанского восточного института со Среднеазиатским Государственным университетом // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 86. Д. 2789. Л. 4.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 218.

⁵ Автором одного из проектов по реформированию ТВИ был Поливанов (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 177–177об.).

и за счет его подразделений усилить практическое отделение института¹.

Последний вариант подразумевал самостоятельность ТВИ и потому выглядел нереализуемым в глазах защитников вуза.

После того как генеральное сражение за независимость Восточного института было проиграно, предстояли еще две не менее важные битвы: за сохранение целостности бывшего ТВИ как отдельного факультета в структуре университета и за само слово «востоковедение» в его названии.

На первый взгляд, может показаться, что вопрос о названии был непринципиальным. Ведь главное – не вывеска, а наполнение. Но полагать так – значит совершать ошибку. При смене названия терялась уникальность факультета. И при начале очередных преобразований в САГУ администрации университета гораздо легче было бы решить вопрос о расформировании востфака. Особенно если эти «реформы» совпали бы с проведением какой-либо кампании в масштабах всей страны – как было, например, с массовой ликвидацией факультетов общественных наук в том же 1924 г.

В середине сентября 1924 г. Шмидт был командирован в Москву для участия в заседании Малого Совнаркома по вопросу о включении ТВИ в состав САГУ. На адрес представительства Туркеспублики в Москве при ВЦИК из Ташкента была направлена телеграмма: «Предлагается основании постановления СНК РСФСР от 18-го июля слить ТВИ ФОНом тчк настаивайте отдельном факультете наименованием факультет живых восточных языков или восточный. Замнаркомпрос Токбаев»².

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 219об.

² О слиянии Туркестанского восточного института со Среднеазиатским Государственным университетом // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 86. Д. 2789. Л. 5.

Вызывают интерес материалы дискуссии о дальнейшей судьбе ТВИ, когда уже был бесповоротно решен вопрос о его присоединении к университету. Они показывают уровень представлений чиновников, отвечающих за просвещение, не только о востоковедении, но и о Востоке в целом. Так, по мнению представителей Наркомпроса РСФСР, придание факультету названия восточного было нецелесообразным, «так как это название противопоставляло бы факультет всему университету, который вообще должен быть восточным»¹.

Некоторые чиновники в Ташкенте и Москве настаивали на том, чтобы назвать новый факультет педагогическим с образованием при нем этнолого-лингвистического отделения².

Однако в поддержку восточного факультета выступили представители НКВД³. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин высоко оценивал работу ТВИ: «Шестилетняя работа Восточного Института на практике показала его высокополезную деятельность. Студенты и окончившие институт работают во всех административных, хозяйственных и просветительных учреждениях Ср. Азии»⁴.

Главпрофобр, чиновники которого внесли свою лепту в уничтожение ТВИ, в качестве компромисса предложил название восточно-педагогического факультета⁵.

В самом Восточном институте с тревогой ждали вестей из Москвы. В стенгазете института появился шарж на Шмидта, нарисованный кем-то из студентов: в одной руке Александр Эдуардович держал дымящийся ре-

¹ О слиянии Туркестанского восточного института со Среднеазиатским Государственным университетом // ГАРФ. Ф. А259. Оп. 86. Д. 2789. Л. 3.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 235об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 238об.

вольвер, в другой красное знамя с надписью: «Да здравствует свободный ТВИ! Долой соглашательство!»¹

По возвращении из Москвы в институте Шмидта встречали как героя. И было за что. Во-первых, ему удалось не допустить раздробления ТВИ и отстоять его в составе университета в качестве отдельного факультета. Во-вторых, он добился сохранения слова «восточный» в его наименовании. Туркестанский восточный институт становился восточным факультетом Среднеазиатского государственного университета.

Александр Эдуардовичу было предложено стать и.о. декана. Но он не спешил соглашаться. Как и четыре года назад, ему вновь предстояло сделать непростой выбор. Он не хотел брать на себя эту обузу. В письме к Крачковскому Шмидт признавался, что у него нет никакой охоты работать с «темной компанией, стоящей во главе Университета»². Но в случае отказа судьба восточного факультета оказывалась под угрозой. И все усилия по сохранению востфака как единого целого оказались бы напрасными.

Напряжение последних лет не прошло для Александра Эдуардовича даром. По свидетельству А.А. Семенова, в последнее время Шмидт спал около четырех часов в сутки³.

Единственным средством профилактики болезней для Александра Эдуардовича с молодых лет было обливание по утрам холодной водой⁴. Но этого было уже недостаточно, чтобы побороть последствия тяжелых нагрузок и не менее тяжелых волнений.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 244.

² Там же. Л. 223об.

³ Письма А.А. Семенова к В.В. Бартольдзу // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 221. Л. 132об.–133.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 317об.

30 декабря 1924 г. Шмидт оказался в больнице¹. Еще летом он приобрел хроническое заболевание кишечника². С августа до поступления в клинику он потерял около 35 фунтов веса. По словам самого Шмидта, профессор, просвечивавший его в рентгеновском кабинете, пришел в ужас³. Кроме того, врачи констатировали аневризму аорты. Пришлось навсегда отказаться от курения.

Из клиники Александр Эдуардович вышел только в начале февраля 1925 г. По словам Семенова: «Лечить его не лечили, но предписали строгий покой, отсутствие волнений, меньше движений и проч., мало выполнимые в теперешнем быту, вещи. От желудочного же недомогания рекомендована диета (никакого хлеба, пюре, протертое мясо и проч. “тоскливые кушания”»⁴.

Во время вынужденного бездействия Шмидт размышлял о том, что ему написать в ближайшее время. Он задумал подготовить сжатое пособие по арабской грамматике⁵.

После выписки Александр Эдуардович еще некоторое время восстанавливался дома. Его уже с нетерпением ждали в университете. Необходимо было обустроиться в новых условиях, отстаивать права востфака перед университетским начальством в лице ректора Абрама Львовича Бродского (1882–1943). И он, с трудом передвигая ноги (некстати начался полиартрит, нечеловечески болели ступни и каждый шаг отдавался болью), стал ходить на работу. Затем пару дней он отлеживался под присмотром Веры Юлиевны, чтобы вновь набраться сил для следующего похода в университет.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 263.

² Там же. Л. 246.

³ Там же. Л. 253.

⁴ Письма А.А. Семенова к В.В. Бартольдугу // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 221. Л. 132–132об.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 266.

**«Пасынок университета»
(Восточный факультет и ректор А.Л. Бродский)**

На посту декана Александру Эдуардовичу приходилось заниматься не только организационной работой, но и бороться за само право факультета на существование. Несмотря на то что Шмидт был противником присоединения ТВИ к университету, после того как это все-таки произошло, он воспринимал востфак как законное продолжение Восточного института. В письме к А.Н. Самойловичу, написанном в январе 1928 г., он сообщал: «Вот уже 8 лет веду борьбу за существование факультета и, должен сказать, устал... Обидно было бы быть свидетелем уничтожения своего детища, но если так судил рок, что против этого сделаешь...»¹. Иными словами, для Шмидта Восточный институт и востфак были одной и той же субстанцией, но принявшей разные формы.

174

Угроза для факультета с первых дней его существования исходила не только от московских бюрократов, но и от университетского руководства, продолжавшего страдать «зудом реформирования». Одним из наиболее непримиримых противников востфака был ректор А.Л. Бродский, или Сбродский, как иногда с грустной иронией называл его Шмидт²: «Нашему факультету живется немного трудно в роли пасынка университета, – писал Александр Эдуардович Бартольд, – ибо по свойственной ему эмоциональности, ректор свое отношение (сверх отрицательное!) ко мне переносит и на Восточн. Факультет. Приходится бороться

¹ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 35об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 251.

за каждую копейку, отстаивать хотя бы минимальную автономию факультета в учебных вопросах»¹.

Борьба за востфак страшно изматывала Шмидта. Он сожалел, что только ему удалось обеспечить себе и семье сносную в материальном плане жизнь, чтобы, наконец, без помех заняться наукой, как начались интриги².

Помимо забот о судьбе всего факультета, Шмидту приходилось вести борьбу за отдельные кафедры и направления, включая и исламоведение. В середине 1920-х гг. многие курсы, связанные с изучением истории и культуры ислама, были упразднены.

В письме к А.Н. Самойловичу, написанном в июле 1926 г., Шмидт уже не столь оптимистичен, как четыре года назад в цитировавшейся выше статье, опубликованной в журнале Наркомпроса Туркеспублики³: «С арабистами здесь вообще слабо – нет у меня помощника! Раз я напряг свои силы, нагрузил себя сверх меры лекциями и провел один выпуск разряда исламоведения и арабской словесности; кончило, и не дурно, три человека, но один из них (мой Эдя) параллельно кончал турецкий разряд, по которому пожелал специализоваться (так у Шмидта. – Р.Б.), а другие два не остались при факультете. Таким образом, этот разряд у нас теперь бездействует: читаю только на других кафедрах арабский язык как вспомогательный»⁴.

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 34об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 224.

³ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 112–125.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 25–25об. Еще летом 1925 г. Шмидт не оставлял надежды пригласить Н.П. Остроумова читать основы арабского языка, но не был уверен, согласится ли он (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 284).

Как видно из этого письма, среди самих студентов САГУ уже не находилось желающих заниматься исламоведением. Энтузиазм начала 1920-х гг., когда в Туркестанский восточный институт устремились люди разных национальностей и профессий, среди новых абитуриентов не наблюдался.

Расцвет интереса к исламоведческим дисциплинам начала 1920-х был связан с так называемой политикой «мусульманизации» и интересом к возрождению национальной культуры местных народов. Большевики первое время если не поощряли, то и не препятствовали изучению ислама в академическом ключе. Но во второй половине 1920-х гг. к подобным исследованиям начали относиться с подозрением. Не только дисциплины, связанные с исламом, но и сам арабский язык после начала реформ по переходу алфавитов мусульманских народов на латиницу стали увязывать с негативными сторонами прошлого. Изучение арабского языка связывалось с исламской идеологией и на этом основании сворачивалось¹.

176

Ненамного лучше обстояло дело с тюркологией. Крупные ученые из Ленинграда и других городов по разным причинам не смогли переехать в Ташкент. Время от времени приезжали с лекциями В.В. Бартольд, А.Н. Самойлович, С.Е. Малов. Но, к счастью, подрастало молодое поколение вчерашних выпускников ТВИ и востфака, готовых посвятить себя преподаванию и науке.

Большую радость Александру Эдуардовичу доставляли успехи сына Эдуарда в учебе и его интерес к востоковедению: «Эдя – ярый востоковед, будем надеяться, более продуктивный в будущем, чем его мятущийся папаша»². До приезда в Ташкент Эдуард

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 11.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 85об.

не успел окончить школу. Но в Туркестане после революции и гражданской войны система среднего образования была полностью разрушена, и потому Эдя, по совету отца, решил сразу поступать в университет¹. Во время учебы он делал успехи и еще до получения диплома выступал в роли добровольного репетитора для отстающих студентов².

Эдуард закончил ТВИ по двум разрядам: персидскому и арабскому. Познания сына Шмидт охарактеризовал следующим образом: «Он читает, пишет и говорит по-узбекски; понимает довольно хорошо и по-киргизски; знаком и с казакско-татарским наречием; прослушал в свое время курс введения в туркологию у Фалева. Кроме того, он довольно много читал в этой области, но все же, со смертью Павла Александровича (Фалева. – Р.Б.) не было у него руководителя, и временно он приналег на иранистику и арабистику, так что довольно порядочно говорит по-персидски, читал довольно много персидских авторов; по-арабски он лицом в грязь не ударит: с историческими: Кораном, и, частью богословскими и мистическими текстами он справляется вполне хорошо. Арабской поэзией мы пока не занимались, но в будущем году из окончивших будет у меня заниматься небольшая группа, а тогда займемся также арабской поэзией. С этнографией и историей, а равно географией Туркестана он знаком довольно хорошо»³.

В конце ноября 1925 г. Эдуард отправился в Ленинград на стажировку. Его руководителями были С.Е. Малов и А.Н. Самойлович. Ранее Шмидт отправил в Ленинград другого своего студента – Констан-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 78об.

² Там же. Л. 95об.

³ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 18.

тина Кузьмича Юдахина (1890–1975). В задачу Малова и Самойловича входила подготовка двух молодых тюркологов для преподавания на турецком разряде востфака в Ташкенте. В письме к С.Е. Малову, который после смерти Фалева состоял официальным руководителем кафедры турецкой филологии в САГУ, Шмидт дал следующую характеристику Эдуарду как научного работника: «Присматриваясь к нему, вижу, что при его проистекающем из застенчивости некотором отсутствии активной инициативы в научной работе, его полезно ставить перед конкретными заданиями научного порядка»¹.

178

Программа стажировки была насыщенной. В течение 1926–1927 учебного года Эдуард Шмидт прослушал курс «Введение в тюркологию» и занимался разбором текстов под руководством Самойловича и Малова. Вместе с К.К. Юдахиным он также брал частные уроки у В.Н. Орфянской по фонетическому обследованию и фонетической записи текстов².

После возвращения из стажировки Эдуард приступил к преподаванию в университете. Как и его отец много лет назад, он должен был прочитать первую, пробную лекцию. Ее название звучало так: «Первый узбекский исторический роман современного узбекского писателя Абдаллаха Кадыри»³. Лекция вызвала неоднозначную реакцию у слушателей, среди которых был и сам автор рассматриваемого романа «Утган кунлар» («Минувшие дни»)»⁴. Александр Эдуардович оце-

¹ Письма А.Э. Шмидта к С.Е. Малову // СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 278. Л. 3.

² Там же. Д. 279. Л. 2–2об.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 118.

⁴ Письма А.К. Боровкова к С.Е. Малову // СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 52. Л. 4–4об.

нивал дебют сына сдержанно, отмечая, помимо прочего, и недостатки выступления¹.

Младший сын Александра Эдуардовича Шура не проявлял интереса к Востоку. Он окончил Среднеазиатский техникум путей сообщения (1922), а затем – инженерно-мелиоративный факультет САГУ (1929)². Еще во время учебы в университете Александр работал в Опытно-исследовательском институте водного хозяйства, а позднее – в проектно-отделе Главного управления водного хозяйства Средней Азии³. Александр Эдуардович планировал отправить Шуру на усовершенствование в США, но свадьба сына в 1926 г., ставшая сюрпризом для родителей, разрушила эти планы⁴. Вскоре у Шуры появилась дочка Ира, которая часто оставалась на попечении Веры Юлиевны и Александра Эдуардовича. Летом 1926 г. Шмидт стал подумывать о том, чтобы на кооперативных началах построить дом в три комнаты с кухней⁵.

179

Сложное материальное положение опять заставило Шмидта с осени 1926 г. вернуться к преподаванию в военной школе востоковедения⁶. У него было два часа лекций в неделю, по ставке 10 рублей в час⁷. В конце 1927 г. Шмидт также согласился вести занятия по арабскому языку в недавно созданном Казак-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 119.

² В 1929 г. Инженерно-мелиоративный факультет вошел в состав созданного в том же году Среднеазиатского хлопково-ирригационного политехнического института (САХИПИ).

³ Автобиография гр-на Шмидта Александра Александровича, 28 февр. – 10 авг. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 1.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 5. Женой Александра Шмидта 19 января 1926 г. стала Тамара Сергеевна Аделунг. В 1934 г. они развелись.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 62об.

ском педагогическом институте¹. Ташкент продолжал оставаться культурной столицей Средней Азии, здесь имелась необходимая академическая и учебная база, и потому здесь было наиболее целесообразно организовывать вузы для других, еще не до конца «отмежевавшихся» республик.

Александр Эдуардович уделял внимание повышению квалификации коллег по факультету. Он преподавал арабский язык Н.Э. Вундцеттелю, П.П. Смирнову, Н.Г. Маллицкому, А.В. Панкову и др.

По вечерам, когда позволяло здоровье и в доме не было гостей, Александр Эдуардович садился за письменный стол, над которым висел портрет Крачковского. Как и в прежние времена, у него имелось несколько начатых работ, к которым он время от времени обращался. Так, в 1926 г. Шмидт параллельно работал над следующими текстами: 1) статьей «Из истории суннитско-шиитских отношений», в которой он рассматривал на основе сочинения ас-Сувайди имевший место диспут между суннитами и шиитами при иранском правителе Надир-шахе; 2) переводом одного из произведений аз-Замахшари; 3) статьей о роли Абу Насра ал-Кушайри во время современной ему *фитны* в Средней Азии для журнала «Der Islam»²; 4) переводом трактата Зийада б. Йахьи «Ясное исследование о том, что есть истинная вера»³. Из указанных работ была опубликована только первая – в сборнике туркестан-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 119об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 9об. Данная статья, по-видимому, была завершена в 1929 г. Шмидт решил не отправлять ее в Der Islam, а предложить в сборник в честь Крачковского. Однако затем передумал и предложил в сборник другой текст – «Четыре арабских рукописи из собрания И.Ю. Крачковского». Статья об ал-Кушайри так и не была опубликована.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 19–19об.

ских ученых, посвященном Бартольд¹. Шмидт вместе со своим учеником Евгением Карловичем Бетгером (1887–1956) был редактором этой книги.

В том же году Шмидт планировал подготовить для студентов востфака что-то вроде компендиума по исламоведению и мусульманскому праву, похожего на «Очерки истории ислама»².

Свои работы Александр Эдуардович писал в основном по-русски, но в указанный период им также были подготовлены тексты на немецком: уже упоминавшаяся статья об ал-Кушайри, а также рецензия на книгу немецкого специалиста по мусульманскому праву Йозефа Шахта «Der Islam mit Ausschluss des Qor'ans» для журнала «Der Islam»³.

Во второй половине 1920-х гг. Шмидт стал проявлять интерес к изучению истории и форм бытования ислама в Средней Азии. Данным вопросам посвящен ряд его публикаций этого времени: «Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры)»⁴, «Шариат и право водопользования в Средней Азии»⁵ и др., а также докладов и тематических

¹ Шмидт А.Э. Из истории суннитско-шиитских отношений // عقد الجمان В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели / Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Бетгера. – Ташкент, 1927. – С. 69–107.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 36–36об.

³ Данная рецензия, насколько нам известно, не была опубликована. В одном из писем к Крачковскому Шмидт беззлобно иронизировал, что Бартольд, возможно, подзабыл немецкий, если судить по ошибкам, сделанным им в одной из опубликованных на Западе статей (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 228).

⁴ Шмидт А.Э. Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры). (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему 'Абдаллаху ибн Тахиру) // Бюллетень Среднеазиат. гос. ун-та. – Ташкент, 1925. – № 8. – С. 127–138.

⁵ Шмидт А.Э. Шариат и право водопользования в Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. – [Ташкент], 1926. – № 8–9. – С. 1–8.

лекций, прочитанных им во время работы на востфаке. В одном из писем к Крачковскому Шмидт сожалел, что не специализировался в университете на истории Средней Азии¹.

Но в конце 1926 г. научные занятия пришлось прервать. Осенью, наконец, сняли Бродского. Президиумом ВЦИК РСФСР новым ректором университета был назначен А.А. Знаменский. С появлением этого человека у Шмидта были связаны большие надежды². По приглашению Знаменского в том же 1926 г. Шмидт соглашается войти в правление университета в качестве проректора по учебной части. В своем письме к Крачковскому он объяснял причины такого решения. С падением Бродского были ослаблены позиции «левых» в университетском правлении, и чтобы они снова не подняли голову, необходимо было занять стратегически важную должность проректора³.

182

Но «левые» не собирались просто так сдавать все позиции. Под давлением партийного студенчества проректором по студенческим делам был выбран студент 5-го курса⁴. Здесь уместно будет напомнить, что в конце 1920-х гг. в советских вузах еще сохранялась практика участия студентов в решении кадровых и иных административных и учебных вопросов. Они имели равное право голоса с профессорско-преподавательским составом.

Довольно скоро Александр Эдуардович понял, что со Знаменским каши не сварить. Сам по себе человек

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 174.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 41об.–42.

³ В должности проректора по учебной части он проработал до 1 июля 1928 г. (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 47–47об.).

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 47об.

добрый, он пошел на поводу у «левых» и не проявлял большой твердости в отстаивании своих взглядов на устройство университета, которые во многом, но не во всем, совпадали с видением Шмидта. Именно во времена ректорства Знаменского в САГУ появился человек, который сыграл роковую роль в судьбе Александра Эдуардовича. Звался он Михаил Миронович Цвибак.

**«Выкинуть из программы политическую экономию и...
Конституцию СССР»
(М.М. Цвибак и уничтожение восточного факультета)**

В Ташкенте Цвибак объявился в самом конце 1926 г. В октябре он был исключен из партии за то, что активно выступал в поддержку Г.Е. Зиновьева и его сторонников¹, и был «откомандирован» в Среднюю Азию².

Первое время никто не воспринимал «откомандированного» всерьез. В письме, написанном в декабре 1926 г. к И.Ю. Крачковскому, Шмидт сообщает с иронией, что в городе появился Цвибак, который приехал то ли в ссылку, то ли отдохнуть³. Он именовал Цвибака не иначе как Сухариком (так переводилась фамилия вновь прибывшего с языка идиш)⁴. Однако Сухарик оказался тертым калачом.

Дождавшись своего восстановления в партии, Цвибак, уже успевший сделать в Ленинграде благодаря

¹ Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899–1937 гг.) // Terra Humanana. Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 2. – С. 37.

² По воспоминаниям знавшей Цвибака Натальи Штакельберг, Михаил Миронович рассуждал вслух «...стоит ли примыкать к зиновьевской оппозиции или не стоит, так как возможен ее провал» (*Штакельберг Н.С.* Кружок «молодых историков» и «академическое дело» / Предисл., послесл. и публ. Б.В. Ананьича; примеч. Е.А. Правиловой // *In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка.* – М.; СПб., 1995. – С. 46).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 48об.

⁴ Там же. Л. 81.

классовому происхождению и «правильным» взглядам неплохую академическую карьеру, развернул в Ташкенте активную деятельность.

Первые тревожные сигналы стали поступать из Средазкомстариса, директором которого Цвибак был назначен в начале 1927 г. Он собрал коллектив и объявил им о ликвидации музейной и природоохранной секций Комитета. Это ничем не мотивированное решение существенно ослабило функции организации, что в итоге привело к ее упразднению в самом начале октября 1928 г.

Цвибак завел в Средазкомстарисе агентуру, состоявшую из уборщиц и сторожей, которые передавали ему сведения о действиях и высказываниях сотрудников. Имелась у Сухарика и машинистка, которая по его поручению вела «секретную переписку»¹.

184

В 1929 г. Цвибак пробивается на должность директора Главного Среднеазиатского музея, входившего в структуру Средазкомстариса, и одновременно становится управляющим Узбекским Центрархивом. В музее он развернул настоящую травлю его ведущих сотрудников, в результате которой были уволены археолог М.Е. Массон (1897–1986), этнографы Е.М. Пещерева (1897–1985), Н.В. Брюллова-Шаскольская и др.

Но амбиции и энергия неуемного Цвибака простирались дальше Средазкомстариса и музея. Ему хотелось быть одним из профессоров САГУ² – до высылки он работал доцентом по кафедре русской истории в Ленинградском государственном университете. Там Цвибака хорошо помнили не столько как преподавателя, сколько благодаря велосипеду, на котором он,

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 82.

² В 1927 г. Цвибак был включен в число преподавателей Среднеазиатского коммунистического университета (САКУ).

пренебрегая нормами старой буржуазной морали, катался по университетским коридорам¹.

В качестве места приложения своей энергии он выбрал восточный факультет. Еще до своего появления здесь он вошел в контакт с наиболее яркими студентами-партийцами и стал настраивать их против профессоров и преподавателей, в т.ч. Шмидта.

Один из первых подобных выпадов произошел в 1927 г. после выхода стеклографированного издания «Путевых заметок» Мухаммада Абдо². Шмидт давно интересовался этим религиозным реформатором, называя его «милым моему сердцу покойным муфтием»³. Он признавался Крачковскому, что в его личной библиотеке есть почти все сочинения Абдо⁴. К «Путевым заметкам» Шмидт сначала написал большую вводную статью. Но потом ему стало известно, что немецкий востоковед Макс Хортен (1874–1945) пишет работу на эту же тему, и он существенно сократил собственный текст⁵. Но и эту урезанную статью ждала несчастливая судьба.

Осенью 1927 г. «Путевые заметки» были напечатаны, но вскоре книга была запрещена цензурой. Неудовольствие цензора вызвала вводная статья Шмидта⁶.

¹ *Брачев В. С.* Историк М. М. Цвибак и его судьба (1899–1937 гг.) // Terra Humana. Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 2. – С. 37.

² Мухаммед Абду и его роль в [истории] прогрессивных течений современного ислама // Палермо–Сицилия. Путевые заметки Мухаммеда Абду. Арабский текст. Учебное пособие. – Ташкент, 1927. [Стеклограф. изд.].

³ Письма А. Э. Шмидта к И. Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 30.

⁴ Письма А. Э. Шмидта к И. Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 19об.

⁵ Там же. Л. 118. У Шмидта в начале 1931 г. была готова статья о М. Хортене (Письма А. Э. Шмидта к И. Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 89). Однако она так и не была опубликована.

⁶ Письма А. Э. Шмидта к И. Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 116об.–117.

Александр Эдуардовичу удалось спасти только два экземпляра издания – для себя и для Крачковского¹. Причиной запрета послужило то, что кто-то из «доброжелателей» Александра Эдуардовича ходил по университету и доверительно сообщал всем, что Шмидт насаждает панисламизм².

Шмидту и в этот раз удалось отвести от себя клевету. Но защитников у Шмидта среди лиц, имевших влияние на партийных чиновников, уже почти не осталось. Уже не было в живых Николая Николаевича Йомудского, который искусно отвел удар от Шмидта в начале 1920-х, когда ученого обвиняли в травле мусульман на страницах «Мира ислама»³.

Разного рода нападки происходили и в адрес других профессоров и преподавателей восточного факультета, но они, как правило, проявляли осторожность и уклонялись от прямого столкновения. Шмидт же шел на противника с открытым забралом, как главный герой бессмертного романа Сервантеса, и принимал основной удар на себя. Но главное отличие Александра Эдуардовича от рыцаря печального образа состояло в том, что его противниками были не ветряные мельницы, а вполне реальные враги, коварные и многочисленные.

Когда Шмидту стало известно о намерениях Цвибака устроиться на востфак, он пришел в ужас и обратился к ректору. Детали этого разговора Александр Эдуардович сообщал в письме к Бартольдзу: «Я в частной беседе с ректором высказал ему, что мы считаем неудобным персонально Цвибака, в силу присущих

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 117.

² Там же. Л. 117–117об.

³ Александр Эдуардович, отдохавший в санатории, навестил умиравшего Йомудского в станице Минутка под Кисловодском (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 195).

ему личных качеств, благодаря которым он всюду вносит с собой атмосферу разложения, склоки и разрушения. Уже и нынешний раскол на востфаке между студенчеством и профессурой есть результат деятельности Цвибака»¹. В этом же разговоре со Знаменским Шмидт произнес пророческие слова о той роли, которую сыграет Сухарик в судьбе факультета: «Я сказал ректору, что проникновение Цвибака на востфак будет началом конца для нашего факультета, и если он нам не поможет отбиться от него, то пусть берет сам на себя ответственность за дальнейшую судьбу факультета»².

Но Знаменский не прислушался к доводам Шмидта. Свой голос в защиту Цвибака подняло партийное студенчество. Резкое неприятие кандидатуры Михаила Мионовича профессурой востфака во главе со Шмидтом было расценено как нежелание пропустить на факультет партийного преподавателя. Под непрекращавшимся давлением со стороны студентов-коммунистов на правление университета и лично ректора Цвибак прорвался на востфак – пока в качестве доцента³.

В университете главнейшую свою задачу после выстраивания карьеры Цвибак видел в борьбе с не желавшей или не умевшей перестроиться старой профессурой. Свое кредо он выразил в словах, адресованных антропологу Л.В. Ошанину: «У нас с Вами есть разногласия идеологические, политические и методологические, и вопрос этот сейчас решать уже поздно, так как он получил свое окончательное разрешение 25 октября 1917 года, и если работники музея перешли границы, установленные советским законодательством,

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Баргольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 73.

² Там же. Л. 73об.

³ В следующем 1928 г. Цвибак стал профессором и заведующим кафедрой истории.

то наша советская машина выбрасывает [их] за борт как чужих, не желающих работать в ногу с советской культурой»¹. Цвибак обвинял Ошанина в том, что тот выступал проводником колонизаторских и русификаторских идей Остроумова².

Появление Цвибака в Ташкенте совпало с наступлением относительно стабильного периода в жизни университетской профессуры. Несмотря на продолжавшиеся идеологические кампании и чистки, а также сумасбродства Бродского, к середине 1920-х гг. в САГУ установился некий баланс между старым и новым профессорско-преподавательским составом. Старая профессура сосредоточилась на изучении дореволюционного периода, а историки-марксисты занимались новейшей историей. Это разделение труда было выгодно для всех: с одной стороны, оно позволяло советской науке использовать потенциал и знания выдающихся ученых старой школы, с другой – давало возможность представителям последней продолжать исследовательскую работу и не заниматься темами, которые они считали не заслуживающими внимания с научной точки зрения.

Однако появление на горизонте Цвибака разрушило этот баланс и ознаменовало начало кампании по травле и уничтожению беспартийных профессоров и преподавателей.

Единомышленником Цвибака был Константин Александрович Ушаров, студент восточного факульте-

¹ Цит. по: *Германов В.А.* Восточный фронт // Восток-Oriens. – 1996. – № 3. – С. 124. Сравн.: «Он свои личные неладья с Советом музея истолковывает как столкновение двух мирозозерцаний, двух систем “старого туркестановедения”, “фактособирательства” и пр. (его подлинные выражения) с одной стороны и “советского культурного строительства с марксистским подходом” – с другой» (Письма Л.В. Ошанина к В.В. Бартольдугу // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 185. Л. 56–56об.).

² Письма Л.В. Ошанина к В.В. Бартольдугу // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 185. Л. 61.

та САГУ. С 1927 г. он занимался тем, что целенаправленно настраивал учащихся востфака против старой профессуры¹. Ушаров не был обычным студентом. Он возглавлял в университете коммунистическую фракцию ученого совета восточного факультета. Таким образом, ретивый студент-коммунист обладал реальными возможностями для содействия Цвибаку в его разрушительной деятельности.

Одной из намеченных жертв Ушарова стал его преподаватель Шмидт, для которого во главе угла стояла не партийная принадлежность, а знания и человеческие качества студентов. На заседании коммунистической фракции ученого совета факультета Ушаров заявил, что «под руководством профессора А.Э. Шмидта наиболее реакционная часть профессорско-преподавательского состава проводит наступательную реакционную политику»². «Например, – продолжал Ушаров, – на заседании учебного совета восточного факультета САГУ т. Шмидт доложил, что они совместно с Плышевским решили выкинуть из программы политическую экономию и экономическую политику, конституцию СССР, то есть политический минимум, а эти предметы являются основными на восточном факультете. Конкретно, профессор Шмидт против засорения Восточного факультета политическими предметами³, а также борется против засорения Восточного факультета коммунистами, то есть, сокращая политическую экономию, он сокращает коммуниста преподавателя политической экономики т. Спасского»⁴. Обвинение

¹ *Германов В.А.* Восточный фронт // Восток-Oriens. – 1996. – № 3. – С. 128.

² ЦГА РУз. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 // цит по: *Германов В.А.* Восточный фронт // Восток-Oriens. – 1996. – № 3. – С. 128.

³ Шмидт называл коммунистические дисциплины коммунистическим богословием (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 107).

⁴ ЦГА РУз. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 // цит по: *Германов В.А.* Восточный фронт // Восток-Oriens. – 1996. – № 3. – С. 128.

было серьезное, и Ушаров не мог не понимать, к каким последствиям оно может привести.

Ситуация на факультете стала невыносимой. «Над всем разрядом, – писал Шмидт В.И. Беляеву, – тяготеет и давит витающий над ним телесно и духовно дегенерат Цвибак, страдающий манией разрушения и всякими иными художествами, о которых говорить было бы долго»¹.

В 1930 г. Сухарик наконец был возвращен в Ленинград. Он давно уже добивался этого – его активность пришлась не по душе не только ташкентской интеллигенции, но и местным коммунистам. Запахло новым делом, и Цвибак принялся усиленно бомбить письмами Ленинградский обком ВКП(б) просьбами о его возвращении.

После отъезда Сухарика многие в Ташкенте облегченно вздохнули. Но брошенные им на университетскую почву зерна ненависти уже дали свои всходы. Механизм травли старой профессуры был запущен. Была подготовлена идеологическая база для репрессий в отношении невольных коллег Цвибака по факультету.

Благодаря Цвибаку и его приспешникам востфак был существенно ослаблен. В 1928 г., уже при новом ректоре – Б.Г. Городецком, он пережил очередную реорганизацию. В структуре факультета было создано четыре т.н. «уклона» (направления, или разряда): краеведческий, лингвистический, историко-литературный и для работников соваппарата. Очередная «реформа» привела к сокращению востоковедных дисциплин.

Помимо партийного студенчества свою лепту в уничтожение востфака внесли и представители коренных народов. После присоединения ТВИ к уни-

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 36.

верситету руководством последнего была взята линия на максимальное привлечение в ряды студентов туземного населения. Делалось это, невзирая на подготовку абитуриентов, часть которых была непригодна не только для обучения на восточном факультете, но и в университете вообще. Наряду с кампанией по привлечению в ряды студентов преимущественно представителей туземного населения проводилась политика разбавления преподавателей «коренниками». При этом совершенно не принималась во внимание профпригодность последних¹.

В 1929 г. было принято решение принимать на факультет лишь националов, а из европейцев – лиц, свободно владеющих местными языками. Во второй половине 1920-х гг. стать студентом востфака тому, кто не был членом партии или комсомольцем, было практически невозможно.

В марте 1929 г. Шмидт уже не сомневался, что факультет будет развален совместными усилиями партийного студенчества и «националов»². Однако сменивший Шмидта на посту декана его ученик Михаил Филиппович Гаврилов (1884–1938) не разделял пессимизма своего учителя. В своем выступлении на 10-летию востфака (то бишь ТВИ) в том же 1928 г. Гаврилов отметил, что факультет стал подлинно восточным, когда на нем стали обучаться представители коренных национальностей³.

Между тем, пропорционально росту доли местного населения среди студентов, в учебной программе сокращалось количество востоковедных дисциплин. Уже к началу 1929 г. востоковедение на факультете

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 60об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 207об.

³ Там же. Л. 45.

было низведено до уровня педагогического отделения, включавшего в себя два разряда: историко-обществоведный и литературно-лингвистический. Только на последнем (литературно-лингвистическом разряде) более-менее глубоко изучались восточные языки¹.

Судьба восточного факультета была предрешена. Новый декан, бывший резидент Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ Аркадий Борисович Дубсон (1895–1938), сменивший в 1929 г. М.Ф. Гаврилова, не был склонен бороться за сохранение востфака. Вопрос о реорганизации факультета рассматривался в Москве на заседании президиума Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР 11 мая 1929 г.² Предполагалось, что с осени 1930 г. сам САГУ будет ликвидирован и на базе некоторых факультетов и отделений будут созданы самостоятельные институты³.

192

В итоге университет решили не уничтожать, но востфак в сентябре 1930 г. все же был преобразован в педагогический факультет. Немногочисленные востоковедные дисциплины, остававшиеся в учебной программе, были изъяты.

К 1930 г. у Александра Эдуардовича в университете оставался всего один курс: «Арабские элементы в узбекском языке». Но к концу года и этот предмет был упразднен⁴. Шмидт иронично сравнивал свое положение на факультете с ролью бедного родственника, который сам ничего не наследует, но самим фактом своего существования исключает из круга наследни-

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 35об.

² О реорганизации Восточного факультета Средне-Азиатского Государственного Университета // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 1042.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 10об.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 51.

ков других лиц¹. Оклад его составлял 50 рублей в месяц и соответствовал зарплате уборщицы.

Поэтому когда в декабре 1931 г. педагогический факультет был переведен в Душанбе в формировавшийся Таджикский высший агроиндустриальный институт², востоковедения в стенах САГУ фактически уже не существовало³.

Шмидт тяжело переживал происходившее в университете. В письмах к коллегам он успокаивал себя тем, что пора, наконец, отдохнуть: «На то, что придется бросить преподавание, я не ропщу: за 32 года это занятие все-таки немного надоело!.. А как хотелось бы на склоне лет пожить хотя бы немножко поспокойнее с возможностью несколько больше заняться наукой»⁴. Но утешения в собственных словах Александр Эдуардович не находил. Он и в самом деле давно хотел уйти из университета на покой, чтобы посвятить себя научной работе. Но не при таких обстоятельствах, когда его детище – востфак – оказался уничтоженным. Александр Эдуардович искал преемника, который смог бы стать надежной опорой для факультета.

Большие надежды Шмидт связывал со своим бывшим студентом В.И. Беляевым.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 200.

² Лукин Б.В. Восточный факультет (Краткий очерк истории востфака). – Ташкент, 1981. – С. 19.

³ К концу 1929 г. восточные факультеты были уничтожены практически везде: в Баку, Симферополе, Казани и превращены в педагогические.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 89–89об.

Несостоявшийся помощник (В.И. Беляев)

Виктор Иванович Беляев был уроженцем Ташкента. В 1921 г. он поступил в Туркестанский восточный институт на отделение исламоведения и арабской филологии. Впрочем, проучился он здесь недолго. Осенью 1923 г. он покинул Ташкент и отправился в Петроград поступать на факультет общественных наук Петроградского государственного университета¹. К тому времени от факультета восточных языков остались одни воспоминания, и его осколки были включены в структуру этнолого-лингвистического отделения ФОНа. Причиной поспешного отъезда Беляева в Петроград послужила очередная чистка в ТВИ. У имевшего дворянское происхождение Виктора Ивановича были все шансы стать одной из жертв чистки².

194

Беляев прибыл в Петроград и отправился в университет к Крачковскому с письмом от Шмидта. Александр Эдуардович писал, что податель письма, студент 2-го курса ТВИ, хочет перевестись на второй курс, но, по его мнению, лучше определить его на первый, «ибо он, правда, по обстоятельствам, от него не зависящим, был не особенно блестящ»³.

По окончании университета Беляев в 1926 г. поступил на практику в Азиатский музей. Все время, что он находился в Ленинграде, Виктор Иванович не прерывал связи со своим ташкентским учителем – Шмидтом. В письмах к Беляеву Александр Эдуардович выражал надежду, что тот возвратится в Ташкент и станет его помощником на факультете. Данный вопрос постоянно обсуждался Шмидтом как с самим Беляевым, так и с его научным ру-

¹ Подробнее см.: Беляев Виктор Иванович. Служебное дело // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4693.

² Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольдугу // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 44.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 172.

ководителем – Крачковским, начиная с 1925 г. «Я был бы очень рад, если бы удалось в Вашем лице обрести себе помощника по кафедре, надеюсь, что это все удастся», – писал Шмидт Виктору Ивановичу в ноябре 1925 г.¹

Главная проблема состояла в том, что штат университета был укомплектован и приоритет при трудоустройстве отдавался выпускникам САГУ. План Шмидта состоял в следующем: Беляев возвращается в Ташкент и оформляется в университет в качестве научного сотрудника, но без оклада. Затем ему оформляется командировка в Ленинград на пару лет для повышения квалификации, чтобы он смог продолжить свои научные занятия под руководством Крачковского². А затем, по окончании аспирантуры в конце 1928 г., Беляев должен будет вернуться в Ташкент «остепененным» и приступить к работе на востфаке, «тем более, что арабисту в Питере теперь трудно пристроиться, их там более, чем достаточно»³.

Все эти два года Шмидт лелеял мысль о приезде Беляева. В письме к Бартольд, написанном в январе 1928 г., Шмидт сообщал: «...надо мне ведь позаботиться о преемнике, таковой мною уже намечен в лице работающего под руководством Игнатия Юлиановича В.И. Беляева»⁴.

Сдерживающим фактором как для самого Шмидта, так и для Беляева была проблема с нагрузкой. В конце 1920-х гг., как уже отмечалось выше, на востфаке осталось крайне мало дисциплин. Для того чтобы обеспечить учебной нагрузкой Виктора Ивановича, Шмидту необходимо было отдать ему часть своих часов. Но передать их он мог бы лишь в том случае, если бы ему удалось получить пенсию в полном объеме (175 ру-

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 60б.

² Там же. Л. 2–20б.

³ Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольд // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 44.

⁴ Там же.

блей). Пока же ему выплачивали лишь половину данной суммы как работающему пенсионеру¹. На свою пенсию в Ташкенте в 1930 г. Шмидт мог позволить себе купить только пуд хлеба и 10 фунтов масла².

До самого разгрома факультета в 1931 г. Александр Эдуардович не оставлял надежды на приезд Виктора Ивановича. В конце 1929 г. Шмидт вновь торопит Беляева, так как на факультете объявились не вызывавшие у него доверия арабисты: «У нас уже начинают подворачиваться какие-то борзые татары, которые во время паломничества или торговых поездок ознакомились с арабским языком и считают себя призванными преподавать этот язык в высшей школе»³.

Но Виктор Иванович, похоже, не очень спешил возвращаться в Ташкент. В октябре 1929 г., по окончании практики в Азиатском музее, Беляев сообщал Шмидту, что хочет несколько лет поработать в Ленинграде. Александр Эдуардович с пониманием отнесся к этому решению⁴. Он не скрывал от Виктора Ивановича, что если тот решится приехать в Ташкент, то придется ему нелегко. Но даже если бы Беляев не читал писем Шмидта, по одной только бумаге, на которой они были написаны, он мог сделать выводы о том, как несладко приходится ташкентским коллегам. Во всем городе не было писчей бумаги, и Александру Эдуардовичу приходилось писать на каких-то ошметках⁵.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 250об.–251.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 30об.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 244.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 20.

⁵ «Вы видите, на какой, с позволения сказать, дряни я пишу! Для своей статьи я выдергивал остатки из различных начатых работ и оставшиеся пустыми кусочки различных документов» (Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 25об.)

В октябре 1930 г. Беляев приехал в Ташкент навестить родных. К Александру Эдуардовичу он даже не зашел¹. Виктор Иванович понимал, что во время их встречи неизбежно возникнет вопрос: когда он окончательно возвратится в Ташкент? Сам он давно знал ответ на этот вопрос, но едва ли смог бы произнести его, глядя в глаза своему учителю.

**«Никакой вины за собой не знаю»
(Первый арест и ссылка в Казань)**

Время с 1931 по 1934 г. – белое пятно в биографии Шмидта. Об этом периоде в советское время мемуаристы и исследователи либо вообще не упоминали, либо прибегали к намекам, едва ли понятным непосвященным. Так, например, Б.В. Лунин в своем биографическом очерке о Шмидте пропускал временной отрезок с марта 1931 г. (времени увольнения ученого из САГУ) до июня 1934 г., когда Александр Эдуардович после возвращения из ссылки стал работать в Государственной публичной библиотеке УзССР².

В.А. Крачковская в своем очерке о Шмидте также избегает прямых упоминаний об аресте 1931 г. и последовавшей затем ссылке: «Незадолго до смерти в 1939 г.³ А.Э. второй раз в жизни (подчеркнуто мной. – Р.Б.) был изолирован в Ташкенте, а сын Эдуард, востоковед, – подальше, откуда не вернулся»⁴. Очерк был написан в 1971 г., к столетию со дня рождения Шмидта.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПБФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 54–54об.

² Лунин Б.В. Александр Эдуардович Шмидт // Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки / Сост. Б.В. Лунина. – Ташкент, 1974. – С. 380.

³ У Крачковской неточность. Шмидт был арестован в июне 1938 г. Подробнее об этом см.: с. 224–226 в настоящем издании.

⁴ Крачковская В.А. Несколько слов об А.Э. Шмидте // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент.

Эвфемизм «изолировали» означал, что Александр Эдуардович был арестован. Об аресте Шмидта в 1938 г. мы поговорим позже. Здесь же обратим внимание на слова «второй раз в жизни». При этом нигде в самом тексте Вера Александровна не говорит напрямую о первом аресте Шмидта. Нет ни одного упоминания о событиях 1931 г. и в работах Б.В. Лунина, специализировавшегося на изучении востоковедения в советской Средней Азии и посвятившего немало строк Александру Эдуардовичу.

Чем вызвано это коллективное молчание? Ответ прост: в 1938 г. Шмидт был арестован, но затем освобожден незадолго до смерти. В 1931 г. ситуация была иная: Александр Эдуардович был осужден и по этому делу так и не был реабилитирован ни в хрущевскую «оттепель», ни позднее. Поэтому авторы, писавшие о Шмидте, вынуждены были говорить об «изоляции» 1931 г. эзоповым языком¹.

198

Согласно официальной версии, воспроизводимой некоторыми изданиями и в наши дни, Александр Эдуардович был по собственному желанию уволен из университета 9 марта 1931 г. в связи с «прекращением преподавания на педагогическом и других факультетах арабского языка и словесности и других вос-

А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XXV.

¹ В советской научной и научно-популярной литературе найдется немало примеров того, как приходилось изворачиваться авторам биографий репрессированных ученых. См., например, биографию Н.И. Вавилова «Великий сеятель» (*Голубев Г.Н.* Великий сеятель: Николай Вавилов. Страницы жизни ученого. – М., 1979), опубликованную уже после реабилитации Николая Ивановича. Из текста книги непосвященный читатель ни за что не догадается, какой участи подвергся Вавилов в конце жизни. Другой пример – книга, посвященная коллеге Шмидта – М.С. Андрееву, в которой ни слова не говорится о деле 1931 г. и лишь упоминается, что с 1932 по 1934 г. Андреев работал в Алма-Ате (*Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев: (Науч.-биограф. очерк). – Душанбе, 1973. – С. 113).

токоведных дисциплин»¹. В этой сухой формулировке, безусловно, содержится правда, но это, к сожалению, только часть правды.

Незадолго до ареста, в ноябре 1930 г., Шмидту поступает предложение переехать в Сталинабад: «Привлекли меня к работе по организации Таджикского Госуд[арственного] Научно-Исследовательского Института; поработал и заработал кое-что, и теперь хотят меня во что бы ни стало пришить к Ин[ститу]ту в качестве действительного члена с обязательством переехать будущей осенью в Дюшанбе, ныне Сталинабад. По зрелом размышлении я согласился...»².

Как и в случае с Туркестанским Госуниверситетом, все вопросы, связанные с учреждением Таджикского НИИ, решались в Москве и в Ташкенте. Вопрос об организации Института в Сталинабаде напоминал какую-то тайную операцию. Кадровый состав будущего НИИ держался под секретом, так как боялись обвинений в том, что путем переманивания сотрудников организуемого в САГУ педфака срывается строительство этого факультета³.

Научные интересы Шмидта были далеки от Таджикистана, но он был рад содействовать нужному и по-

¹ Лушин Б.В. По велению сердца и разума // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XVI. В работе другого ташкентского исследователя – Ю. Флыгина, написанной уже в наши дни, ничего не говорится ни о ссылке, ни об аресте Шмидта. Тяжелейший в жизни Александра Эдуардовича период, наступивший в начале 1930-х гг., описывается следующим образом: «В его жизни начался новый этап, на котором и в новом качестве ученый смог внести достойный вклад в науку» (*Флыгин Ю.* Памяти востоковеда А. Шмидта, вернувшего в Ташкент священный Коран Османа // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1263419340).

² Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 51об.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 46.

лезному начинанию¹. Кроме того, к переезду подстегивал жилищный вопрос. В начале 1930 г. в квартиру Шмидтов на Первомайской улице, состоявшей из двух комнат, в том числе одной проходной, хотели поселить некоего Идрисова – студента, числившегося также аспирантом и преподавателем педфака².

Александра Эдуардовича, лишённого преподавания, спасало от выселения из служебной университетской квартиры только то, что он был выбран председателем ревизионной комиссии месткома³. Не обошлось и без похода по инстанциям: «Пришлось мне обратиться к прокурору, который это распоряжение объявил явно незаконным и в своей резолюции постановил привлечь замдиректора по хоз[яйственной] части к уголовной ответственности, если он попытается привести в исполнение свое распоряжение. Все кончилось благополучно, но для нас, перешагнувших в седьмой десяток, такие волнения никогда даром не проходят»⁴. Поэтому вопрос о переезде в Сталинабад возник как нельзя своевременно. Александр Эдуардович взял на себя бухгалтерскую работу по составлению червонного и валютного счетов для института.

В НИИ в Сталинабаде в качестве научного сотрудника 1-го разряда был приглашен также сын Шмидта Эдуард. В 1930 г. в университете он читал узбекский язык на лингвистическом и историческом отделениях педфака, а также студентам-биологам⁵. Травля преподавателей востфака, инициированная Цвибаком, затронула и Эдуарда как сына «правого профессора».

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 51.

² Там же. Л. 62.

³ Там же. Л. 65.

⁴ Подробнее об этом см.: Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 46–49об.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 68об.

Ему стали давать меньше часов. Среди студентов находилось немало недоброжелателей, злословивших о том, что «Эдю папаша проталкивает»¹. Одним из таких злопыхателей был будущий чл.-корр. АН СССР, а в 1920-е гг. – студент востфака САГУ Александр Константинович Боровков (1904–1962)².

В 1927 г., в разгар начавшейся кампании против беспартийной профессуры, Эдуард разочаровался в своих научных способностях и задумал поступить на инженерно-мелиоративный факультет³. Кроме того, к смене сферы деятельности его подталкивали соображения материального характера. В 1927 г. Эдуард женился. Ему требовались деньги на содержание семьи. 4 июня 1928 г. у Эди родился сын – Александр. Теперь в семье Шмидтов было два Александра Эдуардовича.

Поначалу Шмидт пытался отговорить сына от смены специализации, так как возлагал на него большие надежды как на востоковеда. Но ситуация на факультете ухудшалась, и Александр Эдуардович вскоре сам посоветовал Эде подать заявление на водный факультет Среднеазиатского хлопково-ирригационного политехнического института (САХИПИ), чтобы преподавать там ряд дисциплин на узбекском и содействовать выработке на этом языке научно-технической документации⁴.

¹ Письма А.К. Боровкова к С.Е. Малову // СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 52. Л. 4об.

² В письме к С.Е. Малову Боровков в черных красках описывал первую лекцию Эдуарда в университете, посвященную роману узбекского писателя А. Кадьри «Минувшие дни». По-видимому, Малов осадил Боровкова, и тот в ответном письме оправдывался, что о лекции сына писал «по впечатлению» (Письма А.К. Боровкова к С.Е. Малову // СПбФ АРАН. Ф. 1079. Оп. 3. Д. 52. Л. 11).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1930) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 86об.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 69.

Обсуждение вопроса о переезде в Сталинабад шло полным ходом, но 1 февраля 1931 г. Шмидт неожиданно написал заявление об уходе из Таджикского Государственного научно-исследовательского института. Причиной, по его собственным словам, послужили интриги его коллеги по ТВИ и востфаку – М.С. Андреева, который в указанном НИИ был заместителем председателя ташкентского бюро¹. Андреев добился того, чтобы Александру Эдуардовичу были озвучены заведомо неприемлемые условия.

Причина, по мнению Шмидта, заключалась в том, что Михаил Степанович затаил на него обиду еще со времени подготовки к печати сборника в честь В.В. Бартольда. Тогда Александр Эдуардович, как один из редакторов книги, подверг андреевскую статью «Чильтаны в среднеазиатских верованиях»² серьезной правке³. Михаилу Степановичу была также памятна позиция Шмидта, когда он, Андреев, хотел баллотироваться в профессора ТВИ, а затем, по протекции С.Ф. Ольденбурга, в члены-корреспонденты АН СССР. Тогда Александр Эдуардович не поддержал его кандидатуру. Скептически отнесся Шмидт и к проекту Андреева по созданию исследовательского института по этнографии таджиков в Ташкенте.

Переезд Шмидта в Сталинабад не состоялся. Но компетентным органам были хорошо известны переговоры о кадровом составе Таджикского НИИ. Нельзя исключать, что решение вопроса с арестом Шмидта и его коллег могло быть ускорено после по-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 85–86.

² Андреев М.С. Чильтаны в среднеазиатских верованиях // عقد الجمال / В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели / Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Беггера. – Ташкент, 1927. – С. 334–348.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 86.

лучения ОГПУ информации о том, что они приглашены на работу в Душанбе. В письме, подготовленном руководством САГУ и адресованном в Культпроп Средазбюро ЦК ВКП(б), говорилось: «По имеющимся сведениям, организаторы таджикистанского государственного научно-исследовательского института принимают к себе на работу всю группу изгнанных из САГУ чуждых нам профессоров: Фиолетова, Семенова, Аносова, Шмидта, Андреева, Умнякова и еще пока работающего у нас тов. Кашкарова и некоторых других... допустить их до работы в НУЧИ Таджикистана, где они, несомненно, будут играть основную, руководящую роль, понятно, ни под каким видом нельзя. Линия окраинных республик забирать к себе научные силы, изгнанные центром, сейчас вредна, недопустима, приходится учитывать еще и то, что Таджикистан на границе»¹.

Напрасно организаторы НИИ в Сталинабаде держали все свои кадровые вопросы в секрете. Это был секрет полишинеля. Проблема утечки кадров из Ташкента была решена оперативно. В письме к И.Ю. Крачковскому от 1 апреля 1931 г. Шмидт сообщал, что весь состав Таджикского НИИ за исключением Семенова и Андреева уволен за недостатком средств².

История с Таджикским институтом не прибавила оптимизма Шмидту, и без того находившемуся в подавленном состоянии. С горькой иронией писал он в феврале 1931 г. Крачковскому: «О смерти Нёльдеке впервые услышал от Вас. Можно ему позавидовать»³.

Успокоение он, как всегда, находил в науке. Он начал работу над статьей «Арабские надписи мавзо-

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-368. Оп. 13. Д. 5 // цит по: *Германов В.А.* Восточный фронт // *Восток-Oriens*. – 1996. – № 3. – С. 122.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 94об.

³ Там же. Л. 87об.

лея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане»¹. Летом 1931 г. Шмидт планировал организовать этнографическую экспедицию в арабские кишлаки для изучения быта и языка среднеазиатских арабов и рассчитывал на участие в ней В.И. Беляева².

7 мая 1931 г. Шмидт в числе 11 профессоров и преподавателей САГУ был арестован. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР³. Затем, в октябре того же года, он был освобожден с подпиской о невыезде. За все время предварительного заключения Александр Эдуардович лишь дважды подвергался допросу⁴.

19 января 1932 г. Шмидту был объявлен приговор Особого совещания при Коллегии ОГПУ, но при этом не было озвучено само обвинение⁵. 31 января 1932 г. Александр Эдуардович отбыл в административную ссылку в Казань. В этот же город был сослан и профессор А.А. Семенов⁶. Другим участникам дела «достались» Алма-Ата, Архангельск, Чимкент, Томск и другие города Советского Союза.

Дело 1931 г. стало закономерным результатом планомерной травли, развернутой против старой профес-

¹ С текстом этой статьи Шмидта можно ознакомиться в данной книге.

² Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 40.

³ Подробнее об этом деле см.: *Германов В.* «Восточный фронт» // Восток-Oriens. 1996. – № 3. – С. 115–122. Среди проходивших по этому делу был и востоковед А.А. Семенов. Он, так же как и Шмидт, был приглашен в Сталинабад в Таджикский научно-исследовательский институт – в качестве ученого секретаря и уже успел выехать на новое место работы, где и был арестован ОГПУ.

⁴ Шмидт фон А.Э. – Пешковой Е.П. // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 723. Л. 262–263 // цит. по: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001650.pdf

⁵ Там же.

⁶ Семенов Александр Александрович (1873–1958) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокина. – СПб., 2003: // <http://memory.pvost.org/pages/semenov.html>

суры преподавателями-марксистами во второй половине 1920-х гг.

Шмидт не согласился с вынесенным ему приговором. В письме к Н.Я. Марру от 7 апреля 1932 г., отправленном из Казани, Шмидт просит Николая Яковлевича узнать судьбу ходатайства о пересмотре его дела¹. Действительно, еще 31 января с Рязанского вокзала Москвы на пути в ссылку в Казань Шмидт бросил в почтовый ящик письмо, адресованное в ЦИК СССР. Он ходатайствовал о пересмотре своего дела и отмене приговора. Не получив ответа, Шмидт отправил еще два обращения: одно снова в ЦИК – на имя А. Енукидзе, другое – в особую инспекцию ОГПУ². Из ЦИКа ему было послано подтверждение о получении его письма. Однако какого-либо ответа на его запрос не последовало.

В ноябре 1932 г. Шмидт обратился с письмом к Е.П. Пешковой, в Красный крест. Он знал ее с 1923 г., когда хлопотал о возвращении из ссылки Брюлловой-Шаскольской. В своем обращении Александр Эдуардович писал: «Лично я себя виновным не признал и не признаю, никакой вины за собой не знаю и убежден, что приговор является судебной ошибкой со стороны органов ОГПУ, введенных в заблуждение какими-либо для меня заведомо ложными сообщениями или показаниями отдельных лиц»³. Далее Шмидт просил Пешкову прояснить ситуацию по его делу: «Мое положение очень тяжелое: мне уже 62 года, мое сердце, бывшее в плачевном положении и раньше, пришло за последний год в еще более отвратительное состояние, а между тем необходимость обеспечить себе и моей

¹ Письма А.Э. Шмидта к Н.Я. Марру // СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 1076.

² Шмидт фон А.Э. – Пешковой Е.П. // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 723. Л. 262–263 // цит. по: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001650.pdf

³ Там же.

тогда уже немолодой жене возможность не умереть с голоду заставляет меня работать через силу, что грозит окончательно подорвать мое и так уже сильно подорванное здоровье. Единственный для себя исход я вижу в восстановлении меня в правах, в частности, в праве на получение... назначенной мне в 1929 [году] академической пенсии»¹.

В Казань Александр Эдуардович вместе с Верой Юлиевной прибыли в середине февраля 1932 г. Как обладатель «волчьего билета» Шмидт не сразу смог найти жилье и работу. Наконец, в марте ему удалось «за гроши устроиться в научной библиотеке»². Речь, по-видимому, идет о Центральной научной библиотеке Татарской АССР, где Шмидт, впрочем, проработал недолго – до июня 1932 г. Денег катастрофически не хватало, и он вынужден был сменить сферу деятельности: с 1 июля 1932 г. по 15 мая 1934 г. Шмидт служил старшим плановиком-экономистом в системе промкооперации (в Татарском разнопромышленном союзе)³. Добросовестный Александр Эдуардович и здесь зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. В июле 1933 г. решением правления Совета промышленной кооперации ТАССР (Татпромсовета) Шмидта премировали денежной премией за составление плана 2-й пятилетки⁴.

Александр Эдуардовичу так и не удалось добиться пересмотра своего дела и возвращения ему пенсии.

Это, к сожалению, все, что нам пока известно о жизни ученого в Казани. Ссылка Шмидта закончи-

¹ Шмидт фон А.Э. – Пешковой Е.П. // ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 723. Л. 262–263 // цит. по: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/001650.pdf

² Письма А.Э. Шмидта к Н.Я. Марру // СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 1076. Л. 2.

³ Личное дело А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 680. Примечательно, что экономистами-плановиками пришлось работать и другим «подельникам» Шмидта – например, Н.Г. Маллицкому, И.И. Умякову и др.

⁴ Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8. Л. 2об.

лась в мае 1934 г. Тогда же он без всякого сожаления покинул столицу Советской Татарии. Впоследствии в письмах он называл свою ссылку в этот поволжский город «поездкой»¹.

Другая «Публичка» (Работа в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР)

После возвращения Шмидта из ссылки о его устройстве на работу в университет говорить не приходилось. Восточный факультет был ликвидирован, и Александру Эдуардовичу просто нечего и некому было преподавать в «реформированном» САГУ². К счастью, Шмидту (возможно, не без содействия его ученика Е.К. Бетгера) в июле 1934 г. удалось поступить на должность ученого консультанта в Государственную публичную библиотеку УзССР.

Данное название библиотека, имевшая более чем 60-летнюю историю, получила в 1933 г. Она была учреждена в 1870 г. по инициативе Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. В течение двух лет, предшествовавших открытию библиотеки, формировались ее фонды. К 1870 г. они включали более 2200 томов (до 1200 наименований)³. Но в 1882 г. история библиотеки едва не окончилась: по распоряжению нового генерал-губернатора М.Г. Черняева она была расформирована. Книги из ее фондов передавались в различные учреждения. Дальнейшую судьбу библи-

207

¹ «Как-то давно, еще до моей поездки в Казань» (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 167).

² Уже в 1930 г. у Шмидта оставался только один курс: «Арабские элементы в узбекском языке».

³ Бетгер Е. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» // Восток свыше. – 2014. – Вып. XXXIV, № 3. – С. 51.

отеки решила отставка Черняева. С начала 1884 г. книгохранилище возобновило работу¹.

В 1886 г. библиотека была переименована в Туркестанскую публичную². Это название сохранялось до Октябрьской революции. В 1919–1920 гг. она называлась Туркестанской народной библиотекой, в 1920–1924 – Туркестанской государственной библиотекой, в 1924–1933 – Среднеазиатской государственной библиотекой.

С библиотекой сотрудничали многие российские востоковеды, но прежде всего – ее многолетний ангел-хранитель В.В. Бартольд. В одном из писем к Е.К. Бетгеру он признавался: «Как все работавшие в Туркестане, я во всяком случае получил от библиотеки больше, чем сам мог дать ей»³. Василий Владимирович был другом и защитником библиотеки почти 37 лет, до самой своей смерти в 1930 г. Неоценимый вклад в развитие этого культурного учреждения внес А.А. Семенов. В начале 1910-х гг. он занимался составлением каталога восточных рукописей в фондах библиотеки, а в 1911–1916 гг. был редактором «Туркестанского сборника»⁴ – дайджеста печатных материалов, касающихся различных аспектов жизни Средней Азии.

К 1934 г., когда Шмидт вернулся в Ташкент, окончательно оформилось национальное размежевание в Средней Азии. Новое название библиотеки отражало изменившиеся реалии. С середины 1920-х гг. она вновь стала получать от своих прежних поставщиков из Западной Европы литературу на евро-

¹ Бетгер Е. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» // Восток свыше. – 2014. – Вып. XXXV, № 4. – С. 32–36.

² Там же. – С. 38.

³ Бетгер Е. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» // Восток свыше. – 2015. – Вып. XXXVI, № 1. – С. 53.

⁴ Полное название: Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности. Подробнее о сборнике см.: Касьмова А.Г. «Туркестанский сборник». – Ташкент, 1985.

пейских языках по различным аспектам востоковедения (от «Энциклопедии ислама» до каталогов восточных манускриптов)¹.

В 1933 г. решением Совнаркома УзССР библиотека была объявлена центральным рукописохранилищем в республике². Это обстоятельство способствовало учреждению в ее структуре 7 июля 1935 г. отдела восточных рукописей. Одним из сотрудников нового отдела стал Шмидт. Руководству библиотеки удалось также привлечь других востоковедов: А.А. Молчанова, С.Б. Сергеева и, наконец, А.А. Семенова, который приступил к работе в 1936 г. Но и этих сил оказалось мало. «Стонем от отсутствия востоковедов, – писал Шмидт своему ученику П.П. Иванову, – уйдем мы, старики, не закончив работы по изданию каталога, кто ее здесь продолжит?..»³.

Директором библиотеки в середине 1930-х гг. был историк Абрам Моисеевич Гуревич (1897–1955), прославившийся своими нападками на Бартольда и его последователей⁴. В Ташкент он попал, подобно Цвибаку, в ссылку. Правда, в отличие от Михаила Мироновича, Абрам Моисеевич к Шмидту относился в целом благожелательно и ценил его как сотрудника⁵.

После возвращения из ссылки Шмидтам пришлось заново обустроить свой быт.

¹ *Бетгер Е.* «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...» // Восток свыше. – 2015. – Вып. XXXVIII, № 3. – С. 86.

² См.: Постановление № 218 Совета народных комиссаров Узбекской советской социалистической республики от 25 апреля 1933 г. «Об объединении республиканских рукописных фондов».

³ Письма А.Э. Шмидта к П.П. Иванову // АВ ИВР РАН. Ф. 124. Оп. 2. Д. 27. Л. 11об.

⁴ Подробнее об этом см.: *Германов В.А.* Профессор Пулат Салиев и его время. – Ташкент, 2002. – С. 49–52.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПБФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 172об.

Александр Эдуардович был вынужден оставить казенную университетскую квартиру на улице 1-го Мая. При содействии Крачковских Шмидтам удалось найти жилье в одном доме с сестрой Веры Александровны – Ольгой Александровной. Она была замужем за Дмитрием Александровичем Галушко. Квартира располагалась по адресу: Каракалпакский тупик, дом 15. Здесь у Шмидтов была одна комната и полутемная кухня.

Сыновья уже давно вели собственное хозяйство, но тех 300 рублей в месяц, которые Шмидт получал в библиотеке, с трудом хватало, чтобы им с Верою Юлиевной свести концы с концами¹. Пенсию Александр Эдуардович утратил в связи с судимостью в 1931 г. и так и не смог добиться ее восстановления. Спасали только переводы. За один лист перевода с арабского языка ему платили 500 рублей².

210

Материальное положение семьи несколько улучшилось в 1936 г.: с 1 апреля оклад Александра Эдуардовича в библиотеке был увеличен в два раза – до 600 рублей.

В 1935 г. Шмидту неожиданно поступило предложение о встрече от нового ректора университета – Василия Яковлевича Яроцкого (1887–1938). В этом году по инициативе Яроцкого в САГУ был вновь открыт исторический факультет. Василий Яковлевич стал привлекать для работы на истфаке не только штатных университетских преподавателей, но и специалистов, вынужденных по разным причинам оказаться вне стен университета. Так, например, в 1933 г. он пригласил в качестве директора Фундаментальной библиотеки университета сосланного в Ташкент историка П.П. Смирнова. Позднее Смирнов читал в САГУ

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 176об.

² Там же. Л. 177–177об.

курс истории СССР¹. Что касается Шмидта, то Яроцкий предложил ему вести занятия по арабскому языку будущим историкам Средней Азии.

Александр Эдуардович был несколько удивлен. Не столько тому, что его звали в университет, столько тому, кто звал его. В глазах Шмидта Яроцкий мало чем отличался от Бродского. В своих публикациях 1930-х гг. он беспощадно обрушивался на «испытанную группу колонизаторов», во главе которой стоял В.В. Бартольд. Среди колонизаторов упоминался Василием Яковлевичем и Шмидт².

Еще более удивился Александр Эдуардович, когда прочитал статью Яроцкого под названием «Итоги и перспективы Среднеазиатского государственного университета» в 20-м выпуске «Бюллетеня САГУ» за 1935 г. В ней, в частности, говорилось: «Еще в 1927 г. обработанный проф. Э.А. Шмидтом (так в оригинале. – Р.Б.) курс Бартольда... изданный САГУ в числе “трудов” университета, применялся при изучении истории Средней Азии в качестве учебника САГУ. С 1930 г. борьба за идеологическую выдержанность в преподавании и научно-исследовательской работе закончилась, под руководством партии, разгромом этой группы, и в этой борьбе САГУ приобрел закалку, опыт борьбы за марксизм-ленинизм в подготовке кадров»³. У прочитавшего эти строки мог возникнуть законный вопрос: все ли в порядке у автора этих строк с логикой. С одной стороны, он радовался тому, что Бартольд

¹Германов В. Alma mater Ташкентская и Среднеазиатская, или История с географией // <http://mytashkent.uz/2010/02/17/alma-mater-tashkentskaya-i-sredneaziatskaya-ili-istoriya-s-geografey-chast-1/>

²Подробнее об этом см.: Яроцкий В. Пятнадцать лет Среднеазиатского Государственного университета // Социалистическая наука и техника. – Ташкент, 1933. – № 2–3. – С. 117–123.

³Яроцкий В. Итоги и перспективы Среднеазиатского государственного университета // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. – Ташкент, 1935. – Вып. 20. – С. 230–231.

и его единомышленники, включая Шмидта, были разгромлены, с другой – приглашал Александра Эдуардовича преподавать в университете. Или, быть может, Яроцкий искренне считал, что научный консультант ГПБ УзССР А.Э. Шмидт и упомянутый им недобрым словом в статье проф. Э.А. Шмидт – два разных человека? Узнать ответ на эти вопросы нам пока не дано. Ясно здесь только одно: Яроцкий не мог не знать подробности дела 1931 г.

212

Неудивительно, что поначалу Шмидт довольно скептически отнесся к самой идее возвращения в университет. Но Яроцкий не отставал, и Александр Эдуардович был вынужден дать свое предварительное согласие, впрочем, без большого энтузиазма. Он даже советовался с Крачковским, как лучше поставить обучение¹. Однако к началу 1936 г. вопрос о преподавании арабского языка «к его удовольствию» больше не поднимался². Радость Александра Эдуардовича был преждевременной. Вопрос о его работе в университете не был окончательно снят с повестки дня и в начале 1937 г., несмотря на смену руководства САГУ. Осенью 1936 г. Яроцкий был арестован. Ему вышла боком его демократичная кадровая политика. Поводом для ареста послужило то обстоятельство, что он принял на работу историка-американиста Л.Г. Райского.

В конце 1936 г. Шмидту вновь поступило предложение преподавать основы арабского языка, только теперь уже не студентам, а четырем аспирантам истфака³. Но до 1938 г. вопрос находился в стадии обсуждения. В итоге, Александр Эдуардович все же отказался вести курс по элементарному арабскому языку

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 162об.–163об.

² Там же. Л. 172.

³ Там же. Л. 226об.

аспирантам истфака и рекомендовал вместо себя свою ученицу-арабистку Евгению – жену Е.К. Бетгера¹.

Но руководство университета настаивало, чтобы именно Шмидт вел занятия по арабскому, а также по истории ислама как религии. Александр Эдуардович в очередной раз дал свое согласие – теперь уже со следующего, 1939 г.² Он стал обновлять программу своих занятий для студентов, но обстоятельства иного рода помешали ему вернуться в университет. Впрочем, об этом позднее.

Ко всей истории с возвращением в университет Шмидт относился сдержанно. Для него САГУ был той самой рекой, куда он уже входил дважды – сначала в 1917, а затем в 1924 г., и он не видел никакого смысла делать это третий раз. К тому же хватало работы в библиотеке. Согласно договоренности с Гуревичем, Шмидт должен был выходить на работу не более чем на три часа в день. Но в реальности ему приходилось заниматься делами гораздо больше. Кроме того, Гуревич достаточно ревниво относился к работе своих сотрудников в других учреждениях, хотя сам совмещал несколько руководящих должностей.

213

Основной задачей Шмидта было описание восточных рукописей, хранившихся в фондах Публичной библиотеки. Остальное время он хотел посвятить научной работе. Да и здоровье было уже не то. Сердце все чаще напоминало о себе, врачи запрещали перегрузки и нервное напряжение.

Между тем найти даже самые необходимые лекарства было большой проблемой. В письме, написанном в марте 1936 г., Шмидт сообщал Крачковскому, что в Ташкенте невозможно достать нитроглицерин, который необходим ему для лечения «сердечной жабы».

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 239об., 366.

² Там же. Л. 377.

Он прислал два рецепта: для себя и своего лечащего врача Шляхтина, который страдал грудной жабой и находился, по словам Шмидта, в еще более худшем положении, чем он¹.

Условия работы в библиотеке также оставляли желать лучшего. В январе 1938 г. Шмидт обморозил руки и ноги, так как помещение, в котором он сидел, не отапливалось из-за нехватки дров². Но к подобным проблемам Шмидт относился философски, находя в этом повод для самоиронии. Так, он сумел найти нечто положительное в том, что он не вполне владел пострадавшей в результате обморожения рукой. Из-за этого ему приходилось более тщательно выводить буквы, что делало его почерк не таким трудночитаемым, как обычно³.

214

Другой важной частью работы Шмидта в библиотеке была подготовка к печати первого тома «Трудов» ГПБ. Была поставлена задача выпустить книгу к 1935 г. Параллельно с подготовкой к печати первого тома «Трудов» велась интенсивная работа над вторым. Основная нагрузка здесь ложилась на плечи Шмидта. Еще при подготовке первого тома выяснилось, что коллега Александра Эдуардовича А.А. Молчанов допустил в тексте немало ошибок. Поэтому при работе над вторым томом Шмидт скрупулезно проверял предложенную Молчановым и другими коллегами работу⁴.

Во второй том «Трудов» должны были войти статьи: В.В. Бартольда «Новая рукопись по истории Хорезма» (посмертная), А.Э. Шмидта «Коран XIV века с персид-

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 180.

² Там же. Л. 343об.

³ В одном из писем Шмидт отмечал, что у него почерк зависит от настроения, а у Крачковского – независимо от настроения, он трудночитаем.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 200–201.

ским и старотурецким переводом», А.А. Молчанова «Аграрные отношения в Средней Азии XVI в.», директора библиотеки А.М. Гуревича «Крестьянское восстание ат-Тараби XII в.» и др. В качестве приложения (объемом два печатных листа) предполагалось опубликовать Каталог восточных рукописей ГПБ УзССР¹.

Книга была сдана в издательство еще в 1936 г., но затем начались необъяснимые проволочки. Наконец, после серии задержек, в начале 1938 г. было объявлено решение высокого начальства: печать второго тома «Трудов» признавалась лишней. Библиотеке рекомендовалось размножить несколько экземпляров на ротапринте².

Подобная же участь постигла и другое издание, над которым работал Шмидт. Это был сборник, посвященный 950-летию Авиценны (Ибн Сины). Работа над этой книгой шла несколько лет, и в результате ее также запретили по цензурным соображениям в начале 1938 г.³ Однако Шмидту все же удалось, правда, не по своей воле, отметить на юбилее Авиценны: ему поручили переложить на стихи текст для кантаты, посвященной Ибн Сине. Александр Эдуардович, в юности увлекавшийся стихосложением, по его собственному признанию, достойно справился с поставленной задачей⁴.

Занимаясь описанием рукописей, Шмидт находил для себя радость в обнаружении интересных ма-

¹ См. анонс в конце первого тома «Трудов ГПБ УзССР»: Государственная библиотека Узбекской ССР им. Алишера Навои: Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич; Ком. наук Узб. совет. социалист. респ. – Ташкент: Изд-во Ком. наук, 1935.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 354об. После смерти Шмидта рукопись второго тома находилась у А.А. Семенова (Письма А.А. Семенова к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 823. Л. 50.).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 384об.–385.

⁴ Там же. Л. 277об.

нускриптов. В результате рождалась идея написать статью или подготовить перевод. Так, в конце 1934 г. он наткнулся в фондах библиотеки на текст *касыды*, посвященной пророку Мухаммаду и написанной как бы от имени архангела Джibriла (Гавриила). Шмидт подготовил перевод произведения и передал его для публикации в один из литературных журналов в Ташкенте¹.

К 1930-м гг. научные интересы Шмидта все больше становятся связанными с вопросами изучения истории Средней Азии и форм бытования ислама в данном регионе. Об этом красноречиво свидетельствуют как опубликованные, так и неопубликованные работы, подготовленные Александром Эдуардовичем в указанный период.

216

В 1935 г. ученый закончил начатую еще до казанской ссылки статью «Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане»². В том же году Шмидт планировал написать статью с рабочим названием «Классическое мусульманское право и его преломление в среднеазиатской действительности», но данный замысел, по-видимому, не был осуществлен. Параллельно Шмидт работал над статьей «К вопросу о переводе истории Тимура арабского историка Ибн Арабшаха»³. В 1936 г. в письме к И.Ю. Крачковскому Шмидт сообщает о своем намерении издать сборник писем среднеазиатских ханов, среди адресатов которых были Надир-шах, Александр I и др.⁴, однако и эта работа не была опубликована.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 121–121об. Предположительно, это мог быть журнал «Литература и искусство Узбекистана» или альманах «Литературный Узбекистан». Автор благодарит за это указание Р.Н. Шигабдинова. К сожалению, мне не удалось обнаружить данную публикацию.

² Данная статья опубликована в настоящем издании.

³ Статья была закончена в 1936 г.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 181.

По свидетельству А.А. Семенова, после смерти Шмидта остались законченными следующие труды ученого: «Рукописи произведений Авиценны в собрании Государственной публичной библиотеки УзССР»¹, «Рукопись Корана XIII–XIV вв. с персидским и турецким переводом»², большой том описанных рукописей, а также перевод арабских географов о Средней Азии с примечанием и вводной статей³. Первые три работы хранились в столе Семенова, «никому не нужные и никем не требуемые»⁴.

Однако главным трудом Шмидта второй половины 1930-х гг., значение которого для науки сопоставимо с магистерской диссертацией об аш-Ша‘рани и исследованием трактата Зийада б. Йахьи, стал критический перевод книги Абу Йусуфа «Китаб ал-харадж».

Лебединая песня А.Э. Шмидта (Перевод «Китаб ал-харадж»)

217

В одном из писем к Крачковскому Шмидт обмолвился о том, что начал неспеша переводить «Китаб ал-харадж» мусульманского правоведа Абу Йусуфа⁵.

¹ Сокращенная версия данной работы была опубликована в материалах второй сессии арабистов: *Шмидт А.Э.* Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1941. – С. 31–33.

² Данная статья была переслана Шмидтом С.Е. Малову: Письма А.Э. Шмидта к П.П. Иванову // АВ ИВР РАН. Ф. 124. Оп. 2. Д. 27. Л. 9об. Он предполагал опубликовать ее во втором томе Трудов ГПБ УзССР.

³ Данный перевод был опубликован В.И. Беляевым: *Шмидт А.Э.* Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки ИВ АН СССР. – М.; Л., 1958. – Т. XVI. – С. 441–513. Подробнее о ней см. далее.

⁴ Письма А.А. Семенова к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 823. Л. 50.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 167.

Автор книги – Абу Йусуф (731–804) – служил верховным судьей при халифе Харуне ар-Рашиде. Последний и выступил заказчиком книги, известной как «Китаб ал-харадж». Перед Абу Йусуфом стояла задача подготовить труд, посвященный вопросам государственных доходов и расходов. Но книга не исчерпывается данной проблематикой. В «Китаб ал-харадж», помимо собственно проблем налогообложения, рассматриваются вопросы: государственного управления, земле- и водопользования и даже уголовного права, где автор дает подробную классификацию преступлений и наказаний в соответствии с шариатом.

Книга построена в форме развернутых ответов Абу Йусуфа на вопросы халифа Харуна ар-Рашида. Значительный объем книги формируется за счет *хадисов*. Их общее количество в «Китаб ал-харадж» составляет около 550¹.

218

Вопросы мусульманского налогообложения впервые заинтересовали Шмидта, когда он работал над очерком «Шариат и право водопользования в Средней Азии» в 1925–1926 гг.² Тогда Александр Эдуардович сделал переводы фрагментов из книги Абу Йусуфа. Но будучи человеком увлекающимся, Шмидт не остановился над переводом отдельных интересовавших его отрывков и продолжил работу над «Китаб ал-харадж» уже после публикации статьи о праве водопользования по шариату. Однако неожиданно он утратил интерес к книге. Ему стало известно, что ее переводом занят молодой ленинградский востоковед Александр

¹ Хисматулин А.А. Китаб ал-харадж Абу Йусуфа // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XXIX.

² Шмидт А.Э. Шариат и право водопользования в Средней Азии // *Народное хозяйство Средней Азии*. – [Ташкент], 1926. – № 8–9. – С. 1–8.

Юрьевич Якубовский (1886–1953)¹. Это был уже не первый случай, когда Шмидт увлеченно занимался переводом, а затем вдруг бросал его². Причина всякий раз была одна и та же: он узнавал, что кто-то из коллег уже переводит или перевел тот же самый текст. При этом не имело значения, был ли это перевод на русский или на один из европейских языков.

Вспоминая случаи, когда кто-то успевал перевести вызвавшую его интерес книгу, Шмидт с горечью шутил, что его истинное призвание – быть пожарным, так как пожарные всегда опаздывают на пожар³.

Но Крачковскому было не впервой убеждать колеблющегося Шмидта. Он понимал, что Александр Эдуардович лучше, чем кто бы то ни было сможет подготовить качественный перевод средневекового памятника мусульманско-правовой мысли на русский язык. В конце концов, академику удалось убедить Шмидта продолжить работу над «Китаб ал-харадж». По инициативе Арабского кабинета Института востоковедения АН СССР и Ассоциации арабистов в мае 1936 г. со Шмидтом был заключен договор на перевод сочинения Абу Йусуфа⁴. Выражаясь современным языком, ученый получил грант на исследование. 1 декабря 1937 г. он должен был представить готовый текст.

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 167.

² Например, в 1930 г. Шмидт получил по почте книгу ‘Абд ар-Разика «Основы государственной власти», которую он собирался переводить на русский язык и опубликовать в Сталинабаде (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 69об.). Но вскоре Александру Эдуардовичу стало известно, что готовится е перевод на французский язык, и он отказался от своего намерения.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 26.

⁴ *Шумовский Т.А.* Арабистика (1917–1968) // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М., 1972. – С. 289.

Свой перевод Шмидт осуществлял по первому Булакскому изданию «Китаб ал-харадж» 1885 г., сличая его с французским переводом, выполненным Э. Фаньяном с привлечением других списков книги Абу Йусуфа¹. Однако работа продвигалась не так быстро, как хотелось. По договоренности Шмидт должен был работать в Публичной библиотеке не более трех часов в день. Но Александр Эдуардович не умел трудиться по секундомеру. В результате, он проводил в библиотеке гораздо больше времени, чем того требовал установленный график². Кроме того, в октябре 1935 г. 64-летнего Шмидта записали на курсы вечернего отделения Института марксизма-ленинизма, которые он вынужден был посещать до мая 1937 г.³ За перевод удавалось засесть лишь под вечер, и то не каждый день. В хлебосольный дом Шмидтов могли нагряться гости или зайти соседи – Галушки – поделиться новостями из Ленинграда.

220

Выполнив часть перевода, Александр Эдуардович отдавал его машинистке. Но та оказалась не на высоте задачи: по собственному почину вносила исправления в печатный текст, не согласовывая с переводчиком. Да и пишущая машинка была у нее не самая новая: Шмидту приходилось после ее работы дорисовывать некоторые буквы⁴. К декабрю 1937 г. закончить перевод не удалось. Срок сдачи рукописи был продлен. В феврале 1938 г. Шмидт вынужден был поменять машинистку. По-прежнему в большом дефиците была

¹ Хисматулин А.А. От издателя // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. V.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 177.

³ Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8. Л. 1.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 358–358об.

бумага, поэтому перепечатка испорченных страниц и изготовление дополнительных копий было делом затруднительным. Но не только технические и бытовые проблемы тормозили работу.

В письме от 6 июля 1937 г. Александр Эдуардович, находящийся на отдыхе в Кисловодске, доверительно сообщает Крачковскому, что мечтает заняться переводом средневекового арабского «Трактата о яблоке» («Рисала ат-туфах»), приписываемого Аристотелю¹. Мысли об этой рукописи буквально не оставляли Шмидта вторую половину 1937 г. Ему также хотелось завершить начатый ранее перевод «Истории Амира Тимура» Ибн Арабшаха². Еще в 1921 г. Шмидт признавался Игнатию Юлиановичу: «...я, как вы знаете, времени своего целесообразно распределять не умею»³.

Но Крачковский методично напоминал Шмидту о необходимости завершить прежде перевод книги Абу Йусуфа. Все было как во времена работы Шмидта над диссертацией, когда он вдруг, бросив ее, брался за Ибн ал-‘Араби или за другую рукопись⁴. Контролировать друга на расстоянии было сложнее, чем в Петербурге. Но Крачковскому, кажется, это удалось.

В январе 1938 г. Шмидту был выплачен аванс в размере 1955 рублей⁵. В мае 1938 г., когда более 90% перевода было готово, Александр Эдуардович попросил у Института востоковедения новую отсрочку на два

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 288–288об.

² Там же. Л. 172. Данная статья не была опубликована. См.: К вопросу о переводе истории Тимура арабского историка ибн-Арабшаха / Пер. с араб. и предисл. А.Э. Шмидта (1936) // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Д. 526. Л. 1–11.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 85об.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 347об.

месяца. Окончание работы оказалось под угрозой. Ему отказали в «переписке паспорта»¹.

Шмидт отправился на прием к начальнику милиции УзССР, и тот пояснил ему, что Александр Эдуардович как лицо с судимостью не может проживать в Ташкенте, ставшем режимным городом. Единственная возможность остаться здесь – получить ходатайство с места работы о том, что он нужен как специалист. Но ни от библиотеки, ни от Академии наук такого ходатайства в адрес местных властей не поступало². К началу июня Шмидту все же удалось закончить перевод³.

Судьба последнего труда Александра Эдуардовича оказалась не вполне счастливой. После смерти Шмидта в 1939 г. двум сотрудницам Института востоковедения АН СССР Е.А. Разумовской (1904–1943) и О.А. Крауш (1902–1942) было поручено подготовить рукопись к печати. Сфера научных интересов обеих исследовательниц была связана с вопросами земледелия на мусульманском Востоке в Средние века: Е.А. Разумовская в начале 1940-х гг. работала над кандидатской диссертацией «Формы землевладения в Иране и Ираке в VII–X вв.», а О.А. Крауш занималась переводом одноименной книги другого мусульманского правоведа – Йахьи б. Адама «Китаб ал-харадж»⁴. (Последний трактат собирался переводить и сам Шмидт по окончании работы над текстом Абу Йусуфа.)

222

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 387.

² Там же. Л. 390–390об. С подобной проблемой столкнулись и другие фигуранты дела 1931 г. – например, Н.Г. Маллицкий (см.: Воспоминания Елизаветы Николаевны Маллицкой об отце – Николае Гурьевиче Маллицком // http://ritm-x.com/vospominaniya_o_n.g.mallitzkom.pdf).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 391.

⁴ Рукопись перевода хранится в АВ ИВР РАН: Крауш О. Книга о харадже Йахьи б. Адама ад-Кураши // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 104.

Публикация «Китаб ал-харадж» была первоначально внесена в издательский план Института востоковедения на 1940 г., но затем была перенесена на март 1941-го. Однако и в этом году книгу не удалось издать.

Для того чтобы напечатать перевод Шмидта, требовалось написать вступительную статью, оформить указатели и примечания. Кроме того, предполагалось, что в издании будет предисловие Крачковского, некролог Шмидту и перечень его работ. Война нарушила все планы. Обе женщины ушли из жизни до того, как успели завершить начатую работу: Крауш в 1942 г., во время ленинградской блокады, Разумовская – в 1943 г., в эвакуации в Ташкенте.

Несколько десятилетий перевод Шмидта лежал в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения. Наконец, в середине 1980-х гг. подготовка рукописи перевода к печати была поручена Алексею Сергеевичу Боголюбову (1932–1990). Работая над текстом Шмидта, Боголюбов делал свой собственный черновой перевод сочинения, опираясь на издание «Китаб ал-харадж» 1928 г., которого не было в распоряжении Александра Эдуардовича. Но проходит несколько лет, и теперь уже Боголюбов умирает, не успев завершить работу над книгой.

Перевод Шмидта увидел свет только в 2001 г. Его подготовил к печати сотрудник Института восточных рукописей РАН А.А. Хисматулин. Данное издание представляет собой отредактированный перевод Шмидта с супракомментариями А.С. Боголюбова и А.А. Хисматулина¹.

В последние годы Шмидт также работал над переводом сведений средневековых авторов IX–XIII вв. (Абу Ханифы ад-Динавери, ат-Табари, ал-Масуди

¹Перевод, выполненный самим А.С. Боголюбовым, пока не опубликован.

и др.), относящихся к истории Средней Азии и Ирана в эпоху, предшествовавшую арабскому завоеванию. Эта работа Шмидта была опубликована в 1958 г. учеником Шмидта В.И. Беляевым¹.

«Везде ты всеми был любим...» (Болезнь и смерть)

О последнем годе жизни Шмидта известно крайне мало. Он продолжал ходить по инстанциям, добываясь разрешения проживать в Ташкенте. Крачковский, со своей стороны, спешно пытался подготовить ходатайство от Академии наук.

Александр Эдуардович уже стал думать о том, куда им с женой отправиться в случае отрицательного решения вопроса о прописке. Вернуться в Ленинград было затруднительно как по материальным соображениям, так и из-за наличия все той же судимости. Не мог не думать Шмидт и о Тифлисе. В самые трудные мгновения своей жизни он возвращался мыслями к городу, в котором прошло его беззаботное детство. Но наиболее реалистичным вариантом был Самарканд.

Пока Шмидт обивал пороги высоких начальников, в НКВД уже полным ходом шла подготовка к его аресту.

Последнее письмо Александра Эдуардовича к Крачковскому датируется 8 июня 1938 г.² А уже 16 июня Шмидт дает показания следователю. Таким образом, он был арестован в период между 8 и 16 июня.

Во время допроса у следователя 16 июня 1938 г. был поднят вопрос о деле 1931 г. В своем ответе Шмидт заявил следующее: «Работая первое время деканом Восточного факультета САГУ, а потом зам. директо-

¹ Шмидт А.Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки ИВ АН СССР. – М.; Л., 1958. – Т. XVI. – С. 441–513.

² Последний раз Шмидт с Крачковским виделись в октябре 1937 г., когда Александр Эдуардович приезжал в Ленинград для участия во второй сессии Ассоциации арабистов.

ра САГУ, я совместно с проф. Семеновым, Маллицким и Андреевым возглавил реакционную группу профессуры. Мы создали на Востфаке к.-р. вредительскую группу из числа профессорско-преподавательского состава, ставившую перед собой задачи: срыв работы в области подготовки кадров советских специалистов, противодействие советизации преподавательского состава и введению общественно-политических дисциплин и марксистско-ленинской методологии»¹.

Что заставило Шмидта дать показания против себя и своих коллег по делу, которое было уже закрыто, мы, возможно, никогда не узнаем². Ясно лишь одно: после таких признаний судьба ученого была предрешена.

Однако летом 1939 г. происходит неожиданное. Александра Эдуардовича освобождают, дело прекращается. Примечательно, что другие упомянутые Шмидтом лица избежали репрессий. М.С. Андреев был арестован 10 августа 1938 г., но 11 июня 1939 г. был освобожден³. По законам того времени он, можно сказать, отделался легким испугом. Что касается А.А. Семенова и Н.Г. Маллицкого, то они вообще не были арестованы.

Сам Шмидт также был освобожден в конце июля или в начале августа 1939 г. Обратимся к воспоминаниям В.А. Крачковской. «Незадолго до смерти в 1939 г.⁴ А.Э. второй раз в жизни был изолирован в Ташкенте, а сын Эдуард, востоковед, – подальше, откуда не вер-

¹ Архив Службы национальной безопасности Республики Узбекистан. Архивно-следственное дело № П-14031. Л. 79 // цит. по: *Германов В.А.* «Восточный фронт» // *Восток-Oriens*. – 1996. – № 3. – С. 116.

² В семье младшего сына Шмидта – Александра – сохранилось предание о том, что к Александру Эдуардовичу применяли меры физического воздействия, не давали пить (Воспоминания «маленькой девочки» (Оленниковой Ф.М.) // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2009 г. Рукопись. Архив автора).

³ Подробнее о деле М.С. Андреева 1938–1939 гг. см.: *Германов В.А.* *Восточный фронт* // *Восток-Oriens*. – 1996. – № 3. – С. 115–116.

⁴ Выше мы уже отмечали, что у Крачковской ошибка.

нулся. А.Э. объявил голодовку в знак протеста, голодал 12 суток, был освобожден тяжелобольным (рак) и умер дома через две недели»¹.

Воспоминания Крачковской писались в 1971 г., и Вера Александровна не могла написать всего, что знала об аресте и гибели Шмидта. А знала она, конечно, многое, – как от своей сестры Ольги Александровны, ташкентской соседки Шмидтов, так и от Виктора Ивановича Беляева, который оказался в 1942 г. в Ташкенте в эвакуации.

Однако в приведенном выше фрагменте из воспоминаний Веры Александровны содержатся неточности. Так, Крачковская пишет, что Шмидт умер дома, но имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства обоих сыновей Александра Эдуардовича вступают в противоречие с этим утверждением. В справке о своих родителях Александр Шмидт указывает, что его отец умер в «одной из хирургических клиник Ташкентского медицинского института им. В.М. Молотова»². Слова эти были написаны в 1954 г., но есть более раннее свидетельство. В письме к И.Ю. Крачковскому от 17 октября 1939 г. Эдуард Шмидт пишет: «Скончался А.Э. в клинике... Смерть А.Э., несмотря на все основания ожидать ее, явилась для меня лично все же неожиданной. И сам он, мне кажется, тоже рассчитывал поправиться – он даже намечал работы, которыми собирался заняться по выздоровлении»³.

Письмо от Эдуарда указывает на вторую неточность в воспоминаниях Крачковской. Из ее текста вы-

¹ Крачковская В.А. Несколько слов об А.Э. Шмидте // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XXV.

² А.А. Шмидт. Справка о моих родителях и других членах нашей семьи, 28 февр. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 2.

³ Письма Э.А. Шмидта к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1022. Л. 1.

текает, что старший сын Шмидта, после того как был изолирован в Ташкенте, живым на свободу уже не вышел. Но письма Эдуарда к И.Ю. Крачковскому, написанные в 1939–1941 гг., опровергают утверждение Веры Александровны.

Это противоречие разрешила находка, сделанная ташкентским исследователем Ринатом Шигабдиновым. Благодаря документам, полученным им от правнука Шмидта – Сергея Игоревича Новицкого, – стало известно, что в ночь на 28 июня 1938 г. действительно был арестован сын Александра Эдуардовича, но только не старший, а младший – Шура¹. Что касается Эдуарда, то он и в самом деле был отправлен «подальше, откуда не вернулся». Только случилось это не в 1938 или 1939 г., а в 1942².

Таким образом, упоминание о голодовке Шмидта выглядит вполне правдоподобно. Учитывая характер болезни Александра Эдуардовича (рак желудка), отказ от приема пищи мог фатальным образом повлиять на состояние его здоровья. Остается открытым лишь вопрос, когда Шмидт начал голодовку. Между арестом Шуры и освобождением умирающего Александра Эдуардовича прошло больше года. Нельзя, впрочем, исключать, что Шмидт узнал об аресте сына не сразу, а позднее.

Ученый был настолько измучен и болен, что любое потрясение могло стать для него роковым. Для следователей было ясно, что дни его сочтены, и, видимо, поэтому было принято решение освободить его. Еще в 1936 г. врачи говорили Александру Эдуардовичу, что состояние его сердца и аорты может свести его в могилу в любую минуту³.

¹ Автор благодарен Р.Н. Шигабдинову за помощь в получении материалов от С.И. Новицкого.

² Подробнее об этом см. далее.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 174.

Официальная версия смерти Шмидта звучала так: скончался от рака¹. Как это ни страшно звучит, но тяжелая болезнь и смерть Александра Эдуардовича, вызвавшие прекращение его дела, позволили сохранить его имя в истории советской науки. Неслучайно в пронизанной идеологией книге Н.А. Смирнова «Очерки истории изучения ислама в СССР»² Шмидту уделено почетное место в ряду других «буржуазных востоковедов». Существует известный афоризм, принадлежащий Корнею Чуковскому, что в России надо жить долго. Но не менее справедливым будет утверждение о том, что в нашей стране иногда уместно вовремя умереть, пока тебя не успели сделать врагом народа и смешать с грязью.

Александр Эдуардович был похоронен на Боткинском кладбище в Ташкенте. На бетонном памятнике была выбита надпись: «Везде ты всеми был любим, / И как о лучшем человеке / Мы память о тебе храним»³.

228

Наследие и наследники

В одном из писем к И.Ю. Крачковскому А.Э. Шмидт категорично писал: «Посмертных материалов» оставлять не желаю, и все начатые работы, в невозможности завершения которых мне придется убедиться, пойдут заблаговременно в печку»⁴. Но свои намерения ему, к счастью, не удалось полностью осуществить. Арест

¹ Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8. Л. 27.

² Смирнов Н.А. Очерки истории изучения ислама в СССР. – М., 1954. – С. 99–102.

³ Воспоминания «маленькой девочки» (Оленниковой Ф.М.) // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2009 г. Рукопись. Архив автора. См. также: Лунин Б.В. По велению сердца и разума // Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XVII.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 11об.

и обострившаяся вслед за тем болезнь не дали Александру Эдуардовичу возможности привести в порядок бумаги. Это давало надежду на то, что часть его неопубликованных работ уцелела. По просьбе Крачковского сын Шмидта Эдуард занялся разбором архива отца, но бумаги оказались в полном беспорядке: «Никак не ожидал, что А.Э. мог оказаться столь неаккуратным – вероятно, совсем забыл о них в связи с тяжелыми переживаниями»¹. Все, что удалось сделать Эдуарду, – это подготовить список публикаций отца, который требовался для издания перевода «Китаб ал-харадж».

После Александра Эдуардовича остались не только его рукописи, но и личная библиотека, насчитывавшая свыше 2000 томов². Среди них были ценные антикварные издания – вроде приобретенного им в Петрограде у букиниста перевода Корана на латинский язык 1550 г.³ Еще в 1930 г. Александр Эдуардович намеревался подарить свою библиотеку востфаку с правом пожизненного пользования, но когда стало понятно, что факультету грозит полное уничтожение, он передумал⁴.

Интерес к приобретению книг А.Э. Шмидта проявляли ГПБ УзССР и библиотека САГУ. Вера Юлиевна колебалась: с одной стороны, ей были нужны деньги, с другой – ей не хотелось продавать книги мужа. Если бы был решен вопрос с пенсией за Александра Эдуардовича или с выплатой оставшейся части гонорара за «Китаб ал-харадж», она готова была подарить библиотеку ташкентской «Публичке». Продать большую часть книг советовал Вере Юлиевне и Семенов. Од-

¹ Письма Э.А. Шмидта к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1022. Л. 4об.

² Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 14.

³ Письма Э.А. Шмидта к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1022. Л. 10.

⁴ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 38об.

нако против этого выступал Эдуард, который «решил снова вернуться к востоковедению»¹. Вероятнее всего, причина заключалась не только в этом. Ведь большая часть работ Александра Эдуардовича касалась арабистики, а сферой научных интересов Эдуарда была тюркология. Для него библиотека отца была чем-то большим, чем собранием книг.

В самом начале 1942 г. Эдуард вместе с братом и матерью были сосланы в кишлак Лоиш Ак-Дарьинского района Самаркандской области². Сюда в годы войны в основном были направлены граждане СССР немецкой национальности, находившиеся в Средней Азии. Перед отъездом в ссылку Эдуард разнес книги из библиотеки отца по родным своей жены и знакомым³.

Из Лоиша в апреле 1942 г. Эдуард вместе с братом Александром, который был освобожден 10 февраля 1940 г. в связи с прекращением его дела⁴, были мобилизованы в трудовую армию. Их направили в Исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) «Бакалстрой-Челябметаллургстрой» НКВД СССР для строительства Челябинского металлургического завода (ЧМЗ). Сам термин «трудовая армия» не использовался в официальных документах, но был понятен любому гражданину Советского Союза. Лица, привлеченные в качестве трудармейцев, были принудительно мобилизованы в годы Великой Отечественной войны для

¹ Письма А.А. Семенова к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 823. Л. 50об.

² Автобиография гр-на Шмидта Александра Александровича, 28 февр. – 10 авг. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 2. См. также: *Кнауэр Н., Чеботарева В.* Шмидт Александр Эдуардович // Немцы в России. – М., 2006. – Т. 3. – С. 755.

³ Письма А.А. Семенова к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 823. Л. 50об.

⁴ Справка о периоде с 28 июня 1938 г. по 10 февраля 1940 г., 21 февр. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент).

выполнения различного рода хозяйственных задач¹. Более половины членов трудармии, строивших ЧМЗ, составляли немцы.

Александр Шмидт работал сначала прорабом по строительству железнодорожных подъездных путей и прокатного цеха, а затем (с сентября 1942 г.) – инженером отдела металлоконструкций и технического отдела Управления строительства. Эдуард был оформлен начальником учетно-распределительной части при больнице 7-го стройотряда. 8 декабря 1942 г. он скончался в центральном лазарете «Челябметаллургстроя» от туберкулеза легких².

Переживания, связанные с несчастиями, обрушившимися на семью, не прошли даром для Веры Юлиевны. Она тяжело заболела летом 1943 г. У нее было обнаружено онкологическое заболевание. В сентябре 1943 г. Александр получил отпуск и прибыл в Самарканд, чтобы перевести мать в Ташкент, предварительно добившись разрешения на это через лагерное начальство³. Вскоре Александр был вынужден возвратиться в Челябинск. Заботу о Вере Юлиевне взяли на себя ее внук Александр – сын Эди – и Семенов. Последний после смерти Эдуарда продолжил заниматься вопросом о судьбе библиотеки А.Э. Шмидта. В подробном письме к Крачковскому от 21 июля 1943 г. Семенов писал, что библиотека Шмидта распылена. Часть книг сам Александр Эдуардович принес для работы

¹ Подробнее об этом см.: *Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // *Экономическая история: Обозрение* / Под ред. Л. И. Бородкина. – М., 2001. – Вып. 7. – С. 154–162.

² А.А. Шмидт. Справка о моих родителях и других членах нашей семьи, 28 февр. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 3. См. также: Письма А.А. Семенова к И.Ю. Крачковскому // СЛБФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 823. Л. 50об.

³ Автобиография гр-на Шмидта Александра Александровича, 28 февр. – 10 авг. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 3.

в ГПБ, и теперь возникли сложности с возвращением их наследникам¹.

Что касается научного наследия Шмидта, то к его разбору подключился оказавшийся в Ташкенте в эвакуации с ноября 1942 г. В.И. Беляев. Помимо прочего, Беляев занимался описанием арабских и персидских рукописей в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки вместе с коллегами из Института востоковедения АН СССР. Из Ташкента в Ленинград в 1945 г. Виктор Иванович привез некоторые рукописи Шмидта. В 1958 г. он издал «Материалы по истории Средней Азии и Ирана», куда вошли переводы отрывков из исторических сочинений Абу Ханифы ад-Динавери (IX в.), ат-Табари (X в.), ал-Мас‘уди (X в.), Хамзы ал-Исфахани (X в.), ал-Бируни (XI в.) и Ибн ал-Асира (XIII в.), подготовленные Александром Эдуардовичем.

232

Крачковский всю войну держал на контроле вопрос с библиотекой друга. В сложное военное время ему удалось добиться выделения денег от Академии наук. Наконец, 29 августа 1944 г. В.И. Беляев получил от Игнатия Юлиановича телеграмму, сообщавшую, что оплата библиотеки Шмидта согласована финансовой частью академии с директором Института востоковедения². Стоимость библиотеки была оценена в 471 тысячу рублей³.

Между тем жизнь в поредевшей семье Шмидтов постепенно налаживалась. В июне 1946 г. Александр был демобилизован из трудармии и получил право на возвращение в Ташкент⁴. В октябре сыграли свадьбу

¹ Материалы так и не изданного второго тома Трудов ГПБ хранились в столе у А.А. Семенова.

² Письма И.Ю. Крачковского к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 201. Л. 35.

³ Письма А.А. Семенова к И.Ю. Крачковскому // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 823. Л. 52.

⁴ Автобиография гр-на Шмидта Александра Александровича, 28 февр. – 10 авг. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 4. Согласно данным «Книги памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакал-

Семенова и Веры Юлиевны. Согласно легенде, восходящей к Александру, перед смертью Шмидт просил друга позаботиться о его жене¹. Неизвестно, шла ли тогда речь о женитьбе, но решение Семенова заключить брак с Верой Юлиевной в октябре 1946 г.² оказалось спасительным для нее.

Первое время молодожены проживали в квартире Шмидтов в Каракалпакском переулке. Вера Юлиевна часто болела. По хозяйству ей помогали младший сын Шура, внук – Александр Эдуардович и Семенов. До конца своих дней Вера Юлиевна сохранила сильный немецкий акцент³.

Отношения с соседями не были безоблачными. Об этом свидетельствуют письма О.А. Галушко к В.А. Крачковской и воспоминания внучатой племянницы А.Э. Шмидта – Ф.М. Оленниковой⁴. Ольга Александровна Галушко с момента возвращения Шмидтов в свою квартиру находилась в состоянии постоянной вражды с Верой Юлиевной⁵.

В 1951 г. Семенов был избран директором Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской

строй-Челябметаллургстрой. 1942–1946», Александр Шмидт выбыл из лагеря 30 июня 1946 г. (<http://bd-chelarthiv.eps74.ru/knpamstr/schm.html>).

¹ Воспоминания «маленькой девочки» (Оленниковой Ф.М.) // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2017 г. Рукопись. Архив автора.

² А.А. Шмидт. Справка о моих родителях и других членах нашей семьи, 28 февр. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 2.

³ Интервью Ф.М. Оленниковой // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2017 г. Рукопись. Архив автора.

⁴ «Раньше с ними здоровались. После раздела имущества (общего двора) соседи (муж с женой небольшого роста) часто с ними (В.Ю. и А.А. Шмидтами. – Р.Б.) ругались. Они соседей звали “петушками” и уже не здоровались с ними» // Интервью Ф.М. Оленниковой // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2017 г. Рукопись. Архив автора.

⁵ «А В.Ю. величина отрицательная и я с ней не разговариваю», «...на соседку смотрю как на пустое место... сын мне говорит, что она странная в своих фантазиях» (Письма О.А. Галушко к В.А. Крачковской // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 8. Д. 137. Л. 97об., 109).

ССР и переехал в Сталинабад. Вскоре за ним последовала и Вера Юлиевна. Она ненадолго пережила своего второго мужа и умерла на 40-й день после смерти Семенова в декабре 1958 г. Расходы на похороны и организацию взял на себя ее сын Александр¹.

Через два года, 9 ноября 1960 г., не стало и самого Александра. На работе у него произошел конфликт с парторгом. Вечером у Александра Александровича случился инфаркт. Дома телефона не было, и он долго не хотел отпускать жену ночью позвонить в «скорую». Когда врачи приехали, было уже поздно². Александр был похоронен на Боткинском кладбище рядом с отцом.

В 1990 г. в одной могиле с А.Э. Шмидтом была погребена его внучка – Ирина Александровна Новицкая, родившаяся 18 апреля 1928 г. На могиле деда и внучки был установлен памятник из красного гранита. Надпись на памятнике гласит: «Член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Шмидт Александр Эдуардович, один из основателей Государственного университета в Ташкенте по поручению В.И. Ленина (12.III. 1871 – 1939. 9.VIII)».

234

О дальнейшей судьбе жены другого сына Шмидта – Эдуарда – и их сына Александра, полного тезки героя этого очерка, – нам, к сожалению, ничего не известно³. Хочется верить, что судьба их сложилась счастливо.

¹ Интервью Ф.М. Оленниковой // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2017 г. Рукопись. Архив автора.

² Воспоминания «маленькой девочки» (Оленниковой Ф.М.) // Полевые материалы автора Р.Н. Шигабдинова (г. Ташкент), 2009 г. Рукопись. Архив автора.

³ По данным, сообщаемым А.А. Шмидтом в своей автобиографии, в 1952 г. его племянник по окончании горного факультета Среднеазиатского политехнического института отправился начальником одной из поисковых партий в Казахстан (А.А. Шмидт. Справка о моих родителях и других членах нашей семьи, 28 февр. 1954 г. // Семейный архив С.И. Новицкого (г. Ташкент). Л. 4).

НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ БИОГРАФИИ А.Э. ШМИДТА

Р.И. Беккин

**Кафедра исламоведения Петроградского университета
(Об одной малоизвестной странице
из биографии А.Э. Шмидта)¹**

В 1925 г. в «Известиях Академии наук СССР» была опубликована «Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта», подготовленная академиками И.Ю. Крачковским, В.В. Бартольдом и С.Ф. Ольденбургом в связи с выдвижением Шмидта в члены-корреспонденты АН СССР. «Едва ли не единственным ученым, работы которого посвящены исключительно исламоведению, – говорилось в “Записке”, – является профессор Средне-Азиатского государственного университета в Ташкенте А.Э. Шмидт»².

235

О вполне определенной научной специализации Шмидта красноречиво свидетельствует список его научных работ: начиная с первой публикации «Применение системы фикха в арабской грамматике» в «Сборнике статей учеников профессора барона В.Р. Розена»³ и заканчивая трудами, относящимися к середине тридцатых годов – тяжелейшему перио-

¹ Данный текст представляет собой переработанный вариант следующей статьи: *Беккин Р.И.* Кафедра исламоведения Петроградского университета (О малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта) // *Arg Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. – М., 2016. – С. 77–95.

² *Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // *Известия Академии наук СССР*: Сер. 6. – 1925. – Т. 19. – С. 893.

³ *Шмидт А.* Применение системы фикха в арабской грамматике // *Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897.* – СПб., 1897. – С. 309–324.

ду в жизни ученого. Вернувшись летом 1934 г. из казанской ссылки, Шмидт, уставший и надломленный, занимался изучением арабографичных рукописей в Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР до самой своей трагической гибели в 1939 г. Некоторые из научных трудов, написанных Шмидтом в ташкентский период, до сих пор не опубликованы¹. Другие были начаты и не окончены.

236

Всю жизнь у ученого недоставало времени на неторопливую кабинетную работу. До Октябрьской революции, чтобы обеспечить семью, он вынужден был совмещать преподавательскую деятельность в университете со службой в других местах. В августе 1918 г., только что назначенный ординарным профессором Петроградского университета², Шмидт возвращается в Россию из оккупированного немцами Юрьева (Дерпта), где он провел почти год. О юрьевском периоде в жизни Александра Эдуардовича мало что известно. Но судя по сохранившимся письмам и открыткам, ему удалось ненадолго погрузиться в научную работу, хотя его материальное положение и в Юрьеве оставляло желать лучшего.

В Петрограде Шмидт продолжает совмещать работу в бывшей Императорской Публичной библиотеке с преподаванием в университете. В самой «Публичке» он сначала заведует хозяйственно-административной частью, затем – Отделением общего каталога и Отделением книг на восточных языках одновременно³. С мая 1919 г. ученый также берет на себя обязанности

¹ См. соответствующий раздел в Списке трудов А.Э. Шмидта в конце данной книги.

² С июня 1918 по октябрь 1919 г. Петроградский университет назывался Первым Петроградским университетом.

³ Шилов Л.А. Шмидт А.Э. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биограф. словарь РНБ. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 585.

помощника директора библиотеки. К работе в Петрограде прибавились частые поездки в Москву – для чтения лекций в Лазаревском институте восточных языков, а также для участия в заседаниях Оргкомитета, а позже – ученого совета формируемого в Ташкенте Туркестанского государственного университета (ТуркГУ).

В апреле 1920 г. поезд с партией преподавателей ТуркГУ прибыл в Ташкент из Москвы. Во главе этой представительной группы был А.Э. Шмидт. Оказавшись в Ташкенте, Александр Эдуардович довольно скоро принял решение навсегда остаться в полюбившемся ему городе, посвятив себя организационной, преподавательской и научной деятельности.

Параллельно с работой в ТуркГУ Шмидт принимал активное участие в формировании другого учебного заведения – Туркестанского восточного института (ТВИ). В апреле 1920 г. он был избран профессором ТВИ по кафедре арабской словесности и исламоведения, а 18 декабря 1920 г. – ректором института. После того как ТВИ в 1924 г. был преобразован в факультет Среднеазиатского государственного университета, Шмидт стал деканом восточного факультета САГУ.

Наряду с заботами о судьбе всего факультета Шмидту приходилось бороться за отдельные кафедры и направления, включая исламоведение. Вот что писал об этом сам Александр Эдуардович: «Ближайшей очередной заботой руководителей Института было, во-первых, – замещение некоторых пустующих кафедр, и прежде всего кафедры исламоведения, как преддверие к дальнейшему изучению и пониманию мусульманского Востока...»¹. Весной 1920 г. в структуре ТВИ действительно была создана кафедра арабской сло-

¹ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.–дек. – С. 115.

весности и исламоведения. А.Э. Шмидт, как отмечалось выше, был избран профессором по этой кафедре.

Особый интерес Шмидта к созданию специализированной кафедры исламоведения в ТуркГУ не случаен. Несколько годами ранее, в 1918 г., еще будучи профессором Петроградского университета по кафедре арабской словесности, А.Э. Шмидт выступил с инициативой создания на факультете восточных языков (ФВЯ) кафедры исламоведения. Эта страница биографии Шмидта является своего рода «белым пятном» в истории отечественного востоковедения.

Касаясь работы Александра Эдуардовича в Петроградском университете, исследователи упоминают, что в 1918–1920 гг. он был ординарным профессором по кафедре арабской словесности. При этом ни слова не говорится о кафедре исламоведения, созданной благодаря стараниям Шмидта¹. Между тем этот короткий эпизод в биографии Александра Эдуардовича дает ключ к пониманию деятельности Шмидта в Ташкенте, куда он прибыл не только как ученый, но и как организатор науки.

В ЦГА СПб хранится копия записки, переписанной с оригинала, составленного Шмидтом. Этот документ интересен в первую очередь тем, что это – свидетельство удачной инициативы по созданию первой в России кафедры исламоведения в Петербургском–Петроградском университете.

На двух с небольшим страницах «Записки», датированной 14 ноября 1918 г., дается подробное обосно-

¹ Единственным исключением, пожалуй, является цитируемая выше статья в «Известиях АН СССР» (*Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // *Известия Академии наук СССР*: Сер. 6. – Л., 1925. – Т. 19. – С. 892–895). В некоторых работах упоминается кафедра исламоведения, но не говорится о причастности к ее созданию А.Э. Шмидта (см., например: *Долинина А.А.* Невольник долга. – СПб., 1994. – С. 152–153).

вание создания кафедры. В начале «Записки» Шмидт обращается к опыту предшественников, опираясь на данные, изложенные в «Материалах для истории Факультета Восточных Языков», в частности во втором и четвертом томах¹: «Еще в 1872 году, на основании возбужденного по предложению Факультета Восточных Языков ходатайства Совета СПб Университета, Министр Народного Просвещения разрешил вакантную тогда “доцентуру татарских наречий” заменить преподаванием мусульманского законоведения, со введением этого предмета в круг обязательных факультетских предметов для студентов арабско-персидско-турецкого разряда Факультета Восточных Языков и с присоединением сего предмета к кафедре арабской словесности...»².

Автором инициативы по преподаванию мусульманского права был декан факультета восточных языков (ФВЯ) профессор И.Н. Березин. Он предложил на должность преподавателя этого предмета кандидатуру кумыкского ученого и поэта Мухаммеда Османова (ок. 1840–1904), который был не только лектором турецкого языка, но и эфендием команды мусульман Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Мусульманское законоведение для него было не теоретической дисциплиной, а живым правом, с которым он сталкивался в повседневной жизни. Поэтому неудивительно, что при подготовке и чтении курса мусульманского законоведения Османов опирался преимущественно на мусульманско-правовую традицию, а не на подходы европейской науки, делавшей первые шаги

¹ Материалы для истории Факультета Восточных Языков. 1865–1901.– СПб., 1906. – Т. II: Материалы для истории Факультета Восточных Языков / Сост. проф. В.В. Баргольд. – СПб., 1909. – Т. IV. Обзор деятельности факультета. 1855–1905.

² Приложение к отношению Факультета Восточных Языков от 18 ноября за № 89 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 73.

в направлении изучения мусульманского права¹. Основным учебным пособием по курсу мусульманского законоведения служил «Мухтасар» ханафитского правоведа Абу-л-Хасана ал-Кудури (Мухтасар ал-Кудури). Студентам также излагались мнения представителей других школ по различным вопросам *фикха*.

В дальнейшем курс мусульманского законоведения (до 1886 г.) вел профессор В.Ф. Гиргас².

О преподавании на факультете восточных языков других дисциплин, относящихся ныне к числу исламоведческих, речь не шла. Об этом Шмидт пишет в цитируемой записке: «В то время знакомство с вероучением ислама почти исчерпывалось знакомством с его религиозно-обрядовой стороной, которая полностью и входит в сферу компетенции мусульманского права»³.

240

Уровень преподавания исламоведческих дисциплин на факультете восточных языков Петербургского университета во второй половине позапрошлого столетия полностью соответствовал уровню исламоведения как в самой России, так и на Западе. Однако в конце XIX – начале XX в., пишет Шмидт, «благодаря трудам таких ученых, как Mehren, Goldziher, Spitta, Hautsma, Kremer, Schreiner, Snouck-Hurgronje, MacDonald и многих других, в сферу изучения был вовлечен ислам во всей его целокупности, как религиозная система, наложившая

¹ Программу курса мусульманского законоведения, который читал Османов, можно найти здесь: Материалы для истории Факультета Восточных Языков. – СПб., 1906. – Т. II. – С. 100–101.

² Магистерская диссертация В.Ф. Гиргаса называлась: «Права христиан на Востоке по мусульманским законам» (*Гиргас В.Ф.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам: Дис. канд. фак. вост. яз. Владимира Гиргаса на степ. магистра араб. словесности. – СПб., 1865). Гиргас также перевел на русский язык сочинение голландского ученого ван ден Берга «Основные начала мусульманского права» (*Берг Л.В.Х. ван ден.* Основные начала мусульманского права, согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии / Пер. со 2-го просм. изд. проф. В. Гиргас. – СПб., 1882).

³ Приложение к отношению Факультета Восточных Языков от 18 ноября за № 89 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 73.

своей определенной отпечаток на ту своеобразную мусульманскую культуру, которая в свое время явилась видным фактором в истории культуры человечества»¹. Иными словами, в указанный Шмидтом период исламоведение сформировалось как самостоятельная дисциплина, что, в свою очередь, актуализировало вопрос о создании специализированной кафедры.

Одна из наиболее известных инициатив последовала в 1894 г. со стороны факультета восточных языков в ответ на записку В.В. Вельяминова-Зернова, составленную им после участия в испытательной комиссии восточных языков при Санкт-Петербургском университете. Вельяминов-Зернов выступил с критикой существовавшей системы преподавания «мусульманских языков» (т.е. языков народов, традиционно исповедующих ислам) на факультете. В упомянутом ответе ФВЯ, помимо прочего, ходатайствовал об учреждении кафедры мусульманского законоведения². Однако она так и не была создана. В дальнейшем, начиная с 1901 г., во всех проектах университетского устава вплоть до текущего момента предусматривалось учреждение кафедры, специализировавшейся на изучении ислама. Но к практическим результатам это не привело.

Октябрьская революция не сняла с повестки дня вопрос об организации кафедры. Напротив, в новых условиях, когда велись разговоры об образовании религиозно-философского факультета³, институциональное оформление исламоведения в университете было объявлено Шмидтом чрезвычайно важной задачей: «Изучение наряду с другими мировыми религи-

¹ Приложение к отношению Факультета Восточных Языков от 18 ноября за № 89 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 73об.

² Материалы для истории Факультета Восточных Языков / Сост. проф. В.В. Бартольд. – СПб., 1909. – Т. IV. Обзор деятельности факультета. 1855–1905. – С. 191.

³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 73об.

ями также и религиозной системы ислама не может не войти в программу этого нового факультета: возможность такого изучения ислама вполне была бы обеспечена наличием на Факультете Восточных Языков самостоятельной кафедры исламоведения»¹.

В заключительном положении «Записки» содержится ключевая мысль для понимания значения будущей кафедры. Несмотря на существование проекта об образовании религиозно-философского факультета, призванного обеспечить изучение различных религий, функции преподавания предметов, связанных с исламом, должны осуществляться специализированной кафедрой при ФВЯ, поскольку исламоведение – это самостоятельная востоковедная дисциплина, по крайней мере с конца XIX в.

242

«Записка» Шмидта была подготовлена к заседанию совета факультета восточных языков, где инициатива Александра Эдуардовича была единодушно поддержана. От имени ФВЯ с соответствующим ходатайством в Совет университета обратился декан Н.Я. Марр. Через несколько дней, 22 ноября 1918 г., на заседании Совета Первого Петроградского университета было принято единогласное решение об учреждении кафедры исламоведения. Указанную дату можно с полным основанием считать днем рождения кафедры².

¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 73об.–74.

² В цитируемой выше «Записке об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта» годом основания кафедры назван 1919-й (*Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // *Известия Академии наук СССР*: Сер. 6. – Л., 1925. – Т. 19. – С. 893). А.А. Долинина в своей книге «Невольник долга» называет более точную дату, но при этом указывает, что создание кафедры было обусловлено в первую очередь необходимостью дать Крачковскому профессорское звание: «Осенью 1918 г. Н.Я. Марр поднял вопрос об учреждении кафедры исламоведения – специально, чтобы предоставить Крачковскому профессорскую должность... Старания его увенчались успехом, и 2 ноября 1918 г. Крачковскому было присвоено звание профессора» (*Долинина А.А.* Невольник долга. – СПб., 1994. – С. 152–153).

Сложнее обстоит дело с дальнейшей историей кафедры. Нам пока что не удалось установить имена профессоров и преподавателей, работавших на ней. Нельзя исключать, что по кафедре числился всего один человек – сам А.Э. Шмидт¹. Такая практика имела место в истории ФВЯ, а затем и восточного факультета Ленинградского университета².

Известно, что Шмидт обеспечивал преподавание мусульманского права и других предметов из исламоведческого цикла. Остальные же дисциплины читались преподавателями других кафедр. Поэтому нельзя исключать, что ликвидация кафедры в 1921 г.³ могла быть связана как с преобразованиями на самом факультете⁴ (об этом прямо говорится в «Записке» Крач-

¹ Так, в ответ на запрос Отдела высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР от 6 мая 1919 г. за № 2794 декан факультета общественных наук сообщает, что в отличие от ряда других востоковедных кафедр, не укомплектованных профессорско-преподавательским составом, преподавание по кафедре исламоведения обеспечивается А.Э. Шмидтом (Переписка с Наркомпросом РСФСР о вакантных кафедрах на факультетах // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 101. Л. 9об.).

² Автор благодарен за это указание [А.А. Долининой].

³ Эта дата указана в «Записке об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта» (Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // Известия Академии наук СССР: Сер. 6. – Л., 1925. – Т. 19. – С. 893). Фактически же кафедра прекратила свое существование к 1920 г.

⁴ Осенью 1919 г. в Первом Петроградском университете начался процесс формирования факультета общественных наук (ФОН) – на базе факультета восточных языков, историко-филологического и юридического факультетов, а также Археологического и Историко-филологического институтов и ряда факультетов Бестужевских высших женских курсов. Востоковедные дисциплины были распределены между несколькими отделениями нового мегафакультета: философским, историческим, филологическим и этнолингвистическим. Религиозно-философский факультет так и не был создан. (Подробнее о создании ФОН см.: Март Н.Я., Жебелев С. О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в Факультет общественных наук (в части, касающейся Историко-филологического факультета и Факультета восточных языков). – Пг., 1919.) Неудивительно, что маленькой специализированной кафедре, где фактически работал один специалист, в новой структуре ФОН места не нашлось.

ковского, Бартольда и Ольденбурга¹), так и с тем обстоятельством, что Шмидт к тому времени окончательно перебрался в Ташкент. Другого специалиста, способного полноценно заменить Шмидта, в Петроградском университете в то время еще не было.

Анализ списка профессоров и преподавателей ФВЯ в 1918–1920 гг. показывает, что из них исламоведами можно назвать только Шмидта и, с некоторыми оговорками, Крачковского². Числился ли Игнатий Юлианович сотрудником кафедры? Ни одного документа, подтверждающего это, в нашем распоряжении нет. Переписка Шмидта с В.В. Бартольдом также не позволяет нам говорить о причастности к работе на кафедре этого выдающегося востоковеда³. Таким образом, с большой долей вероятности мы можем утверждать, что ключевую роль в истории кафедры исламоведения сыграл персональный фактор. Она была открыта под конкретного человека — уникального специалиста-исламоведа, и прекратила свое существование после того, как он перестал работать в университете.

244

Что касается кафедры арабской словесности и исламоведения⁴ в Туркестанском восточном институте, то поначалу ее судьба складывалась более или менее удачно. Об этом имеется свидетельство самого А.Э. Шмидта: «В течение 1920–1921 и 1921–1922 учебных годов, благодаря притоку квалифицированных

¹ Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // Известия Академии наук СССР: Сер. 6. – Л., 1925. – Т. 19. – С. 893.

² «...Никакой школы русских исламоведов не существует, и число лиц, занимающихся этой областью, крайне ограничено» (Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С. Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // Известия Академии наук СССР: Сер. 6. – Л., 1925. – Т. 19. – С. 893).

³ См.: Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260.

⁴ После присоединения Туркестанского восточного института к САГУ кафедра стала называться кафедрой арабской словесности и истории ислама.

сил из центра, удалось значительно усилить преподавание и заменить пустовавшие до того времени кафедры, в частности арабский язык и исламоведение...»¹. К 1922 г. кафедра исламоведения была обеспечена профессорами наряду с четырьмя другими кафедрами ТВИ: иранской филологии, философии, языковедения и государственного права².

Однако в середине 1920-х гг. многие курсы, связанные с изучением истории и культуры ислама, были упразднены. К 1930 г. у Александра Эдуардовича в университете оставался только один курс «Арабские элементы в узбекском языке». Но к концу года и этот предмет был, по словам Шмидта, упразднен³.

В мае 1931 г. Шмидт в числе 11 профессоров и преподавателей САГУ подвергся аресту. Ему было предъявлено обвинение по 58-й статье УК РСФСР⁴. В соответствии с постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 28 декабря 1931 г. в начале 1932 г. Александр Эдуардович отбыл в административную ссылку в Казань⁵.

Когда Шмидт вернулся в Ташкент, о работе в САГУ не могло быть и речи. Повторялась история с факультетом восточных языков Петроградского университета. Мечта Шмидта о русской (советской) школе исламоведения не находила понимания со стороны властей. Восточный факультет САГУ обвиняли, помимо прочего, в том, что он мало способствовал формированию востоковедных кадров из числа туземного населения. Как и факультет восточных языков в Петроградском

¹ Шмидт А.Э. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.–дек. – С. 115.

² Там же. – С. 118.

³ Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 51.

⁴ Подробнее об этом деле см.: Германов В. «Восточный фронт» // Восток-Oriens. – 1996. – № 3. – С. 115–137.

⁵ Личное дело А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 680.

университете, востфак САГУ не сумел создать условия для подготовки специалистов по исламу, а также в полной мере использовать научный потенциал А.Э. Шмидта, исламоведа мирового уровня. Потребовались десятилетия, чтобы вернуться к проектам, обсуждавшимся в стенах Петербургского университета еще в конце XIX – начале XX в. В 2010 г. в Казанском федеральном университете была создана кафедра регионоведения и исламоведения. Она во многом явилась духовной и идейной наследницей кафедры исламоведения, созданной Шмидтом в Петроградском университете. Но, к сожалению, история кафедры в Казани также оказалась недолгой. Она была разгромлена усилиями местных бюрократов, видевших в ней угрозу своим интересам.

246

Тем не менее усилия Шмидта оказались не напрасными. Как человеку, опередившему свое время, ему не было суждено увидеть результаты своих трудов. Школа исламоведения, которую пытался создать Александр Эдуардович, появилась несколько десятилетий спустя в стенах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР благодаря усилиям С.М. Прозорова и его коллег. Так получилось, что духовные наследники Шмидта вышли из поколения детей выпускников Петроградского и Среднеазиатского университетов, которые имели возможность слушать лекции А.Э. Шмидта, но по разным причинам не стали специализироваться на изучении ислама. Ташкентскую школу исламоведения связывает с Ленинградской множество нитей, но это – отдельная тема, требующая специального исследования.

Р.Н. Шигабдинов¹

**А.Э. Шмидт и Коран ‘Усмана:
возвращение мусульманской святыни
в контексте политики, науки и религии**

Профессор-исламовед, член-корреспондент АН СССР Александр Эдуардович Шмидт, окончивший в 1894 г. факультет восточных языков Петербургского университета, впоследствии свыше 20 лет преподавал на этом факультете арабскую словесность. Наряду с этим А.Э. Шмидт трудился в Императорской публичной библиотеке, пройдя путь от регистратора до помощника директора². В стенах этой библиотеки судьба впервые столкнула А.Э. Шмидта с Кораном ‘Усмана.

Как известно, в 1869 г. эта мусульманская реликвия была перевезена из Самарканда в Санкт-Петербург и хранилась в Императорской Публичной библиотеке. Коран ‘Усмана сразу овладел вниманием ученых и издателей. В частности, в первом номере «Туркестанских ведомостей» за 1870 г. появляется большая заметка о Коране ‘Усмана, найденном в мечети Ходжа-Ахрар³. А.Л. Кун со слов богословов Самарканда записал предание о появлении этой священной рукописной книги в Самарканде во времена Ходжи Ахрара: один из мюридов этого мусульманского святого поехал в Рум (Константинополь), оказал услугу (вылечил халифа) и в награду получил рукопись самого халифа ‘Усмана, написанную куфическим письмом. По преданию, халиф ‘Усман был убит чернью во время чтения этой

247

¹ Шигабдинов Ринат Начметдинович – к.и.н., ст. науч. сотр. Института истории при Национальном университете Узбекистана им. М. Улугбека.

² *Лунин Б.В.* Александр Эдуардович Шмидт // *Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки* / Сост. Б.В. Лунин. – Ташкент, 1974. – С. 377–383.

³ *Туркестанские ведомости.* – 1870. – № 1.

книги, и на страницах Корана имеются следы крови. Этот Коран, по мнению местных жителей, некогда принадлежал богатой библиотеке Тимура, бесследно исчезнувшей во время междоусобиц¹.

В 1892 г. А.Ф. Шебунин² публикует исследование о Коране ‘Усмана и датирует написание его началом первой четверти VIII века. В 1905 г. С.И. Писарев и Б.И. Успенский осуществляют факсимильное издание Корана ‘Усмана тиражом 50 экземпляров³.

Публичная библиотека стала местом паломничества мусульман не только из России, но и из зарубежных стран. Известно, что в 1895 г. большая делегация мусульман посетила Санкт-Петербург для принесения поздравлений по поводу бракосочетания императора и императрицы. Гости столицы посетили библиотеку и поклонились чтимой ими святыне. Однако очевидно, что хранение этой святыни в «Публичке» вызывало раздражение и недовольство мусульманской общины. Во время первой русской революции 1905–1907 гг. уже были слышны требования возвратить Коран ‘Усмана в Туркестан. В 1917 г. после Февральской революции и свержения царя мусульманская общественность страны потребовала возвращения ряда наиболее известных реликвий: Корана ‘Усмана, башни Сююмбике в Казани и религиозного комплекса Караван-Сарай в Оренбурге. Как пишет Н.С. Садыкова, по отречении царя Николая II от престола солдаты-мусульмане Преображенского полка пытались силой оружия завла-

¹ Туркестанские ведомости. – 1870. – № 1.

² Шебунин А.Ф. Куфический Коран Имп. СПб. Публичной библиотеки // Записи Восточного отделения Археологического общества. – 1892. – Т. VI. – С. 69–133.

³ Коран самаркандский, куфический Коран, по преданию, писанный собственноручно третьим халифом Османом (644–656) и находящийся в Императорской Санктпетербургской Публичной библиотеке / Издано при СПб. Археологическом институте С.И. Писаревым (факсимиле). – СПб., 1905.

деть Кораном 'Усмана, но были разогнаны по приказу Временного правительства¹.

Событиям, связанным с передачей Корана 'Усмана мусульманам после Октября 1917 г., посвящен ряд публикаций². Более полную картину мы можем восстановить благодаря недавно обнаруженным документам в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз) автором данной статьи. Имеются в виду докладная записка профессора А.Э. Шмидта по вопросу о выемке Корана 'Усмана из рукописного отделения Российской публичной библиотеки в Петрограде³, а также ряд других материалов.

В докладной записке Шмидта сообщается о том, что в конце октября 1917 г. товарищ председателя Всероссийского мусульманского военного шуро Усман Токумбетов (Тукумбетов) проинформировал руководство библиотеки о том, что мусульманские организации обратились к новым властям с требованием разрешить «изъять» Коран 'Усмана «для водворения его в условия, более соответствующие его священному достоинству».

¹ Садькова Н.С. Как «Коран Османа» был возвращен Туркестанской Республике // *Материалы по истории Узбекистана*. – Ташкент, 1966. – С. 37.

² Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент, 1965. – С. 99–108; Абдуллаев И.А. Возвращение Корана // *Правда Востока*. – Ташкент, 1990. – 13 февраля. – № 37; Чеботарева В.Г. Трагическая и величественная история Корана Османа // *Жизнь национальностей*. – 1993. – № 2. – С. 44–46; Неклесса Г. Трудный путь. Благополучный финал // *Правда Востока*. – Ташкент, 1994. – 7 января. – № 5; Султанбеков Б.Ф. Загадки Священной книги (судьба «Корана Османа в России») // *Сталин и «татарский след»*. – Казань, 1995. – С. 90–96; Шайх Исмоил Махдум. Тошкентдаги Усмон Мухсафининг тарихи. – Ташкент, 1995. – С. 80; Лунин Б.В. Происхождение и судьба Корана Османа // *O'zbekiston tarixi*. – Ташкент, 2000 – № 4. – С. 18–26; Резван Е.А. Коран Усмана (Санкт-Петербург, Катта-Лангар, Бухара, Ташкент). – СПб., 2003; Флыгин Ю.С. Тот, кто возвращал в Ташкент Коран Османа // *Восток свыше*. – Ташкент, 2003. – Вып. VI. – С. 81–86; Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). – М., 2004. – С. 373 и др.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 728. Л. 87–90.

«Мне, – пишет А.Э. Шмидт, – было поручено выйти в непосредственное сношение с тов. Тукумбетовым с тем, чтобы не допустить самовольной выемки Корана Османа надлежаще не уполномоченными лицами и обеспечить этот древний памятник мусульманской письменности от гибели в руках лиц, могущих его превратить в предмет спекуляции и продажи по частям в частные руки.

Во время моих переговоров с тов. Тукумбетовым выяснилось, что уже за несколько месяцев до того, еще перед Временным правительством мусульманскими организациями был возбужден вопрос о передаче им хранящегося в Р.П.Б. Корана Османа, что разрешение должно было последовать, но было задержано Октябрьским переворотом»¹.

250

В эти дни в Ташкенте в газете «Туркестанские ведомости» публикуется письмо некоей мусульманки: «Справедливость требует, чтобы этот Коран, эта священная реликвия... веками связанная с жизнью правоверных, была наконец-то возвращена в Самарканд. Мечта мусульман видеть Коран вновь в своей мечети должна осуществиться обязательно. Такое осуществление диктует не только справедливость, но и необходимость успокоить волнуемые умы сартов и мулл, которые не совсем еще доверяют устройению жизни туркестанских мусульман на новых началах»².

I Краевой съезд мусульман 3 декабря 1917 г. постановил, что «достояние всего мусульманского мира – Коран Османа... должен немедленно перейти во владение мусульман»³. В резолюции указывалось, что съезд решил передать Коран Национальному парламенту (в г. Уфа) и что осуществление этого поручается предсе-

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 728. Л. 87.

² Туркестанские ведомости. – 1917. Приложение к № 94.

³ Декреты Советской власти. – М., 1957. Т. 1. – С. 196 // цит. по: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). – М., 2004. – С. 375.

дателю съезда, заместителю председателя Токумбетову и члену Уфимского Меджлиса Сагидову. В Совет Народных Комиссаров было направлено ходатайство съезда о возвращении мусульманам Корана 'Усмана'¹.

В заключительный день работы съезда В.И. Ленин и И.В. Сталин подписали распоряжение о немедленной передаче «Священного Корана Османа» Национальному парламенту мусульман в Уфе.

9 декабря 1917 г. специальное письмо-указание о немедленной выдаче Краевому мусульманскому съезду «Священного Корана Османа» за подписью В.И. Ленина и В.Д. Бонч-Бруевича было направлено наркому просвещения А.В. Луначарскому².

Большинство членов Совета Публичной библиотеки принципиально не возражало против передачи книги, однако указывало на необходимость в дальнейшем обеспечить Корану 'Усмана' полную сохранность и получить гарантию того, что он будет передан по принадлежности места обнаружения в Самарканд. А.Э. Шмидт пишет, что Токумбетов объяснил ему, что «Коран под охраной мусульманских военных частей в Особом вагоне будет перевезен в Уфу в распоряжение высшего мусульманского духовенства. На мое указание, что ближайшее право на хранение этой святыни имеет Самарканд, Токумбетов заявил мне, что по первому требованию Самарканда Коран будет переправлен туда»³.

Шмидт обращал внимание Токумбетова на то, что посылка и перевозка по железным дорогам таких ценностей, как Коран 'Усмана', весьма опасна в тот момент,

¹ Декреты Советской власти. – М., 1957. Т. 1. – С. 196 // цит. по: Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). – М., 2004. – С. 375.

² Это письмо впервые опубликовано в журнале «Дружба народов». – 1957. – № 11. – С. 16. Также текст письма включен в сборник «В.И. Ленин о Средней Азии и Казахстане». – Ташкент, 1960. – С. 364.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 728. Л. 89.

когда происходит самодемобилизация дезорганизованных частей, которые выбрасывают под откос такие ценные грузы, и просил его повременить с выемкой Корана и временно его оставить в Российской публичной библиотеке¹.

Только 29 декабря 1917 г. А.В. Луначарский подписывает распоряжение о передаче Корана 'Усмана тов. Тукумбетову. В тот же день к Публичной библиотеке подъехала делегация в карете в сопровождении вооруженной конной мусульманской части. В составе мусульманской делегации были представители нескольких региональных мусульманских делегаций: Ахмед Цаликов, Усман Токумбетов, Мухаммед-Алим Максудов, Измаил Еникеев, а также мулла Лутфулла Исхаков. Члены Совета библиотеки Э.Л. Радлов и И.А. Бычков не желали подчиняться распоряжению А. Луначарского, но были вынуждены уступить вооруженной силе. Коран был выдан вместе с витриной, о чем составлен акт за подписями присутствующих с обеих сторон. Копия акта на следующий день была предоставлена представителю мусульманских организаций. При выдаче Корана еще раз было подтверждено, что по первому требованию Самарканда книга должна быть переведена туда.

252

До отправки в Уфу Коран 'Усмана пребывал под вооруженной охраной в помещении Исполнительного комитета (Икомус) Всероссийского мусульманского совета.

В пятницу 19 января 1918 г. в Уфе, в здании Милли Идарэ (Национальное управление мусульман Внутренней России и Сибири), член Икомуса А. Ахматович, председатель Петроградского мусульманского общества М.А. Максудов, председатель Петроградского отделения мусульманского военного шуро флота генерал-майор Исхак Ислямов передали Коран 'Усмана муфтию Галимжану Баруди и членам Центрального

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 728. Л. 89.

духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири К. Тарджиманову, С. Урманову, А. Сулейманову и М. Бобинской¹.

С 1918 по 1923 г. Коран ‘Усмана благополучно хранился в Уфе. Ниже приводятся выдержки из воспоминаний Асьмы-ханум, дочери известного мусульманского просветителя, ученого-богослова, председателя Центрального духовного управления мусульман Ризы (Ризаитдина) Фахретдинова (1859–1936).

«...Отец повел нас показывать учреждение, в котором он работал. Это было старинное двухэтажное каменное здание. Отец показал все комнаты, в том числе одну комнату на втором этаже, там посередине стоял большой стол, на столе располагалась невысокая витрина. Внутри витрины лежала большая, толстая книга, написанная на пергаменте. Книга была раскрыта. Крупные буквы арабского шрифта были написаны от руки черной краской (или тушью). Отец сказал, что это знаменитая историческая ценность арабского народа тысячелетней давности – так называемый “Коран Османа”. Коран был доставлен в Уфу в начале 1918 года и находился здесь на хранении. Витрина была закрыта на замок. Через стеклянную крышу витрины можно было прочесть отрывок текста. На широких листах были видны красно-бурые пятна, и отец сказал: “предполагают, что это капли крови”.

Комната была большая, высокая, светлая. Окна выходили на Тукаевскую улицу. Летом при хорошей погоде окна открывались. В двух углах комнаты были расположены изразцовые печи, которые зимой топились из соседней комнаты. Температура поддерживалась на среднем уровне. Видимо, была такая необходимость [для] сохранения пергаментов. В комнате никто не жил,

¹ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). – М., 2004. – С. 376.

не работал. Мы жили тоже на втором этаже и называли ее “Комнатой Корана”. Желающим увидеть Коран (или приедем) отец сам его показывал.

Отец говорил, что Коран очень давно хранился в Самарканде, потом его отправили в Петербург и поместили в Императорскую Публичную библиотеку. После революции по просьбе узбеков решено было отправить Коран обратно в Самарканд. Коран по пути был задержан в Уфе и сдан на хранение в Духовное управление мусульман. Во время гражданской войны Уфа несколько раз переходила из рук в руки. Каких-то попыток со стороны белых или красных при отступлении захватить и увезти Коран не было. С 1918 до 1923 года Коран хранился в этой комнате»¹.

254

А.Э. Шмидт с 1920 г. жил в Ташкенте, участвовал в создании Ташкентского университета. Одновременно (до 1924 г.) он – ректор Туркестанского восточного института в Ташкенте и, кроме того, работает в Туркестанском комитете по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы – Туркомстарисе.

В 1922 г. руководство Туркомстариса, затем и Наркомпрос Туркестанской АССР неоднократно поднимают перед Наркомнацем РСФСР вопрос «о возврате в Самаркандскую мечеть Ходжи Ахрара исторического экземпляра Корана Османа. ...Несомненно, что при известной энергии и настойчивости ценность Туркестана будет возвращена по принадлежности»².

25 июля 1923 г. ВЦИК РСФСР выносит постановление «о передаче Корана, вывезенного из Туркестана царским правительством, в распоряжение мусульман Туркестана»³. В специальную комиссию в Москве вош-

¹ Коран Османа в Уфе (из воспоминаний Асьми-ханум, дочери Р. Фахрединова) // цит. по: Султанбеков Б.Ф. Сталин и татарский след. – Казань, 1995. – С. 94–96.

² Туркестанская правда. – 1922. 26 июля, № 6.

³ СУ РСФСР. – 1923. – № 69. – С. 667.

ли муфтий и члены Махкама-и Шария из Ташкента Габдрахман Умеров из Астрахани и Габудулла Гисматий из Москвы. Председателем комиссии был назначен Р. Фахретдинов.

Александр Эдуардовичу Шмидту, находившемуся в командировке в Москве, было предписано выехать в Уфу и включиться в состав комиссии для получения Корана 'Усмана. Но этому назначению воспротивилось мусульманское духовенство, которое было против участия немусульманина в передаче мусульманской святыни. В свою очередь Туркомстарис, категорически возражавший против такой постановки вопроса, обратился за поддержкой к руководству Компартии Туркестана¹. В сложившейся ситуации власти предпочли «по политическим соображениям» не обострять отношений с мусульманским духовенством².

Коран 'Усмана тщательно уложили в специальный футляр, упаковали витрину и опять же в особом вагоне, в сопровождении вооруженной охраны комиссия благополучно доставила книгу в Ташкент.

18 августа 1923 г. в здании соборной мечети Ходжи-Ахрар Коран 'Усмана был передан Духовному управлению мусульман. Затем доставлен в Старогородской музей³, а впоследствии передан в Музей истории народов Узбекистана, где хранился до 1989 г.

15 марта 1989 г. в Ташкенте завершился IV Курултай мусульман Средней Азии и Казахстана. На церемонии открытия заместитель председателя Совета Министров Узбекской ССР П.Н. Абдурахманов от имени правительства передал верующим Коран 'Усмана. Реликвия поступила в ведение Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ).

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–6.

² ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 39. Л. 9.

**Приложение. Шмидт и Коран ‘Усмана
(архивные документы)**

Копия

Телеграмма № 175¹

Средазкомстарис. Москва, Неглинный 8,
Туркпредставительство.

Постановлением, Председателя Турцика шестого июня предложено выехать Ходжаеву, Шмидту получением Корана Османа тчк. Турцик считает означенных делегатов достаточно авторитетными представителями Туркеспублики зпт. Посылка духовенства излишняя тчк. Окончательное решение и ускорения возвращения Корана поручается вынести и Туркделегации тчк. НР 175

256

Врид Предтурцика Айтаков
Верно: Зав. канц. Турцика подпись
10/VI 1923 г.

Копия с копии

**Туркпредставительство Исееву
Копия Причистенская Набережная 5
общезитие КУБУ² Шмидту³**

Касым Ходжаев выезжает двенадцатого он есть уполномоченный Туркеспублики доставке и Корана

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1091. Л. 14. Копия телеграммы отправлена в Туркомстарис т. Нечкину – для сведения.

² Комиссия по улучшению быта ученых.

³ ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1091. Л. 15 (Дата отсутствует, определяется по тексту – первая половина июня 1923 г. – Р.Ш.).

Османа тчк Вы обязуетесь оказать всяческое содействие доставки организации охраны тчк Член Совета Туркомстариса Шмидт является также представителем Турцика обязан присутствовать приемке доставки Корана тчк без лишних денежных затрат Коран должен доставлен Ташкент тчк

НР 222

Врид. Предтурцика Айтаков

С подлинным верно:

За ученого секретаря Комитета ... (подпись)

Телеграмма¹

В Ташкент – Нечкину
Угол Воронцовской Романовской
Туркомстарис

257

Отправлено 10 июля 1923 г.

Принято 10 июля 1923 г.

Книги Петрограда высланы. Касым Ходжаев не приезжал. Заявлению Исееву Коран передается ташкентскому духовенству. Мое участие отводится, вызывает неудовольствие Уфе. Жду срочных директив.

Пречистенская набережная 5.

Общежите КУБУ. Шмидт.

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

Телефонограмма 347¹
(передать Шмидту)

Копия телеграммы.

8/ VIII. 1923 г.

1 ч. Дня.

Председателю Цуардела т. Нечкину

Прибывают с Кораном Ташкент в 5 часов утра. Султан Ходжаев.

Зав. Канцелярией Турцика: Соколов

Приняла: Косарева

Заместителю председателя Турцика
тов. Айтакову²

258

19 июля 1923 г.

№ 3798

Москва

Командированный Турциком профессор Шмидт для перевозки Корана Османа из Уфы в гор. Ташкент, ныне по нашему предложению выезжает обратно в гор. Ташкент не принимая участия в перевозе Корана Османа. Исполнение Вашей телеграммы по этому вопросу мы вынуждены были приостановить по политическим соображениям.

Так со стороны Мусдуховенства выражено недовольство участием в перевозке Корана Османа европейцев, являющегося предметом религиозной святости. Не желая в данном случае обострять отношения с

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 37. Л. 40 (текст написан карандашом. – Р.Ш.).

² ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

Мусдуховенством вообще мы вынуждены были предложить тов. Шмидту выехать в гор. Ташкент.

П.п. представитель ЦИК и СНК
Туркеспублики /Исеев/
С подлинным верно:
За ученого секретаря Комитета Подпись

**В Туркомстарис
Член Совета Туркомстарис
Профессор Шмидт**

Докладная записка¹

Приехав в Москву 1-го Июня во исполнение возложенного на меня поручения, я обратился в Туркпредставительство с просьбой вызвать меня из Петрограда телеграммой, как только приедет Касым Ходжаев, с которым мне надлежало поехать в Уфу для приемки и доставки в Ташкент Корана Османа. По приезде в Петроград 7 Июня я телеграммой сообщил в Туркпредставительство мой петроградский адрес. В Петрограде до 17 июня я тотчас же связался с Академией Наук, Академией материальной культуры и Эрмитажем по поводу высылки в адрес Туркомстариса изданий этих учреждений. В виду того, что ни Эрмитаж, ни Академия материальной культуры не пользуются правом бесплатной пересылки своих изданий, я просил непременно секретаря Академии Наук Ольденбурга разрешить отправить издания названных двух учреждений через Академию Наук, на что и было дано

259

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 33. Л. 3–5.

разрешение. Издания Академии Наук уже при мне были упакованы и приготовлены к отправке, для каковой цели я предоставил в распоряжение книжного склада 1500 руб. согласно начисления книжного склада Академии Наук. Этой суммы должно было хватить на упаковку и всех остальных изданий. Порученные мне для передачи в Академию Материальной культуры материалы по Самаркандской Комиссии были мною переданы по назначению и ответ был послан в Туркомстарис непосредственно, по почте; в личной беседе с Академиком Бартольдом мною были даны еще некоторые дополнительные разъяснения.

260

В виду неполучения мною из Туркпредставительства никаких сообщений по вопросу о поездке в Уфу, я 26-го Июня послал Туркпредставительству телеграфный запрос с оплаченным ответом, ответа однако не получил, а потому 5-го Июля бросив все начатые научные занятия поехал в Москву.

В Туркпредставительстве мне сообщили, что Касым Ходжаев еще не приезжал, а помпред. Исеев мне разъяснил, что ввиду принятых съездом мус. духовенства постановлений относительно перевозки Корана Османа мое участие отпадает, отводится, ибо вызывает большое неудовольствие среди уфимского духовенства. Самое упоминание моего имени, как лица имеющего принять участие в перевозке Корана Османа вызывает большое неудовольствие и что поэтому мне можно вернуться непосредственно в Ташкент.

Имея в кармане определенный мандат Турцика, я не счел себя в праве самовольно уехать и послал телеграфный запрос на имя Председателя Туркомстариса с изложением создавшейся обстановки. В ответ на мой запрос через неделю 15-го Июля была получена телеграмма от вридпред Турцика Айтакова с извещением о том, что Касым Ходжаев выезжает 12-го Июля и что «проф. Шмидт обязан принять участие в прием-

ке и перевозке Корана Османа». Телеграмма была дана на имя помпреда с копией мне: Ввиду этого я, конечно, решил ждать приезда Ходжаева с тем, чтобы вместе с ним выехать в Уфу. По приезде Ходжаева мы с ним переговорили о предстоящей совместной поездке, причем, я узнал, что вместе с ним поедут еще три представителя от мус. духовенства Туркестана. Я посвятил Касым Ходжаева в то обстоятельство, о котором мне сообщил помпред. Исеев. На следующий день Касым Ходжаев сказал мне, что он имел совещание с представителями мусульм. духовенства и на этом совещании действительно выяснилось, что мое участие считается весьма нежелательным, что

- 1) Съезд мус. духовенства постановил, что Коран должен быть передан мус. духовенству Туркестана для помещения в духовное управление (Махкама-и-Шария);
- 2) что ВЦИК такое постановление подтвердил;
- 3) что Туркпредставительство решило пойти на уступки по политическим соображениям, но настаивало на том, что вопрос о помещении Корана в Духовное правление или, где либо в ином месте будет решен Турциком на месте, обязанности же делегации, в которой участвует обоюдно уфимское и туркестанское мус. духовенство, ограничивается доставкой Корана в Ташкент;
- 4) что необходимо выждать постановления ВЦИК о передаче Корана в Туркестан в отмену декрета 1917 года, разрешившего перевозку его из Петрограда в Уфу. Кроме того Касым Ходжаев поддерживал необходимость включения в состав делегации одного представителя ВЦИК для большей авторитетности.

В этой же беседе еще более определенно мне было указано тов. Исеевым на нежелательность моего участия, при чем он предложил мне выехать в Ташкент в тот же день вместе с ним лично. Я заявил Исееву, что лично нисколько, конечно, не заинтересован в поездке в Уфу, но что я являюсь представителем учреждения, давшего мне определенное поручение, еще лишний раз подтвержденное телеграммой Айтакова. Я заявил, что при создавшейся атмосфере, СУГУБО подчеркивающей ценность Корана Османа, как религиозной реликвии, мое положение в составе делегации будет неловким, на что для нарушения данных мне высшим правительственным органом Туркеспублики директив я не имею никаких формальных оснований. Тогда помпред. Исеев дал мне формальное предложение выехать в Ташкент, изложенное в официальном отношении на имя председат. Турцика и при сем прилагаемое.

262

При таких условиях я счел себя вправе выехать в Ташкент, уклонившись от дальнейшего участия в делегации и не дожидаясь нового декрета Турцика о передаче Корана в Туркестан.

Ташкент 1/ VIII 23 г.

Проф. Шмидт

С подлинным верно:

Научный сотрудник

Штамп Туркомстариса:

Получено 5 августа 1923 г. Вход. № 1877

Срочно Секретно

В Ц.К. К. П.Т.¹

Полтора года тому назад Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис) поднял вопрос в Центре о возвращении подлинной древней рукописи Корана Османа из Уфы, куда после Октябрьской Революции он был перевезен представителями от казанских татар из Петрограда. Рассматривая означенный Коран как историческую реликвию Туркестана, Туркомстарис принял все меры к его возвращению и, конечно, не для усиления религиозных настроений мусульманских масс, а просто по принадлежности и по недоразумению попавшему в Уфу. С самого начала ходатайства Туркомстариса о возвращении Корана Османа Туркпредставительство в лице т. Исеева не оказало должной помощи в означенной просьбе, почему столь долго и шел разговор о возвращении Корана; после категорического решения Турцика о возвращении Корана в Туркестан вопрос о передаче получил благоприятное разрешение в Наркомнаце и затем в ВЦИК Р.С.Ф.С.Р. После этого Турцик постановил командировать за Кораном т. Касым-Ходжаева и члена Совета Туркомстариса известного арабиста проф. Шмидта, как единственного человека, который смог бы подтвердить подлинность означенной рукописи (являлся раньше хранителем ее в Петрограде). Посылка каких-либо мулл и вообще представителей духовенства была в Турцике отклонена и вообще была высказана мысль, что духовенство никакого отношения не должно иметь к акту высшего Советского органа и что Коран должен храниться в Главном Средне-Азиатском музее.

263

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–6.

Соответствующее распоряжение (приложение...) т. Исееву было протелеграфировано и все же несмотря на ясные и определенные решения Турцика, т. Исеев отвел проф. Шмидта по «политическим соображениям» и отправил за Кораном трех мулл. (приложение...).

Из доклада проф. Шмидта видно (приложение...), что Туркпредставительством в лице т. Исеева посылка мулл была уже решена вопреки решению Турцика; но, по видимому, самым серьезным злоупотреблением своих полномочий т. Исеевым сделано по месту хранения Корана. В то время, как Турцик оставил этот вопрос до получения Корана своей делегацией, Туркпредставительство в лице т. Исеева, по видимому, решило передать Коран Махкама Шариа (Духовное управление мусульман).

264

Во время Пленума Турцика мною [присутствовали т.т. Ходжанова и Русанова] было т. Исееву указано на всю ошибочность его действий в отношении Корана и он заверил, что ВЦИК постановил передать Коран Туркеспублике, а не Духовному Управлению; он согласился на отправку проф. Шмидта в Уфу за Кораном (на другой день таковая телеграмма была послана в Туркпредставительство, а Шмидт явился в Ташкент), а мулл, которые приехали из Ташкента, согласился отправить обратно; кроме того, ему было указано, что перевозка должна быть совершена без лишних затрат и церемоний. Теперь известно, что в Уфу отправлен отдельный вагон с муллами за Кораном и, что во ВЦИКе, который мог быть недостаточно осведомлен Туркпредставительством о настоящем положении дела (имеется основание так предполагать) вынесено решение не отвечающее интересу Туркеспублики.

Ввиду всего вышеизложенного Туркомстарис просит ЦК КПТ принять соответствующие меры к предотвращению готовому совершиться анти-комму-

нистическому, антисоветскому акту, ибо передавая Коран мусульманскому духовенству, Советская власть создаст фетиш для усиления религиозных чувств мусульманских масс Туркестана (и так достаточно настроенных религиозно) и, кроме того, постановление Турцика о Коране и противоположное решение в пользу мусульманского духовенства – даст почву и материал для различного рода контрреволюционных и антисоветских выпадов со стороны духовенства, а также для использования данного случая на усиление своей власти над темными массами мусульман.

Приложение: десять приложений на 14 листах.
Председатель Туркомстариса ...подпись Нечкин
10/VIII-23

НАУЧНАЯ ПЕРЕПИСКА А.Э. ШМИДТА

От составителя

266

В настоящем издании мы публикуем избранные письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену, относящиеся к 1895–1905 гг. Материалы, связанные с перепиской двух выдающихся востоковедов, начал собирать еще при жизни Шмидта его ученик В.И. Беляев. Ему удалось заручиться согласием Александра Эдуардовича на проведение данного исследования. В одном из писем к Беляеву Шмидт писал: «...с моей стороны, конечно, нет и не может быть никаких возражений, хотя сомневаюсь, что затраченные на разбор моего ахового почерка время и труд окупятся содержанием писем»¹. В 1971 г. на заседании, посвященном памяти профессора А.Э. Шмидта², состоявшемся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, В.И. Беляев прочитал доклад «О переписке А.Э. Шмидта с В.Р. Розеном». К сожалению, письма Виктора Романовича, адресованные Шмидту, пропали при переезде последнего в Ташкент в 1920 г.³

Публикуемая переписка представляет интерес не только для тех, кто изучает историю отечественного вос-

¹ Письма А.Э. Шмидта к В.И. Беляеву // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 3. Д. 383. Л. 28об. Ср.: «Вообще нельзя ли изъять мои письма и вернуть мне? Думаю, что ничего ценного для науки в них нет, боюсь даже, что много в них благоглупостей, кр-е могут представлять интерес лишь для меня самого» (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 217).

² На заседании присутствовало 32 человека, в т.ч. В.А. Крачковская, В.И. Беляев, А.А. Долинина, М.Б. Пиотровский, Е.М. Пещерева и др. (О переписке А.Э. Шмидта с В.Р. Розеном // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 1. Д. 243. Л. 1). В материалах дела, хранящегося в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (общим объемом 61 л.), содержатся как конспекты, так и полный текст писем А.Э. Шмидта к В.И. Розену. Оригиналы писем находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 224.

токоведения, но и для всех, кто занимается историей науки в России. Командировки в европейские страны по окончании четырехлетнего курса обучения были важной частью подготовки научно-педагогических кадров для университетов в Российской империи. Значительную часть переписки Шмидта и Розена составляют письма, написанные Александром Эдуардовичем в 1897 г., во время его пребывания в Европе. По окончании учебы на факультете восточных языков Шмидт, как подающий надежды студент, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1897 г. он отправляется в зарубежную стажировку для занятий с такими выдающимися исламоведами своего времени, как И. Гольдциер, М. де Гуэ, Й. фон Карабачек и др. Шмидт также работает над рукописями по теме магистерской диссертации.

Вернувшись в Россию, Александр Эдуардович, однако, не смог полностью посвятить себя научно-преподавательской работе. Он вынужден был служить в нескольких местах, в том числе в Императорской Публичной библиотеке, в редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» и Александровском лицее.

Он также претендовал на место начальника Учебного отделения восточных языков в Азиатском департаменте МИДа, о чем говорится в двух письмах. Однако эту вакансию занял известный иранист, старший коллега Шмидта по университету – В.А. Жуковский. В своих письмах Шмидт проводит много параллелей с шедшей тогда Русско-японской войной: «Вы легко можете себе представить, с каким легким сердцем я, вслед за этим, вместе с семьей переехал на дачу и с каким нетерпением я ожидал обещанного уведомления из Департамента личного состава. Увы! Я и не подозревал, что прямым рейсом плыл в Корейский пролив, к Цусиме!»¹.

¹ Подробнее об этом см.: Письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену // СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 8–13об.

Переписка Шмидта с академиком А.Н. Самойловичем охватывает другой период в жизни Александра Эдуардовича: 1920-е и первую половину 1930-х гг.¹ Шмидт подробно делится со своим корреспондентом проблемами, которые возникают в Ташкентском восточном институте, а затем в Среднеазиатском государственном университете. В письмах упоминается немало людей, составлявших элиту советского востоковедения. Некоторые из них впоследствии были арестованы вместе с А.Э. Шмидтом весной 1931 г. Полны трагизма строки телеграммы, отправленной Самойловичу в дни, когда Ташкентский восточный институт уничтожался по решению чиновников: «Предполагается слить институт университетом найдете ли возможным воспользовавшись оплаченным ответом телеграфно просить Файзулу Ходжаева Бухаре через средне азиатское бюро опротестовать и поддержать самостоятельный институт посылает ему мотивированное представление его заявление может иметь решающее значение». Однако корреспондент Шмидта предпочитает воздержаться от помощи коллеге: «Абсолютно лишенный возможности разобраться весьма ответственном вопросе вдали от Ташкента вынужден сожалением воздержаться»².

Письма с примечаниями составителя книги публикуются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации при сохранении стиля автора. Все письма и телеграммы опубликованы в хронологическом порядке. Их нумерация произведена составителем.

Р.И. Беккин

¹ Последнее письмо Шмидта датировано 1935 г.

² Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу // ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 58об.

**Избранные письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену
(1895–1897; 1900–1906)**

ПИСЬМА 1895–1897 гг.
№ 1

1895
(карандашом)¹

Многоуважаемый
Виктор Романович!

Вот уже одну неделю пробыл я в лагере, и я не могу не сознаться, что мысль пробыть там еще два месяца несколько пугает меня². На учениях нас мучают порядочно, так что я, право, не знаю, предпочесть ли дождливую или ясную погоду: в ясную погоду ужасно жарко, в дождливую – приходится часто ложиться не только в мокрую траву, но даже просто в грязь. Вы, я думаю, можете себе представить, что при этом должен ощущать человек, хоть мало-мальски привыкший к опрятности. Зато, правда, палатки наши устроены так, что дождя не пропускают; если ветер и продувает сквозь щели, то все же мы имеем возможность спать на сухих постелях. Кормят нас в офицерском собрании тоже очень хорошо, но, к сожалению, все это обходится очень дорого, что и побуждало меня обеспокоить Вас этим письмом, так что я теперь, поставив *أما بعد*³, могу приступить к самой сути.

269

¹ По предположению В.И. Беляева, эта дата на письме впоследствии проставлена рукой И.Ю. Крачковского (О переписке А.Э. Шмидта с В.Р. Розеном // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 1. Д. 243. Л. 7).

² «С осени 1894 г. мне пришлось отбывать воинскую повинность. Стремясь не отрываться от своих научных занятий с В.Р., я приложил все усилия к тому, чтобы получить возможность отбывать воинскую повинность в одном из квартировавшихся в Петербурге... гвардейских полков. В этих полках вольноопределяющимся разрешали жить у себя на дому и не требовали жизни в казарме, а потому наши занятия с В.Р. не прерывались до лета 1895 г., когда мне пришлось отбывать лагерный сбор в б. Красном Селе». (Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908–1948) / Под ред. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1947. – С. 15).

³ После того как (*араб.*).

А именно, я хотел просить Вас сообщить мне, возможно ли мне в счет моей июльской стипендии получить вперед из университета 20 рбл.? Надеюсь, что это будет возможно; в противном случае нечего делать, придется порыскать между своими знакомыми, подобно льву, ищущего кого поглотить, а это довольно-таки неприятная роль.

Но этим даже еще не исчерпываются неприятные стороны лагерной жизни: наши занятия распределены так неравномерно, неоднобразно, что никак нельзя вперед установить себе какой-н[ибудь] план для своих собственных занятий, а это ведь очень важно. Иной день я совершенно свободен уже с 5 часов, а другой день занятия наши продолжаются до 8-ми часов вечера. То же самое и с утренними занятиями. Я просто боюсь, что мне не придется держать экзамена на прапорщика запаса, т.к. просто нет возможности сосредоточенно чем-н[ибудь] заняться. Может быть, этот мрачный взгляд на вещи вызван дождливою погодою, сыростью и карманною чахоткою, не только я нахожусь в ужасно подавленном состоянии духа. Пока утешаю себя тем, что в свободное от занятий время делаю свои наблюдения и присматриваюсь, как проводит свое свободное время простой русский человек, чем он развлекается, и не одну забавную сценку пришлось мне уже видеть. Немало поразило меня, как он любит пляску. Пляшут двое, один за другим, и забавно видеть, как один старается все превзойти другого, каким-н[ибудь] особенно грациозным или трудным «па», пока, наконец, оба, совсем бледные, не выходят из круга при громких возгласах восторга со стороны зрителей. Зрители принимают живое участие в плясунах; у каждого, обыкновенно, своя партия, которая его подбадривает и, так сказать, науськивает, стараясь блеснуть пред другими «своим» плясуном.

Особенно ярко выступает это соревнование, если оба плясуна принадлежат к разным ротам. На меня эта пляска произвела громадное впечатление. Представьте себе двух плясунов, с бледными от изнеможения лицами, в какой-то дикой, хотя подчас и очень грациозной пляске, сопровождаемой несколько дикими звуками бубнов, гармоники и скрипки. Кругом толпа с оживленными лицами, из которой раздаются по временам крики поощрения, похвалы и восторга, и все это при освещении угасающего июньского дня... Это какое-то дикое веселье, которому всецело отдается наш бедный солдат, жизнь которого в лагере невообразимо трудна.

Но Вы, я думаю, уже устали читать эту галиматью, а посему спешу закончить письмо. С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт.

271

Мой адрес: Красное Село (по Балтийск. ж.д.). Лагерь Лб.гв. Измайловского полка. Вольноопределяющемуся 15-й роты

А. Э. Ш _____ .

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 1–2об.)

№ 2

Будапешт 29/ 17 Января 1897

Многоуважаемый
Виктор Романович!

Дня два-три тому назад мне, после долгих поисков и одного в материальном отношении несколько горького опыта, наконец удалось найти приличную комнату,

и вчера только начались наши занятия с Др. Goldziher'ом¹. Дело в том, что ему по семейным делам пришлось уехать на несколько дней из Будапешта. И Др. Goldziher, и его супруга приняли меня чрезвычайно любезно и радушно, и только благодаря их рекомендации удалось мне водвориться в занимаемой мною теперь комнате.

От своего учителя я положительно в восторге и надеюсь извлечь много пользы из занятий с ним. Выписанный Вами из Лейпцига экземпляр «Бухари»² прибыл сюда в один день со мною, так что могу уже приступить к чтению ³كتاب العلم.

В одно из первых наших свиданий Др. Goldziher обратил мое внимание на то, что до сих пор еще не существует сборника, хрестоматии, которая давала бы возможность начинающим знакомиться с религиозною литературою, и литературою хадисов, литературою догматическою и т.п. Он предлагает мне впоследствии заняться этим, причем готов всегда служить советом и указаниями. Что Вы скажете на это, Виктор Романович?

С каталогом рукописей <нрзб.>⁴ я уже немного познакомился и в скором времени надеюсь исполнить по-

272

¹ Гольдциер Игнац (1850–1921) – австро-венгерский исламовед, основатель критической школы в западном исламоведении. Учитель А.Э. Шмидта. Профессор Будапештского университета (1894). Чл.-корр. Венгерской АН (1876), чл.-корр. Петербургской АН (1897).

² Имеется в виду сборник хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» ал-Бухари.

³ «Китаб ал-'илм» («Книга знаний») – один из разделов в сборнике хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» ал-Бухари.

⁴ Речь идет о коллекции рукописей, собранных венгерским ориенталистом Даниэлем Жилаги (Dániel Szilágyi) (1831–1885). После подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. Жилаги эмигрировал в Османскую империю. Он проживал в Стамбуле, открыл там антикварный книжный магазин и собрал богатую коллекцию арабографичных рукописей (прежде всего, турецких). Данные манускрипты были приобретены после смерти Жилаги Венгерской академией наук при посредничестве ориенталиста А. Вамбери (1832–1913) в 1886 г. В 1897 г., когда Шмидт был в Будапеште, над подготовкой каталога рукописей из коллекции Жилаги работал венгерский тюрколог Игнац Кунош (1860–1945).

ручение В.Д. Смирнова¹. Меня лично заинтересовало то обстоятельство, что в числе этих рукописей находится рукопись ²كيمياء السعادة Газали³; к сожалению, рукопись, вероятно, турецкая, а то она могла бы оказаться пригодною при издании этого, кажется, еще неизданного сочинения Газали. Для В.Д. в этой коллекции, как мне кажется, найдется немало интересного, и не дурно бы ему когда-нибудь самому посетить Будапешт, тем более, что город стоит того, чтобы с ним познакомиться, только жизнь здесь очень дорога. А город действительно очень красив и, в главных своих частях, очень благоустроен и чист. В Петербурге Вы не найдете подряд столько красивых, можно даже сказать, великолепных зданий, как здесь на больших улицах. Впрочем, говорят, что этот блеск – лишь внешний, что дома построены здесь очень скверно, т.к. большинство из них является плодом спекуляций по случаю тысячелетия⁴.

Вашего Бухария я тотчас отдал в переплет и Вы мне, пожалуйста, сообщите, когда и как Вам его прислать.

В заключение позвольте сообщить Вам свой адрес:

Budapest VI Andrásy-út № 32 IV em. 12 17.

و منى الى حضرتكم مزيد الاحترام⁵

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 3–4об.)

¹ Смирнов Василий Дмитриевич (1846–1922) – русский тюрколог, основатель тюрковедческого направления в русской тюркологии. Профессор факультета восточных языков в Петербургском университете (с 1884 г.). По свидетельству современников, некоторые научные работы Смирнова отличались пренебрежительным отношением к тюркским народам.

² «Кимийа-йи са‘адат» («Эликсир счастья») – суфийский трактат на персидском языке мусульманского богослова, философа и мистика Абу Хамида Мухаммада ибн Мухаммада ал-Газали ат-Гуси (1058–1111).

³ У Шмидта здесь и далее: Газзали.

⁴ В 1896 г. праздновалось 1000-летие появления венгров на берегах Дуная (обретения венграми Родины).

⁵ С глубоким уважением к Вам (араб.).

№ 3

Будапешт 10 марта / 26 февраля 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Простите, что так долго не писал: все собирался, да никак не мог собраться. Прежде всего спешу ответить на Ваши вопросы, чтобы опять как-нибудь не забыть! На полях Кананиева¹ комментария к Бухари действительно напечатан Сахих Муслима с комментарием Навави². За переплет Бухари мне пришлось заплатить 10 гульденов, за пересылку Муслима 2 гульд. 4 крейц. Что мне делать с оставшимися от 15 рбл. деньгами?

Сегодня кончаю сличение моей копии ³كتاب الدرر المنثور³ с гота'скими⁴ рукописями; несколько до сих пор темных мест совершенно выяснились. Берлинские рукописи мне тоже выпишут с большим удовольствием, только я пока тщетно искал это сочинение в каталоге Альвардта⁵: никак не могу найти. Не можете ли Вы мне дать кое-каких указаний насчет того, в каком именно томе оно у него помещено. Еще одна просьба у меня к Вам: нельзя ли изменить мой маршрут в таком смысле, что-

274

¹ Возможно, имеется в виду Ибн Хаджар ал-Канани ал-'Аскалани (1372–1448) – мусульманский богослов, автор одного из наиболее известных толкований сборника хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» ал-Бухари.

² Мухй ад-дин ан-Навави (1233–1278) – мусульманский богослов, правовед и мухаддис. Одной из наиболее известных работ ан-Навави является «ал-Минхадж фи шарх Сахих Муслим ибн ал-Хадждадж» – комментарий к сборнику *хадисов* «ал-Джами' ас-Сахих» Муслима.

³ Имеется в виду «Книга рассыпанных жемчужин» 'Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани.

⁴ Т.е. из немецкого города Гота. Во время своей командировки Шмидт сличал свою копию «Книги рассыпанных жемчужин» с имеющимися в Европе списками данной работы, в т.ч. двумя рукописями из Готы.

⁵ Имеется в виду каталог, составленный немецким востоковедом Вильгельмом Альвардтом (1828–1909). Шмидт работал с его 10-томным каталогом арабских рукописей «Verzeichnis der arabischen Handschriften» в Королевской Берлинской библиотеке.

бы мне можно было остаться в Пеште по крайней мере до июня месяца; мне хочется как можно дольше поработать с Др. Гольдциером, так как занятия с ним ведь готовят меня именно в области избранной мною специальности, а ведь еще <нрзб.>. Я лично с удовольствием пожертвовал бы палеографией в пользу фикха, но, может быть, и не пришлось бы даже оставить совсем, а лишь только отложить. Да, кстати, я все-таки чувствую, что следовало бы месяца 2–3 пробыть в Кенигсберге, у Яна¹: думаю, это принесло бы мне большую пользу. Хотя чтение этих текстов, которыми мы теперь занимаемся, и не представляет мне особенных затруднений, все же местами чувствуются пробелы.

Вам, может быть, небезынтересно будет узнать, что на днях американец переехал ко мне². Он очень милый молодой человек и мы уживаемся очень хорошо. Положим, он теперь занят посторонним делом и почти целый день его нет дома. Постараюсь из сожительства с ним извлечь возможную пользу и научиться маломальски говорить по-английски.

275

Как только покончу сличение рукописей, пришлю Вам извлечение и *كيمياء سعادت* Вы, вероятно, тоже уже узнали из каталога Харрассовица³, что у него имеется экземпляр (печатный) персидского *كيمياء سعادت*. Я почему-то думал, что это сочинение уже совсем забыто на Востоке.

Мне Др. Гольдциер дал читать несколько маленьких сочинений Газали м[ежду] пр[очих] *كتاب الجام العوام عن علم الكلام*⁴, которая, по его мнению, при-

¹ Не ясно, о ком именно идет речь.

² Речь идет об американском дипломате Франке Дайере Честере (1870–1938), который также обучался у Гольдциера.

³ Харрассовиц Отто Вильгельм (1845–1920) – немецкий книгоиздатель, один из основателей академического издательства «Harrassowitz Verlag» в Лейпциге (1872). Впоследствии Шмидт сотрудничал с его сыном Гансом.

⁴ «Илджам ал-‘авам ‘ан ‘илм ал-калам» («Удержание черни от науки калама»).

годится для диссертации, и действительно, он касается-таки некоторых вопросов, затронутых и в كتاب الدرر المنثور¹.

Всем моим учителям и другим факультетским знакомым сердечный поклон. Не знаю, получил ли Вас. Дмитр.¹ мое письмо? Дальнейшие исследования кол-лекций Жилаги² пока пришлось отложить.

Итак, еще раз, если можно, то позвольте мне подольше остаться у Гольдциера?

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

والقى الى حضرتكم سلاما بليغا³

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 7–8об.)

№ 4

276

Будапешт, 29 / 17 марта 1897 г.

Многоуважаемый
Виктор Романович!

Не знаю, получили ли Вы мое последнее письмо, но так как приближается Пасха, а с нею кончается пред-положенный Вами срок пребывания моего в Будапеште у ног великого Шейха⁴ الزركشى, то смею просить у Вас дальнейших инструкций. Не скрою от Вас, что я, как уже писал Вам, охотно продлил бы свое пребывание в Будапеште; но, поразмыслив немного, بعد تأمل بيار, я пришел к заключению, что такое промедление нарушило бы весь мой маршрут. Т.к. в Вене я должен записаться слушателем университета, то мне туда можно выехать

¹ Имеется в виду В.Д. Смирнов.

² У Шмидта – Силляги.

³ Передаю Вам большой привет (араб.).

⁴ Абу ‘Абдаллах Бадр ад-дин Мухаммад ибн Бахадир аз-Заркаши (1344–1392) – мусульманский правовед и историк.

только к началу нового семестра; если я этого не сделаю теперь, то не знаю, чем можно было бы заполнить начавшийся семестр, так как дольше, чем до июня месяца, мне все равно здесь нельзя будет остаться: во-первых, мне как-то совестно будет еще дольше эксплуатировать Дра Goldziher, а затем Др. G. летом, кажется, на несколько недель или месяцев уезжает из Будапешта. Вопрос еще только <нрзб.> в том, будет ли Карабачек¹ в будущем семестре читать палеографию? Может быть, Вы мне сообщите, к кому мне можно письменно обратиться, чтобы навести необходимые справки.

Никак не могу в каталоге Альвардта отыскать كتاب الدرر المنثور²; не можете ли Вы мне указать, в каком именно отделе или томе мне искать? Хорошо было бы, если бы мне удалось сличить эти рукописи уже здесь, в Пеште. Да, кстати, и в Лейпцигской библиотеке мне придется поработать: там хранится рукопись الكواكب الدرية³ Мунави², биографа Ша‘рани, с которой мне ведь тоже необходимо познакомиться. Др. G. чрезвычайно любезно предоставляет в мое распоряжение даже всякие эксцерпции и выписки, им самим сделанные, имеющие какое-л[ибо] отношение к моей диссертации или к Ша‘рани. В данное время я немного занялся Итканом Суюти³, в котором нашел объяснение так смущавшим меня ترقيق تفخيم إماله⁴, пользуясь случаем, и собираю библиографические данные в области

277

¹ Карабачек, Йозеф фон (1845–1918) – австровенгерский востоковед. Профессор Венского университета (1885). Читал курсы по палеографии, нумизматике и др.

² Книга «Ал-кавакиб ад-дуррийа фи тараджим ас-садати ас-суфийа» («Сверкающие звезды в переводах суфийских мастеров») ‘Абд ар-Рауфа Мухаммада ал-Мунави (1545–1621) – мусульманского историка из Египта, ученика ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани (ум. 1565).

³ Книга «Ал-Иткан фи ‘улум ал-Ку’ран» («Совершенство в коранических науках») мусульманского ученого-энциклопедиста Джалал ад-дина ас-Суйути (ум. 1505) из Египта.

⁴ Термины ‘илм ат-таджвид (науки о речитации Корана).

علم القراءات¹. В области إختلافات² я собрал все доступные библиографические данные, т.к. Др. G предоставил в мое распоряжение даже тот материал, который он собрал по этому вопросу в богатой частной коллекции арабских рукописей гр[афа] Ландберга³. Вообще, я все время занят с Др. G. и приобрел довольно много полезных сведений в области фик'на и литературы хадисов, и я уверен, что мое пребывание в Будапеште во всяком случае принесло и еще принесет мне много пользы.

Простите, пожалуйста, что я пока докучаю Вам своими вопросами и просьбами: Вы, вероятно, все еще завалены всякого рода корректурами, заседаниями, ревизиями и другими подобными вещами, являющимися орудиями пытки для человека, желающего заняться своим делом.

Вашему семейству и всем моим учителям прошу передать сердечный поклон.

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

278

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 9–10об.)

¹ Илм ал-кира'ат – наука о способах чтения Корана.

² Ихтилафат (араб. – различия) – раздел в *фикхе*, изучающий расхождения во взглядах на ту или иную проблему между *мазхабами* и отдельными правоведами.

³ Имеется в виду коллекция арабских рукописей шведского арабиста графа Карло де Ландберга (1848–1924).

№ 5¹

Будапешт 17 / 5 Мая 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Извините, что так долго заставил Вас ждать ответа; на днях лишь получил открытое письмо от Др. Гейера², в котором он мне сообщает, что до сих пор не имел возможности видется с Карабачеком, но в ближайшем будущем надеется обстоятельно переговорить с ним и сообщить мне требуемые сведения. Во всяком случае, теперь у нас уже нет расчета поехать в Вену, т.к. через месяц с половиной семестр уже кончается, и я уже совсем готов ехать в начале июня в Лейден, к чему меня побуждает и Др. Гольдциер, ввиду богатой коллекции рукописей в Лейдене и удобств, предоставляемых работающим в тамошней библиотеке. В Лейдене мне уже, во всяком случае, найдена работа: было бы мне недурно познакомиться с ³كتاب الملل والتحلل и ⁴المحلى Ибн-Хазма, с ⁵كتاب الفائق Замахшари, с ⁶كتاب السير Шейбани и др.

279

¹ Данное письмо приводится в сокращенном варианте. В архивном документе некорректно произведена нумерация листов.

² Гейер Рудольф (1861–1929) – австрийский востоковед, специалист по средневековой арабской поэзии. Работал в Австрийской национальной библиотеке в Вене. Позднее преподавал арабскую филологию и литературу в Венском университете.

³ Возможно, имеется в виду доксографическое сочинение мусульманского богослова, правоведа, писателя и историка Ибн Хазма (ум. 1064) «Ал-фисал фи-л-милал ва-л-ахва' ва-н-нихал» («Книга решений относительно религий, сект и толков»). Также речь в письме Шмидта могла идти о «Китаб ал-милал ва-н-нихал» («Книга о религиях и сектах») мусульманского богослова и доксографа Абу-л-Фатха Мухаммада б. 'Абд ал-Карима аш-Шахрастани (1075–1153). Книга, состоящая из двух частей, представляет собой одно из важнейших сочинений по мусульманской доксографической литературе.

⁴ Имеется в виду 11-томное сочинение по захиритскому фикху «ал-Мухалла» Ибн Хазма.

⁵ Имеется в виду «Ал-фа'ик фи гариб ал-хадис» («Превосходная книга редких слов и выражений, встречающихся в хадисах») мусульманского богослова и философа Махмуда б. 'Умара аз-Замахшари (1075–1144).

⁶ Имеется в виду «Китаб ас-сийар ал-кабир» («Большая книга об образе жизни») мусульманского правоведа ханафитского мазхаба Мухаммада аш-Шайбани (749–805), одного из кодификаторов мусульманского права. Данное сочинение дошло до наших дней только в составе комментария ас-Сарахси.

Позволю себе сообщить Вам здесь предложенный Др. Гольдциером план хрестоматии, о которой у нас была речь.

А.

Хрестоматия:

I. Хадис: 1) а) Глава о технике и терминологии «хадисоведения», б) Избранные места из Бухари с ком[ментариями] Каст[алани]¹, в) Муслим с ком[ментариями] Навави, г) Абу Давуд² (по возможности, отрывок, в котором много примеров *جرح و تعديل* 'а³), д) Тирмизи (тоже принимая во внимание *جرح و تعديل* [При выборе отрывков из этих сборников не упускать из виду вопрос о халифате, если не будет уделено место особой главе о государственном праве]. 2) Глава из *میزان الاعتدال* аз-Захаби⁴ (Всего примерно 4 листа).

280

II. Усул ал-фикх. Глава из *ورقات امام الحرمين*⁵ (рук[опись] Гота) с ком[ментариями] Ибн Фиркаһа⁶; напр[имер]

¹ Шихаб ад-дин Ахмад б. Мухаммад ал-Касталани (ум. 1517) – мусульманский хадисовед, правовед и историк. Ему принадлежит подробный комментарий к Сахиху ал-Бухари под названием «Иршад ас-сари фи шарх Сахих ал-Бухари» («Руководство движущемуся в ночи в толковании Сахиха ал-Бухари»).

² Имеется в виду сборник хадисов «Сунан» Абу Давуда ас-Сиджистани (817–888).

³ Джарх – отвод, та‘адил – подтверждение (*араб.*). В совокупности представляют раздел хадисоведения, в задачи которого входит определение степени достоверности передатчиков *хадисов*.

⁴ Имеется в виду «Мизан ал-и‘тидал фи накд ар-риджал» мусульманского богослова и историка Ал-Хафиза Мухаммада б. Ахмада аз-Захаби. Сочинение представляет собой сборник биографий передатчиков хадисов.

⁵ Имеется в виду сочинение мусульманского правоведа ‘Абд ал-Малика б. ‘Абдаллаха ал-Джувайни (Имама ал-Харамайн) (ум. 1085) «Шарх ал-варакат», посвященное источникам мусульманского права (*фикха*).

⁶ Бурхан ад-дин ал-Фазари, известный более как Ибн ал-Фиркахи (1262–1329), – мусульманский правовед, автор комментария к сочинению ал-Джувайни «Шарх ал-варакат».

главу об Иджма¹; если объем книги позволит, так и главу о Кыясе². (Всего примерно 1 лист.)

III. Фикх 1) отдельные главы из разных руководств по фикху, соответствующие приведенным в отд. I отрывками из хадисов: во главе глава из Муватта³. 2) Глава из المطلى Ибн-Хазма. (Всего примерно 5 листов.)

IV. Калам. 1) Глава из كتاب الملل و النحل Ибн-Хазма; 2) Соответствующие отрывки из كشاف Замахшари⁴ [Всего примерно 1 лист]

V. Тафсир. Избранный отрывок из مفاتيخ الغيب Фахр-ад-Дин-ар-Рази⁵. [Всего примерно 1 лист]

VI. (пожалуй, из области суфизма что-н[ибудь])

[Если государственному праву будет посвящена особая глава, то таковую можно было бы поместить между (III) Фикхом и (IV) Каламом след[ующим] содержанием: 1) Несколько отрывков из хадисов об إمامة⁶

281

¹ Иджма' – один из четырех корней, основных источников мусульманского права (фикха) у суннитов. Представляет собой согласованное мнение мусульман (обычно мусульманских правоведов) в определенное время в отношении решения конкретного вопроса или проблемы.

² Кийас – суждение по аналогии, один из четырех корней, основных источников мусульманского права у суннитов.

³ Ал-Муватта' («Торная тропа») – сборник *хадисов*, составленный основателем и эпонимом маликитского *мазхаба* Маликом б. Анасом (713–795).

⁴ Тафсир к Корану «Кашаф 'ан хакаиқ гавамид ат-танзил ва 'уйун ал-акавил фи вуджух ат-та'вил» («Раскрывающий истины откровения и источники высказываний относительно разновидностей толкования») Махмуда б. 'Умара аз-Замахшари.

⁵ Тафсир к Корану «Мафатих ал-гайб» («Ключи от сокровенного») мусульманского богослова и философа Фахр ад-дина ар-Рази (1149–1209).

⁶ Имамат (*араб.*) – зд.: институт верховного руководства мусульманской общиной.

и 2) соответствующий отрывок из Маварди¹ (изб. Enger)²] [Всего примерно 2 листа]

Б.

Библиография.

I. Восточная библиография, перечисление в хронологическом порядке важнейших сочинений по отделам (А I–VI), для отд. III сочинений должны быть расположены по мазхабам.

II. Европейская литература по этим отделам. [Всего Б. – примерно 4 листа]

В.

Словарь (в алфавитном порядке)

1) Встречающиеся в хрестоматии технические термины и

2) Слова и выражения, употребляемые в этих отделах арабск[ой] лит[ературы] с особым значением.

(Всего примерно 4 листа).

Всего примерно 20–22 листа.

Своим пребыванием в Лейдене я мог бы воспользоваться для того, чтобы скопировать соответствующие отрывки из Ибн-Хазма.

Итого, в конце мая нового стиля я с Вашего разрешения покидаю Будапешт и еду в Лейден. Если Вы почему-либо хотите еще приостановить или отсрочить эту поездку, то напишите мне об этом не позже 13-го Мая старого стиля, иначе письмо меня может

¹ Имеется в виду книга мусульманского правоведа Абу-л-Хасана ал-Маварди (ум. 1058) «Ал-ахкам ас-султанийа ва вилайат ад-динийа» («Законы власти и религиозное правление»), посвященная вопросам государственного права.

² Имеется в виду Макс Энгер, редактор данного издания книги ал-Маварди: *Maverdii Constitutiones politicae* / Ed. Max Enger. – Bonn, 1853.

не застать: на мою комнату к 1-го июня уже имеется претендент и я 30-го мая рассчитываю уехать.

Простите ужасный внешний вид этого письма: я ужасно тороплюсь, чтобы письмо еще сегодня было отправлено.

Глубоко уважающий Вас
А. Шмидт.

P.S.

Бухари с ком[ментариями] Касталани¹ и без оно-го отошлю Вам почтою по получении денег за 2-ю треть сего 1897, относительно которого уже написал в Credit Lyonnais.

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 13–16об.)

№ 6

283

Лейден 11 июня / 30 мая 1897 г.

Многоуважаемый
Виктор Романович!

Наконец-то я и в Лейдене устроился и спешу сообщить Вам свой адрес: Nieuwsteeg № 23. С проф. de Goeje² и Van Vloten³ я уже виделся, у de Goeje даже уже и обедал, причем убедился, что читать по-голландски и понимать, что говорят, – две вещи разные. Удивительно некрасивый язык, страшно напоминает ев-

¹ У Шмидта: Касталлани.

² Де Гье, Михаэль Ян (1836–1909) – голландский исламовед. Профессор Лейденского университета, чл.-корр. Петербургской АН. Автор критических изданий трудов средневековых арабоязычных историков и географов и др.

³ Ван Влотен, Герлоф (1866–1903) – голландский востоковед.

рейско-немецкий жаргон¹. Свое время главным образом провожу в библиотеке, где читаю И. Хазма и одно сочинение Ша‘рани, которые имеются здесь, и рукописи; в других каталогах я его не нашел, а именно: كتاب موازين الرجال القاصرين², в котором мой автор нападает на современных ему المشايخ المدعين³ и уличает их в том, что они своею аскетической жизнью добиваются лишь славы и богатства. Ваше сообщение о том, что, пожалуй, уже в конце сего года мне придется вернуться в Питер, принял к сведению. Предложенные Вами темы для пробных лекций пришлись мне по сердцу, и постараюсь приготовить их. Хочу только еще спросить Вашего совета относительно следующего: избрав темою أصول الفقه⁴, мне в лекции, конечно, нельзя ограничиться чисто теоретическою обработкою этого вопроса, а придется дать и, возможно, полный очерк этой отрасли арабской литературы. Вот и не знаю, как мне лучше всего справиться с этою частью работы; мне кажется, что каталог, напр[имер], берлинской библиотеки может сослужить мне в этом отношении хорошую службу.

Кроме того, мне хотелось бы познакомиться здесь с «ваххабитскими» рукописями эминской коллекции⁵, приобретенной лейденской библиотекой. Может быть, они могли бы послужить мне материалом для другой лекции?

Потому мне хотелось бы, Виктор Романович, заранее установить в точности мой дальнейший маршрут. Мне бы очень хотелось побывать в Париже, чтобы окон-

¹ Имеется в виду идиш.

² Имеется в виду книга ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани «Мавазин ал-касирын мин шуйух ва муридин».

³ Порицаемых шейхов (араб.).

⁴ Усул ал-фикх (араб. – корни фикха) – наука о методах в исламской юриспруденции.

⁵ Имеется в виду коллекция рукописей (700 экз.), приобретенная в 1883 г. библиотекой Лейденского университета у мединского богослова Амина б. Хасана ал-Мадани (ум. 1898).

чательно выяснить вопрос о грамматических сочинениях Ша'рани. Я постепенно прихожу к убеждению, что нет такой области литературы, в которой Ша'рани не испробовал бы своих сил. Даже медициной он не побрезгал и написал мухтасар¹ медицинского трактата Сувейди², который, согласно сведениям Фан-Дейка³, даже несколько раз печатался в Каире; в Париже имеется рукопись этого мухтасара. В биографии Ша'рани, которую мы с Гольдциером отыскивали в *الخط الجديدة* Али Паша Мубарека⁴, обращаю особенное внимание на то, что он ⁵ *اختصر الكتب*. Да смогли только в Х. Халифе⁶ отыскать все места, в к[ото]р[ы]х упоминается Ша'рани, чтобы убедиться в том, что мухтасарам его нет счета.

Проф. de Goeje и Van Vloten просили меня передать Вам сердечный поклон; они оба приняли меня чрезвычайно любезно, что всегда приятно на чужбине.

Надеюсь, что Вы теперь уже освободились от лежавших на Вас ректорских обязанностей и, покончив

¹ Т.е. сокращенным версиям книги (от *араб.* мухтасар – короткий).

² Имеется в виду книга 'Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани «Мухтасар Тазкират ас-Сувайди».

³ Возможно, имеется в виду востоковед Эдвард Абботт ван Дейк, американский дипломат, служивший в Египте и Ливане в 1870–1880-е гг. Опубликовал критическое издание ряда медицинских сочинений на арабском языке. Его отцом был Корнелиус ван Ален ван Дейк (1818–1895) – американский миссионер, автор известного перевода Библии на арабский язык.

⁴ 'Али Паша Мубарак (1823–1893) – египетский ученый и государственный деятель. Один из основателей Египетской национальной библиотеки. Основная работа 'Али Паши – «Ал-хитат ат-тавфикийя ал-джадида» («Новые планы Тавфика») – 20-томное справочное издание, посвященное истории, географии и топографии Египта.

⁵ Сократил книгу (*араб.*).

⁶ Имеется в виду Мустафа б. 'Абдулла, известный как Катип Челеби и Хаджи Халифа (1609–1657) – османский историк и географ. Говоря о сочинении Челеби, в котором он искал сведения об аш-Ша'рани, Шмидт, скорее всего, имеет в виду его главный труд – библиографическую энциклопедию на арабском языке «Кашф аз-зунун 'ан асами ал-кутуб ва-л-фунун» («Устранение сомнений относительно названий книг и искусств»).

«с дачным сумбуром», сможете приступить к летнему каникулярному «кейфу».

Остаюсь глубоко уважающий Вас
А. Шмидт.

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 17–18об.)

№ 7

Вена 19 / 7 октября 1897 г.

Многоуважаемый
Виктор Романович!

286

Наконец устроился я тут в Вене, на лекции я уже записался и с нетерпением жду субботы – дня начала наших занятий с проф[ессором] Карабачеком. У него лично я уже был и он принял меня очень любезно, сам пришел в университет показать мне, что и как нужно сделать, чтобы записаться в слушатели здешнего университета. Др. Гольдциер сообщил ему о моем намерении приехать сюда и, т[ак] сказать, составил мне небольшую протекцию. Надеюсь, что у него, то есть у Карабачека, не будет других слушателей по теории палеографии: тогда мы можем одновременно заняться и практикой и бегло познакомиться со всеми главными принципами палеографии, о которых любит говорить проф. Карабачек, т.к. времени у нас ведь очень немного. – Устроился я пока хорошо, но дорого; хотелось бы найти что-н[ибудь] подешевле; искал много, но всюду ужасная грязь и неопрятность. Вообще, жизнь здесь обходится очень дорого, куда дороже, чем в богоспасаемом граде Лейден! Представьте себе, мне

удалось побывать на всех празднествах по случаю годовщины 3-го октября¹.

В Studenten Societät, узнав о присутствии русского, меня посадили за почетный стол, почтили особенным спичем, закончившимся криками: “Vive le Czar! Vive la Russie!” и даже “Vive la France”². Пришлось и мне отвечать, и для этого, согласно обычаю, с бокалом шампанского в руке, вскарабкаться на стол. Хотел было ответить тоже по-голландски, но в таком многочисленном собрании не рискнул (на частных обедах я уже произносил и голландские спичи). Вообще, я немного «оголландился»; чрезвычайно обрадовался, встретив здесь, в том же доме, где я живу, двух голландцев; медиков из Лейдена. У нас много общих знакомых в Лейдене и мы поэтому очень хорошо сошлись; стараюсь говорить с ними по-голландски, чтобы не забыть этого языка.

Мой адрес: Wien IX Höfergasse 5 Thür 9.

Жду дальнейших инструкций и остаюсь глубоко уважающий Вас

А. Шмидт.

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 36–37об.)

287

№ 8

Вена 25 / 13 октября 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

В том, что предпоследнее Ваше письмо осталось без ответа, виновата, если не ошибаюсь, лишь неаккуратность почты. Но во всяком случае Вы в моем письме не нашли бы этих إشارات³ и تعاريف³, которых, видимо,

¹ Непонятно, о каком празднике идет речь.

² Да здравствует царь! Да здравствует Россия! Да здравствует Франция! (*фр.*).

³ Возражений и советов (*араб.*).

ожидали. Вы писали мне весною в Пешт, что, может быть, уже в Январе 1898 г. я понадоблюсь в университете, и поэтому я и не мыслил о возможности дальнейшего пребывания за границей, узнав, что мое возвращение «вопрос решенный». Известие об этой возможности застало меня, признаюсь, совершенно врасплох, поставило меня в положение Геркулеса на распутьи¹ (قياس الشبهه a не قياس العلة²). Поэтому, ввиду двойных лежащих на мне обязанностей, позвольте мне еще умом пораскинуть, обстоятельно и основательно все обсудить и взвесить. К 28 октября окончательный ответ мой будет в Ваших руках.

Вчера получил письмо от Дра Гольдциера. Он взял на себя чтение лекций по истории ислама для студентов-историков; слушателей набралось уже 20, и ему придется бегать в университет (обыкновенно студенты приходили на лекции к нему на дом), и это отнимет у него еще больше времени и, как он жалуется, оторвет от занятий. Он вообще ужасно истощает себя своею научною работою: ведь он почти совсем не спит!

У Карабачека, к несчастью, кроме меня будет еще 2 слушателя, притом, как кажется, из начинающих. Но все же надеюсь, этот курс будет для меня не

288

¹ Геракл (Геркулес) на распутье – известный античный сюжет, в котором отражены колебания Геракла между Добродетелью (Virtus) и Пороком (Voluptas). Выражение «Геркулес на распутье» употребляется в тех случаях, когда человек стоит перед сложным выбором одного из двух путей, лишь один из которых является верным.

² Кийас аш-шибх (араб. – аналогия сходства) – разновидность метода аналогии в мусульманском праве, при котором новое, рассматриваемое мусульманским правоведом дело имеет сходство с двумя другими делами, используемыми в качестве исходных. В задачи правоведа входит выбор того из указанных двух исходных дел, которое имеет наибольшее сходство с рассматриваемой проблемой. Кийас ал-'илла (араб. – аналогия причины) – разновидность метода аналогии в мусульманском праве, при котором новое дело сопоставляется со схожим старым. Оба дела должны иметь общее основание (ал-'илла). В таком случае правовед выносит решение по новому делу, аналогичное тому, что было вынесено в старом.

без пользы. Кроме того, я, с разрешения проф[ессора] К[арабачека], буду присутствовать при его занятиях (практич.) с молодым д-ром арабистом (прослушавшим курс палеографии) в коллекции арабских папирусов. Если увижу, что и сам могу принять более деятельное участие в чтении папирусов, попрошу разрешить и мне. Вообще пр. Карабачек очень любезен со мною, так что совсем не чувствуешь в нем Hofrat'a¹. Я, пожалуй, запишусь у него же и на другие лекции – чтение текстов из Ибн-Хишама², с которым я пока еще знаком лишь по имени. Многое еще можно бы здесь послушать: еврейск. яз; сирийск. яз; арабскую поэзию. Такое возобновление в памяти старого было бы, пожалуй, даже очень полезно, но боюсь, что на все времени не хватит. Библиотека будет открыта с 27-го октября нов[ого] ст[илия], тогда опять начну рыться в рукописях.

Итак, через дней 10–12 Вы получите от меня решительный ответ, а пока позвольте поблагодарить Вас за Ваше, могу сказать, отеческое обо мне попечение.

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт.

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 38–39)

№ 9

Вена 4 ноября / 23 октября 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Подумал я, поразмыслил и – хочется мне вернуться в Петербург уже в конце этого года. О «необходимости»

¹ Т.е. надворного советника.

² Абу Мухаммад 'Абд ал-Малик ибн Хишам ал-Химйари (ум. 834) – арабский ученый, автор жизнеописания пророка Мухаммада, составленного на базе одноименного труда Ибн Исхака (ум. 768).

вернуться я, на основании Вашего, так вижу, не совсем верно понятого письма, писал своим. Все это принято ими в расчет, и мне кажется, что я после всего этого не вправе воспользоваться любезно предложенным мне Вами продолжением моей командировки. Если только я этим не нарушаю Ваших планов, то хотелось бы мне вернуться в этом году.

Лекции Карабачека уже начались, и я посещаю их с большим интересом. На каждую лекцию он приносит с собою фотографические снимки папирусов, монеты и т.п. В библиотеке я заниматься не могу: она в этом году основательно ремонтируется и перестраивается; но Др. Geyer¹ обещал мне устроить так, чтобы я мог пользоваться необходимыми рукописями в университетской библиотеке. Это, конечно, значительно усложняет занятия, но что же делать. Оба, и проф. Карабачек, и Др. Geyer, приняли меня чрезвычайно любезно, и я уверен, что пребывание в Вене принесет мне немалую пользу.

290

Спешу сдать это письмо на почту, а посему прощайте. Искренно благодарный Вам.

А. Шмидт.

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 40–40об.)

№ 10

Вена 16 / 4 декабря 1897.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Простите, что так долго не отвечал Вам на Ваше последнее письмо: последнее время было много дела, ввиду приближавшегося отъезда. Лекции в университете закончены, рукописи свои тоже прочитал, и пото-

¹ Имеется в виду Рудольф Гейер.

му сегодня вечером выезжаю, чтобы к назначенному Вами сроку (10 декабря) быть в Питере.

Еще раз искренне благодарю Вас за участие, принятое Вами в судьбе моей. До скорого свидания.

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

Со страхом великим предвижу, что Вы будете бранить меня за статью, помещенную в юбилейном сборнике!¹ В таком случае *إستغفر الله تعالى فانه كريم رحيم*²

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 41)

ПИСЬМА 1900–1906 гг.

№ 1

Териоки 30/ VI 1900

291

Глубокоуважаемый, дорогой Виктор Романович!

Пишу Вам по одному очень близко меня касающемуся делу и поэтому усерднейше прошу Вас, дорогой Виктор Романович, не откажите ответить мне возможно скорее сюда, на дачу (Териоки, дача Ивана Сударя). Дело вот в чем. Алекс[андр] Петр[ович] Саломон³ предложил мне занять в Лицее место инспектора воспитанников и очень убедительно просил меня не отказывать ему, т.к., по его мнению, я именно подходящий для той должности человек, совместно с которым он

¹ Речь идет о статье А.Э. Шмидта в сборнике, посвященном В.Р. Розену: *Шмидт А.Э. Применение системы фикха в арабской грамматике // Ал-Музаффарийат. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. – СПб., 1897. – С. 309–324.*

² Прошу прощения у Аллаха Всевышнего, ведь поистине Он Великодушный и Милостивый (*араб.*).

³ Саломон Александр Петрович (1855–1908) – директор Императорского Александровского лицея (1900–1908).

бы мог работать. Все это случилось так внезапно, как с неба свалилось, а, главное, Вас не было в городе, и мне нельзя было с Вами посоветоваться. Т.к. Алекс[андр] Петр[ович] уже завтра едет в <нрзб.>, где увидится с Протасовым¹, от которого и зависит окончательное решение вопроса о моем назначении, то вопрос был поставлен ребром, и мне приходилось решать немедленно. Я было наотрез отказался, но А.П. меня настойчиво просил и убеждал меня, да и условия настолько хороши, что я, наконец, уполномочил его завести речь обо мне. Должность инспектора воспитанников Лицея позволяет мне продолжать занятия в Университете, и весь вопрос, значит, сводился к тому, чтобы решить, в каком смысле этот переворот может повлиять на ход моих научных занятий. Познакомившись, со слов А.П., с характером обязанностей инспект[ора] восп[итанников] Лицея, я пришел к заключению, что условия для научных занятий будут не менее благоприятны или, вернее, менее неблагоприятны, чем в настоящее время. Дело в том, что занятия у Ухтомского² больше тяготили меня, больше нарушали ход моих частных занятий, о чем я когда-либо кому бы то ни было, кроме жены, [не] признавался. Приходилось проводить в редакции от двух с половиною до пяти часов ежедневно, а иногда (правда, очень редко) и более. К тому же время этих занятий было совершенно неопределенно, и я никогда вперед не мог располагать своим «свободным» временем. Приходилось иногда являться в редакцию напрасно, т.к. Ухтомский, не успев предупредить меня, внезапно, в момент моего прихода, должен был по вызову

¹ Протасов-Бахметев Николай Алексеевич (1834–1907) – генерал от кавалерии, наказной атаман Астраханского казачьего войска. Состоял попечителем Императорского Александровского лицея.

² Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) – поэт, публицист, главный редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (1896–1917), где Шмидт работал секретарем редакции с конца 1890-х гг.

куда-н[ибудь] уехать, и мне приходилось вновь приходить в другой час.

Случалось нередко, что Ухтомского при мне по телефону вызывали, и я непроизводительно ждал его возвращения час и более, т.к. ему приходилось пробывать в отсутствии долее, чем он предполагал. Словом, день мой разбивался без всякой системы, и систематическая работа была почти немислима, кроме как по ночам. Меня это страшно удручало, хотя я и не показывал вида, и не раз мы с женою задумывались над тем, нельзя ли нам как-нибудь прожить и без Ухтомского, но... вопрос этот, разумеется, приходилось решать в отрицательном смысле.

Обязанности инспектора воспитанников лицея, конечно, сложнее обязанностей моих в редакции, но зато я буду ведь жить там же, при лицее, находиться, значит, все-таки дома, и не придется терять времени на хождения в редакцию, иногда, к тому же, напрасные. Затем исполнение обязанностей инспектора воспитанников приурочено к определенным часам, все делается по строго определенному расписанию, и в промежутках, а тем более по вечерам, я буду принадлежать вполне самому себе и علم العربية¹. (У Ухтомского приходилось очень часто бывать именно вечером.) К тому же летом я буду совершенно свободен, и не придется мне через день ездить в город. Кроме того, я буду иметь возможность приобрести постепенно необходимые справочные книги и словари. Не знаю, вполне ли хорошо и точно я взвесил все доводы за и против, но, думается, что мои соображения не лишены основания. Вопрос, конечно, еще не решен, может быть, и не придется мне испытать на практике основательности моих доводов, но, во всяком случае, мне хочется знать, что Вы на это все скажете. Что ска-

¹Зд.: арабистика.

жут другие, – мне безразлично, но Ваше мнение мне дорого, не менее дорого, чем мнение отца, и мне было бы очень больно, если бы Вы осудили мой образ действий, невыразимо больно было бы огорчить Вас. Только не подумайте, дорогой Виктор Романович, что я как неблагодарный сын факультета постепенно собираюсь бросить свою науку; напротив, пользуюсь возможностью поставить свои занятия ею на более выгодные условия. Не сомневаюсь, что материальная обеспеченность семьи придаст мне больше рабочей энергии. Кроме того, ведь я не домогался подобного назначения: мне это свалилось, как снег на голову, и я решил вопрос так, как мог, по совести, как мне казалось, лучше. Во всяком случае, я прошу Вас, невзирая ни на что, высказать Ваше мнение вполне откровенно. Подробности я Вам сообщу при личном свидании в среду.

Искренно преданный Вам

294

А. Шмидт

Передайте, пожалуйста, поклон Ольге Феодосьевне¹ от жены и от меня.

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 1–3об.)

№ 2

Дибун 19 июня 1904

Глубокоуважаемый Виктор Романович.

Несколько дней тому назад получил Ваше письмо и очень извиняюсь, что до сих пор не ответил: пришлось по поводу эмеритур сестры бегать по разным канцеляриям, с тем, чтобы в конце концов при-

¹ Розен (дев. фам. Веселаго) Ольга Феодосьевна – дочь русского историка военно-морского флота Ф.Ф. Веселаго (1817–1895), жена В.Р. Розена.

ти к убеждению, что только быстротой и натиском (т.е. «крутыми» разговорами) можно заставить иного чиновника делать то, что нужно.

Насчет недоразумения с г. Лемке¹ я напишу М. <нрзб.> следующий вторник, когда буду в городе, т.к. у нас в канцелярии есть его летний адрес, он летом живет где-то около Ревеля.

Мы на это лето поселились в Дыбуне; официально наша платформа называется «Tiruna» (или Dibuni), а по-русски – «Дыбуны», т.к. чухонцы никак не могут транскрибировать настоящее русское название «Дыбун». Отсюда до Петербурга всего 45–55 минут, что очень важно, т.к. мне два раза в неделю приходится бывать в городе. Первый месяц я ничего не делал, палец о палец не ударил, но теперь в свободные дни сижу, почти не разгибая спины, за своим письменным столом и занимаюсь милыми сердцу моему عبد الوهاب² 'ом², так долго, к сожалению, залежавшимся. Посмотрим, что мне удастся сделать, والله تعالى التوفيق³, как выражается мой шейх.

Местность, в которой мы живем, ужасно унылая, т[ак] что гулять почти что негде. Но зато есть песок и сосна, что и требуется для исправления здоровья и для заготовления запасов онаго на зиму. Сынок мой благоденствует и усиленно крепнет⁴, жена тоже чувствует себя отлично, и если еще работа моя движется, то счастья и благополучия хоть отбавляй! Впрочем, нет, забыл о предстоящей мне осенью перетасовке, т.к. вновь <нрзб.> мебель из склада в квартиру придется перевозить. Дача наша тоже более-менее удовлет-

¹ Лемке Михаил Константинович (1872–1923) – историк русской журналистики и цензуры. Один из первых публикаторов документальных источников по русскому освободительному движению середины XIX в.

² Имеется в виду магистерская диссертация А.Э. Шмидта «‘Абд ал-Ваххâб аш-Ша‘рâний († 973/1565 г.) и его “Книга рассыпанных жемчужин”».

³ Успех от Аллаха Всевышнего (араб.).

⁴ Имеется в виду старший сын Шмидта – Виктор Альбрехт Гаральд (1899–1907).

воряет скромным требованиям нашим, хотя крупным минусом является то обстоятельство, что она сдается без обстановки, т[ак] что нам пришлось часть мебели перевезти сюда; разумеется, мебель от этого не стала лучше, и я очень опасаюсь, что в Петербург мы привезем обратно только остатки прежнего величия. Во всяком случае, мы на будущее время решили никогда больше не брать дачи без мебели. На дурную погоду мы, собственно, не можем пожаловаться, правда, последняя неделя была несколько дождлива, но пока что приходится погоду считать, в общем, удовлетворительной. Правда, первые дни (мы переехали 9 Мая) были ужасны: утром в комнатах 6–7 по Реомюру¹! Зато мы уже на все лето закалили себя, что тоже имеет свои хорошие стороны, так как нам, вероятно, до половины сентября придется оставаться на даче, а в сентябре ведь уже довольно прохладно.

296

Наши дела на Дальнем Востоке действительно идут довольно-таки вяло; неужто нельзя этих желтолицых поскорее побить? Не хочется как-то верить, чтобы наши заграничные друзья-французы были правы, по крайней мере не вполне, так изображая положение наших войск: 1. солдаты – с львиными головами; 2. г. офицеры – с ослиными головами; 3. генералы и полковники – без головы. Поживем – увидим.

Не откажите передать Ольге Феодосьевне усерднейший поклон моей жены и засвидетельствовать ей мое истинное почтение.

و منى اليكم مزيد الاحترام و السلام²

Искренне преданный Вам

А. Шмидт

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 4–7об.)

¹ Реомюр, или градус Реомюра – единица измерения температуры, предложенная в 1730 г. французским ученым. Один градус по Реомюру (1°R) равняется 1,25 °C.

² С глубоким уважением к Вам и пожеланиями благополучия (*араб.*).

№ 3

Дибун 8.6. 05

Глубокоуважаемый
Виктор Романович!

Если Вы еще об этом не осведомлены, то для Вас, быть может, не будет лишена некоторого интереса новость, что в М[инистерст]ве Иностр[анных] Дел я потерпел полное фиаско, нечто вроде Цусимской катастрофы, которой предшествовали такие же радужные надежды, как те, которые возлагались на Рождественского¹ и его эскадру.

Так как А.П. Саломон в более чем странной форме стал уклоняться от каких бы то ни было письменных и личных сношений со мною, а мне, для решения квартирного вопроса, необходимо было иметь точные сведения о судьбе нашего проекта, я счел за благо в начале минувшего мая обратиться лично к гр[афу] Ламздорфу², который весьма любезно меня принял. От него я узнал, что за несколько дней до того от М[инист]ра Финансов получено уведомление об ассигновании необходимых денег для надлежащего обеспечения Иванова³ приличной пенсией, гр[аф] Ламздорф выразил мне свое удовольствие по поводу имевшегося в виду моего назначения на должность начальника учебного Отделения Вост[очных] яз[ыков] и расстался

297

¹ У Шмидта описка. Имеется в виду Рождественский Зиновий Петрович (1848–1909) – русский флотоводец, вице-адмирал (1904), генерал-адъютант (1904). Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. – командующий Второй тихоокеанской эскадрой, разгромленной японским флотом в Цусимском сражении.

² Имеется в виду Ламздорф (Ламздорф) Владимир Николаевич (1844–1907) – граф, министр иностранных дел Российской империи (1900–1906).

³ Имеется в виду Иван Александрович Иванов (1835–1908) – начальник Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД в 1894–1905 гг.

со мною, говоря: «Я очень, очень рад, что в ближайшем будущем мы с Вами будем коллегами».

Вы легко можете себе представить, с каким легким сердцем я, вслед за этим, вместе с семьей переехал на дачу и с каким нетерпением я ожидал обещанного уведомления из Департамента Личного состава. Увы! Я и не подозревал, что прямым рейсом плыл в Корейский пролив, к Цусиме!

На прошлой неделе, 1-го июня, я получил из Департамента Личного состава официальное приглашение в один из следующих дней явиться к Товарищу Министра. Явился я к нему. Кн[язь] Валериан Сергеевич¹ принял меня более чем любезно (это всегда подозрительно!) и затем, немного смущаясь и заикаясь, объявил мне, что, к великому сожалению и пр. и пр., предполагавшееся назначение мое не может состояться, что я еще молод (должно быть, за последний месяц очень помолодел!), что министерство на эту должность приглашает проф. Жуковского². Впрочем, князь хотел похлопотать пред Валентином Алексеевичем о предоставлении мне, будь возможно, должности лектора (?!) там же в учебном отделении.

298

Узнав о назначении Валентина Алексеевича, я, конечно, мог только сказать, что Министерство сделало чудный выбор и, естественно, отдало предпочтение уважаемому профессору и видному ученому.

С обворожительной улыбкой на лице (как мне казалось) и с скребущими по сердцу кошками я распрощался с князем и должен был сказать себе, что во всей этой истории сыграл глупейшую роль. Ведь я, в сущности, был тараном, пробившим брешь в Китайской

¹ Имеется в виду Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич (1848–1907) – князь, товарищ министра иностранных дел. Близкий друг В.Н. Ламсдорфа.

² Жуковский Валентин Алексеевич (1858–1918) – русский иранист, член-корреспондент Петербургской АН (1899).

стене М[инистерст]ва И[ностранных] Д[ел], а прошел через эту брешь другой.

Единственное утешение нахожу в том, что должность, составлявшая предмет моих возжеланий, досталась не какому-нибудь неудачнику-консулу, а Валентину Александровичу, к которому не могу отнестись иначе, как с искренним уважением и признательностью за всегда доброе ко мне отношение. Но утешение это, конечно, совершенно платонического свойства, а с точки зрения практической жизни я нахожусь в положении рака на мели или, что почти то же, Линевича¹ в Маньчжурии; положение мое отличается от положения Линевича лишь тем, что меня окружают не японцы, а доморощенные хунхузы², как то: домохозяин, повышающий квартирную плату; мясник, аккуратно обвешивающий покупателей и набавляющий цену на мясо, и все другие прочие...

О моей неудаче Ухтомский при случае сообщит кн[язю] Ал. Оболенскому, товарищу М[инист]ра Финансов, другу Александра Петровича³. Ал. Оболенский пришел прямо в блаженство и ругательски ругает своего кузена Вал. Серг. Оболенского, но ведь мне от этого не легче, а между тем Александр Петрович ничем о себе не заявляет и, очевидно, считает свою миссию исполненной. Ну, да Бог с ним, неприятно разочароваться в человеке, да уж что сказать, от этого не убежишь.

299

¹ Линевич Николай Петрович (1839–1908) – русский военный деятель. В 1905–1906 гг. – Главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии.

² Хунхузы – члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае, а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во 2-й пол. XIX – нач. XX в.

³ Имеется в виду А.П. Саломон.

Пока продолжаю работать в качестве секретаря у Ухтомского. Платона Михайловича¹ просил мои лекции перенести на другие часы с таким расчетом, чтобы к 12 ½ ч. можно мне было попасть в редакцию.

На даче мы живем очень тихо, но, благодаря ежедневным поездкам в город, пока работается плохо. Нужно будет вставать пораньше, часов в 5–6 утра, и работать по утрам, авось работа и пойдет.

Как живется Вам на новом месте? Как здоровье Ольги Феодосьевны и Ваше? Зачислен ли Витя, простите, Виктор Викторович, в Училище правоведения к моему дядюшке?

Хотелось бы мне очень кое о чем переговорить с Вами. Мне швейцар Ваш сказал, что раз или 2 раза в месяц Вы будете бывать в городе; не сообщите ли Вы мне о времени Вашего следующего приезда и в каком часу мне можно было бы зайти к Вам.

300

Не откажите засвидетельствовать мое почтение Ольге Феодосьевне.

و منى اليكم مزيد الاحترام

Искренно преданный Вам

А. Шмидт

Адрес: Дибуны по Финл. жел. дор[оге].

Ключевая ул. дача Павлова № 8

Или: СПб. Шпалерная 26

Редакция газ[еты] «Рассвет»

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 8–13об.)

¹ Имеется в виду Мелиоранский Платон Михайлович (1868–1906) – русский тюрколог, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета (с 1905 г.).

№ 4¹

13.6. 1905

Глубокоуважаемый
Виктор Романович.

Только что получил Ваше письмо. Буду, с Вашего соизволения, у Вас 21-го июня в указанные часы. Не знаю, достаточно ли отчетливо я выразил свою мысль в прошлом письме, написанном под свежим впечатлением неудачи. Разумеется, М[инистерст]во И[ностранных] Д[ел] сделало правильный, единственно правильный выбор, отдав предпочтение В.А.Ж.², не надо было и справляться у Вас: выбор подсказывался одним сопоставлением обоих конкурентов. Обидно мне только то, что ни Л.³, ни А.П.С.⁴ не сочли нужным оградить меня от глупой роли конкурента такого человека, которому не могли не отдать предпочтения. Сообщили они мне о том, что В.А. фигурирует официально в числе кандидатов, я немедленно устранил бы свою кандидатуру, если бы это оказалось возможным, постарался бы замести следы, чтобы никто, а в особенности В.А., и не знал о моей кандидатуре. К сожалению, прошлого не воротить.

Прошу засвидетельствовать мое почтение Ольге Феодосьевне, остаюсь искренне Вам преданный

А. Шмидт.

301

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 14–15)

¹ Письмо на бланке редакции газеты «Рассвет». Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 26.

² Имеется в виду В.А. Жуковский.

³ Имеется в виду В.Н. Ламсдорф.

⁴ Имеется в виду А.П. Саломон.

№ 5¹

8 ноября 1906 г.

Глубокоуважаемый
Виктор Романович.

Обдумав и взвесив все то, что Вы мне сообщили сегодня утром в Университете, я пришел к заключению, что мне необходимо согласиться на известную Вам комбинацию, буде последует предложение от того лица, о котором Вы мне говорили. ² ان شاء الله мне удастся устроиться так, чтобы не понести при этом слишком большого материального ущерба.

Очень и очень благодарен Вам за Ваше доброе попечение обо мне.

Не откажите засвидетельствовать мое глубокое почтение пред Ольгой Феодосьевной.

Глубоко уважающий Вас и искренно
Вам преданный

А. Шмидт

(СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 529. Л. 16–16об.)

302

¹ Письмо на бланке редакции «Санкт-Петербургских ведомостей». Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 26.

² Если будет угодно Аллаху (*араб.*).

Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу
(1922–1935)

№ 1¹

Ташкент 30/II 22

Дорогой Александр Николаевич.

Смерть П.А. Фалева² явилась страшным ударом для Т[уркестанского] Вост[очного] института. Здесь нет никого, кто мог бы заменить его, и нет никакой возможности научно поставить преподавание тюркологии. Чтобы обеспечить себя мало-мальски подходящими силами, приходится думать о командировке кого-либо в центр к Вам. Есть у нас слушатель, прошедший два курса. Он учитель, окончил здешнюю учит[ельскую] семинарию. Языками узбекским и киргизским владеет практически в совершенстве. Начал заниматься уже у Фалева. Хочу его командировать под Ваше начало, обеспечив ему безбедное существование в Питере, чтобы все силы и время он мог посвятить научным знаниям, к которым он сам стремится. Человек он уже в зрелом возрасте: лет 27–30. Придется заставить его помимо занятий по специальности, программу каковых я очень прошу Вас не отказать определить, заставить его основательно заняться общим и сравнительным языкознанием, прослушать один-два курса по философии и по русской, всеобщей истории – все для пополнения его общего и филологического образования.

303

¹ Письма и телеграммы опубликованы в хронологическом порядке. Нумерация писем проставлена составителем данной книги.

² Фалев Павел Александрович (1888–1922) – российский и советский тюрколог. В 1921–1922 гг. – преподаватель Туркестанского восточного института (ТВИ) в Ташкенте. Скончался от сыпного тифа. Подробнее о Фалеве см., например: *Шмидт А.Э.* Проф. П.А. Фалев (Некролог) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – С. 51–53.

Разумеется, не должна быть забыта история мус. востока и Туркестана, что я, собственно, относил к занятиям по специальности. Я об этом напишу и В.В. Бартольд, с которым Вы, б[ыть] м[ожет], не откажетесь совместно обсудить этот вопрос. Если Вы не отказываетесь взять на себя руководство занятиями намеченного мною кандидата, то срочно напишите мне (как говорят, с обратной почтой), буду Вам бесконечно обязан.

Я мыслю себе программу по туркологии с привлечением в сферу ее и монгольского языка, если только Вы тоже сочтете это целесообразным.

Быть может, К. Юдахина (так зовут моего кандидата) и не удастся подготовить безукоризненно, ввиду того, что он не имеет домашнего общеобразовательного ценза, все же, думается, он сможет явиться здесь полезным сотрудником. Срок занятий – Вы определите сами: пусть это будет два года, три года и т.д. Я думаю, точно это удастся установить лишь после ознакомления Вашего с объектом Ваших будущих попечений. Через два года, б[ыть] м[ожет], удастся направить к Вам более молодые и тем самым более восприимчивые силы.

Во всяком случае, очень прошу Вас прийти к нам на помощь в нашем затруднительном положении, ибо в ближайшее время по туркологии придется ограничиться чисто практическими задачами – основательным изучением местных турецких наречий.

Давно не имею писем от наших факультетских. Как живете-можете? О Вас лично иной раз слышим от Мальцева; он выехал в центр, где, б.м., Вы с ним и видите. Напишите о наших востоковедных делах.

Привет Вам, Вашей супруге и сыну. Мои также кланяются.

Ваш А.Э. Шмидт

Привет всем факультетским.
Мой адрес:
Либо: Куропаткинская 41
Либо: Т.В. Институт
угол Соборной и Романовского
(Маркса и Ленина)

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 1–2об.)

№ 2

Ташкент I/XII. 22

Дорогой Александр Николаевич.

Пользуясь оказией, пишу Вам. Спасибо за письмо (Вашего письма из Бухары я так и не получил, т[ак] что мстить было не за что!) и за Вашу готовность руководить работой нашего Институтского кандидата. В этом году его уже не придется посылать, но в будущем воспользуюсь Вашим любезным согласием. У нас с тюркологией совсем слабо: со смертью Фалева, которого мы считали совсем своим, остался лишь Pierre Кузнецов¹, ну а его Вы ведь знаете. Приходится пока прозябать и надеяться на появление в будущем молодых сил. Наш Вост[очный] Институт крепнет, но, конечно, до нормальной научной постановки сил ох, как далеко. Мне приходится особенно солоно: я один должен обеспечить и арабск[ий] язык, и исламоведение (общ.

305

¹ Кузнецов Петр Евдокимович (1870–?) – российский, советский тюрколог. Один из основателей Туркестанского восточного института в Ташкенте. В ТВИ преподавал персидский и узбекский языки. После создания на базе ТВИ восточного факультета Среднеазиатского государственного университета преподавал тюркологию, узбекский язык и литературу. В 1931 г. в числе 11 профессоров и преподавателей восточного факультета САГУ был арестован. В 1932 г. был выслан из Ташкента. О его дальнейшей судьбе неизвестно.

и спец. курсы) и мус. право; приходится в Институте читать 20 лекций! А тут еще днем Г[осударственный] Ученый совет, в коем я состою зампредом со времени психич[еского] заболевания Поливанова¹. В оном качестве состою и в редакционной Коллегии и Ваших две заметки уже отправил в типографию. С выходом номера пошлю Вам незамедлительно.

Наш Институт – Фил[ологический] факультет окончательно умер. Литер[атурно]-худ[ожественное] отделение обфака², в которое он выделился полгода тому назад, закрыто³! Как хорошо, что я противился слиянию Института с Университетом; был бы тоже закрыт.

Живем так, как почти всем живется; перебиваемся когда с хлеба на квас, а когда и совсем прилично живем, смотря по тому, как выплачивают жалованье. Организуется Туркубу⁴. Посмотрим, что из этого выйдет. Мои сыновья ревностно учатся. Старший в Вост[очном] Инст[итуте], турколог; надеюсь в будущем послать его

306

¹Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938) – российский востоковед, литературовед и лингвист. Один из основателей ОПОЯЗа. В 1921–1926 гг. работал профессором САГУ. В 1937 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Расстрелян в 1938 г. «Поливанов находится сейчас в больнице и рассудок его, кажется омрачен (он бросился под трамвай и, вовремя спасенный, отделался повреждением руки и головы)» (Письма А.А. Семенова к В.В. Бартольду // СПБФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 221. Л. 117).

²Имеется в виду факультет общественных наук в Туркестанском государственном университете, созданный в 1922 г.

³Подготовка кадров в области гуманитарных наук велась в 1918–1920 гг. историко-филологическим факультетом, включавшим словесное и историческое отделения. С 1 июня 1921 г. историко-филологический факультет был ликвидирован. Его словесное отделение было объединено с физико-математическим факультетом, а историческое упразднено. В результате возник новый факультет, получивший название педагогического. В его составе были созданы естественно-историческое, математическое и словесное отделения. Однако уже весной 1922 г. и он был ликвидирован. Его словесное отделение было преобразовано в литературно-художественное и передано в состав факультета общественных наук. В апреле 1923 г. это отделение было закрыто окончательно.

⁴Туркестанская комиссия по улучшению быта ученых.

Вам на выучку. Доброго желаня и способностей у него много, но что выйдет – الله اعلم¹. Младший осенью поступил на технический факультет, а Вера Юлиевна мается по хозяйству без прислуги, что тяжко. Все они шлют привет Вам и Вашим присным. Не забывайте. Пишите. Ваш А.Э. Шмидт.

P. (S). Мальцы здравствуют.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 4–5об.).

№ 3

Ташкент 10/II. 23

Дорогой Александр Николаевич.

Позвольте мне в лице Вашем принести искреннюю благодарность Вам и Институту живых восточных языков за присланное приветствие². Зело сконфужен тем, что мои милые ташкентские друзья сделали такой «бум», но интенции были столь дружественны, и так все прошло задушевно и тепло, что у меня остались самые лучшие воспоминания об этом дне. – Вышел № 2 нашего журнала и в нем Ваши две заметки³. Экземпляр Вам высылается с покорнейшей просьбой не отказать в присылке материалов и впредь.

307

В этом году не удалось осуществить командировку кого-либо из слушателей в Питер, но в будущем году не теряю надежды наверстать это и надеюсь на то, что Вы окажете нам содействие. Кто-то читал в газете (центральной), будто Вы едете летом в Туркестан; так ли это? Если да, то вперед радуюсь увидеть Вас в Ташкенте. Невольно тоскуешь здесь по свежим научным

¹ Аллах знает [лучше] (араб.).

² Речь идет о поздравлении в связи с 25-летием первой лекции А.Э. Шмидта.

³ Имеется в виду журнал «Наука и просвещение», издаваемый Наркоматом просвещения ТуркАССР.

новостям, а потому с искренним удовольствием думаешь о возможном приезде сюда из Центра кого-либо из коллег по специальности, хотя бы лишь смежной.

С Вашими родственниками видимся, хоть и не часто, ибо все мы очень заняты; но во всяком случае мальцы здравствуют. Как поживают Раиса Григорьевна и Тося? От нас всех привет и им и Вам. Не забывайте, черкните при случае несколько строк.

Ваш А. Шмидт.

Извиняюсь за бестолковое письмо, но, пользуясь представившейся оказией, спешу ликвидировать все долги и писать еще <нрзб.>.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 7–8).

308

№ 4

Ташкент 6/VIII 23

Дорогой Александр Николаевич.

Спешу уведомить Вас, что Ваши условия (200 р[у]б. золотом в месяц и пр.) здесь принимаются, о чем получите официальное извещение. Предваряя Вас об этом, авансом радуюсь Вашему предстоящему приезду и нашей, в одной части, совместной работе. Мои «туркологи» уже теперь в полном восторге. Я вернулся в Ташкент 30 июля и понемногу отогрелся и очухался от московских и питерских дождей. Здесь чудная погода; немного, как жалуются некоторые, жарко: сейчас 7 час. вечера, а на террасе, в тени – 25 по Реомюру! Одно блаженство, да к тому же еще дыни и виноград!

За это Ташкенту простится многое, что в «ём» есть, и многое, чего, увы! в «ём» нет!

Что я не поехал за Кораном и почему, об этом Вы, вероятно, слышали уже от других, а потому повторять не стану. Я во всем этом остался в выигрыше: вернулся домой раньше и не впутался в историю, которая, в связи с приданным ей религиозным оттенком, могла оказаться для меня весьма грязною¹.

В Питере ли Николай Николаевич²? Если он еще гостит у Вас, скажите, что здесь его ждут.

В бытность мою в Питере я забыл попросить Вас от имени нашего слушателя Юдахина вот о чем: ему хотелось бы приобрести экземпляр стихотворений Бабура. Б[ыть] м[ожет], Вы захватите один экземпляр с собой, когда тронетесь в путь к нам.

Своих всех я нашел в добром здравии; к моему приезду успел вернуться из Хивы и мой Эдя, имевший возможность основательно попрактиковаться там в узбекском языке. Все мои шлют привет Вам, Раисе Григорьевне и Тосе, а также Николаю Николаевичу, если это письмо еще застанет его в Питере. Приезжайте скорее.

Ваш А.Э. Шмидт.

Всем дорогим коллегам привет. Письмо отправляю со случайно представившейся оказией, а потому тороплюсь и пишу так мерзко. Надеюсь, вы уж разберете.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 9–10).

¹ Подробнее об участии А.Э. Шмидта в доставке Корана ‘Усмана из Уфы в Ташкент см. статью Р.Н. Шигабдинова «Александр Шмидт и Коран ‘Усмана: возвращение мусульманской святыни в контексте политики, науки и религии» в настоящем издании.

² Возможно, имеется в виду Николай Николаевич Йомудский.

№ 5

Ташкент 4/ XII. 23

Дорогой Александр Николаевич.

310 Одновременно с этим письмом Вам доставят официальное предложение Наркомпроса и договор для подписи. Как усмотрите из этого договора, Наркомпрос не идет дальше Госмаксимума, к[о]т[о] р[ый] не достигает полных 200 р. золотом. Но, во-первых, Ученый Совет не возьмет у Вас двух полных нагрузок (16 ч. в неделю), тем более, что Вы будете состоять при Туркменской Комиссии в обществе таких милых людей, как Йомудский и Борисов. Зато недостающую сумму Вам даст Вост[очный] Институт за лекции и тот авторский и редакторский гонорар, который Вам причитается за Ваши работы. Мне никак не удавалось убедить Наркомпрос прямо включить в договор 200 р[уб] зол[отом]: какие-то формальные основания им помешали. Но я убежден, что Вы не прогадаете, если приедете, и мы Вам всячески все устроим. Ждем Вас с нетерпением; работы, для Вас интересной, много, а В[осточному] Институту Вы окажете большую услугу, за которую мы все Вам будем чрезвычайно благодарны. Мой сын, в частности, мечтает о Вашем приезде; он летом был переводчиком в полномочн[ом] представ[ительств]е и экономсовете в Хиве, сносно говорит по-узбекски, но – со смертью Фалева по туркологии лишен научного руководителя.

Вера Юлиевна, Эдя и я шлем Вам и семье Вашей искреннейший привет.

В надежде на скорое свидание.

Ваш А.Э. Шмидт

Виноградный сезон в разгаре; только становится прохладно: вечером и утром температура падает до 16–15 по Реомюру, и мы мерзнем.

Над нашим институтом как раз производят очередную операцию реорганизации. Что выйдет – не знаю.

Подпись.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 12–13)

№ 6
Телеграмма

Принято 26/II 1924 г.

Предполагается слить институт университетом найдете ли возможным воспользовавшись оплаченным ответом телеграфно просить Файзулу Ходжаева¹ Бухаре через средне азиатское бюро опротестовать и поддержать самостоятельный институт институт² посылает ему мотивированное представление его заявление может иметь решающее значение

311

Шмидт

Отвечено 27.II. 24³

Абсолютно лишенный возможности разобраться весьма ответственном вопросе вдали от Ташкента вынужден сожалением воздержаться.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 58–58об.)

¹ Ходжаев Файзулла Губайдуллаевич (1896–1938) – узбекский советский государственный и партийный деятель. Один из лидеров младобухарской партии в 1916–1920 гг. В 1920–1924 гг. – председатель Совета народных назиров Бухарской Народной Советской Республики. В 1924–1937 гг. – председатель Совета народных комиссаров Узбекской ССР. В 1938 г. незаконно репрессирован.

² Так в телеграмме: два раза.

³ Далее следует ответ А.Н. Самойловича.

№ 7

Отв 17–VI–24.

Ташкент 13/ III 24

Дорогой Александр Николаевич.

Получив Вашу ответную телеграмму, я не удивился ее содержанию: иного ответа я и не ожидал, иного ответа, конечно, и быть не могло. Если я, тем не менее, послал свою телеграмму, то Вы знаете – утопающий за соломинку хватается. Положение Института было тяжелое; повидавшись с Файзуллой, случайно бывшим здесь, я от него имел принципиальное согласие поддержать Институт как учреждение, в котором заинтересована и Бухара. Он в тот же день уезжал и просил прислать ему мотивированный доклад. Я этого всего не мог Вам изложить в телеграмме. Но во всяком случае дело понемногу выравнивается.

312

М.С. Андреев¹ посвятит Вас подробнее во все наши дела. Нам прежде всего необходимо усилить Туркологию, и если Вы принципиально не отказываетесь приехать к нам, по примеру Баку, на будущий осенний семестр, то я постараюсь принять все необходимые к тому меры. Вы можете рассчитывать на внимательную и сильно заинтересованную аудиторию.

Сейчас спешу, а потому ограничусь еще только и искренним приветом Вам и Р[аисе] Г[ригорьев]не, как от меня, так и от всей моей семьи. Вскоре напишу подробней, а пока М.С. Андреев осведомит Вас.

Ваш А.Э. Шмидт

¹ Андреев Михаил Степанович (1873–1948) – российский, советский востоковед-иранист, этнограф, языковед и археолог. В 1918–1920 гг. – первый ректор Туркестанского восточного института в Ташкенте. В 1920-е гг. преподавал в Туркестанском восточном институте, а затем на восточном факультете САГУ. В 1929 г. избран чл.-корр. АН СССР. В мае 1931 г. был арестован в числе 11 профессоров и преподавателей восточного факультета САГУ. Был выслан из Ташкента на три года.

Было бы хорошо, если на одно полугодие приезжали Вы, а на другое Малов¹.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 15–15об.)

№ 8

Ташкент 11/ IV 24
Многоуважаемый, дорогой
Александр Николаевич.

Пользуясь оказией, обращаюсь к Вам со следующей просьбой. Мой старший сын в этом году кончает курс Т[ашкентского] В[осточного] Института. Идет он хорошо и предполагает работать дальше в научной области. Я его хочу еще годик оставить здесь, т.к. пусть еще лучше ознакомится с языком, хотя и говорит он довольно свободно по-узбекски и свободно разбирает современные письма и документы (прошлым летом он работал переводчиком в Хиве, в Хорезмском экономсовете). Т[ак] к[ак] со смертью Фалева у нас туркология очень захромала, хочу, чтобы он до переезда в Питер под Вашу высокую руку еще немного поработал самостоятельно здесь и подготовился бы к работе у Вас в Питере. Поэтому очень прошу Вас, не набросаете ли Вы примерную программу для его занятий в течение ближайшего года, которую ему необходимо выполнить, чтобы у Вас в Питере он мог бы работать, не являясь обузой для своих руководителей. Что до туркологии, так он читает, пишет и говорит по-узбекски; понимает довольно хорошо и по-киргизски; знаком

313

¹ Малов Сергей Ефимович (1880–1957) – российский, советский тюрколог. В 1922 г. при содействии А.Н. Самойловича был приглашен в Петроградский университет из Казани. Работал в целом ряде учебных заведений Петрограда-Ленинграда (Университете, Географическом институте, ЛИЖВЯ и др.). В 1929–1934 гг. работал в Тюркологическом кабинете ИВ АН СССР. В 1939 г. избран чл.-корр. АН СССР.

и с казакско-татарским наречием; прослушал в свое время курс введения в туркологию у Фалева. Кроме того, он довольно много читал в этой области, но все же, со смертью Павла Александровича не было у него руководителя, и временно он приналег на иранистику и арабистику, так что довольно порядочно говорит по-персидски, читал довольно много персидских авторов; по-арабски он лицом в грязь не ударит: с историческими: Кораном, и, частью, богословскими и мистическими текстами он справляется вполне хорошо. Арабской поэзией мы пока не занимались, но в будущем году из окончивших будет у меня заниматься небольшая группа, а тогда займемся также арабской поэзией. С этнографией и историей, а равно географией Туркестана он знаком довольно хорошо. – Вот, что Вы, при таких условиях, наметите для него, как программу ближайше необходимых занятий? Не сердитесь на меня за то, что беспокою Вас, не откажите мне в исполнении этой просьбы. Думаем, что уйгурским и монгольским языком ему бы надо заняться (кажется, это по программе у Вас полагается?); что до монгольского языка, то, вероятно, Пестовский¹ не откажется поруководить им, если Владимирцов² не откажется наметить и указать, в каком направлении повести эти занятия, а насчет уйгурского не знаю, как быть. Во всяком случае, буду ждать от Вас ответа.

Это письмо Вам передаст наш слушатель Текфоров, желающий перевестись к Вам в Питер на османский разряд. Думаю, что ему (хотя он числится на III курсе) придется начать почти сначала, т.к. после смерти Фалева мы в области туркологии хромаем, да Вы сами увидите. Парень он интеллигентный и способный.

¹ Пестовский Борис Алексеевич (1891–?) – российский, советский монголовед, специалист по монгольской и калмыцкой литературе.

² Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931) – российский, советский монголовед. С 1921 г. – профессор Петроградского университета. Академик АН СССР (1929).

Передайте искреннейший привет Раисе Григорьевне от всех нас.

С пожеланием всего наилучшего.

Ваш А.Э. Шмидт.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 17–18об.)

№ 9

НВ!

Дорогой Александр Николаевич,

Из редакции покойного журнала «Наука и просвещение» в археолог[ическо]-этнограф[ической] секции геогр[афического] об[щества] ... передана рукопись № 4 Ваших заметок «Из Туркест[анской] устн[ой] старины» о русалках, о чем только что было доложено на заседании секции, которая поручила мне спросить Вас, не согласитесь ли передать этот материал в рассмотрение секции, с тем чтобы зачитать эту статью, как доклад Ваш заочный, а затем напечатать?

315

Еще раз, привет.

Ваш А.Э. Шмидт

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 19об.)

№ 10

Ташкент 4/VI 24

Дорогой

Александр Николаевич.

Получили ли Вы мое письмо, пересылаемое Вам через одного студента? Боюсь, что письмо Вам не доставляется, ибо ответа не имею. Ныне обращаюсь к Вам с нижеследующим предложением от имени председателя Среднеазиатского Бюро¹.

¹ Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) – верховный орган ЦК ВКП(б) в Средней Азии (1922–1934). Основной функцией бюро было партийное и государственное строительство в среднеазиатских республиках.

Дело в том, что в СА Бюро возникла идея организовать здесь ячейку (было сказано «штаб») пропаганды латинского алфавита для тюркских языков. Я указал на то, что для надлежащей постановки вопроса необходимо заручиться Вашим содействием. Теперь вопрос становится так: согласны ли Вы приехать осенью на неск[олько] месяцев в Ташкент? Ставьте свои условия, суммы пойдут за счет высших органов.

Я сказал, что не меньше 15 червонцев в месяц, при условии оплаты проезда и квартиры; Вы можете еще надбавить (только укажите твердый минимум, из которого мне исходить), постараюсь сговориться с властью имущими, только не задержите ответа. Если приедете, то, несомненно, Вы не откажетесь прочесть и нам в Институте небольшой цикл лекций, за них вознаграждение, конечно, особо.

316

Пока – будьте здоровы, привет Вам и Р.Г. от В.Ю. и от меня. Спешу передать письмо уезжающему Петровскому.

Ваш А.Э. Шмидт.
(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 20–20об.)

№ 11

Ташкент 27/XI 25

Дорогой Александр Николаевич.

Спасибо Вам за Ваше письмо. Когда-нибудь напишу подробнее, а сегодня спешу, ибо хочу передать письмо сыну Эде, сегодня отъезжающему в Питер. Очень приятно было услышать, что Юдахин произвел на Вас такое выгодное впечатление. Мой сын, конечно, не может равняться с ним, и очень еще молод (21 год); надеюсь, что в Питере под руководством Вашим, Малова и других из него все же сможет выработаться что-нибудь полезное. Вас прошу не отказать ему в Вашей

поддержке не только в виде руководства занятиями, но и в поддержке моральной: он страшно застенчив, выявляет себя только, когда его приручить. Видел он здесь немало, немало у него сведений по специальности, но все очень еще, конечно, незрело. Официальным руководителем кафедры у нас состоит С.Е. Малов, он же ему и составил программу занятий, в которую включены занятия и у Вас. – Мы все здравствуем, о нашем житье-бытье Вам расскажет Эдя. Привет Вам и Раисе Григорьевне от В.Ю. и меня.

Ваш А.Э. Шмидт.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 24)

№ 12

Ташкент 3/VII 26

Дорогой Александр Николаевич.

Несказанно рад тому, что из залпа Ваших писем одно долетело и ко мне на Куропаткинскую 43, большое Вам спасибо за весточку, и за то, что я своего обещания не выполнил, Вы на меня не ворчите: очень уж много у меня хлопот, как у декана наименее (по различным причинам) благоприязнуемого факультета САГУ. Приходится, запасшись максимумом своей энергии и «свободою» языка, отстаивать право факультета на каждую нужную ему копейку. Вот и нет настроения для писания писем, хотя, сознаюсь, писал я, в частности, Крачковскому нередко, заваливал его просьбами о саморазличнейших нужных мне справках, ибо по «арабистике» наши библиотеки здесь очень бедны, и того, чего нет у меня лично, почти без исключения не найду я в библиотеке. С арабистикой здесь вообще слабо – нет у меня помощника! Раз я напряг свои силы, нагрузил себя сверх меры лекциями и провел один выпуск разряда исламоведения и арабской словесности; кончило, и не дурно, три человека, но один

из них (мой Эдя) параллельно кончал турецкий разряд, по которому пожелал специализоваться, а другие два не остались при факультете. Таким образом, этот разряд у нас теперь бездействует: читаю только на других разрядах арабский язык, как вспомогательный. Рад слышать от Вас, что оба наших питомца не компрометируют нашего факультета; конечно, Эдя не может идти в сравнение с Юдахиным: от последнего я жду большой пользы для нашего факультета! Я не жалею, что усиленно толкал его на научную дорогу; он (совершенно зрелый человек) сознательно пошел по этому пути и со свойственной ему настойчивостью преодолевает даже такие препятствия, как изучение иностранных языков, изучение которых я поставил ему в обязанность (فرض مطلق¹). У моего Эди, при его молодости (недостатке, с годами исчезающем), конечно, нет еще должной основательности, но, надеюсь, при трудолюбии и некоторых способностях он выровняется. Я очень рад, что ему приходится заниматься у Вас: я, по понятным причинам, не только воспитанник, но и горячий сторонник Ленинградской школы, традиции которой пытался насадить и здесь на нашем Восточном факультете; имею в этом отношении помощников в лице Н. Вундцеттеля² и М.Ф. Гаврилова³, к[о]т[о]р[ы]е оба понемногу опять втянулись во вкус к научной работе, и в других сотрудниках, вовлеченных в эту линию. Много пользы принес нам Полива-

¹ Фард мутлак (*араб.*) – абсолютная обязанность. Предписанные шариатом действия, выполнение которых не ограничено во времени (например, совершение хаджа).

² Вундцеттель Николай Эдуардович (1886–1930) – историк, археолог. Один из основателей Государственного банка Туркестанской республики. Профессор Туркестанского восточного института и восточного факультета САГУ. Скончался в мае 1930 г. в результате онкологического заболевания.

³ Гаврилов Михаил Филиппович (1884–1938) – тюрколог, историк и этнограф, ученик А.Э. Шмидта. В 1926–1929 гг. – декан восточного факультета САГУ. Незаконно репрессирован в 1938 г.

нов, несмотря на то, что он как-то совершенно уже отбил от масштаба «нормального» человека. Я очень боюсь, как бы с ним не приключилась окончательная психическая катастрофа. Я нахожу, что в своих последних работах (учебниках) по узбекскому языку¹ Е.Д. уже немного обнаруживает некоторое отсутствие самокритики; он уже, как мне кажется, начинает с легким сердцем подходить к разрешению и таких вопросов, в которых он, несомненно, не компетентен, а это – смерть для научной работы. Так, Е.Д. берется за вопросы узбекской фразеологии, которой он несомненно не знает; издание словаря², пожалуй, тоже ему не по плечу. Такая, мелкая, правда, неосмотрительность, как образование от одного и того же арабского корня слов *مسألة* и *مثلاً*³, тоже иллюстрирует некоторую неосновательность. Уже очень он за многое берется; а жаль, ибо он ведь исключительно талантливый человек.

Немного оживили мы на нашем факультете преподавание этнографии; ввели и курс «соматической» антропологии, и наши студенты практикуются, между прочим, и в измерении черепов; «охотники за черепами», как я их называю.

В этом году удалось вырвать необходимые деньги на летнюю практику наших студентов, и человек 30–40 рассыпались по всему Туркестану и для практического изучения языка, и для изучения быта и сбора всякого рода материалов. Жду с интересом результатов этой компании.

¹ Возможно, речь идет о следующем издании: *Поливанов Е.Д.* Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения). Вып. 1: Краткий очерк узбекской грамматики. – Ташкент, 1925; Вып. 2: Тексты для чтения. – Ташкент, 1926.

² Возможно, речь идет о следующем издании: *Поливанов Е.Д.* Краткий русско-узбекский словарь. – Ташкент, 1926.

³ Шмидт имеет в виду, что Поливанов ошибочно считает происходящими от одного корня арабские слова «вопрос» (*мас'ала*) и «например» (*масалан*).

Туркология наша меня немного беспокоит; если Малов в будущем учебном году к нам не приедет, то у нас образуется глубокий провал в выполнении программы, ибо у нас некем его заменить. А. С.Е.¹ мне что-то говорил о том, что он едва ли сможет получить необходимую командировку. Постараюсь списаться с Воробьевым².

Жалко, что Вы совсем бойкотируете нас. Что бы и Вам как-нибудь заглянуть к нам? Во время Вашего прошлого приезда в Ташкент (проездом в Бухару) мы с Вами ведь об этом говорили и Вы как будто в принципе не возражали. А эпизодический курс, интересный и важный для наших студентов, интересный и для Вас, ввиду разнообразия, Вы бы с легкостью могли соорудить.

Собирались мы с В.Ю. было на июль месяц под Москву в «Узкое», в дом отдыха³, т.к. В.Ю. страшно переутомилась двухмесячным уходом за младшим сыном, который лежал в клинике в совершенно исключительно тяжелом брюшном тифе; недели 4 он был между жизнью и смертью. Теперь, والله الحمد⁴, все миновало. Места за нами в «Узком» были забронированы, но, благодаря острому پولسزلق⁵, пришлось от них отказаться. Я, собственно, не жалею, ибо погода у Вас на севере холодная. Даже у нас Центрпогода, видимо, свихнулась; третий день дождь, гроза и – холод: днем всего 13!

320

¹ Имеется в виду Сергей Ефимович Малов.

² Воробьев Павел Иванович (1892–1937) – русский, советский маньчжуровед, китаист, монголовед. В 1923 г. исполнял обязанности ректора Петроградского института живых восточных языков. В 1926–1930 гг. – директор Русского музея. В 1924–1930 гг. читал лекции в Ленинградском государственном университете.

³ Дом отдыха «Узкое» – бывшая подмосковная усадьба князя П.Н. Трубецкого. В 1922 г. была передана Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), а в 1937 г. – АН СССР. В настоящее время на территории усадьбы находится санаторий «Узкое» Российской академии наук.

⁴ Аллаху Слава! (араб.).

⁵ Безденежью (тур.).

Хоть помирай! Многие довольны, но я плачу: люблю сухую, теплую, солнечную погоду.

Какие у Вас планы на лето? В какой находитесь полосе? Курите ли трубку, разрешая про себя те или иные проблемы, или заняты каким-либо специальным вопросом (помимо залпа писем, о котором Вы пишете)? Часто вспоминаю наши поездки в Лазаревский Институт¹, в время которых, сообразно стилю эпохи, Вы курили махорку, не безопасную для Ваших костюмов. Как это все уже далеко! Помните, буханы черного хлеба, которые мы покупали на Сухаревке, и полчища крыс, которые покушались на их целостность во время нашего сна в квартире на Армянском переулке²? Да, как говорил (или пел?) старик Гораций: «Eheu fugaces, Postume, Postume, labuntur anni!»³. У меня вот уже один сын (младший) женился! Начинаешь чувствовать себя стариком.

Но не хочу заканчивать письма хандрой, а потому скажу, что все еще не бросил надежды на то, что вернусь к более активной (в смысле печатания) научной работе; много накопленного материала, много уж начатых работ и этюдов, надо только отойти от административной работы.

Пока позвольте пожелать всего наилучшего Вам, дорогой Александр Николаевич, и Раисе Григорьевне,

321

¹ Лазаревский институт восточных языков – учебное заведение в Москве, основанное в 1815 г. армянскими купцами Лазаревыми. В 1919 г. Лазаревский институт был преобразован в Армянский институт, а затем – в Переднеазиатский институт. В послереволюционные годы многие петроградские востоковеды ездили в Лазаревский институт читать лекции. В 1921 г. вошел в состав сформированного Московского института востоковедения.

² Лазаревский институт находился в Москве по адресу: Армянский переулок, д. 2.

³ «Увы, о Постум, Постум! Быстро ускользают годы» – крылатое латинское выражение. Изначально – отрывок из «Од» Горация.

а равно и сыну. Искреннейший привет от Веры Юлиевны и Эди.

Искренно уважающий Вас и
преданный Вам А.Э. Шмидт.

Ташкент.

ул. 1го Мая 43.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 25–27об.)

№ 13

Ташкент 5/XII 26

Дорогой Александр Николаевич.

Спасибо Вам большое за весточку о себе. Ответил бы давно, да так бешено занят, что не мог собраться. Только что оправляюсь от болезни, еще сижу дома и, пользуясь этим, пишу.

322

С осени у нас в Институте произведена реорганизация: открыто практическое отделение с уклонами по наркоматам. Работаем по мере сил (даже выше этого), но находимся под постоянной угрозой закрытия в связи с финансовыми затруднениями и пр.пр. Осенью удалось отвести удар, но сейчас опять начинаются зловещие слухи. Все это, как и административная работа при нынешних условиях, крайне нервирует, и у меня иной раз появляется желание уехать, отрясти прах с ног своих. Не хочется покидать юга, страшно тянет на родину, на Кавказ, по которым прямо-таки болезненно тоскую! Хочется на старости лет опять туда, да только это не так просто. В Тифлисе, говорят, русскому устроиться крайне трудно!

Мои все здравствуют. Вере Юлиевне пора бы немного передохнуть от домашних хлопот, да теперь с прислугой трудно: не наймешь, слишком много с этим связано неприятного и стеснительных условий, а от поденщицы проку мало, – когда придет, когда и нет.

Мой старший – Эдя – весной кончает Институт, по персидскому отделению и по отделению исламоведения и арабской словесности. Отделение турецкой филологии он бросил, узнав, что Вы не приедете, но в Питере, куда хочет ехать, предполагает вернуться к Туркологии. Ваш неприезд, в к[ото]р[о]м повинен Компрос наш лядаций, вообще причинил нам, в частности мне, немало горя. Одним из поводов к предполагавшемуся осенью закрытию Института выставляют то, что я будто игнорирую интересы тюркского населения, не позаботился и не сумел привлечь Вас хотя бы на одно полугодие! Скажите – а на весеннее полугодие Вы приехали бы из Баку? Если Вы принципиально не возражаете, то что и где нужно для того предпринять? Мой младший – Шура – усердно занимается на II курсе инженерно-мелиоративного факультета. Мечтает по окончании курса или до этого перевестись в Питер, в Горный Институт.

323

Великий печальник народа Туркменского, милейший Николай Николаевич Йомудский, все хлопочет по своим туркменским делам, трепал свои нервы и подкашивал свое здоровье. Ввиду его занятости, последнее время выдается редко, но все же он нас не забывает. Если бы знал, что пишу Вам, вероятно, поручил бы передать привет Вам и Раисе Григорьевне. – От нас всех Вам обоим искреннейший привет; б[ыть] м[ожет] еще увидимся в Ташкенте?

Всего наилучшего. Пишите
Ваш А.Э. Шмидт

(добавлено фиолетовыми чернилами вверху письма: «24/XII. Письмо залежалось. Шлю наилучшие пожелания к Новому году АЭШ)

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 29–30об.)

№ 14

Почтовая карточка

Ташкент

19/I 1929

Глубокоуважаемый

Александр Николаевич!

На днях имел удовольствие прочесть в газете, что Вы избраны действительным членом Академии Наук¹, по какому поводу и спешу принести Вам свое поздравление и наилучшие пожелания. Прошу также передать мой привет и поздравления Раисе Григорьевне. А. Шмидт.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 31)

№ 15

Ташкент

20 / I / 28

Дорогой Александр Николаевич.

Только сегодня, в день «пятничный», смог наконец собраться, написать Вам (я, как и Вы, письма пишу пачками!). Спасибо за Вашу открытку от 21/XI 27 и за Ваши благопожелания. Мы все здоровы и невредимы; мой Эдя пытается претворить в преподавании те сведения, кои приобрел под Вашим руководством, он летом женился, т[ак]что теперь оба мои сына уже живут своими семьями, и начинаешь чувствовать, что надвигается что-то, именуемое старостью. Лично я работаю в условиях, подобных тем, что рисуются в Инджиле²: <нрзб.> меня другие и ведут меня туда, куда мне итти не хочется, т.к. сижу я на ненавистной мне административной работе и лишь урывками могу заниматься «своим»

¹ Самойлович был избран действительным членом АН СССР (по Отделению гуманитарных наук (востоковедение-тюркология)) 12 января 1929 г.

² Инджиль (*араб.* – Евангелие) – по мусульманскому преданию, текст первоначального Евангелия, ниспосланного Аллахом пророку Исе.

делом. Несмотря на массу с этим связанных хлопот, все же душевным отдыхом для меня было редактирование сборника в честь Бартольда¹. Кстати, Вы пишете, что Вы в этот сборник «не были допущены»; если Вы захотите быть объективным, то Вы должны будете признать, что в этом заявлении Вы не правы. Ведь если бы Вы выразили желание принять участие в этом сборнике «туркестанских работников», то, конечно, Вы встретили бы полную готовность включить в сборник и Вашopus, но Вы ведь об этом и не заикались. Зарубин² это сделал, и его статья была, как Вы сами знаете, включена. Вы не получили приглашения участвовать в сборнике, это правда, но ведь по самой идее к участию в сборнике приглашались лишь фактические «местные» работники, в среде которых и возникла самая идея о сборнике, те местные работники, к работам которых, даже неудачным, Бартольд всегда относился внимательно, хотя и с иной раз уничтожающей критикой, и с которыми он за всю свою академическую жизнь не порывал связи. Вы, как человек объективный, должны будете признать, что при таких условиях «приглашение» к участию не могло выходить за пределы Туркестана. Хочется верить, что Вы, в виду этого, не восприняли и не ощущаете «неприглашение» Вас, как некоторое недостаточно внимательное к Вам отношение. Вы знаете, прекрасно знаете, как Вас здесь ценят, и Вы, конечно, помните, как я, в бытность Вашу проездом в Ташкенте (кажется, в 1921 г.) пытался соблазнить Вас на участие, хотя бы эпизодическое, в работе нашего тогда еще Восточного Института. Соблаз-

¹ Имеется в виду: *عقد الجمان* В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели / Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Бетгера. – Ташкент, 1927.

² Зарубин Иван Иванович (1887–1964) – российский, советский иранист. Основоположник научного таджиковедения и памироведения. В 1918–1934 гг. – заведующий отделом мусульманских народов Средней Азии Музея антропологии и этнографии.

нить Вас, несомненно, не удалось, и нам пришлось искать других выходов; подвернулся безвременно погибший П.А. Фалев, год у нас поработал, с большою для нас пользою, но, увы! погиб. Два года к нам ездил С.Е. Малов, а в этом году тоже уже не приехал. Поэтому мы к Вам и направили Юдахина и нашего Эдю, чтобы они в промежутках между возможными наездами Питерских туркологов могли вести работу, постепенно учась и вырастая к самостоятельной деятельности. Я, впрочем, все еще не потерял надежды на то, что Вы как-нибудь прочтете у нас эпизодический курс; ведь Вы умеете заинтересовать аудиторию, слышал об этом и от моего Эди, и от Юдахина. Мы даже в обиде на Вас, что Вы при Ваших последних поездках в Туркестан не заезжали в Ташкент; помимо дел и интересов факультетских, мы с Верой Юлиевной Вас кажинный раз поджидали, но, увы, напрасно. Ведь годы идут, долго ли мне еще осталось небо коптить, а потому всегда так болезненно хочется видеть еще лишний разок тех, с кем тебя связывают давнишние узы, а с Вами-то мы знакомы, ух, как давно! Загадкой для меня осталась фраза в В[ашем] письме: «сделанный мною из этого (т.е. «неприглашения» к участию в сборнике) вывод уже осуществляется мною на практике». Какой Вы из этого сделали вывод? Как Вы его осуществляете? Мне было бы очень обидно, если бы Вы сделали из всего этого иной вывод, чем тот, который вытекает из вышесказанного, т.е. что ничего враждебного к Вам в этом неприглашении не было, да и не могло быть, порукой тому Вам должно служить то, что я был редактором.

Ну, вот я и <нрзб.> все, что меня мучило со времени получения Вашей открытки; не выношу никаких недосказанностей и неопределенностей.

А теперь разрешите перейти к тому, что непосредственно заставило меня сегодня взяться за перо. С большим запозданием до нас из Питера дошло све-

дение о том, что Вы праздновали недавно двадцатипятилетие Вашей научной деятельности. Хотя и с запозданием, но из-за этого нисколько не менее искренно приветствую Вас по этому случаю и желаю Вам еще долгого и безмятежного жития на пользу науки и к удовольствию Ваших друзей и близких. Много Вы поработали за этот срок; если был бы способен к зависти, то позавидовал бы Вам, потому что моя жизнь материально складывалась всегда как-то так нелепо, что научная работа оставалась лишь каким-то десертом после обильного и невкусного обеда! Как много начатых у меня работ! Многие уже потеряли свое значение, ибо те уж темы исчерпаны другими! Но не будем об этом говорить, ибо сказал Эней, парень «моторный»: *Infandum jubes renovare dolorem!*¹... Да ведь и не о себе хотел говорить, а о Вас. Итак, ждем от Вас паки и паки новых работ! Б[ыть] м[ожет] раскачаетесь и на эпизодический (наша машинистка раз написала «эпизоотический») курс у нас на Востфаке, если только он будет еще жив, ибо ходят какие-то зловещие слухи о том, что его будто бы хотят закрыть или как-то с чем-то слить! Вот уже 8 лет веду борьбу за существование факультета и, должен сказать, устал, пусть теперь работают и борются другие! Обидно было бы быть свидетелем удушения своего детища, но если так судил рок, что против этого сделаешь. Хорошо было бы, если бы Вы, Питерцы, нас поддержали хотя бы морально.

327

Но я уже злоупотребил Вашим вниманием и Вашим зрением, и посему прощаюсь! Искренний привет от В.Ю. и меня Вам и Раисе Григорьевне и Вашему сыну. Ваш А.Э. Шмидт.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 32–35об.)

¹ Неполная цитата из «Энеиды» Вергилия: *Infandum, regina, jubes renovare dolorem* («Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица»).

№ 16

Отв 23-I-29

Ташкент 6/I 29

Дорогой Александр Николаевич.

Давно собирался писать Вам и поздравить Вас с избранием в академики. Примите уж мои искреннейшие поздравления по сему поводу, а равно и всяческие благопожелания к Новому Году для себя и для Ваших присных.

А затем (арабы и другие мусульмане говорят ¹ *أما بعد*¹, в ср[едние] века и даже в недавнем прошлом в Германии писали P.P. [=Praemissis Praemittendis]) разрешите обратиться к Вам по следующему делу. Видите ли, в среде наших преподавателей возникла идея о необходимости продвинуть М.Ф. Гаврилова, ныне доцента, в профессора. Т[ак] к[ак] у нас он, замест[итель] профессора, руководит кафедрой, за отзывом о его работах и научных достоинствах факультету придется обратиться в Ленинград, в первую очередь к Вам, б.м. и к Малову, чтобы иметь 2 отзыва, и вот мне поручили осведомиться сначала частным образом у Вас, как Вы лично к этой идее или затее относитесь? Положительно или отрицательно? Не откажите мне сообщить это пока что в порядке конфиденциальном (*quite private and confidential*), дабы факультету знать, стоит ли поднимать этот вопрос. Работы Гаврилова для оценки Вам будут посланы, если Вы согласны взять на себя труд дать отзыв о них. Буду ждать Вашего ответа.

Долго ли вы пробыли в Кисловодске и как отдохнули? Я лично, несомненно, хорошо подкрепился там. Здесь мне теперь тоже легко: отпали все административные функции и могу опять немного покопаться

¹ Выражение, используемое арабами в письменной речи для перехода от традиционных приветствий к сути дела.

в книгах и в своих собственных материалах и довести до конца некоторые ранее начатые работы. Только теперь осознал, какую, в сущности, я нес адскую работу в течение истекших восьми лет! Пора отдохнуть, как полагается дедушке, внук и внучка растут и тем самым напоминают о неизбежном приближении старости, от которой пока что все же хотелось бы отвертеться. Мой Эдя усиленно работает; пока что у него очень много времени уходит на подготовку к лекциям и на оформление читаемых курсов; в будущем году будет легче. Я все убеждаю его не закапывать и не хоронить случайно наклеивающиеся материалы, да никак пока не могу справиться с его застенчивостью. В частности, как он мне говорил, ему удалось установить ряд мест, из Махмуда Кашгари¹, неправильно переведенных Brockelmann'ом², я ему советую свои по этому поводу соображения направить либо в ZDMG³, либо в <нрзб.> или Der Islam⁴, но он что-то отмахивается от этого, а я думаю, что это было бы правильно, ибо мне почему-то кажется, что новоявленные германские туркологи (бывшие арабисты, сменившие арабистику на туркологию лишь во время мировой войны) плавают не очень глубоко, и указывать им их ошибки небесполезно. Будет ли Эдин сынок тоже туркологом, не знаю, но в окружении туркологической

¹ Махмуд ал-Кашгари (ок. 1029–1101 или 1026) – тюркский филолог и лексикограф. Самое известное сочинение ал-Кашгари – «Собрание тюркских наречий» («Диван лугат ат-турк»).

² Броккельман Карл (1868–1956) – немецкий арабист и семитолог. Работал профессором в университетах Бреслау, Кенигсберга, Галле и Берлина. Главное сочинение – библиографический справочник «История арабской литературы».

³ Zeitschrift der Deutschen morgenlaendischen Gesellschaft (ZDMG) – журнал Немецкого общества востоковедов. Издается с 1847 г.

⁴ «Der Islam» – один из старейших исламоведческих журналов в мире. Основан в 1910 г. немецким исламоведом Карлом Генрихом Беккером (1876–1933). В настоящее время печатается издательством «Walter de Gruyter» в Германии.

библиотеки отца (живут они в одной комнате) чувствует себя прекрасно.

Вера Юлиевна шлет привет Вам и Раисе Григорьевне, ей, собственно, более всего солоно приходится от того, что она бабушка. Мой младший сын служит, его жена теперь тоже поступила стажером на службу (она кончающая курс экономистка), и вот В[ере] Ю[лиев]не и другой бабушке приходится поочередно дежурить у внучки, пока родители на службе; два-три раза в неделю ее утром приносят к нам, и тогда в нашу квартиру, где мы, старики, живем в полной тишине, врывается опять молодая жизнь. Забавны эти малыши, начинающие из зверюшек превращаться в человечков!

Слышал, что Вы ездили в Казань на съезд. Как протекало сие событие? Каковы результаты? Здесь меня вовлекли в обсуждение вопроса о латинизированном алфавите для таджиков, а затем помоями облили в газете за то, что я не отстаивал фитратовского проекта¹, навязывавшего таджикам приноровленный для турецких языков алфавит. Интересно, на чем остановился казанский съезд. Если будете писать, напишите об этом.

На этом и кончу

Ваш А.Э. Шмидт
(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 36–37)

330

№ 17

Ташкент 24/II 29

Дорогой Александр Николаевич.

Спасибо за Ваше письмо, которое застало меня больным в постели, чем и объясняется такое запоздание с моим ответом.

¹ Фитратовский проект – имеется в виду проект основанного на латинице таджикского алфавита, авторами которого были узбекский историк и филолог А. Фитрат (1885–1938) и А.А. Семенов.

С Вашей точкой зрения на необходимость с большой осторожностью замещать кафедры в русских вузах в наших турецких республиках я вполне согласен; сам я поэтому к этому вопросу относился и отношусь с осторожностью, и если от нашего факультета исходили одно-два менее осторожных представления к профессуре, отклоненные в центре, то у нас они проходили против моего желания, под давлением большинства. В особенности это, конечно, приходится отнести к кафедре туркологии, ибо среди нарождающихся у нас, в Узбекистане, туркологов все же еще довольно много немотивированной ничем самопереоценки, которой необходимо иметь возможность противопоставить действительно солидный научный авторитет. Исход, предлагаемый Вами для проведения на профессора М.Ф. Гаврилова, мне представляется вполне целесообразным и удачным, я, конечно, не компетентен судить о научной квалификации Гаврилова как турколога, но он мне всегда представлялся больше этнографом, и освежить теоретические познания ему, конечно, было бы полезно; о необходимости представления несколько более солидной, типа диссертации, работы я и сам думал. Таким образом, все могло бы пройти к общему удовольствию, если бы коллеги послушались меня и, не внося вопроса официально в цикловую комиссию, дождались Вашего частного отзыва: Гаврилов взял бы командировку в Ленинград, написал бы работу, и представление его прошло бы без всяких шероховатостей. К несчастью, с этим вопросом сочли нужным торопиться, а, как известно, *العجلة من الشيطان*¹! Председатель этнографического цикла, видя, что лингвистический цикл этого вопроса не поднимает,

¹ Поспешность – от шайтана (*араб.*). Часть хадиса: «Осмотрительность – от Аллаха, а поспешность – от шайтана» (приведено у ат-Тирмизи).

даже хотел поднять его в этнографич[еском] цикле, т.е. провести представление на лингвистическую кафедру через этнографич[еский] цикл! Мне все же удалось убедить его, что вопрос может идти только через лингвистич[еский] цикл; там вопрос был поставлен, было постановлено через уч[еный] сов[ет] направить представление в центр, мне же было поручено снести прежде всего с Вами, а затем с Маловым (ему я еще не писал) и запросить, согласились бы ли Вы дать свой отзыв о Гаврилове. Теперь, когда вопрос уже официально прошел через цикл при участии представленного в нем студенчества, реализация Вашего предложения уже сложнее: она может привести к некоторым уколам самолюбия! Не знаю, как поступили коллеги, кто и как сказал Гаврилову о необходимости «доквалифицироваться», я стою теперь далеко от всех факультетских дел. Торопыге – инициатору я сообщил о Вашем письме; он очень смущен и кается, что не послушал моего совета. Б.м., придется дать делу законный ход, не осведомив Гаврилова о Вашем отзыве (пока о нем знают только два председателя циклов, да я), считаясь с возможностью, вернее неизбежностью, получения от Вас и Малова в официальном порядке того отзыва, к[о]т[о]р[ый] Вы сообщили мне в частном письме, но, повторяю, я не знаю, как дело будет направлено дальше, не сочтут ли, б.м., более целесообразным приостановить официальное продвижение вопроса до выполнения им тех условий, о которых Вы пишете.

Огорчен Вашим пессимистическим настроением в связи с избранием в академию; надеюсь, оно пройдет и Вы разовьете свою научную работу¹, уже будучи не связаны необходимостью читать лекции. Должен сказать, что и мне эта педагогическая деятельность

¹ Сноска Шмидта (крестик): На славу русской туркологии ولو كره البراءة.

стала тягостной; в этом году, в связи с переходом на опять «новые» учебные планы, у меня всего 6 лекций, чем много доволен, хотя это и бьет меня по карману, т.к. кроме Университета нигде не работаю и от административной работы в САГУ отошел. Подал заявление о назначении мне пенсии и вот жду результатов.

Зима у нас в этом году страшно лютая: все еще лежит снег; мороз. Соскучился по теплу и солнцу. Вера Юлиевна и Эдя шлют Вам и Раисе Григорьевне искреннейший привет, к которому присоединяю таковой же и от меня.

С пожеланиями всего наилучшего.

Ваш А.Э. Шмидт

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 39–40об.)

№ 18

333

Почтовая карточка

Ташкент, 5/IV [29]

Дорогой Александр Николаевич.

Получил Вашу открытку от 20/II и очень благодарен Вам за то, что Вы так просто и целесообразно разрубили создавшийся гордиев узел. Заинтересованное лицо, до которого ничего не просочилось о нашей с Вами переписке, видимо, очень разумно и спокойно восприняло это и пока что решило своего curriculum vitae не подавать. Шлем всей семьей Вам и всем Вашим наш весенний привет, обвеянный цветущим урюком, персиком и т.д. Уверен, что молодой академик останется старым ученым.

Ваш А.Э. Шмидт.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 42)

№ 19

Ташкент 2/ XI 1930

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

У Вас в Ленинградском Университете на Географическом факультете, на старшем курсе, учится дочь нашего профессора-зоолога Д.Н. Кашкарова¹ (большого приятеля покойного акад[емика] Сушкина²), Инна Данииловна Кашкарова. Если не ошибаюсь, как раз теперь ей придется (или приходится) принимать участие в Вашем семинаре, так что Вы сможете себе составить представление о достоинствах этой Вашей слушательницы. По-видимому, она девица не без способностей, сугубо книжная и своими занятиями серьезно интересующаяся. Так вот, ее отец очень хотел бы, чтобы она как-нибудь устроилась в Ленинграде после окончания курса; не знаю, насколько это вообще возможно и насколько Вы сочтете ее подходящей для того, чтобы ее пристроить в каком-либо учреждении у Вас (она специализуется по туркологии и языком, кажется, уже владеет). Быть может, она сама сумеет выявить себя своими занятиями в Вашем семинаре, хотя она крайне застенчива. Обращаюсь к Вам с этой просьбой по просьбе ее отца, человека вполне достойного и в своей специальности достаточно поработавшего и работающего. Если Вы сможете что-н[ибудь] сделать в этом направлении, то буду Вам очень благодарен, а если нет, то в обиде не буду, хотя отец этой девицы и будет очень огорчен.

334

¹ Кашкаров Даниил Николаевич (1878–1941) – советский зоолог и эколог. В 1920-е гг. возглавлял созданную им кафедру зоологии САГУ.

² Сушкин Петр Петрович (1868–1928) – русский и советский зоолог. Академик АН СССР (1923).

Жду от Вас сведений о судьбе посвященного Игнатию Юлиановичу тома ЗКВ, в частности, о судьбе моей статьи. Хотелось бы видеть ее в печати.

Как живете-можете? Небось, у Вас слякоть и холод. У нас, правда, тоже уже прохладно (днем в тени не выше 10 по Реомюру), погода солнечная, ясная. От В.Ю. и других членов моей семьи искренний привет Вам и Раисе Григорьевне. Примите привет и от

Вашего А.Э. Шмидта
(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 43–44об.)

№ 20

Ташкент 14/X 30

Дорогой Александр Николаевич.

Спасибо за привет, переданный нам Кс[енией] Изм[айловной] Моисеевой-Кейзер¹, которая встречалась с Вами в Кисловодске. Пишу Вам в Питер в расчете на то, что Вы уже в конце сентября туда вернулись. Туркологический кабинет Вы застали уже осиротевшим; как невыразимо жаль, что нет больше Василия Владимировича². Для меня всякая мысль о нашем отечественном востоковедении как-то неразрывно связана с представлением о Василии Владимировиче. Как-то обидно, что последние годы его жизни, помимо тяжелой потери, понесенной им в лице покойной Марии Алексеевны³, были омрачены незаслуженной травлей некоторых кругов.

На ком теперь будет лежать редактирование V тома Записок ныне покойной Коллегии Востоковедов? Меня, между прочим, естественно, интересует судьба моей статьи, корректуру которой В[асилий] Вл[адимирович]

¹ Моисеева-Кейзер Ксения Измайловна – жена зоолога Н.А. Кейзера.

² Имеется в виду Василий Владимирович Бартольд.

³ Бартольд Мария Алексеевна (1868–1928) – сестра ираниста В.А. Жуковского и жена В.В. Бартольда.

по соглашению со мной поручил В.И. Беляеву¹. Будет ли допечатан до конца этот том и когда можно надеяться на его выход и на получение оттисков?

Как Вы довольны своим пребыванием в Кисловодске? Отдохнули ли хорошенько? И как чувствует себя Раиса Григорьевна? Мы все, слава богу, здоровы, Вера Юлиевна чувствовала себя летом не совсем хорошо: и жару она что-то плохо переносила, да и утомилась за зиму, так что я ее, так сказать, запаковал в международный вагон и отправил в Москву, откуда она должна была предпринять поездку по Волге. Но в Москве ее запугали, наговорив с три короба о плохом питании на волжских пароходах, т[ак] что она по Волге не поехала, а недели 3 ½ отдыхала в Москве. Приехала она хорошо отдохнувшей в начале августа. Теперь она, правда, опять уже успела утомиться. Ввиду несколько осложнившихся условий питания теперь ни один из сыновей не держит прислуги, а в связи с этим внучка совсем переселилась к нам, что, конечно, ложится довольно ощутимой обузой на В.Ю-ну; да и соседвнука приходится зачастую брать на свое попечение, когда родители оба одновременно уходили из дому. Пока мы брали готовый обед, это было еще ничего, но это удовольствие с месяц тому назад прекратилось (мы получали обед из закрытой столовой ныне ликвидированного окр. исполкома). Столовая перешла к УзЦИКу; сегодня мне удалось получить временное разрешение на пользование обедами из этой столовой; хочу поискать среди более высокопоставленных персонажей УзЦИКа какого-либо знакомого, который мог бы достать мне постоянное разрешение. Все эти

336

¹ Беляев Виктор Иванович (1902–1976) – советский арабист. Ученик А.Э. Шмидта и И.Ю. Крачковского. В 1926–1929 г. был практикантом в Азиатском музее (г. Ленинград). В 1942–1945 г. находился в эвакуации в Ташкенте. В указанный период помимо Института востоковедения АН СССР работал в САГУ и Институте истории и археологии АН УзССР.

сведения для Вас, конечно, мало интересны; сообщаю их через Вашу голову Раисе Григорьевне, которая сумеет оценить их значимость для нас, в частности для В[еры] Ю[лиев]ны.

Наш *ci-devant*¹ Востфак окончательно преобразован в Педфак, на котором преподавание языков имеет лишь подсобное значение. В связи с этим количество часов, отводимых на местные языки, сильно сокращено. Наш новый декан, некий Муратов, быть может, ведомый Вам, бывший студент ФОН'а САГУ, к тому же привлек к преподаванию языков ряд националов из рядов нашего же студенчества, так что у прежних преподавателей, штатных, число часов значительно уменьшилось, в частности моему Эде остается часов всего на 110 рб. в месяц, на что теперь, конечно, прожить невозможно. Определилось это, к сожалению, только во второй половине сентября, когда уже поздно было подыскивать себе лекции в других учебных заведениях. Мне оставлен небольшой спец. курс: «Арабские элементы в узбекском языке», при 60-и часах во 2-м полугодии на VI сем[естре] (курсе), за каковое удовольствие буду вознаграждаем наравне с нашей уборщицей 50-ю рублями в месяц. С пенсией вместе это составит 230 рублей, что тоже не особенно густо.

Если бы не квартира в Университетском общежитии, я бы отказался от этого курса. Правда, меня вряд ли могут выселить, но попытки могут быть, а все такие неприятности страшно влияют на настроение. И то на днях дирекция САГУ приказала мне очистить одну комнату для аспиранта Идрисова (он же студент, он же преподаватель нашего педфака). Пришлось мне обратиться к прокурору, который это распоряжение объявил явно незаконным и в своей резолюции постановил привлечь замдиректора по хоз[яйственной] части

¹ *Ci-devant* (*фр.*) – бывший (букв. «до того»).

к уголовной ответственности, если он попытается привести в исполнение свое распоряжение. Все кончилось благополучно, но для нас, перешагнувших в седьмой десяток, такие волнения никогда даром не проходят. Ну, да черт с ними.

Онный Муратов пытается и преподавателей других заменить националами. В частности, кафедру истории мусвостока должен будет возглавлять небезызвестный Вам «профессор» Салиев¹, о котором, помнится, Вы отзывались не особенно одобрительно. Семенов и Гаврилов освобождены от заведывания кафедрами иранской и турецкой филологии, но имеющие заменить их националы еще не найдены и не нановбованы. В общем, наш университет, от которого откололись технический (инженерно-мелиоративный) и сельскохозяйственный факультет (ныне САХИПИ² и САСХИ³), физмат которого закрыт, объединенный с Педфаком, частью же претворившись в Химический факультет и самостоятельный Технологическ[ий] Институт, производит впечатление разлагающегося трупа, притом весьма скверно пахнущего, скверный запах которого идет, конечно, как всегда от головы, в данном случае от ректора-директора Сегалья⁴, бывшего Казанского ректора. Это – юрист, б.м., бывший присяжный поверенный, очевидно, карьеры ради присосавшийся к партии, человек никчемный, партии ничего дать не могущий и своими действиями ее только компрометирующий.

338

¹ Салиев Пулат Маджидович (1882–1938) – основоположник узбекской научной школы средневековой и новой истории Средней Азии.

² Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт (САХИПИ) – организован на базе технического факультета САГУ в 1929 г.

³ Среднеазиатский сельскохозяйственный институт (САСХИ) – создан в 1929 г. на базе сельскохозяйственного факультета САГУ.

⁴ Сегаль Моисей Абрамович (1891 – ок. 1945) – ректор САГУ (1930–1931).

Но, кажется, я довольно уже нагромоздил всяких ужасов, а потому лучше кончу сию цидулю. Жалею, что живу не в Питере, или, вернее, что Академия Наук не в Ташкенте: она, наверно, не отказалась бы оградить жилище своего члена-корреспондента от всяких посягательств: таковые могут ведь повториться.

Вера Юлиевна и оба сына шлют искренний привет Вам и Раисе Григорьевне, к каковому привету присоединяю и свой, не менее искренний.

Ваш А.Э. Шмидт والسلام

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 46–49об.)

№ 21

Ташкент 7/XII 30

Дорогой Александр Николаевич.

Ваше письмо получил неделю тому назад. Большое спасибо за любезную готовность оказать посильное содействие студентке Кашкаровой.

Искренно соболезную Вам в Вашем «бездровии»; не знаю, что я стал бы делать в Вашем положении: я так избалован теперь теплом и солнцем, что даже здешнюю зиму переношу с трудом; воображаю, как я чувствовал бы себя на севере! Неужели и у Вас такой топливный кризис? У нас он в самом разгаре, но все же некоторым количеством саксаула и угля мы обеспечены, должно хватить на самые холодные зимние месяцы, если не слишком расточительно топить. Стало и у нас холодно: температура днем на 0, перепадает снег, словом, скверно и мерзко, если ко всему этому присоединить еще непролазную грязь.

У меня некоторый перелом в карьере: включенный было в учебные планы педфака курс «Арабские элементы в узб[екском] языке» упразднен (по существу, в данной конкретной обстановке это правиль-

но), и вот я совершенно выбыл из Университета, т.е. не читаю никакого курса, хотя пока что не выходил в отставку. Имею в качестве основной базы пенсию (180 рб). Привлекли меня к работе по организации Таджикского Госуд[арственного] Научно-Исследовательского Института; поработал и заработал кое-что, и теперь хотят меня во что бы ни стало пришить к Ин[ститу]ту в качестве действительного члена с обязательством переехать будущей осенью в Дюшанбе, ныне Сталинабад. По зрелом размышлении я согласился и, как по закону полагается, от пенсии отказался. Это дало мне возможность через года 2–3 получить пенсию по значительно высшему окладу, присвоенному моему новому званию, а главное, это, б.м., даст мне возможность более интенсивно заниматься своею научною работою, хотя бы и лишь для повышения своей квалификации; впрочем, обещают возможность печатать и издавать. Таджикистан теперь в моде; б.м., это все и выйдет так, как мечтают представители Тадж[икского] правительства. Поживем, увидим, что из всего этого выйдет.

Вышел только что учебник узбекского языка, коллективный труд нескольких лиц (под редакцией М.Ф. Гаврилова), в котором моему сыну было поручено составить грамматический очерк¹; Вы книгу вскоре получите и, подобно мне, вознегодуете на Узгиз², не нашедший нужным позаботиться о внешнем виде учебника: отвратительная бумага, неаккуратная брошюровка! О внутренних достоинствах и недостатках судить не берусь; к «коллективным» трудам вообще

¹ Возможно, речь идет о следующем издании: *Громатович К.Д.* Краткое руководство по изучению узбекского языка для кратковременных курсов взрослых европейцев, служащих советских учреждений Узбекской ССР: Составлено латинизированным алфавитом / Под ред. М.Ф. Гаврилова. – Ташкент, 1928. За 1928–1929 гг. вышло четыре издания книги.

² Узбекское государственное издательство (Узгиз).

отношусь скептически. – В[ера] Ю[лиев]на и сыновья шлют искренний привет Вам и Раисе Григорьевне. Присоединяю и свой привет купно с наилучшими благопожеланиями.

Ваш А.Э. Шмидт والسلام

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 51–51об.)

№ 22

22 / V¹

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Уезжая в отпуск, Вас[илий] Влад[имирович] поручил мне озаботиться тем, чтобы «приложение» к журналу начало принимать реальную форму. Он говорил мне, что Вы имели в виду кое-что предложить. Не откажите, пожалуйста, написать мне, что именно Вы имеете в виду, и когда Вы могли бы «оное» представить. – Как живете-можете? Небось, хорошо у Вас в Крыму, не то, что здесь. А у нас после жаркой Троицы опять наступили было холода, теперь опять потеплело. Желаю Вам успеха во всех Ваших летних планах и начинаниях и – прошу по возможности безотлагательно сообщить о Ваших предположениях насчет пресловутого «приложения»

Всего хорошего.

و السلام

Ваш А. Шмидт

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 53–53об.)

341

¹ Год не указан. Не позднее 1930 г.

№ 23

20/X 35

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Простите, что с таким запозданием отвечаю на В[аше] любезное письмо от 6/ IX; хотелось предварительно установить, есть ли в описываемом памятнике те элементы, на которые Вы обратили мое внимание в Вашем письме. Для этого сделал выборку – всего 110 слов, среди них 15 из числа тех, что приведены Вами в Вашей статье в сборнике Мир Али Шир¹ как характерные для уйгурско-кыпчакского литературного языка. Под каждым словом привожу его же в составе целой цитаты с соответствующей цитатой из арабского подлинника. Привожу ссылки и на ряд других памятников старой средне-азиатской турецкой литературы.

342

Есть ряд старых уйгурских слов, есть и такие, что получили права гражданства в чагатайском языке. «Аллах» всюду передается через *تتكري*², а *رب*³ через *ايدي*⁴; *رسول*⁵ через *يلاقچ*⁶, а *نبي*⁷ через перс. *بيغامير*. Исходный падеж на *دا* [من عندالله - *تنكري قاتيندا*]⁸ встречается в виде исключения наряду с более обычным на *دين*. Формы *تيلايور* и *سقلايور*⁹ употребляются вполне последовательно.

Необычными мне показались формы *بياينкиز جاغاتكى* и *اويونكجا غاتكري*, *الغينجا غاتكري* рядом с обычными *اتيغينجا* и *تيكينجا*. Глаголы *ايماق* и *ايتماق* череду-

¹ Мир 'Али-Шир – прозвище среднеазиатского тюркского поэта и философа Алишера Навои (1441–1501).

² Тенгри – имя верховного божества у ряда народов Евразии тюркско-монгольского происхождения.

³ Господь (араб.).

⁴ Господин, Господь (уйг.).

⁵ Посланник (араб.).

⁶ Зд.: Посланник Бога (уйг.).

⁷ Пророк (араб.).

⁸ Букв.: перед Богом.

⁹ Хранит и молится (уйг.).

ются. Имеется налицо чередование $ذ$ и $ی$: اویماق و اودماق. Рядом с формами اذاق , اذاق قیاش لیق имеется قیاش لیق (родство; у <нрзб.> قذاش родственник; Кудатку билик¹ – قداش, друг). В одном месте арабское جعلنا передано через قیلدوق بیز². Глагола اوماق и имени اوغان в памятнике не нашел; есть (б.м. не связанные с ними) اونماق و اوناماق в значении «мочь», быть в состоянии; последнее, вероятно, нужно читать اونماق (اكر اونسالار); у Малова, Ибн Муханна³, 233 اونماق = б[ыть] возможным. Чистый – передается через اریغ, но есть производный от اری глагол اریتماق – очистить (کیم اریتورلار اورلارینی) наряду с اریغ قیلماق и اریغایماق [Араб филолог اولغیماق (стр. LXXXIV, <нрзб.>)].

Так как статью должен был приготовить к 1/X, я по необходимости ограничился столь небольшим контингентом слов, но печатание, видимо, откладывается ad calendae graecas⁴, т.к. и шрифтов необходимых здесь нет; если найдете целесообразным, можно составить полный словарь всех встречающихся слов, но, думаю, что это вряд ли необходимо; пополнить сделанные выборки еще возможно большим количеством слов я во всяком случае собираюсь в ожидании движения воды.

Приходится сожалеть, что перевод дословный и дает перевод отдельных арабских слов, в лучшем случае небольших групп арабских слов, в падежах, соответствующих арабскому подлиннику и его синтаксису. Лишь изредка переводчик дает «перевод по-турецки» небольших групп арабских слов, вместо того чтобы изложить то, как это он делает всюду, по-араб[ски] же, но только турецкими словами.

¹ Возможно: «Кутадгу Билиг».

² Букв.: Мы сделали.

³ Джамал ад-дин ибн Муханна – арабский филолог XIV в., автор грамматического сочинения «Китаб хилйа ал-инсан ва халаба ал-лисан». Подробнее см., например: Малов С.Е. Ибн-Муханна о турецком языке // Записки Коллегии востоковедов. – 1928. – Т. III, Вып. 2.

⁴ Ad calendae graecas (лат. – до греческих календ) – крылатое латинское выражение. Аналогично русской поговорке: после дожидчика в четверг.

Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется вероятным, что в памятнике представлен смешанный уйгурско-кыпчакский язык с еще, б.м., какими-нибудь другими примесями.

Рукопись, по-видимому, из Хорезма, где, по сообщениям Ибн Баттуты¹, в начале XIV века существовало сугубо религиозное направление, уже значительно ранее там утвердившееся (били плетью за отсутствие на соборной молитве). Нершахи² повествует, что по распространении ислама в Бухаре в VIII в. там читали Коран на персидском языке. Аналогично положение вещей могло иметь место и по приобщении турок к исламу³ *الله اعلام*.

Простите, что, б.м., надоел Вам своим письмом; если же найдете в нем что-либо для Вас интересное, буду очень рад.

344

Передайте привет мой и В.Ю. Раисе Григорьевне и сами примите от нас таковой же.

Ваш А. Шмидт

Лидия Григорьевна ждет не дождется возвращения Уриеля Лазаревича⁴. Если его еще увидите, передайте ему наш привет. См. на обороте.

P.S. За Ваши полезные указания в Вашем прошлом письме очень Вам благодарен; надеюсь, что и впредь, в случае необходимости, не откажете в совете.

Подпись.

(ОР РНБ. Ф. 671. Д. 320. Л. 54–57)

¹ Ибн Баттута, Мухаммад ибн Абдуллах б. Мухаммад ат-Танджи (1304–1377) – арабский путешественник. Автор сочинения «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

² Нершахи, Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар (899–959) – среднеазиатский историк, автор «Истории Бухары» (на арабском языке).

³ Аллах знает [лучше] (*араб.*).

⁴ Нам не удалось установить, о ком именно идет речь.

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ А.Э. ШМИДТА

Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (= III века Хиджры) (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему 'Абдаллаху ибн Тахиру)¹

В лице 'Абдаллаха ибн Тахира, третьего правителя из династии Тахиридов, который номинально от имени аббасидского халифа², а фактически почти совершенно самостоятельно правил Хорасаном в 828 г. – 844 г. (= 213–230 г. хиджры), мусульманские историки, как арабские, так и персидские, сохранили нам облик мудрого и справедливого правителя, не столь часто встречающийся на страницах истории мусульманского Востока. Сжатая биография и краткая характеристика этого, несомненно, выдающегося государственного деятеля эпохи Аббасидов дана K.V. Zettersteen'ом в статье, помещенной в *Enzyklopaedie des Islam*³. Нужно думать, что не толь-

345

¹ Текст статьи печатается по первому изданию: *Шмидт А.Э.* Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры). (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему 'Абдаллаху ибн Тахиру) // Бюллетень Среднеазиат. гос. ун-та. – Ташкент, 1925. – № 8. – С. 127–138. Статья и перевод «Послания» были закончены Шмидтом в феврале 1925 г. В письме к Бартольду Шмидт сообщал: «Вещь, конечно, не серьезная, но так как от меня спешно требовался материал для Бюллетеней, другого ничего не успел» (Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольду // СПБФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 43об.). Статья печатается с учетом правил современной орфографии и пунктуации (в т.ч. при передаче имен собственных). Изменения и уточнения внесены также в библиографию (Примеч. сост.).

² Ал-Ма'муна (до 218/833 г.), ал-Муста'сима (до 227/842) и ал-Васика.

³ *Zettersteen V.K.* Muḥammad b. 'Abd Allāh // *Enzyklopaedie des Islam*. First Edition, I, P. 32. К перечисленным там источникам следует еще прибавить историю Багдада Ахмада ибн Тайфура (современника 'Абдаллаха ибн Тахира, 867 г. = 250 г. хиджры) «Китаб Багдад» (Sechster Band des Kitāb Baġdād von Aḥmad ibn Abī Tāhir Ṭaifūr / Hrsg. und übers von H. Keller. Leipzig, 1908. VI, S. 34; 137 и 174) и Географический словарь Йакута (Kitāb irshad al-arib il ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaquṭ / Ed. by D.S. Margoliouth. Leiden-London, 1907–1927. I, P. 445; II, P. 255).

ко многообразные услуги, оказанные 'Абдаллахом непосредственно аббасидским халифам на поле брани, в борьбе с мятежниками и в упрочении их власти, и его непоколебимая преданность халифу¹ стяжали ему столь громкую славу; несомненно, и его заслуги в качестве правителя, его отношение к широким народным массам управляемой им области создали ему ту популярность, о которой свидетельствуют дошедшие до нас о нем сообщения мусульманских историков.

Личные качества 'Абдаллаха ибн Тахира рисуются дошедшими до нас источниками в очень привлекательном свете. Помимо того, что он был человек для своего времени хорошо образованный, покровительствовавший поэтам и литераторам, он и сам обладал хорошими поэтическими и музыкальными дарованиями. То обаяние, которым он пользовался среди окружавших его лиц, по-видимому, объясняется также мягкостью его характера², ни перед чем не останавливавшейся объективностью и справедливостью³,

346

¹ См.: Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876. VI, P. 283; Sechster Band des Kitâb Bagdâd von Aḥmad ibn Abî Tâhir Taifûr / Hrsg. und übers von H. Keller. Leipzig, 1908, VI, S. 145. См. также ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Ta'rikh al-rusul wa-l-mulûk by al-Ṭabarî, III, P. 1094), где повествуется о неудачной попытке склонить 'Абдаллаха к нарушению верности халифу ал-М'амуну, предпринятой самим халифом, под влиянием наветов ал-Му'тасима, в целях испытания верности 'Абдаллаха.

² Йакут (Kitab irshad al-arib il ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaqut / Ed. by D.S. Margoliouth. Leiden-London, 1907–1927, I, P. 445) повествует о том, что 'Абдаллах за большие деньги купил у рыночного продавца и отпустил на волю горлицу, не будучи в состоянии слушать тоскливого воркования убивавшейся по покинутым птенцам голубки. Вызванное этим случаем настроение 'Абдаллах выразил в сохранившемся до нас стихотворении (Йакут. Kitab irshad al-arib il ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaqut / Ed. by D.S. Margoliouth. Leiden-London, 1907–1927, I, P. 445).

³ Тот же Йакут (Kitab irshad al-arib il ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaqut / Ed. by D.S. Margoliouth. Leiden-London, 1907–1927, II,

сочетавшимися в личной его жизни с широким размахом богатого и знатного вельможи; последнее качество, весьма распространенное вообще среди высших слоев арабско-мусульманского общества времен Омеййадов и Аббасидов, быть может, унаследованное 'Абдаллахом и от предков, принадлежавших к персидской аристократии¹, у него доходило иной раз даже до самодурства².

Р. 256), повествуя о предпринятом 'Абдаллахом расширении и достройке того дворца, который был выстроен в Багдаде еще его отцом Тахиром, приводит следующий эпизод. Задавшись целью закруглить свой участок и отмежеваться от окружающих строений, 'Абдаллах распорядился скупить соседние участки, вклинивавшиеся в его владения, у их владельцев. Один из собственников не захотел уступить своего участка даже за предложенную ему поверенным 'Абдаллаха довольно высокую плату (300 динаров). Тогда этот поверенный добился у казия принудительного отчуждения упомянутого участка, а причитавшаяся за него сумма была отдана на хранение назначенному казием доверенному лицу. Когда пострадавший пожаловался на причиненную ему обиду самому 'Абдаллаху, тот немедленно распорядился вернуть ему его участок, разрушив уже возведенные было постройки, и подверг поверенного своего наказанию за посягательство на чужую собственность. См. также: Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876. VII, P. 9 – рассказ о том, как 'Абдаллах сместил наместника Нашапуре на основании отрицательного отзыва о нем запрошенных им представителей населения.

¹ Его предок правил Гератом и Бушенгом (*Ахмад ибн Халликан*. Вафайат ал-а'йан ва анба' абна' аз-заман. Каир 1310 г.х., I, 226), по принятии ислама стал клиентом арабского племени Хуза'а.

² По сообщаемым у Йакута (*Kitab irshad al-arib il ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaqut* / Ed. by D.S. Margoliouth. Leiden-London, 1907–1927, II, P. 256) сведениям, 'Абдаллах однажды, находясь в своем багдадском дворце, был неприятно поражен запахом дыма, поднимавшегося с соседних домов. Узнав, что неприятный запах объясняется тем, что его соседи для выпечки хлеба пользуются в качестве топлива навозом, 'Абдаллах, пользуясь своим высоким положением, якобы распорядился разрушить у всех соседей печки и выдавать всем жившим по соседству взрослым и детям необходимый хлеб и остальную пищу; при этом он будто сказал: «Было бы признаком моей скупости, если бы мои соседи были принуждены заботиться о покупке хлеба».

Как отмечает акад. В.В. Бартольд¹, это аристократическое происхождение, равно как их положение официальных представителей арабской власти, лишало Тахиридов возможности сделаться выразителями национальных и демократических стремлений коренного населения управляемых ими областей. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что будучи персами по происхождению, и Тахириды, несомненно, входили в круг тех инородческих – персидских элементов, на которые халиф ал-Ма'мун опирался в борьбе со своим братом Амином, при котором в лице вазира ал-Фадл ибн Раби'а на смену Бармекидам выдвинулись опять арабские элементы². Быть может, именно персидское происхождение 'Абдаллаха облегчило ему задачу управления восточной провинцией, населенной иранским населением, и позволило ему, завоевав доверие населения, энергично бороться со всеми теми мятежными элементами, которые восставали против власти аббасидского халифа.

Во всяком случае, в своем стремлении установить в стране порядок и твердую власть 'Абдаллах большое внимание уделял интересам именно коренного населения – земледельцев, заботы о которых нашли себе, между прочим, выражение в установлении им правил водопользования³, изложенных в составленной законоведами по его поручению «книге об арыках», в издании приказа, в котором 'Абдаллах предписывал

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II: Исследование. СПб., 1900. С. 218.

² См. заметки К.V. Zettersteen'а в *Enzyklop. d. Islam* II, 37а-б. Ма'муна обвиняли в склонности даже к шиитству (см.: «Золотые луга» ал-Мас'уди: *Al-Mas'udi. Prairies d'or, texte arabe et traduction française du Muruj al-dhahab par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille*, Paris, 1861–1877, VII, P. 3, 60–61. *Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur* / Ed. S.J.Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, VI, P. 134, 229, 230, 245.)

³ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I: Тексты. СПб., 1898. С. 3; Ч. II. Исследование. СПб., 1900. С. 218.

своим чиновникам защищать крестьян¹. Как отмечает В.В. Бартольд, именно сочувствие к низшим классам привело 'Абдаллаха к идее о необходимости сделать образование и науку доступными для всех².

Но судя по тому документу, о котором речь будет ниже, 'Абдаллах, как правитель Хорасана, должен был заботиться о поддержании хороших отношений и с представителями старой местной иранской знати, которые и после арабского завоевания, как лучшие знатоки местных условий, продолжали сосредоточивать в своих руках местное управление³.

Интересно отметить, что 'Абдаллах ибн Тахир, государственная деятельность которого протекала в правление трех сменивших друг друга халифов, неизменно пользовался полным, непоколебимым их доверием⁴, участь, которой удостаивались немногие из популярных и влиятельных приближенных халифского двора, которой не удостоился и его отец Тахир, несмотря на то что ему, более чем кому-либо другому, халиф ал-М'амун был обязан своею властью⁵. Насколько боль-

¹ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1: Тексты. СПб., 1898. С. 3; Ч. II: Исследование. СПб., 1900. С. 218.

² Там же. См. также: Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, VII, P. 9.

³ См.: Noeldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leiden, 1879. S. 440, 448. См. также: Kremer, Alfred von. Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. Wien, 1875–1877. Bd. II, S. 160.

⁴ См.: Ахмад ибн Халликан. Вафайат ал-а'йан ва анба' абна' аз-заман. Каир, 1310 г.х., I, С. 260–261.

⁵ Очевидно, опасаясь, что такой влиятельный временщик, как Тахир, может оказаться в один прекрасный день очень неудобным и опасным, ал-М'амун, по-видимому, решил избавиться от него, маскируя и оправдывая это свое намерение горькими сожалениями об участи своего брата-соперника ал-Амина, убитого по распоряжению Тахира во время борьбы за возведение на престол ал-М'амуна. Тахир, как человек умный и чуткий, как только почувствовал это, постарался уйти с глаз халифа, добившись через своего друга, вазира Ахмеда ибн Аби-Халида, назначения правителем Хорасана; этот эпизод очень красочно описан у Ахмада ибн Тайфура (Sechster Band des Kitâb Bagdâd von Ahmad

шим доверием и влиянием пользовался ‘Абдаллах при халифском дворе в Багдаде, можно судить хотя бы по тому, что, согласно сообщению арабского географа Йакута, он будто бы смог превратить свой дворец в убежище, в котором всякий, спасшийся туда, пользовался полной неприкосновенностью¹.

Характеристика отца ‘Абдаллаха – Тахира, и других членов этой семьи заставляет думать, что в этой семье создались определенные традиции, руководившие и ‘Абдаллахом в его многосторонней деятельности, и едва ли мы ошибемся, если в том наказе, с которым Тахир обратился к ‘Абдаллаху, когда последний получил назначение на должность правителя, усмотрим тот идеал мудрого и справедливого правителя, к осуществлению которого фактически стремился в своей жизни ‘Абдаллах ибн Тахир. Если мы отбросим те религиозные элементы, те элементы молитвенного славословия, которыми, согласно духу среды и эпохи,

350

ibn Abī Ṭāhir Ṭaifūr / Hrsg. und übers von H. Keller. Leipzig, 1908. VI, S. 29–32) и у других историков (*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari*, M.J. de Goeje’s Classic Edition of *Ta’rīkh al-rusul wa-l-mulūk* by al-Ṭabarī, III, P. 1041–1043; *Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur* / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, VI, P. 255–256). Очевидно, при дворе аббасидских халифов еще свежа была память о коварной расправе халифа Харуна ар-Рашида со своим ближайшим другом Бармекидом Джа‘фаром ибн Йахйей (*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari*, M.J. de Goeje’s Classic Edition of *Ta’rīkh al-rusul wa-l-mulūk* by al-Ṭabarī, III, P. 677–685).

¹ *Kitab irshad al-arib il ma’rifat al-adib or Dictionary of learned men of Yaqut* / Ed. by D.S. Margoliouth. Leiden-London, 1907–1927, II, P. 255; дворец даже назывался «ал-Харим Ал Тахири» т.е. «Тахиридский заповедник»; он был окружен стенами и, видимо, укреплен, ибо еще значительно позднее во время народных смут в Багдаде народ туда сносил свое имущество на сохранение (*Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur* / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, XI, P. 29); пользовались им и как местом заточения (*Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur* / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, IX, P. 443). Дворец этот подвергся разрушению во время сильного наводнения в 615 г. хиджры (*Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur* / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, XII, P. 217).

обильно уснащен этот наказ, то в нем мы несомненно имеем любопытный документ государственной мудрости мусульманского Востока IX/III века, документ, связанный с личностью, сыгравшей видную роль в истории края, часть которого входит в состав Среднеазиатских республик. Ниже мы приводим в русском переводе этот любопытный документ, сохраненный нам современником 'Абдаллаха, историком Абу-л-Фадлом Ахмадом ибн Аби Тахиром Тайфуром, в дошедшей до нас VI-й части его истории Багдада¹.

«Бойся Аллаха единого, не имеющего товарищей, почитай Его, постоянно помни о Нем и избегай Его гнева. Оберегай своих подданных. Держись той душевной чистоты, которой тебя наделил Аллах, памятуя о предстоящей твоей кончине, памятуя о том, к чему ты идешь, на чем ты стоишь и в чем тебе придется дать ответ, и поступая во всем этом так, чтобы Аллах оградил тебя и спас в день Страшного суда от Своего возмездия и мучительного наказания. Поистине, Аллах оказал тебе милости, а тебе вменил в обязанность кротость в отношении тех рабов своих, дела которых он поручил тебе, и обязал тебя быть к ним справедливым, неуклонно держаться в отношении к ним Его истины и Его постановлений, защищать их, оберегать их жен и дочерей, беречь их кровь, обезопасить их дороги и обеспечить им спокойную жизнь. Во всех возложенных на тебя в этом отношении обязанностях Аллах потребует у тебя отчета; Он тебя этому наставит, Он же потребует от тебя в этом ответа

351

¹ Sechster Band des Kitāb Baġdād von Aḥmad ibn Abī Ṭāhir Ṭaifūr / Hrsg. und übers von H. Keller. Leipzig, 1908, VI, S. 36–53; ввиду некоторой недовольствительности издания этого сочинения, текст сличен с изводами, сохранившимися у историков ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Ta'riḫ al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1046–1061) и Ибн ал-Асира (Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876. VI, P. 258–267).

и воздаст тебе должное и за то, что ты исполнишь, и за то, что ты упустишь. Так сосредоточь же на этом помыслы свои и разум, зренье свое и прозорливость и да не отвратит и не отвлечет тебя от этого что бы то ни было, ибо в этом – главная задача твоя, в этом – основа твоей деятельности и это первое, соблюдением чего Аллах сподобит тебя праведной жизни.

Первым, к чему ты себя обяжешь и что ты поставишь во главу угла всей своей деятельности, пусть будет неуклонное соблюдение всего того, что Аллах предписал тебе в отношении пятикратной молитвы¹ и ее совершения соборне с народом² в положенные для нее сроки, с точным соблюдением всех установлений, касающихся предварительного к ней омовения, вступительного к ней поминовения Аллаха, отчетливой рецитации Корана, истового совершения поясных и земных поклонов и произнесения символа веры³. Пусть будут искренни пред Господом твоим твои намерения в молитве; побуждай к ней всех тех, кто с тобой и тебе подвластен, и сам предавайся ей, ибо, как сказал Аллах: «Она побуждает к добру и удерживает от зла»⁴.

352

¹ Пятикратная молитва или, вернее, молитвенный обряд, который в Средней Азии называется персидским именем «намаз».

² Военачальники и наместники, как заместители халифа, несли также и обязанности руководителей (имамов) соборне совершаемой в пятничные дни и в дни больших праздников молитвы; они были, как говорилось, поставлены и «над войной и молитвой» (على الحرب و السلوة).

³ «Ташаххуд», одна из заключительных стадий молитвенного обряда.

⁴ Автор наказа, очевидно, имел в виду процитировать Коран (XXIX:44), но, цитируя, видимо, на память, перепутал этот стих с: Коран (IX:72 и 113; XXII:42, XXI:16); мы придерживаемся сохраненной у самого старого из наших источников (Ахмада ибн Тайфура) неточной цитаты из Корана, повторенной и у ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Ta'rikh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1048); точная цитата Корана (XXIX:44), приведенная в тексте наказа у Ибн ал-Асира (Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J.Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, VI, P. 258) является, несомненно, позднейшим исправлением, даже нарушающим грамматическую связь.

А затем, ко всему этому, придерживайся установлений Посланника Аллахова (да будут над ним благословения Аллаха!) и неуклонно исполняй его предписания и следуй примерам живших после него благочестивых прежних поколений.

Если до тебя дойдет какое-либо дело, то для решения его ищи помощи у Аллаха, в страхе божием и в соблюдении заключенных в Его “Книге” повелений и запретов, разрешений и заповеданий, и в руководстве тем, что повествуется в преданиях о Пророке (да будет над ним благословение Аллаха!), а затем уже твердо стой на том, что будет тобою признано правильным пред Аллахом; и в том, что будет тобою признано желательным или, наоборот, недопустимым, ты уже не уклоняйся от справедливого решения ни ради близкого человека, ни ради дальнего.

Предпочтительное внимание ты уделяй знанию и обладающим им, вере и носителям ее, “Книге” Аллаховой и руководящимся ею, ибо наиболее совершенное украшение человека – познания в вере Аллаховой, стремление к ним, побуждение к ним других и, наконец, постижение тех элементов этих познаний, которыми достигается приближение к Аллаху, ибо вера указывает совершенное добро, ведет к нему, побуждает к нему и удерживает от всякого ослушания и греха; благодаря такому постижению, с помощью Аллаховой, люди прогрессируют в познании Аллаха Всевышнего, в превознесении Его и в достижении высших степеней в жизни будущей; вместе с тем, проявление в тебе пред людьми такого знания заставит их уважать твои приказания, почитать твою власть, привязаться к тебе и уповать на твою справедливость.

Будь умеренным во всех делах, ибо нет ничего более явно полезного, более обеспечивающего невредимость и содержащее в себе более достоинств, чем умеренность: умеренность побуждает к праведности,

праведность является отражением поспешествования Аллахова, а последнее ведет к благополучию. Умеренностью держатся устои веры и руководящие заветы Пророка, а потому во всех земных делах своих уделяй ей преимущественное внимание. Не покладай рук в стремлении к жизни будущей и к награде в ней, к делам добрым, благим заветам и вехам праведности; ведь в благочестии и в стремлении к нему нельзя сделать слишком много, если только им снискивается лицезрение Аллаха, Его благоволение и дружба Его святых в мире Его щедрот.

354

Помни, что умеренность в мирских благах порождает достоинство и страхует от прегрешений, и нет ничего более совершенного, чем ты мог бы оградить самого себя и близких тебе и направить дела свои; если ты будешь придерживаться ее и руководствоваться ею, то и дела свои доведешь до благополучного конца, и могущество свое поднимешь, и будут благоденствовать у тебя и знатные, и простой народ. Устремляйся хорошими помыслами своими к Аллаху (высока слава Его!), тогда и твои подданные станут праведны пред ним; во всех делах ищи приближения к нему, тогда пребудут на тебе его милости.

Никого из тех, кому ты поручишь управление частью вверенной тебе области, ты не тревожь по одному подозрению, не выяснив предварительно его дела, ибо грешно навлекать подозрения на неповинного и давать место дурному мнению о нем. Поставь себе правилом думать хорошо о сотрудниках своих, отгоняй от себя дурное мнение о них и оберегай их от такового, это поможет тебе обращаться с ними и руководить ими. Да не найдет в твоих делах враг Аллахов, шайтан, почвы для клеветы! Ведь ему достаточно небольшой слабости твоей, чтобы навлечь на тебя путем подозрений такое горе, которое отравит тебе сладость жизни твоей. Помни, что в благожелательном отно-

шении к другим ты обретишь силу и покой, при помощи его ты уладишь те свои дела, которые пожелаешь уладить, и вызовешь в людях любовь к тебе и стойкую преданность тебе во всех делах. Но пусть твое благожелательное отношение к твоим сотрудникам и сострадание к твоим подданным не мешают тебе ни прибегать к расспросам и обследованию подведомственных тебе дел, ни вникать в дела правителей и заботы о подданных, ни входить в рассмотрение того, что может упрочить эти дела и дать им надлежащее направление! Напротив того, непосредственное вхождение в дела правителей и заботы о подданных, а равно рассмотрение их нужд и попечение о них пусть в большей степени привлекают к себе твое внимание и почитаются тобой более неотложным, чем все остальное, ибо в этом лучшая поддержка для веры и лучшее осуществление заветов Пророка.

Во всем этом будь искренен и сосредоточься на самовоспитании так, как на нем сосредоточивается тот, кто знает, что от него потребуют ответа в том, что он содеял, что он будет награжден за добрые дела и привлечен к ответственности за дурные, ибо Аллах сделал веру убежищем и источником величия, возвышая и возвеличивая тех, кто ее придерживается, а потому и ты тех, кем управляешь и о ком заботишься, веди путем веры и путем праведности.

Совершивших проступок подвергай наказаниям, в соответствии с их степенями и с тем, что они заслужили; этого не упускай и этим не пренебрегай; и не откладывай наказания заслуживающих наказания, ибо нерадение твое в этом отношении может испортить твое доброе имя; в этих вопросах твердо держись своего решения на основании благих заветов Пророка, и воздерживайся от новшеств и сомнительных положений, тогда и вера твоя останется чиста, и не поколеблется твоя доблесть.

Если заключишь договор, то ты его и держись, если обещаешь добро, его и исполни. Добро принимай и за него отплачивай тем же. Закрывай глаза на недостатки всякого из твоих подданных, обладающего таковыми, и удерживай язык свой от речей лживых и неправдивых; кто говорит таковые, пусть будет тебе ненавистен, а занимающихся клеветой удаляй! Подлинно, если ты приблизишь к себе лжеца и сам осмелишься на ложь, то в этом будет начало расстройства твоих дел, как в преходящем, так и в будущем мире, ибо ложь – начало прегрешений, а неправда и клевета – их завершение. Подлинно, не спасется клеветник, никто не спасется от клеветника¹, но и тому, кто поддастся на клевету, ни одно дело не удастся.

356

Возлюби людей порядочных и искренних, помогай благородным² в меру присущего им права, утешай слабых, крепи родственные связи; притом все это делай ради Аллаха и возвышения Его дела, ища в этом Его награды и жизни вечной. Беги порочных вожделений и несправедливости, отвращай от них свои помыслы, и пусть твоя непричастность к ним будет явна твоим подданным; свое управление ими ты, напротив, укрась справедливостью, и в отношении к ним стойко держись нрава и добрых дел, которые выведут тебя на путь праведный.

Владей собой во гневе, соблюдай степенность и благоразумие; берегись вспыльчивости, легкомыслия и ослепления в том, что ты собираешься делать,

¹ В этом месте текст Ахмада ибн Тайфура, видимо, испорчен и не дает возможности осмысленного перевода; мы в данном месте следовали тексту ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Ta'rikh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1051).

² الاشراف – «Благородные», третья (в нисходящем порядке) степень знати. См.: *Noeldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen*. Leiden, 1879. S. 71.

и берегись ссылаться на то, что “мне, мол, предоставлена полнота власти, и я делаю то, что пожелаю”, ибо это быстро доведет тебя до недостаточной рассудительности и до недостаточно ясного представления об Аллахе, как о Едином, ни с кем Своей власти не разделяющем. Да дарует Аллах и тебе и нам в этом искренние побуждения и правильное о Нем самом представление! Помни ведь, что вся власть принадлежит Аллаху; Он ее дарует, кому пожелает, и отнимает ее, у кого пожелает, и никогда ты не увидишь более быстрого прекращения Его милостей и осуществления Его возмездия, чем в отношении осыпанных милостями носителей власти и наделенных господством, раз они не чувствуют благодарности за милости Аллаха и Его благодеяния и кичатся тем, что Аллах даровал им по благодати Своей.

Отринь от себя любостыжательность, и пусть теми запасами и сокровищами, которые ты припасешь и копишь, будут праведность, благочестие, справедливость, радение об интересах твоих подданных, процветание их страны, попечительное отношение к их делам, охрана их жизни и помощь тем из них, кто потерпел урон. Помни, что богатство не приносит прибыли, когда оно умножается и копится в казне, а, напротив, растет и прибавляется¹ тогда, когда тратится на нужды подданных, на уплату им должного и на освобождение их от забот; вот этим достигается благоденствие народных масс, это служит украшением для правителей², этим достигается процветание эпохи, этим обретается слава и могущество!

¹ Мы читаем так, как у ат-Табари (*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Tārīkh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1052*), – ربت .

² Мы читаем так, как у ат-Табари (Там же), – ولاة .

Сокровищем¹ твоей казны пусть будет расходование средств на процветание ислама и его последователей; щедро удовлетворяй из них законные нужды находящихся при тебе людей, близких повелителю правоверных, и из них же сполна выдавай твоим подданным причитающиеся им доли и заботься о том, что может улучшить их дела и их жизнь. Если ты будешь поступать так, то и для тебя будут обильны милости и ты заслужишь увеличения их со стороны Аллаха; вместе с тем ты, благодаря этому, получишь большую возможность собирать подлежащую сбору земельную подать, устраивать дела твоих подданных и управляемой тобой области, а весь народ, окруженный твоею справедливостью и твоим добрым попечением, с большей готовностью будет тебе подчиняться и с большей охотой будет исполнять твои желания. Так ты заставляй себя в этих отношениях действовать сообразно с тем, что я тебе начертал, и пусть в этом будет велика твоя осторожность, ибо только те материальные средства имеют длительное значение, которые расходуются по своему законному назначению.

Благодарным воздавай добром за их благодарность и награждай их за нее. Берегись, чтобы здешний мир и его соблазны не заставили тебя забыть страх пред миром будущим, дабы ты не отнесся невнимательно к лежащим на тебе обязанностям, ибо невнимательное отношение влечет за собой небрежение, а небрежение ведет к гибели. Дела свои совершай ради Аллаха и в нем, и надейся на воздаяние, ибо Аллах щедро излил на тебя милости Свои и на тебе обнаружил благодать Свою. Ищи спасения в благодарности и на нее уповай, а Аллах еще прибавит тебе добра и благодеяний, ибо Аллах вознаграждает в меру благодарения, возноси-

¹ Мы читаем так, как у ат-Табари (Указ. соч.), – كنز.

мого благодарящими, и в соответствии с добродетельным житием добродетельных, и справедливость осуществляется в расточаемых Им милостях и даруемых Им прямодушии и великодушии.

Не преуменьшай ни одного проступка; не сочувствуй завистнику; не будь сострадателен к порочно-му; не одаряй неблагодарного; не потворствуй врагу; не верь клеветнику; не полагайся на вероломного; не дружи с развратником; не поддавайся влиянию творящего беззаконие; не хвали лицемера; никого не притесняй; бедного, просящего, не прогоняй; вздорных требований не исполняй; не обращай внимания на шута; не нарушай обещания; не воздерживайся от чего-либо из-за гордости; не делай ничего во гневе; не будь горд, не будь надменен; не делай неразумного; не будь нерадив в стремлении к будущему миру; не проводи дней своих в попреках; не закрывай глаз на притеснителя из страха пред ним и не стремись уже в сем мире предвосхитить ту награду, которая тебе суждена в мире будущем.

Побольше советуйся с законооведами и приучай себя к благоразумию. Пользуйся советом людей опытных, умных, рассудительных и умудренных. Не приглашай к себе на совет людей низких и скупых и не слушай их, чего бы они ни сказали, ибо вреда от них больше, чем пользы, и нет ничего, что быстрее может привести в расстройство принимаемые тобою в отношении подданных меры, чем скряжничество. Помни, что если ты будешь любостязателен, то ты станешь много брать, мало раздавать, а раз ты станешь поступать таким образом, то только в редких случаях тебе удастся упрочить свое положение, ибо твои подданные будут верить в твое благожелательное к ним отношение только постольку, поскольку ты будешь воздерживаться от посягательств на их собственность и от насилий над ними; да и привязанность близких

тебе будет длиться в меру оказываемых им благодеяний и хороших подарков. Остерегайся скряжничества и знай, что оно-то и есть первое, в чем человек ослушался Господа своего, а ослушнику предстоит быть посрамлену; это следует и из речения Аллаха Славного и Великого: “Те, которые ограждены от собственного корыстолюбия, достигнут блаженства”¹. Соблюдением права облегчи себе возможность быть щедрым и удели всем мусульманам долю и часть своего внимания, и твердо помни, что щедрость – одно из лучших человеческих деяний; ее ты поставь себе за правило, и практическое осуществление ее в твоей деятельности пусть будет твоею целью.

360

Заботься о ведении войсковых дел в соответствующих управлениях и канцеляриях; назначай войскам обильное содержание и давай им возможность к безбедному существованию, чтобы с помощью Аллаха тем самым прекратилась их нужда, укрепилось их положение, в поддержку тебе, и укрепились их сердца в искреннем, неподдельном² повиновении тебе и преданности твоему делу. Прочность положения правителя вполне обеспечивается тем, чтобы и войска его, и подданные чувствовали милость, выражающуюся в его справедливости, заботливости, беспристрастии, попечительности, сострадательности, благотворительности и щедрости. При двух возможных решениях остерегись того, которое может иметь дурные последствия, выяснив преимущества другого и учтя их в твоём образе действий, тогда ты добьешься успеха, добра и благоденствия.

Затем знай, что судоговорение имеет пред Аллахом такое значение, какого не имеет ни одно другое

¹ Коран (LIX: 9).

² Мы читаем так, как у ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Tārīkh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1055), – انشراثا.

дело, ибо оно представляет собою Аллаховы весы, на которых уравниваются все дела земные, и, при соблюдении справедливости в суде и в управлении¹, – подданные благоденствуют, дороги безопасны, обиженный добивается своего права, все люди получают должное им, жизнь становится прекрасной, кому следует, оказывается должное повиновение, Аллах дарует нравственное и физическое здоровье, вера укрепляется, заветы Пророка и законы соблюдаются, а на основе их соблюдения осуществляется право и справедливость в суде.

Ревнуй о деле Аллаховом, будь воздержан на слова, стремись к поддержанию законности, поменьше торопись, избегай раздражения и волнения, удовольствуйся своим уделом, пусть могущество твое будет твердым и успех твой постоянным. Извлекай пользу из своего опыта, в молчании своем будь бдителен, в речах своих будь прям, относись справедливо к противнику, будь осторожен при всяком сомнении, требуй исчерпывающих доказательств, и да не руководят тобою в отношении кого-либо из твоих подданных ни односторонняя попечительность, ни пристрастность, ни чье бы то ни было осуждение. Будь тверд, действуй без опрометчивости; наблюдай, рассматривай, обдумывай, размышляй и взвешивай. Смирись пред Господом твоим и будь благожелателен ко всем своим подданным. Подчинись сознанию права и не торопись проливать кровь, ибо кровь, проливаемая в нарушении права, имеет великую значимость пред Аллахом.

Смотри, вот, на поземельный налог: подданные неуклонно его уплачивают, а Аллах сделал его для ислама источником славы и величия, для Его последователей источником благоденствия и безопасности, для Его и их врагов – источником страха и гнева, а для неверующих, их союзников – источником позора и уни-

¹ Мы читаем так, как у ат-Табари (Там же), – في القضاء والعمل.

жения; так ты распределяй его по праву и справедливости, на равных и общих началах, между всеми, кто подлежит обложению им; ни в какой мере не освобождай от него ни благородного, ради его благородства, ни богатого ради его богатства, ни писца твоего, ни кого-либо из близких твоих. Не взимай этого налога свыше платежеспособности, не налагай чрезмерных повинностей и ко всем людям относись с соблюдением права, ибо этим более всего вызывается их привязанность и обеспечивается довольство народных масс.

Помни, что, благодаря своему назначению правителем, ты стал казначеем, защитником и пастырем; население управляемой тобой области потому и называется “твоими пасомыми”¹, что ты их пастырь и управитель. Ты взимаешь с них то, что они дают тебе от своего избытка в меру возможности, и тратишь это на укрепление их дела, на их процветание и на вывод их из затруднительных обстоятельств. А для управления ими во главе отдельных округов твоей области поставь людей рассудительных, распорядительных, опытных, знающих податное дело, знакомых с управлением людей праведной жизни² и назначь им щедрое содержание. Это все входит в число твоих необходимейших обязанностей в том, что ты взял на себя и что тебе поручено, и от этого ничего да не отвлечет и не отклонит тебя, ибо если ты этому уделишь предпочтительное внимание и в этом твердо будешь держаться того, что тебе вменено в обязанность, то этим ты заслужишь еще большие милости от Господа твоего и вызовешь благоприятные рассказы о твоей области, привлечешь³ к себе любовь

362

¹ Арабское слово *ra'иййа*, соответствующее русскому «посланный», значит – «пасомые, стадо».

² Мы читаем так, как у ат-Табари (*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Tārīkh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1057*), – العفاف.

³ Мы читаем так, как в дополнениях к ат-Табари ст. DCCLXXI, – اجتررت.

своих подданных и найдешь поддержку в устроении порядка; обильно польются блага на твою страну, цветущее состояние распространится по области твоей, в подведомственных тебе округах обнаружится изобилие, умножится взимаемый тобою поземельный налог и возрастет твое богатство¹, а тем самым ты получишь силы для того, чтобы привязать к себе войско и удовлетворить народные массы, изливая на них свои дары. Благодаря этому ты заслужишь и у врага своего добрую славу своим правлением и справедливостью, и во всех делах своих будешь справедливым, мощным и будешь обладать необходимыми средствами и помощниками. К этому ты стремись, ничего выше этого не ставь, и, если будет угодно Аллаху, дела твои получат наилучшее завершение.

В каждый округ подведомственной тебе области назначь по надежному человеку, который сообщал бы тебе сведения о всех поставленных тобою должностных лицах и писал бы тебе о их поведении и поступках; таким образом ты как бы сам будешь находиться при каждом правителе в его области и будешь как бы очевидцем всех его дел. Если захочешь им что-либо приказать, то предварительно подумай над результатами того, чего ты этим приказом домогаешься: если ты усмотришь в нем безопасность и отсутствие вреда и надеешься добиться им доброй поддержки и искреннего отношения, то дай этому приказу ход, в противном же случае повремени с ним и посоветуйся с людьми прозорливыми и знающими, а затем только осуществляй его с соблюдением соответствующей предосторожности. Ведь иной раз человек посмотрит на какое-либо дело из дел своих и выполнит его так,

¹ Мы читаем так, как у ат-Табари (*Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Tārīkh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1057*), – *اموالك*.

как ему лично хочется, и вводит его это в заблуждение¹ и ослепляет, и если он предварительно не задумается над последствиями, то это обстоятельство его губит, и его дело расстраивается вопреки ему. Будь осторожен во всех своих намерениях, но, испросив помощи у Аллаха, энергично принимайся за их осуществление, и во всех своих делах почаще прибегай к помощи Господа твоего. Дело сегодняшнее заверши сегодня же, не откладывая его на завтра, и почаще принимайся за него сам, ибо на завтра окажутся такие дела и происшествия, которые не дадут тебе заняться сегодняшними делами, отложенными на завтра; помни, что если сегодняшний день пройдет, он унесет с собою все свое, и если ты отложишь его дела, то на тебе будут лежать дела двух дней, и это так отяготит тебя, что ты от них отвернешься; а если ты каждый день будешь завершать падающие на него дела, то тем самым дашь покой и душе своей, и телу, и укрепишь свою власть.

Присматривайся к людям знатым и благородным², и в ком из них доподлинно найдешь чистоту намерений, искреннюю привязанность к тебе, помощь советом и поддержку в твоём деле, тех стремись привязать к себе и оказывай им благодеяния. Заботься о тех представителях высшей знати³, которые впадут в нужду, бери на себя их содержание и улучшай

¹ Мы читаем так, как у Ибн ал-Асира (Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876, VI, P. 265), – فاغواه.

² Термином الاحرار Тайфур, видимо, обозначает представителей второй степени персидской знати, а термином لالشرف ذوو или الاشراف – представителями третьей степени.

³ اهل البيونات – представители высшей персидской знати, которых обычно насчитывали семь родов. См.: Ибн ал-Асир (Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876. II, P. 423) и Noeldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehen. Leiden, 1879. S. 71, 437.

их положение так, чтобы они не чувствовали своей бедности. Исключительное внимание уделяй делам бедняков и неимущих, тех, кто не имеет возможности довести до тебя о взимаемых с них незаконных поборах, и забитых, не понимающих, как добиваться своего права; наводи о них самые секретные справки; поручи их заботам людей порядочных из числа твоих же подданных, а этим последним прикажи доводить до твоего сведения о нуждах и о положении лиц упомянутых категорий, дабы ты мог позаботиться о том, чтобы с помощью Аллаха устроить их дела. Заботься о лицах, впавших в несчастье¹, о их сиротах и вдовах, назначай им содержание из государственной казны, следуя примеру повелителя правоверных в сострадании к ним и в раздаче им подарков, с тем чтобы Аллах таким путем облегчил их жизнь и наделил тебя благословением и изобилием.

Выдавай больным пособия из государственной казны; в первую, перед другими, очередь выдавай пособия тем из них, кто знает Коран вообще и, в частности, тем, кто помнит большие отрывки из него. Устрой для больных мусульман особые дома, где они могли бы найти приют; назначь людей, которые ходили бы за ними, и врачей, которые лечили бы их болезни, и исполняй все их прихоти, поскольку это не может привести к растрате государственных средств.

Помни, что если люди даже получают должное им и осуществляются даже самые смелые их надежды, то это все же не удовлетворит их, и они не успокоятся, пока не доведут о своих нуждах непосредственно до своих правителей, в надежде, что от этих последних они получат еще больше и еще лишнюю милость. Тот, кто сам непосредственно занимается делами людей, иной

¹ Мы читаем так, как у ат-Табари (Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Tārīkh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1059), - بإنشاء .

раз чувствует себя угнетенным обилием доходящих до него дел, занимающих его мысли и думы, в том числе и таких, которые причиняют ему заботы и затруднения; но зато нельзя, конечно, и сравнивать того, кто стремится осуществить на деле справедливость, помня о своих добрых делах в этом мире и о достоинстве награды, ожидающей его в мире будущем, с тем, кто просто занимается делами благочестия и ими пытается заслужить милосердие Аллахово.

Давай людям свободный доступ к себе, показывая им свое лицо, заставляй стражей своих относиться к ним спокойно, будь с ними ласков и приветлив, будь с ними мягок в своих вопросах и речах и обращай на них свою щедрость и милость. Если ты даришь, то дари великодушно и с радостью, из желания сделать добро и заслужить награду, не чувствуя никакого огорчения и не попрекая оказанным благодеянием; при таких условиях, с соизволения Аллаха, сделанный подарок окажется товаром, приносящим прибыль.

366

Вразумляйся ведомыми тебе мирскими делами, делами тех властителей и правителей, которые были до тебя, среди исчезнувших уже народов, а затем во всех своих обстоятельствах ищи опоры в исполнении велений Аллаха, в неуклонной любви к Нему, в исполнении Его законов и заветов, в утверждении Его веры и Его Писания, и избегай всего того, что с этим расходится, этому противоречит и ведет ко гневу Аллахову.

Будь в курсе того, какие средства собирают поставленные тобою должностные лица и что из собранного они расходуют; не собирай ничего незаконного и не будь расточителен в расходах. Побольше водись с учеными, советуйся с ними и входи в общение с ними. Пусть из вхожих к тебе и близких тебе людей наибольшим уважением с твоей стороны пользуется тот, кто, заметив в тебе какой-либо недостаток, не убоится втайне сообщить тебе о нем и указать тебе, какое в нем

умаление твоего достоинства; подлинно такие люди наиболее искренние твои друзья. Что касается до тех твоих чиновников и писцов, которые состоят при тебе, то каждому из них уделяй ежедневно определенное время, когда он может являться к тебе со своими книгами и за указаниями, с имеющимися у него нуждами подведомственных тебе областей и делами округов и подданных твоих, а затем сосредоточь и слух, и зрение, и ум, и помыслы свои на том, что он тебе доложит об этом; затем повторно рассмотри и обдумай все, и что соответствует благоразумию и праву, то утверди к исполнению и проси в этом помощи у Аллаха, а что этому будет противоречить, то отложи до твердого выяснения и расследования.

Не попрекай подданных своих и вообще никого теми благодеяниями, которые ты им оказал, а от них принимай только верность, стойкость и помощь в делах повелителя правоверных; иначе как на таких основаниях, не оказывай благодеяний.

367

Вдумайся в мое послание к тебе, побольше заглядывай в него и руководствуйся им; во всех делах проси помощи у Аллаха и ищи у Него поддержки, ибо Аллах там, где праведность и праведные люди. Главная цель твоей жизни, главные твои стремления пусть будут направлены на то, что должно заслужить благоволение Аллаха и повести к устроению веры, славе и мощи ее последователей и к справедливости и благоденствию для общины верующих и для зиммиев¹.

И я молю Аллаха, чтобы Он сподобил тебя Своей помощи, поддержки, руководства и охраны, чтобы Он ниспослал на тебя благость Свою и милосердие Свое и завершил в отношении тебя Свою милость и щедро-

¹ Зимми – немусульманин, последователь монотеистического вероучения, которому разрешается жить на мусульманской территории при условии уплаты подушной подати. В Турции их называют райяты (*араб.* – *ра'ийя*).

ты Свои, дабы ты превзошел тебе подобных прекрасною долею, богатым наделом, высокою славою и делами, чтобы Он погубил твоего врага, того, кто против тебя восстанет и будет тебя притеснять; чтобы Он наделил тебя благоденствием твоих подданных и защитил тебя от шайтана и его соблазнов, дабы вознеслося дело твое славою, мощью и поспешествованием Аллаха! Подлинно, Он близок и внимлет молитве».

Тот, кто знаком с внутренней историей и укладом арабского халифата Омеййадов и Аббасидов, кто знает, что редкий наместник покидал свою должность добровольно и без иной раз чрезвычайно жестоких, с пытками, вымогательств со стороны верховной власти, имевших целью отобрать у смещаемого сановника все те богатства, которые он незаконным путем мог приобрести за время своей деятельности на ответственном посту, тот, конечно, нисколько не удивится рассказам арабских историков о той сенсации, которую произвело это послание Тахира к своему сыну 'Абдаллаху. Люди наперерыв торопились переписать себе это послание, а когда весть о нем дошла до халифа ал-Ма'муна, то он, ознакомившись с содержанием послания и одобрив его, велел изготовить с него копии и разослать их всем наместникам в виде инструкции¹.

368

¹ Sechster Band des Kitāb Baġdād von Aḥmad ibn Abī Ṭāhir Ṭaifūr / Hrsg. und übers von H. Keller. Leipzig, 1908. VI, 53; Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir At-Tabari, M.J. de Goeje's Classic Edition of Ta'rikh al-rusul wa-l-mulūk by al-Ṭabarī, III, P. 1061; Ибн ал-Асир (Ibn-el-Athiri chronicon: quod perfectissimum inscribitur / Ed. S.J. Tornberg. Uppsala-Lund, 1851–1876. VI, P. 267).

Шариат и право водопользования в Средней Азии¹

Для того чтобы уяснить себе те основные принципы, которыми по мусульманскому праву – шариату, нормируется водопользование, владение и распоряжение водными источниками, нужно иметь в виду основную точку зрения мусульманского права на владение и собственность вообще.

Исходя из соображений чисто религиозного порядка, коренящихся в самом существе мусульманского вероучения, выросший на его почве шариат в принципе отрицает вообще всякую частную собственность. «Аллаху принадлежит все, что на небе и на земле»²; даже добыча, захваченная правоверными, принадлежит Аллаху и Его Посланнику³; ценою райского блаженства купил Аллах у правоверных и души их, и все, чем они владеют⁴. Все, что есть на земле, создано на пользу человека⁵, но сам он на земле лишь странник, и она служит ему лишь временным приютом⁶, а потому и все, чем он владеет, является не его собственностью, а предоставлено ему Аллахом или Его заместителем,

369

¹ Текст статьи печатается по первому изданию: *Шмидт А.Э.* Шариат и право водопользования в Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. – [Ташкент], 1926. – № 8–9. – С. 1–8. (Примеч. сост.).

² Коран. 2:256; 4:125, 4:169; 10:56, 10:67 и др.

³ Коран. 8:1.

⁴ Коран. 9:112. Не должны удивлять встречающиеся в Коране чисто коммерческие термины для определения отношения людей к Аллаху и обратно: выросший в торговой среде в Мекке, Мухаммад и к этим отношениям подходил с привычным ему масштабом. См. спец. работу: *Torrey Ch.C.* The Commercial-Theological Terms in the Koran. – Leiden, 1892.

⁵ Коран. 2:27; 16:5–15; 35:13; 23:19; 49:79 и т.д.

⁶ Коран. 7:23–24. «Держись в этом мире так, как если бы ты был лишь странником – прохожим», гласит также и одно из приписываемых Мухаммаду изречений.

в лице власти предержащей, в пожизненное владение и пользование¹.

Нельзя забывать, что зачатки того правопорядка, который находит себе отражение в шариате и который развился в результате взаимодействия различных, частично значительно более поздних влияний, все же восходят к самому Мухаммаду, а первые шаги Мухаммада как провозвестника нового вероучения, несомненно, отмечены известной тенденцией к социальной реформе, в частности к более равномерному и справедливому распределению материальных благ. Эта тенденция, выросшая, вероятно, на почве пережитых самим Мухаммадом в детстве и юности материальных невзгод, а потому, естественно, сопряженная с признанием известной ценности за материальными благами, в проповеди Мухаммада причудливо переплетается с призывом к отказу от этих преходящих благ, меркнущих перед непреходящими благами загробной жизни.

370

Но, конечно, те культурные и экономические условия, в которых развивался шариат впоследствии, когда исламу подчинились новые обширные территории с высоко развитой оседлой культурой, почти совершенно стерли основную концепцию шариата в вопросе собственности и владения. Если уже Мухаммаду, который и здесь, как во многих других вопросах, не остановился на четко определенной точке зрения, не вполне чуждо понятие собственности, то в системе мусульманского права не только владение обладает целым рядом таких признаков, которыми в европейском праве харак-

¹ Можно было бы сказать даже «в трудовое пользование», поскольку вопрос касается владения землей, ибо по шариату земля, не возделываемая владельцем, не только может быть отнята у него государственной властью, но всякий мусульманин может овладеть ею путем захвата, если владелец покинул землю и его нет налицо, явочным порядком, начав ее возделывать или, как выражается мусульманское право: «оживив мертвую землю». См.: Бурхан ад-дин ал-Маргинани. Ал-Хидая. – Казань, 1906. – Т. IV. – С. 78; Китаб ал-Кудури. – Казань, 1911. – С. 82.

теризуется право собственности, но шариат в том разработанном многими поколениями виде, в котором он дошел до наших дней, уже определенно знает термин «собственность» (*милк*, *мулк*) в применении не только к движимому, но и недвижимому имуществу.

Мало того, шариат чрезвычайно заботливо охраняет права владельца (держателя) и собственника. Практически, ни один мусульманин, в пределах юрисдикции шариата, конечно, не сомневается, да и не имеет основания сомневаться в том, что владеет своим имуществом на правах полной собственности. Такая точка зрения находила себе уже давно поддержку на мусульманском Востоке в том факте, что мусульманские правители, поскольку дело касается недвижимости, распоряжались государственными землями отнюдь не в качестве поставленных Аллахом временных распорядителей, а в качестве полновластных собственников этих земель, отдавая их и в ленное владение, и в аренду, и в собственность отдельным лицам и группам лиц.

371

Мусульманский Восток, в зависимости от климатических и бытовых условий, знал и знает как частное, так и общинное землевладение и землепользование. Делом юристов-теоретиков было согласовать этот фактически создавшийся порядок с основной, отвлеченной от жизни концепцией шариата; сделать это было тем легче, что, как мы уже упоминали, памятникам, восходящим до самого Мухаммада, тоже не чуждо понятие собственности, и вообще Мухаммад не оставил своей общине никакого законченного систематического законодательства, зачастую впадая в противоречие с самим собой. Но все же на целом ряде институтов мусульманского права отразилось отрицание права частной собственности; сюда следует отнести различные устанавливаемые шариатом ограничения права распоряжения недвижимостью (например, *аш-шув'а* – право преимущественной покупки, принадлежащее

соседям), преимущественное значение наследования по закону и ограничение права отказа по завещанию всего лишь одной третью имущества. Интересно отметить, что, по мнению некоторых мусульманских юристов, вообще нет никакого наследования, т. к. со смертью владельца прекращаются всякие права его на имущество, и передать эти права кому бы то ни было он не может; наследование по закону эти юристы рассматривают как распределение выморочного имущества между лицами определенных категорий, предусмотренных законом¹.

372

Можно, конечно, уже а priori сказать, что отрицание права частной собственности еще резче должно было сказаться в шариате в вопросе о праве собственности на воду и на водные источники, в особенности если принять во внимание, что первые попытки урегулировать этот вопрос восходят ко времени самого Мухаммада и его ближайших преемников и, естественно, исходят из климатических условий знойной и бедной водными источниками Аравии и условий патриархального экономического строя, где предоставление частному лицу права собственности на водный источник было бы равносильно посягательству на насущнейшие кровные интересы коллектива. Господствовавшая в условиях того времени точка зрения находит себе яркое отражение в приписываемом Мухаммаду изречении: «Три вещи являются общею собственностью людей: вода, природные пастбища и огонь»².

¹ *Nauphal I. Cours de droit musulman présenté à l'Institut des langues orientales du Ministère des Affaires étrangères en l'année 1884–1885, fasc. 1: La Propriété. – St. Petersburg, 1886. – P. 157.*

² Потому, как поясняет комментатор, что воду создал и ниспосылает Аллах, трава на природных пастбищах растет по Его же произволению, без приложения человеческого труда, а зажженному Им огню человек не может запретить светить также и другим и давать им тепло. См.: Джалал ад-дин ал-Хваризми. Ал-Кифайа. – Казань, 1906 (на полях ал-Хидайи). – Т. IV. – С. 83.

Вчитываясь в самые ранние памятники мусульманской юридической литературы, мы довольно легко можем установить, что с завоеванием таких плодородных областей, богатых естественными водными источниками и развитыми оросительными системами, как долины Тигра, Евфрата и Нила, начинается эволюция во взглядах мусульманских юристов на право владения и распоряжения водными источниками.

К числу наиболее ранних документальных данных о водопользовании по шариату, отражающих практику, которая утвердилась в Медине, вероятно, уже при Мухаммаде и, несомненно, существовала там при его первых преемниках – халифах, относятся те данные, которые мы находим в своде норм шариата, составленном мединским правоведом Маликом¹. Этот сборник, озаглавленный «ал-Муватта'» («Утоптанная дорога»), представляет собою самый старый дошедший до нас свод норм шариата суннитского толка и отражает, вообще говоря, обычное право города Медины, выросшее там в течение 1,5 веков после смерти Мухаммада на базе живой традиции о нем и о его первых преемниках.

В соответствии с климатическими и бытовыми условиями, в которых жила мединская община, «ал-Муватта'» к разрешению вопросов водопользования подходит чрезвычайно просто: «Если человек владеет колодцем, то он не имеет права препятствовать другим пить из него и поить из него свой скот; что же касается до пользования колодцем для орошения полей и садов, то он может воспретить им это»². Там же мы находим рассказ о случае, имевшем место при жизни Мухаммада, указывающем на то, что уже в то время никто не имел права препятствовать проведению через принадлежащую ему землю оросительного канала

¹ Умер в 170 г. х. = 795 г. по Р.Х.

² Ал-Муватта'. – Казань, 1909. – С. 336.

для нужд другого человека. Наконец, там же¹ мы находим уже некоторые указания на порядок пользования водой соседями, а именно: владеющий землею выше по руслу потока² может запрудить воду, пока она не достигнет высоты лодыжки, а затем он должен предоставить воде течь дальше к соседу, ниже по течению.

Вот и все, что мы находим по вопросу о водопользовании в этом старом своде норм мусульманского права, еще не учитывающем те более сложные условия земле- и водопользования, с которыми мусульманам пришлось вплотную столкнуться в завоеванных ими более культурных странах; «ал-Муватта'», как уже упоминалось, отражает только обычное право города Медины.

374

Если мы обратимся к первоисточникам – Корану и религиозным преданиям (*хадисам*), то в Коране мы не находим никаких данных по этому вопросу; в Коране только подчеркивается, что вода, источник всякой жизни в природе, ниспосылается Аллахом, по благодати Его, в частности и для нужд человека³, для него лично и для его скота, и предназначена для общего пользования⁴.

Более подробную регламентацию мы находим в религиозных преданиях – *хадисах*, которые, как во всех других вопросах, так и в вопросе о водопользовании, отражают взгляды различных периодов эволюции мусульманского права, начиная со времени самого Мухаммада вплоть до того времени, когда мусульманское право в III веке *хиджры* было приведено в стройную систему, дожившую и до нашего времени. При этом мы встречаемся с любопытным стремлением комментаторов путем искусственного толкования

¹ Ал-Муватта'. – Казань, 1909. – С. 336.

² Те. потока, образовавшегося благодаря ливню: других в Медине не было.

³ Коран. 21:31; 56:67–69.

⁴ Коран. 25:50–56. С тем, что по этому поводу говорит Коран, вполне гармонирует приведенное выше изречение Мухаммада.

приноровить предания, отражающие примитивные условия быта, современного Мухаммаду, к условиям и правовым воззрениям того времени, когда регламентации подлежало пользование обильными естественными водными источниками и оросительными системами долины рек Тигра и Евфрата в Месопотамии¹, и, таким образом, сгладить те противоречия, которые неизбежно должны были в процессе эволюции шариа-та отложиться в религиозных преданиях.

Из сопоставления сохранившихся по этому вопросу преданий явствует, что первоначально, еще в Медине, владелец колодца, в смысле пользования водой из него, не пользовался никакими преимуществами перед другими членами общины² и что Пророк категорически запрещал торговлю водой³. Тот факт, что и ал-Бухари, и его более поздний комментатор путем очень искусственного толкования и больших натяжек пытаются во что бы то ни стало уничтожить противоречие между такими старыми преданиями и установившейся значительно позднее практикой, еще только более убеждает нас в том, что патриархальный период ислама действительно не знал права собственности на воду и на водные источники⁴.

375

¹ Ср. тенденциозные заголовки в сборнике ал-Бухари к гл. II и XI книги «Мусакат» («ас-Сахих»). – Каир, 1926. – Т. V. – С. 265 и 278).

² *Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 265.

³ *Абу Йусуф*. Китаб ал-харадж. – Булак, 1302. – С. 55.

⁴ См.: *Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 266, где существование права собственности на воду выводится из того факта, что Мухаммад однажды распределял остаток недопитой им воды между присутствовавшими, т.к. распределять и делить человеку можно де только то, что ему принадлежит. Там же (*Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 267), приводя изречение Мухаммада: «Нельзя препятствовать никому пользоваться остатками воды, оберегая сохранность (окружающего водный источник) пастбища», автор, передвигая, так сказать, центр тяжести, выводит из него заключение, что уже при Мухаммаде владелец водного источника пользовался преимущественным правом брать из него воду, предоставляя другим лишь остатки.

Когда, с подчинением исламу земель, богатых водными источниками, изменились условия быта, изменился и взгляд мусульманского права на пользование и владение водными источниками. Вода, заключенная в сосудах и вместилищах определенной емкости, уже допускается к продаже; являющийся наследием более ранней эпохи запрет торговли водой как таковой, как принадлежащей всем людям, позднейшими юристами относится только к воде, заключенной в сосудах и вместилищах неопределенной емкости, и самый запрет мотивируется уже только стремлением избежать при продаже ее всякой неясности и обмана¹, в соответствии с установившимися в мусульманском праве основными принципами, нормирующими куплю и продажу вообще². Но сохраняется в силе обязательство для владельца водного источника, им вырытого, допускать к нему и людей, и животных для утоления жажды; правда, сохраняется за ним, как и в Медине, право отказывать другим в пользовании водой из этого источника для орошения полей, садов и виноградников³. Далее развивается такая точка зрения, что колодец или водоем, вырытые кем-либо на *собственной* земле или на втуне лежащей (мертвой) земле, с целью закрепить ее за собой, составляют *собственность* того, кто их вырыл, и находятся в полном его распоряжении⁴; правда, остается обязательство допускать к колодцу для утоления жажды и других людей, но

¹ *Абу Йусуф*. Китаб ал-харадж. – Булак, 1302. – С. 54.

² См.: *Муслим*. Ас-Сахих (на полях «ас-Сахиха» ал-Бухари). – Каир, 1326. – Т. VIII. – С. 252; Ал-Муватта'. – Казань, 1909. – С. 313.

³ *Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 267; *Абу Йусуф*. Китаб ал-харадж. – Булак, 1302. – С. 54. *Sachau E.* Muhammedanisches Recht nach Schafititicher Lehre. – Stuttgart und Berlin, 1897. – S. 594.

⁴ *Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 267; Бурхан ад-дин ал-Маргинани. Ал-Хидайа. – Казань, 1906. – Т. IV. – С. 81; *Sachau E.* Muhammedanisches Recht nach Schafititicher Lehre. – Stuttgart und Berlin, 1897. – S. 594.

уже с оговоркой: если поблизости нет другого водного источника¹. Если же колодец или водоем вырыт кем-нибудь на втуне лежащей земле не с целью завладеть ею, а лишь с целью напиться самому и напоить скот, то, воспользовавшись водой из этого водного источника первый раз, вырывший его в дальнейшем уже не пользуется в отношении к нему никакими преимуществами перед остальными людьми².

Но, вместе с тем, многие юристы как раз более консервативного направления, видимо, с трудом примиряются с понятием о праве собственности на воду; это явствует хотя бы из того факта, что они, где могут, пытаются ограничить распространение этого права. Так, в отношении к колодцу, который вырыт человеком на «мертвой», втуне лежащей земле с целью завладеть ею, некоторые юристы, в противоречии с изложенной выше точкой зрения, утверждают, что вода из колодца, вырытого на «мертвой» земле, ни в коем случае не может стать объектом продажи, другими словами, – такой колодец не может стать объектом частной собственности³.

377

Было бы слишком кропотливо и долго проследить шаг за шагом ту эволюцию во взглядах на владение и пользование водными источниками, которую проделал шарият до создания тех сложных, приспособленных к значительно изменившимся условиям жизни и быта норм, компилятивный свод которых в рус-

¹ Бурхан ад-дин ал-Маргинани. Ал-Хидайа. – Казань, 1906. – Т. IV. – С. 81.

² *Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 267; *Seignette N.* Code musulman par Khalil. Rite Malékite-Statut réel. Texte arabe et traduction française. – Paris, 1911. – P. 386; *Sachau E.* Muhammedanisches Recht nach Schafitischer Lehre. – Stuttgart und Berlin, 1897. – S. 594.

³ Ср. мнение Малика, аш-Шафи'и, ал-Ауза'и ал-Лайса, приведенное у ал-Касталани в комментариях к «ас-Сахиху» ал-Бухари (*Ал-Бухари*. Ас-Сахих. – Каир, 1926. – Т. V. – С. 267).

ском переводе покойного Давлетшина¹ был напечатан в «Вестнике ирригации» за 1924 г.² Уже из вышеизложенного достаточно определенно можно заключить, что шариат и в вопросах водопользования, как и вообще во всех вопросах, пока было возможно, пополнялся новыми нормами, более отвечающими новым условиям, новым запросам практической жизни; а когда он был приведен в законченную и в силу присущего ему канонического характера незыблемую систему, неутомимые комментаторы положили много труда на то, чтобы путем сильного нажима на тексты и путем смелых толкований искусственно поддержать в нем ту приспособляемость, окончательная потеря которой в конечном итоге и превратила шариат в оторванную от жизни правовую систему, которая в значительной своей части, как, например, в вопросах гражданского торгового оборота, уже почти совершенно изжита, а потому в практической жизни шаг за шагом отступала и отстывает и перед новыми светскими законодательствами европеизированного типа, как, например, в Турции уже с конца прошлого столетия, и перед обычным правом, как у нас в Средней Азии.

Быть может, именно отдел шариата о водопользовании сохранил несколько большую жизненность и пригодность для современных условий в силу того, что нормы его создавались в условиях жизни таких областей, богатых старыми, широко развитыми оросительными системами, как Месопотамия и Египет. Мы тут находим уже довольно дробную дифференциацию водных источников всеобщего, общинного и частного пользования, причем всемерно охраняются интересы

¹ Давлетшин Абдул-Азиз Абдулович (1861–1920) – российский военный и общественный деятель, исследователь Средней Азии. (Примеч. сост.)

² Свод постановлений мусульманского права (шариата) о водопользовании и землепользовании / Под ред. А.Э. Шмидта // Вестник ирригации. – Ташкент, 1924. – № 9. – С. 60–84.

всех заинтересованных в данном водном источнике лиц путем установления определенных норм пользования водными источниками и поддержания их в исправном виде, путем установления ряда сервитутов и т. д. Но все же местные условия всегда требовали тех или иных дополнений к этим нормам, в соответствии с установившимися издревле обычаями. Так, мусульманский историк повествует нам о том, что в IX в. н. э. наместник Хорасана 'Абдаллах ибн Тахир¹ поручил законооведам составить свод положений о пользовании каризами², о которых, естественно, ничего не говорится в сводах шариата, т.к. ни в Медине, ни в Ираке, ни в Сирии, где возник и развивался шариат, таковые не были известны, а между тем на почве пользования ими возникали споры. Сборник был составлен; в него, очевидно, вошли нормы местного обычного права, причем законоведы, согласно заданию, насколько можно судить по приведенному у В. Бартольда тексту³, постарались приноровить эти нормы к предусмотренным шариатом основным принципам водопользования⁴.

379

¹ О нем см. мою статью: *Шмидт А.Э.* Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры). (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему 'Абдаллаху ибн Тахиру) // Бюллетень Среднеазиат. гос. ун-та. – Ташкент, 1925. – № 8. – С. 127–138.

² Кариз (кяриз) – традиционная гидротехническая система орошения в Средней Азии, Иране, Азербайджане в виде подземного канала. Выполняла также функцию водопровода. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I: Тексты. – СПб., 1898. – С. 3.

³ *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I: Тексты. – СПб., 1898. – С. 3.

⁴ Думаю, что в попытке 'Абдаллаха ибн Тахира следует видеть не попытку внедрения чуждых юридических норм, как полагает Н.Г. Маллицкий (*Маллицкий Н.Г.* Обычное право водопользования в Ташкентском районе и его отношение к шариату // *Вестник ирригации.* – 1925. – № 4. – С. 16), а именно попытку собрать нормы местного обычного права; такое мероприятие вполне соответствует и общему облику 'Абдаллаха как защитника интересов местного населения (см.: *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II: Исследование. – СПб., 1900. – С. 218; *Шмидт А.Э.* Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века

Из статьи глубокого знатока местных бытовых условий Н.Г. Маллицкого: «Обычное право водопользования в Ташкентском районе и отношение его к шариату»¹ с очевидностью явствует, что местное население Ср. Азии, при всем своем уважении к нерушимой святости шариата, в распределении воды разумно предпочитает пользоваться нормами местного обычного права, которое, конечно, следует рассматривать как отражение веками накопленного коллективного опыта, во всех деталях учитывающего специфические местные условия. Та же статья дает яркую иллюстрацию того, как значительно в некоторых случаях в Ташкентском районе эти нормы обычного права расходятся с нормами шариата. Значительно расходятся с ними, например, и нормы распределения воды у туркмен², причем в случае возникновения споров народные судьи и чрезвычайные съезды народных судей и в прошлом зачастую разрешали дела вразрез с шариатом³. Начальники области, утверждавшие постановления чрезвычайных съездов, иной раз отменяли решения, согласованные с шариатом, и предлагали

Хиджры). (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему ‘Абдаллаху ибн Тахиру) // Бюллетень Среднеазиат. гос. ун-та. – Ташкент, 1925. – № 8. – С. 128). То обстоятельство, что к этой работе были привлечены правоведы не только из Хорасана, но и из Ирака, не меняет сути дела: нужно было содействие компетентных и авторитетных лиц, чтобы избежать слишком резких расхождений с шариатом и вообще всяких нареканий.

¹ Маллицкий Н.Г. Обычное право водопользования в Ташкентском районе и его отношение к шариату // Вестник ирригации. – 1925. – № 4. – С. 15–26.

² См.: Семенов А. Главные основы распределения земли и воды у туркмен Закаспийской области // Этнографическое обозрение. – 1903. – № 2. – С. 116–120, а также: Сборник процессов Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области 1894–1898 гг. (Материалы к изучению народного быта туркмен и киргизов). – Асхабад, 1898; Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области с 1898 по 1902 г. – Асхабад, 1903; и такие же сборники за 1903–1908 гг.

³ См.: Сборник решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1903 г. – Асхабад, 1910. – С. 27.

решать вопрос по адату. Так, например, на решении чрезвычайного съезда народных судей по одному делу начальник области наложил резолюцию¹: «Предложить решить по адату. Обращаться к шариату в делах наследственных и брачных. Все прочие дела рассматривать по адату». Хотя, конечно, и у туркмен, как и у других кочевников, именно брачные дела решаются преимущественно по адату, но все же эта резолюция характерна, как показатель того, что администрация края в прошлом готова была считаться с обычным правом, тем самым колебля авторитет шариата.

Н.Г. Маллицкий в вышеупомянутой статье указывает на то, что и в вопросах водопользования русская власть после завоевания Туркестана на первых порах стремилась умалить значение шариата сравнительно с обычным водным правом² и что при разработке туркестанского водного закона первоначально предполагалось в основу его положить обычное право³. Приходится, конечно, пожалеть о том, что обычное водное право Средней Азии еще так мало изучено и даже сырых материалов по этому вопросу, по-видимому, собрано мало, т. к. эти материалы могли бы иметь серьезное значение при разработке норм водопользования. В этом отношении интересно отметить подмеченный Н.Г. Маллицким факт, что обычное водное право в Ташкентском районе, а то же самое имеет место, конечно, и в других районах, обеспечивает преобладание общих интересов над частными, в противоположность нормам шариата, которые стремятся к ограждению прав личности, нередко в ущерб пользе

¹ Сборник процессов Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области 1894–1898 гг. (Материалы к изучению народного быта туркмен и киргизов). – Асхабад, 1898. – С. 170.

² Маллицкий Н.Г. Обычное право водопользования в Ташкентском районе и его отношение к шариату // Вестник ирригации. – 1925. – № 4. – С. 17.

³ Там же.

общественной, понимание которой в шариате, в применении к ирригации, весьма слабо¹. Ведь в этом отношении местное обычное водное право строится на тех же почти основных принципах, из которых, как мы видели, при своем зарождении исходило и мусульманское водное право, зародившееся в климатических условиях до известной степени аналогичных с теми, которые мы имеем здесь в Средней Азии, и в условиях такого же патриархального экономического быта.

Во всяком случае, шариат, при всем том авторитете, которым он, быть может, пользуется еще в широких массах населения, не может помешать преобладанию обычного права в вопросах водопользования, и такие заключения официальных представителей шариата, как приведенный Н.Г. Маллицким интересный документ², в прошлом не мешали населению, поскольку не возникало споров и недоразумений, руководствоваться нормами обычного водного права. Не могут они помешать ему и в будущем применять эти нормы или перейти к более совершенным формам водопользования, выработанным современной жизнью, раз сама жизнь выявит их целесообразность и превосходство.

382

¹ *Маллицкий Н.Г.* Обычное право водопользования в Ташкентском районе и его отношение к шариату // Вестник ирригации. – 1925. – № 4. – С. 25.

² Там же. – С. 21.

Из истории суннитско-шиитских отношений¹

Великий раскол, который с 680 года нашей эры, после мученической кончины Хусайна, сына 'Али, при Кербеле окончательно разделит весь мусульманский мир на два враждебных лагеря – суннитов и шиитов, – не изжит еще по настоящее время. Непримиимо противостоят друг другу эти два враждебные направления уже на протяжении более двенадцати столетий. Основным моментом раскола является вопрос о государственной власти.

С точки зрения суннитов, во главе мусульманской державы должен стоять всенародный избранник – халиф, потомок племени корейшитов, из которого происходил и сам основатель ислама². Такова теория; на практике избрание очень быстро превратилось в чистую фикцию, и халиф становился у власти либо как наследственный преемник, поддержанный вооруженной силой и сочувствием влиятельных кругов, либо, будучи выдвинут в результате дворцового переворота в противовес тому, кто должен был бы встать у власти преемственно, либо, как в период упадка династии Аббасидов, как

¹ Текст статьи печатается по первому изданию: Шмидт А.Э. Из истории суннитско-шиитских отношений // عقدة الجمال В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели / Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Бетгера. – Ташкент, 1927. – С. 69–107. Работа Шмидта над статьей была начата еще в 1907 г., а затем возобновлена только в конце 1924 г. (Письма А.Э. Шмидта к В.В. Бартольду // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 37). Статья печатается с учетом правил современной орфографии и пунктуации (в т.ч. при передаче имен собственных). Изменения и уточнения внесены также в библиографию (Примеч. сост.).

² См. сопоставление точек зрения на этот вопрос представителей различных сект и направлений: *Al-Mas'udi. Les prairies d'or, texte arabe et traduction française du Muruj al-dhahab par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille.* – Paris, 1861–1877. – Vol. VI. – P. 26.

ставленник сильного эмира или султана¹. Этим объясняется и то, что османские султаны, несшие право на власть на острие меча своего, смогли, когда этого потребовали политические условия, объявить себя халифами, законными преемниками последнего аббасидского халифа². Мусульманский мир в целом, как и всегда, когда это подсказывалось жизненными интересами коллектива или сопротивление было безнадежно, молчаливо с этим согласился, и, раз признав османских султанов халифами, потом уже стойко боролся за эту идею. Но в теории, согласно основному суннитскому воззрению на верховную власть, таковая является выборной и до известной степени демократической³.

Вразрез с этим шииты признают власть только наследственную, притом наследственную в роде пророка Мухаммада, а именно – в роде ‘Али, женатого на его дочери Фатиме. В связи с этим шииты считают первых трех наиболее почитаемых суннитами халифов – Абу Бакра, ‘Умара и ‘Усмана – узурпаторами, и их часто предавали всенародному поношению даже в мечетях⁴.

384

¹ *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 2. – С. 217; см. также: *Шмидт А.Э.* ‘Абд-ал-Ваххâб-аш-Ша‘рâний († 973/1565 г.) и его «Книга рассыпанных жемчужин». – СПб., 1914. – С. 211.

² *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 3. – С. 384, 396.

³ Крайнюю демократическую точку зрения отстаивали хариджиты, утверждавшие, что верховным правителем может быть всякий правоверный мусульманин, даже не свободный, даже не араб, и что вообще его происхождение не играет роли. См. по этому вопросу: *Al-Mas‘udi.* Les prairies d’or, texte arabe et traduction française du Muruj al-dhahab par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. – Paris, 1861–1877. – Vol. VI. – P. 24; и: *Arnold Th.W.* The Caliphate. – Oxford, 1924. – P. 187.

⁴ См.: *Mez A.* Die Renaissance des Islams. – Heidelberg, 1922. – S. 62. Поношение «двух шейхов», т.е. халифов Абу Бакра и ‘Умара, стало своего рода шибболетом у шиитов. См.: *Strothmann R.* Das Staatsrecht der Zaiditen. – Strassburg, 1912. – S. 25–27, а также *Goldziher I.* Vorlesungen über den Islam. – Heidelberg, 1910. – S. 215; русск. перевод: *Гольдцигер И.* Лекции об исламе / Пер. с нем. А.Н. Черновой. – СПб., 1912. – С. 190.

В борьбе за торжество своих принципов шиитам, не сумевшим на первых же порах добиться политического преобладания, приходилось зачастую прибегать к подпольной борьбе. Это обстоятельство, в конечном итоге, привело к конспиративным организациям в шиитстве и к наслоениям эзотерического характера; прямым следствием неудачи потомков 'Али в попытках захватить власть является и учение о скрытом, но все же наличном во всякое время имаме¹, потомке 'Али. Этот потомок 'Али оказывается уже преемственно наделенным особенной божественной благодатью и в представлении приверженцев некоторых крайних шиитских течений является даже воплощением божества.

Наряду с основным моментом расхождения суннитов и шиитов, т.е. их противоположных взглядов на верховную власть и на источник этой власти, между ними существуют разногласия и в некоторых догматических вопросах, религиозных обрядах и вопросах канонического права, но это все – разногласия далеко не принципиального характера², которые, однако, при наличии принципиального расхождения по вопросу о верховной власти, смогли с течением времени

¹См.: *Goldziher I. Vorlesungen über den Islam.* – Heidelberg, 1910. – S. 236 и *Strothmann R. Das Staatsrecht der Zaiditen.* – Strassburg, 1912. – S. 102. И в этом факте находит себе отражение присущее исламу стремление и способность принимать и узаконивать всякое фактически создавшееся и прочно установившееся положение вещей. См.: *Goldziher I. Katholische Tendenz u. Partikularismus im Islam // Beiträge zur Religionswissenschaft.* – Stockholm-Leipzig, 1913–1914. – Bd. I. – S. 115–142, в особенности S. 115 и 133.

²См.: *Goldziher I. Vorlesungen über den Islam.* – Heidelberg, 1910. – S. 236 (рус. перевод: *Гольдцигер И. Лекции об исламе / Пер. с нем. А.Н. Черновой.* – СПб., 1912. – С. 209) и его же: *Goldziher I. Streitschrift des Gazall gegen die Batinijja-Sekte.* – Leiden, 1916. – S. 103. Догматические и обрядовые разногласия вообще приводили в исламе к расколу только в случае одновременного расхождения во взглядах на верховную власть; в противном случае ислам очень терпимо относился ко всяким догматическим течениям, не требуя изгнания их приверженцев из лона ислама. См.: *Strothmann R. Das Staatsrecht der Zaiditen.* – Strassburg, 1912. – S. 3.

приобрести принципиальное значение только благодаря той глубокой розни и вражде, которые создались между суннитами и шиитами в результате взаимодействия целого ряда других причин.

В европейской науке уже опровергнут ложный взгляд, будто шиитство отражает собою реакцию иранской культуры против навязанного иранцам в корне чуждого им ислама¹. Теперь можно считать уже прочно установленным, что шиитство возникло на арабской почве; его родина – Ирак². Ирак всегда был и поныне остается его духовным центром³, где находятся и главнейшие шиитские святыни Неджефа и Кербель⁴. Восточные области на первых порах после раскола сплошь держались суннитского толка, а город Кум (или Кумм) в Джибале, один из очагов шиитского фанатизма⁵, приводится в этом отношении арабскими писателями как исключение, причем шиитство было занесено туда, если

386

¹ *Wellhausen J.* Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam. – Berlin, 1901. – S. 90; *Goldziher I.* Vorlesungen über den Islam. – Heidelberg, 1910. – S. 241 (рус. перевод: *Гольдцигер И.* Лекции об исламе / Пер. с нем. А.Н. Черновой. – СПб., 1912. – С. 214); *Mez A.* Die Renaissance des Islams. – Heidelberg, 1922. – S. 55; см. также: *Бартольд В.В.* Иран. Исторический обзор. – Ташкент, 1926. – С. 32 и: *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 3 – С. 369.

² Первоначально шиитское движение являлось выражением политической оппозиции арабов Ирака против Сирии, а затем уже вовлекло в свою орбиту и покоренное иранское население (клиентов-мавали), в силу того, что оно было направлено против Омаййадов, олицетворявших собою арабское господство. См.: *Wellhausen J.* Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam. – Berlin, 1901. – S. 89; *Wellhausen J.* Das arabische Reich und sein Sturz. – Berlin, 1902. – S. 42.

³ О фанатизме шиитов иракского города Хилла в XIV в. см.: *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. – СПб., 1903. – С. 133.

⁴ В Неджефе – могила ‘Али, в Кербеле – могила его сына Хусайна.

⁵ См.: *Бартольд В.* Историко-географический обзор Ирана. – СПб., 1903. – С. 119; *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate. – Cambridge, 1905. – P. 209; *Mez A.* Die Renaissance des Islams. – Heidelberg, 1922. – S. 56; *Тадж ад-дин ас-Субки.* Табакаат аш-Шафи’ийа. – Каир, 1325 г.х. – Т. II. – С. 194.

верить географу Йакуту, уже в VIII в. н.э. именно арабскими поселенцами¹. Из Кума шиитство, по-видимому, распространилось и в прилегающих к нему местностях и соседних городах². Напротив того, в самой Аравии сплошь, за исключением городов, господствовало шиитство, которое одерживало верх даже и в некоторых городах, как, например, в Омане, Хаджаре и Са'де³.

Однако, в силу сложившихся политических условий, шиитство постепенно стало распространяться и на Восток и стало властно вовлекать в свое лоно покоренное арабами население восточных областей халифата⁴. Параллельно с этим, к религиозно-политическим моментам розни прибавился еще момент национально-политический: в конце концов иранцы-шииты враждебно противостояли арабам-суннитам.

В XVI столетии н.э., когда во главе персидской державы стала национальная персидская или, по крайней мере, выдававшая себя за таковую, шиитская династия Сефевидов⁵ (1501–1721), представители этой династии, пытавшейся связать свое происхождение с родом 'Али, сделали шиитство государственной религией Персии и тем самым только еще резче противопоставили Персию как национальное и религиозное государственное образование соседней уже не арабской, а турецкой Ос-

¹ При наместнике Ирака ал-Хадждадже. *Kitab irshad al-arib ila ma'rifat al-adib* or *Dictionary of learned men of Yaqut* / Ed. by D.S. Margoliouth. – Leiden-London, 1907–1927. – Vol. IV. – P. 175.

² *Kitab irshad al-arib ila ma'rifat al-adib* or *Dictionary of learned men of Yaqut* / Ed. by D.S. Margoliouth. – Leiden-London, 1907–1927. – Vol. I. – P. 57 и IV, P. 15.

³ *Mez A. Die Renaissance des Islams.* – Heidelberg, 1922. – S. 56.

⁴ *Wellhausen J. Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam.* – Berlin, 1901. – S. 89; *Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор.* – Ташкент, 1926. – С. 33.

⁵ О происхождении этой династии, характере ее первых представителей и их отношении к шиитству см.: *Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана.* – СПб., 1903. – С. 144 и *Browne E. A History of Persian literature in Modern Times.* – Cambridge, 1924. – P. 18.

манской державе, официально придерживавшейся суннитского толка. Совпадение момента резкого персидско-турецкого национального антагонизма с рознью религиозно-политической, постоянно раздуваемой фанатичными представителями духовенства, влияние которых при Сефевидах значительно возросло¹, еще только усугубляло эту рознь и сделало почти совершенно немислимым какое-либо соглашение между суннитами и шиитами².

¹ *Browne E.* A History of Persian literature in Modern Times. – Cambridge, 1924. – P. 120.

² Если *Ed. Browne* (*Browne E.* A History of Persian literature in Modern Times. – Cambridge, 1924. – P. 12) утверждает, что в данном случае национальный момент отступает далеко на задний план перед моментом религиозным, то это следует понимать, конечно, в том смысле, что стоявший на первом плане политический или, вернее, государственно-правовой вопрос о верховной власти и источнике этой власти приобрел в исламе, как все вообще политические и правовые вопросы, сугубо религиозный характер (См.: *Macdonald D.B.* Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory. – New York, 1903. – P. 3; *Strothmann R.* Das Staatsrecht der Zaiditen. – Strassburg, 1912. – S. 2). Что национальный вопрос все же играл некоторую роль в определенных моменты суннитско-шиитского спора, видно хотя бы из того факта, что у шиитов-зайдитов, создавших национально-арабское (*Strothmann R.* Das Staatsrecht der Zaiditen. – Strassburg, 1912. – S. 47 и 102) государственное образование в Южной Аравии, непримиримости по отношению к суннитам всегда было гораздо меньше: отсутствовал именно момент национального антагонизма, значительно обостривший отношения между персами-шиитами и турками-суннитами. О более ярко выраженном у зайдитов ощущении единства ислама и о более умеренной позиции, занятой ими в вопросе о верховной власти вообще и, в частности, в отношении к первым двум халифам-патриархам («двум шейхам», как говорят мусульмане-сунниты) см.: *Al-Mas'udi.* Les prairies d'or, texte arabe et traduction française du Muruj al-dhahab par Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. – Paris, 1861–1877. – Vol. VI. – P. 24; *Al-Schahrastani.* Kitab al-milal wa-al-nihal: Book of Religious and Philosophical Sects / Ed. by W. Cureton. – Leipzig, 1923. – S. 116; 'Абд ал-Кахир ал-Багдади. Книга ал-фарк байн ал-фирак – Каир, 1328 г.х. (1910 г. н.э.). – С. 22; и *Strothmann R.* Das Staatsrecht der Zaiditen. – Strassburg, 1912. – S. 25–28. Общую оценку и характеристику шиитского движения при Сефевидах см.: *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 3. – С. 369 и *Browne E.* A History of Persian literature in Modern Times. – Cambridge, 1924. – P. 23.

На стороне персов-шиитов религиозная вражда и нетерпимость, выкованные веками притеснений и преследований, конечно, усугублялись еще и тем обстоятельством, что общемусульманские святыни – города Мекка и Медина – находились в руках суннитов; это обстоятельство, с другой стороны, в значительной мере способствовало османским султанам присвоить себе роль халифов, духовных вождей всего мусульманского мира¹.

Постоянная опасность, угрожавшая Европе со стороны Турецкой державы, дошедшей до апогея своего политического могущества при султанах Селиме и Сулеймане Великолепном (1512–1566), заставили европейские державы искать союза с Персией против Турции, а это, как правильно отмечает Ed. Browne², конечно, тоже должно было еще больше разжечь уже существовавший антагонизм и соревнование между двумя самыми могущественными мусульманскими державами.

389

Попытка некоторого сближения между шиитским и суннитским исламом была сделана тогда (и это очень показательно), когда персидский престол, на смену Сефевидам, занял турок Надир-шах. Правда, для Надир-шаха основанием для этой попытки послужили главным образом соображения не религиозного, а политического характера, а именно стремление к равному с османским султаном авторитетному положению в мусульманском мире³, но все же эта по-

¹ *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 3. – С. 370; 387–389.

² Там же. – С. 11.

³ Насколько религиозные соображения в этих попытках Надир-шаха не играли роли, видно из следующего факта: за несколько лет до этого, еще при шахе Тахмаспе, после постыдного мира с Турцией, заключенного шахом в результате неудачного похода, который им был предпринят против турок за спиной Надира, осаждавшего Херат, Надир выпустил воззвание к народу, в котором особенно возму-

пытка не лишена некоторого значения, и несколько более подробное освящение ее, быть может, не будет лишено интереса.

Попытки Надир-шаха внести в мирный договор с Высокой Портой некоторые пункты, имевшие целью гарантировать шиитам, или, вернее, *персидским* мусульманам, подобающее равноправное положение наряду с мусульманами суннитского толка, не остались не отмеченными в работах европейских востоковедов: пишет о них и Хаммер-Пургшталь в своей истории Оттоманской империи, говорит о них и Малькольм в своей истории Персии, упоминает о них и Вамбери в истории Бухары¹, и если я считаю возможным еще раз вернуться к этому вопросу, то потому лишь, что в европейской литературе остался неиспользованным один очень интересный источник, изданный в Каире только в 1906 г. (1324 г.х.), а именно сочинение 'Абдаллах-эфенди ал-Багдади ас-Сувайди (ум. в 1174 г.х. = 1760 г. н.э.)², озаглавленное «Решающие доводы в пользу объединения всех мусульманских сект»³.

390

Автор этого сочинения, известный суннитский богослов XVIII века, происходит из очень известной

щался тем, что в руках врагов-еретиков остались пленники-шииты. «Подобный договор», говорится в воззвании, «противен воли небес; ангелы, которые охраняют могилу божественного 'Али, громко призывают нас к освобождению его последователей, оставшихся в плену в руках низких еретиков». См.: *Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 76.

¹ *Вамбери Г.* История Бохары или Трансоксании / Пер. А.И. Павловского. – СПб., 1873. – Т. II. – С. 48.

² См.: *Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Literatur.* – Berlin, 1902. – Bd. 2. – S. 377; Cheikho называет годом его смерти 1170 г.х. = 1756 г. н.э.; см.: *Cheikho P.L. s.j. La littérature arabe au XIXe siècle.* – I partie. – Beyrouth, 1908. – P. 87.

³ *Китаб ал-худжадж ал-кат'иййа ли-т-тифак ал-фирак ал-исламиййа.* – Каир, 1324 г.х. Полное имя автора – 'Абдаллах ибн Хусайн ибн Мар'и ибн Насир ад-дин ал-'Аббаси ал-Багдади ас-Сувайди.

в Ираке семьи Сувайди, которая дала исламу ряд видных ученых и имеет своих представителей в рядах мусульманских ученых и поныне¹.

В упомянутой работе автор описывает устроенный Надир-шахом грандиозный религиозный диспут между учеными шиитами и суннитами, в котором сам автор принял официальное участие, по поручению багдадского турецкого наместника Ахмад-паши, в качестве авторитетного представителя суннитского толка со стороны Турции.

Проф. I. Goldziher вскользь упоминает об этой работе², говоря о попытке Надир-шаха примирить шиитский и суннитский ислам, причем он, по моему мнению, несколько переоценивает как стимулы, руководившие Надир-шахом, так и самую возможность реализации его попытки.

Судя по словам переписчика той рукописи, по которой была напечатана интересующая нас работа Сувайди, эта последняя представляет собой извлечение из более объемистого сочинения того же автора под вычурным заглавием «Дуновение мускуса о путешествии в Мекку»³, в котором автор опи-

¹ *Cheikho P.L. s.j.* La littérature arabe au XIXe siècle. – I partie. – Beyrouth, 1908. – P. 85.

² *Goldziher I.* Vorlesungen über den Islam. – Heidelberg, 1910. – S. 316 (рус. перевод: *Гольдцигер И.* Лекции об исламе / Пер. с нем. А.Н. Черновой. – СПб., 1912. – С. 271); как о работе, «по-видимому, ускользнувшей от внимания ученых», о ней упоминает *H. Ritter* в своей рецензии на цит. соч. Ed. Browne в «*Der Islam*» (1926. – Bd. XV. Heft 1. – S. 106); Ritter пользовался турецким переводом, напечатанным в Каире же в 1326 г.х.

³ *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Literatur. – Berlin, 1902. – Bd. 2. – S. 377: «Ан-Нафхат ал-мискиййа фи-р-рихлат ал-Маккиййа» (на арабском). В рукописных собраниях бывш. Корол. Берлинск. библиотеки имеется тоже рукопись этого извлечения, названного в каталоге просто «Übersicht über die politischen Zustände in Persien und Religionsgespräch mit einem Schiiten bei Nadir Schah» (*Ahlwardt W.* Verzeichnis der arabischen Handschriften. – Berlin, 1893. – Bd. 5. – S. 442). В приведенной из самой рукописи цитате это извлечение не имеет того

сывает свое паломничество в Мекку, совершенное им в знак благодарности Аллаху за благополучное окончание упомянутого диспута, о чем он сам так повествует в предисловии к интересующему нас извлечению:

«После того как Аллах сподобил меня оказать поддержку блистательному шариату и опровергнуть сторонников новшеств и впавших в соблазн, я вознамерился совершить паломничество к заповедному храму Аллахову, дабы воздать Ему благодарность за то, что Он сподобил меня исполнения моего заветного желания, сподобил меня того, в чем кроется благо всего ислама, направив истину через мои руки и погасив при посредстве моих рассуждений огонь лжи, заставив шиитов отказаться об обычного у них поношения сподвижников Пророка и обвинения их в неверии¹, отказаться от признания преимущественного права на халифат за ‘Али, сыном Абу Талиба (да будет

392

же заголовка, что в нашем издании, а названо (Л. 41-а) رسالة ملاً عبد الله أفندي السويدي رحه في مناظرته مع علماء الرافضة قبحهم الله تعالى و ذلك في زمن افندي السويدي رحه في مناظرته مع علماء الرافضة قبحهم الله تعالى و ذلك في زمن... طهماز حين جاء الى بغداد... Рукопись, с которой списана берлинская, найдена в бумагах сына нашего автора шейха Мухаммада Са‘ида ас-Сувайди [ум. около 1203 г.х.], как заявляет переписчик, и в ней этот Мухаммад Са‘ид указывает и откуда он заимствовал извлечение, и его цель (л. 41-б): وجدت بخط الفاضل الشيخ محمد السعيد السويدي البغدادي الشافعي ما صورته و لنذكر قصة ذهاب الوالد يعني والده الى شاه العجم الظالم الغشوم نادر شاه و اجراء الحق على يديه و اخماد النار الباطل بمباعته و ارجاع الشيعة مما هم عليه اذلا بخلو ذلك عن فايده قال الوالد رحه في النفحة المسكية في الرحلة المكبية ما نصه و قصة ذلك باختصار. Извлечение, по-видимому, действительно, приведено в значительно сокращенном виде, ибо занимает всего 16 страниц (л. 41-а – л. 41-б) размером 171/2×11 см по 25 строк, а в нашем издании это извлечение занимает 29 страниц, размером 181/2×111/4 см по 21 строке, хотя конец и совпадает с нашим изданием (см.: *Ahlwardt W. Verzeichnis der arabischen Handschriften.* – Berlin, 1893. – Bd. 5. – S. 443, где вместо هذه دلائل عن هذه следует читать هذه دلائل غير هذه); у С. Brockelmann’a (*Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Literatur.* – Berlin, 1902. – Bd. 2. – S. 377) это извлечение не упоминается.

¹ Речь идет о поношении первых халифов и поддержавших их сподвижников Пророка, таким путем отстранивших от власти единственного законного, с точки зрения шиитов, преемника Мухаммада – ‘Али.

над ним благоволение Аллаха!), от разрешения брака на срок¹ и потирания ног (*масх ар-риджлайн*) мокрою

¹ Брак на срок – *мут'а* признается допустимым у шиитов; основные условия действительности такого брака – согласие сторон, строго определенный срок, хотя бы один день, определенный *махр*, т.е. денежное обеспечение жене. См.: *Query A. Recueil de lois concernant les Musulmans Schyites.* – Paris, 1871. – Vol. I. – P. 689–695 (§§ 358–416); *Hughes Th.P. A Dictionary of Islam.* – London, 1896. – P. 424. Допустимость такого брака на срок шииты обосновывают в Коране (4: 28), где по поводу разрешенных форм брака, между прочим, говорится «...и тем из них (т.е. жен), которыми вы воспользовались, вы давайте причитающееся им вознаграждение...». Сунниты считают такую форму брака абсолютно недопустимой, хотя некоторые ученые утверждают, что одно время Мухаммад разрешал такой брак по нужде, но потом окончательно отменил это разрешение; такая точка зрения опирается на отмеченном в мусульманской литературе разночтении, приписываемом Ибн 'Аббасу, Убайй ибн Ка'бу и др., согласно которому в упомянутом стихе после слова «воспользовались» первоначально стояли потом отмененные Мухаммадом слова «на определенный срок». Подробности см.: *Ам-Табари.* Тафсир. Каир, 1321 г.х. – Т. V. – С. 9; *Фахр ад-дин ар-Рази.* Мафатих ал-гайб. – Константинополь, 1294 г.х. – Т. III. – С. 286–291; *'Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани.* Китаб-ал-Мизан. – Каир, 1306 г.х. – Т. II. – С. 97 и 99; *ан-Навави.* Шарх Сахих ал-Имам Муслим. – Каир, 1326 г.х. (на полях Сахих ал-Бухари с комментарием ал-Касталани, т. VIII, с. 431–436; см. также напечат. в Сирии в 1327 г.х. (= 1909 г. н.э.) брошюру *الحصون المنيعه في رد ما اورده صاحب المنار في حق الشيعة*, С. 37–111.

Почти современный нам египетский муфтий Мухаммад 'Абду (ум. в 1905 г.), конечно, отвергает брак на срок уже потому, что придерживается вообще более современных взглядов на брак, а уплачиваемое согласно брачному договору жене денежное обеспечение *махр* – в его толковании совершенно теряет тот одиозный характер, который ему часто придавали, сравнивая брачный договор с договором купли-продажи; упомянутую выше вставку в 28-м стихе 4-й главы Корана он рассматривает именно как не принадлежащую к первоначальному тексту пояснительную вставку кого-либо из сподвижников Мухаммада, выражающую его личное мнение и ни для кого другого не обязательную (см.: Тафсир-ал-Коран ал-Хаким. – Каир, 1328 г.х. – Т. V. – С. 11, 13 и 18). Интересно отметить, что в религиозных преданиях, касающихся брака на срок, которые, конечно, как и все религиозные предания, отражают самые разнообразные тенденции, лично халиф 'Умар отменяет эту форму брака, ранее, при Пророке, разрешенную (*Фахр ад-дин ар-Рази.* Мафатих ал-гайб. – Константинополь, 1294 г.х. – Т. III. – С. 289), а 'Али высказывает по его адресу упрек: «Если бы 'Умар не запретил брака *мут'а*, то бедняк не впадал бы в прелюбодеяние» (*Ам-Табари.* Тафсир. Каир, 1321 г.х. – Т. V. – С. 9). С другой стороны, противоположно окрашенные предания не только заставляют

рукою (вместо омовения)¹, а равно и от других своих мерзостей, новшеств и заблуждений, всем известных и всеми о них передаваемых».

Брошюра Сувайди интересна и тем, что во введении мы находим рассказ очевидца-месопотамца о попытках Надир-шаха увеличить свои владения за счет турецкой империи, рассказ, передающий непосредственные впечатления человека, лично глубоко задетого событиями этой беспокойной для его ближайшей родины эпохи. Сувайди начинает свой рассказ с характеристики полного упадка Персии по завоеванию столицы ее афганцами², повествует о возвышении Надира при дворе предпоследнего Сефевиды Тахмаспа³, которого автор характеризует как человека слабовольного, легкомысленного, предававшегося пьянству и все го-

Ибн 'Аббаса, твердо стоявшего за допустимость брака *мут'а* (*Ам-Табари*. Тафсир. Каир, 1321 г.х. – Т. V. – С. 9), заявить о том, что он был отменен Пророком, но даже заставляют его перед смертью специально каяться в том, что при жизни он настаивал на его разрешенности (*Фахр ад-дин ар-Рази*. Мафатих ал-гайб. – Константинополь, 1294 г.х. – Т. III. – С. 286); мало того, эти предания заставляют именно 'Али напомнить Ибн 'Аббасу, дававшему в его присутствии заключение о допустимости брака *мут'а*, что Мухаммад запретил эту форму брака в день взятия Хайбара. Интересно отметить также, что шииты-зайдиты считают брак на срок запрещенным (См.: «Corpus juris» di Zaid ibn Ali. Testo arabo pubblicato per la prima volta... da Eugenio Griffini. – Milano, 1919. – P. 197, § 718 и P. 324–332 и по общему вопросу: *Goldziher I*. Vorlesungen über den Islam. – Heidelberg, 1910. – S. 238).

¹ Шииты, отрицающие принятое у суннитов символическое омовение *путем обтирания обуви*, одетой утром на чисто омытые ноги, разрешают зато совершать омовение ног сокращенным порядком, просто *обтирая ноги* мокрой рукою, более того, они *запрещают омывать водою* те места, которые подлежат обтиранию мокрой рукой (см.: *Querry A*. Recueil de lois concernant les Musulmans Schyites. – Paris, 1871. – Vol. I. – P. 12, §§ 64, 65 и 68). Расхождение в этом, казалось бы, столь второстепенном вопросе обрядового характера и прежде вызывало, и поныне вызывает ожесточенную полемику между шиитами и суннитами (См. написанную в 1332 г.х. = 1914 г. н.э. специальную брошюру: *Мухаммад Джамал ад-дин ал-Касими ал-Димашки*. Китаб-ал-масх 'ала-л-джаурабайн. – Дамаск, 1332 г.х.).

² После смерти шаха Хусайна (ум. в 1135 г.х. = 1722 г. н.э.).

³ II-го; был у власти в 1135–1144 г.х. = 1722–1731 г. н.э.

сударственные дела возложившего на Надира. Надир одну за другой отвоевывал у афганцев занятые ими территории и взял обратно столицу Исфахан, за что получил почетное прозвище *Тахмасп-коли*, т.е. «Рука Тахмаспа», но народ называл его *Тахмасп-кули*¹, т.е. «Раб Тахмаспа», и это последнее прозвище так прочно установилось за ним, что вряд ли кто знал его первоначальное имя. Сувайди, как верноподданный турецкого султана, конечно, говорит о Надире в несколько пренебрежительном и враждебном тоне, называя его: «этот Надир», «этот бунтовщик» и т.п.

В общем, сведения, сообщаемые Сувайди, не расходятся с теми сведениями, которые Хаммер и Малькольм приводят на основании других турецких и персидских источников. Излагая события, сопровождавшие первую осаду Багдада Надиром², Сувайди рассказывает, что багдадский *вали* Ахмад-паша получил приказ не вступать в битву с персидским войском и ограничиться исключительно защитой внутренней крепости, «так что если бы его чалма упала на стену, то не должен был он выходить из крепости, чтобы поднять ее». Для защиты Багдада при Ахмад-паше находились еще три вазира: Кара-Мустафа-паша, Сары-Мустафа-паша и Джалал-Оглы-Ахмад-паша. Осада длилась полтора года, и город был, по-видимому, так тесно обложен, что «продовольствие иссякло и осажденные ели мясо лошадей, ослов и даже кошек и собак». Только после упорного сражения вспомогательному турецкому корпусу под начальством Топал-паши ‘Усмана удалось сломить сопро-

¹ *Macdonald D.B.* Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory. – New York, 1903. – P. 49) сообщает, что Тахмасп с самого начала сознательно дал Надиру именно прозвище «Раб Тахмаспа», оберегая свое личное самолюбие.

² В 1732 г. н.э. после низложения и ссылки в Хорасан шаха Тахмаспа и возведения на престол его сына, малолетнего ‘Аббаса III. См.: *Macdonald D.B.* Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory. – New York, 1903. – P. 80.

тивление персидских войск и обратить в бегство и их, и «даже самого Тахмасп-кули вместе с ними»¹.

Коснувшись только в нескольких словах второй осады Багдада и походов Надира в сторону Малой Азии и Эрзерума, Сувайди очень сжато упоминает об избрании Надира персами на царство во время его пребывания в Муганской степи в 1148 г.х. (= 1736 г. н.э.) По Hammer², Надир в начале этого года направился в Муганскую степь, где 12 000 работников уже заблаговременно соорудили великолепную ставку, и там произошла комедия избрания Надира на царство, после того как он в течение месяца отказывался и согласился, наконец, взять бразды правления в свои руки, якобы только уступая настоятельным требованиям народа. Сувайди очень сжато, но выразительно говорит о том давлении, которое в данном случае было произведено Надиром на окружающих и на народные массы: «персы присягнули ему в результате кое-какой предпринятой им махинации». Подробности предварительных переговоров Надира с его приближенными мы находим у историка Надир-шаха Мухаммед-Казима в его «Надир-наме»³.

396

¹ Macdonald D.B. Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory. – New York, 1903. – P. 82.

² Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 314.

³ Рукоп. Азиатск. Музея Акад. наук (№ 11 и 12 по списку В.В. Бартольда), Т. II, Л. 3-б и 4-а. О самой рукописи и ее авторе см.: Бартольд В. О некоторых восточных рукописях // Изв. Р.А.Н. – 1919. – С. 927–930; также: Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор. – Ташкент, 1926. – С. 87. Из сообщаемых Мухаммед-Казимом сведений явствует, что в переговорах со своими приближенными Надир называет себя единственным лицом в Персии, могущим взять власть в свои руки, и высказывает опасение по поводу того, что в Персии могут найтись и среди знати и военачальников, и среди простого народа такие люди, которые пожелают возвести на престол одного из потомков Сефевидов и тем свести на нет все его, Надира, многолетние труды. В конце концов, приближенные посоветовали Надиру собрать

В печатном издании брошюры Сувайди избрание Надир на царство отнесено к 1137 г.х. (= 1724–1725 г. н.э.); ошибочность этой даты, отмеченная в примечании и издателем, очевидно, лежит на ответственности переписчика рукописи, так как сам же автор приводит *ta'riх*, т.е. хронограмму этого события, числовое значение которой дает 1148¹; Мухаммед-Казим приурочивает избрание к 1-му рамадана 1148 г.х. (=15 января 1736 г. н.э.)², что вполне соответствует приведенной Hammer'ом датировке³.

Согласившись, наконец, занять престол низложенных им же Сефевидов, Надир свое согласие обусловил следующими условиями:

1. Персы отказываются от шиитства, признав таковое ересью, введенною сефевидским шахом Исмаилом, и становятся последователями толка (*мазхаб Джа'фари*, основанного якобы имамом Джа'фаром⁴; *маз-*

представителей со всех концов царства и богато одарить всех влиятельных лиц, что он и сделал.

¹ Этот *ta'riх*, обычно читаемый: *الخير فيما وقع* т.е. «в том, что случилось – благо», теми, кто этим событием был недоволен, читался: *لا خير فيما وقع*, что, не меняя числового значения хронограммы, значит: «нет блага в том, что случилось». См.: *Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 95.

² Рук. Л. 4-б, строка 13. У Мехди-хана (*Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 135) приведен тоже 1148 г.

³ У Malcolm'a назван 1149 г.х. (*Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 90), очевидно, по недоразумению, т.к. начало 1149 г.х. приходится на 12 мая 1736 г. н.э.

⁴ Праправнук Хусайна, сына 'Али, 6-й имам, последний, признанный всеми шиитами, по прозвищу Джа'фар Правдивый; умер в Медине в 148 г.х. (= 765 г. н.э.); считался знатоком религиозных преданий, а также астрологии, алхимии и других тайных наук; название эзотерических знаний в вопросах религиозных и политических, якобы передававшихся из рода в род среди потомков 'Али, – *джафр* – приводилось в связи с именем этого имама. См. статьи: *Zettersteen V.K. Muhammad b. 'Abd Allāh // Enzyklopaedie des Islam. First Edition, I, 1035* и *Macdonald D.B. Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory.* – New York, 1903. – Vol. I. – P. 1037, где указана и литература.

хаб джа'фари признается пятым правоверным толком, на равных правах с признанными в суннитском исламе четырьмя: ханафитским, шафи'итским, маликитским и ханбалитским. В соответствии с этим персы отказываются от поношения первых халифов, признав их вполне законно ставшими у власти. Кто откажется от выполнения этих условий, будет признан отступником от веры.

2. Признать необходимым предоставление последователям толка джа'фари отдельного места для молитвы в ограде Каабы, наравне с четырьмя суннитскими школами¹.

3. Признать необходимым иметь для паломников-персов, отправляющихся к святым местам из Ирака, отдельного, назначаемого шахом, официального руководителя, – так называемого *эмирулхаджжа* (*амир ал-хаджж*)².

398

Так как параллельно с этим велись переговоры с прибывшим в Мугань турецким уполномоченным Гендж-Али-пашой, то были включены еще два условия:

4. Произвести взаимный обмен пленными персами и турками.

5. Взаимно назначить при персидском и турецком дворе постоянных дипломатических представителей.

Как видно, требования носили все больше политический характер и имели главной целью обеспечить Надиру в переговорах с Высокой Портой признание за ним равноправного положения с султаном, покровителем Священных городов, к прерогативам которого

¹ У трех суннитских школ – ханафитской, маликитской и ханбалитской – имеются свои особые места (под крышей на колоннах, т.н. *макам* или *мусалла*), за окружающей Каабу колоннадой, где во время молитвы стоят и их имамы; шафи'иты для этого пользуются либо надстройкой над Замзамом, либо т.н. *Макам Ибрахим*, построенной в том месте, где, по преданию, Авраам стоял во время постройки Каабы.

² снаряжение каравана паломников считалось прерогативой халифа: такие караваны под руководством отдельного *эмирулхаджжа*, отправляются ежегодно из Турции (через Дамаск) и из Египта.

принадлежало также право снаряжения паломнических караванов и назначение *амира ал-хаджжа*. Религиозный момент играл, очевидно, второстепенную роль для Надира и выставлялся им тоже только из политических соображений.

Чтобы придать принятию народом этих условий больший авторитет, Надир велел созвать в Мугань виднейших ученых-богословов из всех подчиненных ему областей, среди которых были, конечно, и сунниты (особо оговариваются Балх и Бухара), и от них Надир потребовал, чтобы они своим авторитетом подтвердили первый пункт условий, т.е. отказ от шиитства как от противопоставляемого суннитскому исламу религиозного направления¹.

Вряд ли в этих требованиях можно видеть стремление к примирению шиитства с суннитством, стремление чисто религиозного порядка, и, несомненно, прав Malcolm², утверждая, что изложенное в первом пункте условие принятия Надиром персидской короны имело главной целью дискредитировать шиитство в той форме, в которой оно успело укорениться при Сефевидях, и тем самым окончательно уничтожить популярность низложенной им династии и разгромить главный оплот последней – шиитское духовенство. Очевидно, Надир при этом опирался на поддержку суннитских ученых, а на шиитских ученых производил сильное давление³.

¹ Мухаммед-Казим к изложению этих условий возвращается дважды: при изложении решения ученых Балха и Бухары (Надир-наме. Рук. л. 83-б – 87-а) и при изложении условий, предложенных Высокой Порте (рук. л. 88-б – 91-б). См.: *Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches.* – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 314; *Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 90.

² *Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 93 и 150.

³ О настроении шиитского духовенства и характере производимого на него давления можно судить по следующему факту, приведенному у Malcolm'a (*Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu'à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 91) по *Fraser* 'y: главный шиитский муфтий якобы заявил Надиру на совещании по этим вопросам, что

Турецкое правительство, в ответ на предложение Надира, не шло ни на какие уступки, дипломатично, но твердо настаивая на всех прерогативах султана как верховного владыки всех мусульман. Надир, в ответ на это, то возобновлял военные действия, то отказывался от некоторых требований, выставляя новые, то требуя, как наследник Тимура, возвращения всех областей, когда-то принадлежавших тимуридам, и, в целях нажима на турецкое правительство, угрожал возобновлением военных действий¹.

400

«Такой тактики, – пишет Сувайди, – Надир придерживался непрерывно, разоряя страну, так что до 1156 г. (= 1743 г. н.э.) опустошил большую часть земель иракских до явного их обнищания, в том же году двинулся против Ирака Арабского с несметными армиями и большими полчищами, численностью, что песок и камни. Свои отряды и войска он разослал по всем этим землям, для осады Багдада оставил около семидесяти тысяч, а девяносто тысяч послал для осады Басры. И осаждали они нас в течение шести месяцев; при этом Басру они обстреливали пушками, бомбами и ружьями, от Багдада же они остановились на расстоянии около фарсаха, исключительно благодаря мерам, которые были приняты наместником Багдада, великим вазиром Ахмад-пашой, да продлит Аллах его благополучие!»

«А что до Надира и остального войска его, то он направился к Шахризур², жители последнего ему подчинились, равно как племена курдов и арабов. Затем он

ему-де лучше заниматься мирскими делами и не вмешиваться бы в дела религиозные; этот муфтий вслед за тем скоропостижно скончался, т.е., очевидно, попросту был убит по приказанию Надира.

¹ См.: *Hammer J.* von. Geschichte des Osmanischen Reiches. – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 391.

² О городе и округе этого имени см.: *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. – СПб., 1903. – С. 138; *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate. – Cambridge, 1905. – P. 90, 190 и 224.

направился к крепости Керкук¹, осаждал ее в течение восьми дней и за это время обстрелял ее тысячью ядрами и столькими же бомбами; жители крепости сдались и покорились ему. Затем Надир пошел на Ирбиль, жители которого сдались и подчинились ему, а затем пошел на Мосул², причем его войско насчитывало до двухсот тысяч бойцов. На протяжении семи дней он выпустил по городу около сорока тысяч ядер и столько же бомб, но жители остались стойки и препоручили свои дела их устройтелю, а устройство их – Аллах Всевышний. Затем Надир велел заложить мины, наполнив их свинцом и порохом, и зажечь их огнем. Но беда обратилась против него же»³.

«Когда Надир понял, что под Мосулом он успеха не добьется, он отошел от него и отправился с войском к Багдаду⁴. Пришел он и остановился в местечке (*касаба*) *Муса ибн Джа‘фара*⁵, поклонился его праху, поклонился праху

¹ О ней см.: *Mostras C. Dictionnaire géographique de l’Empire Ottoman.* – St. Petersburg, 1873. – P. 149.

² Надир, как сообщает его историк Мехди-хан, собственно, не предполагал идти дальше Керкука, в ожидании ответа из Стамбула, куда, по поручению Ахмад-паши, отправился Мухаммед-ага. Наступление на Мосул было вызвано полученным в ставке Надира сведением о том, что Порта отклонила признание пятого *мазхаба* и *фетвою шейхулислама* (*шайх ал-ислама*) постановлено считать дозволенным убивать и брать в плен персов и признать исповедуемое ими религиозное направление противоречащим исламу. См.: *Мехди-хан. Тарихи-Надири.* – Тавриз, 1248 г.х. – С. 133. (Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность проф. А.А. Семенову, любезно предоставившему в мое распоряжение свой экземпляр этого сочинения) / См. также: *Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches.* – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 398.

³ Подробности осады Мосула в персидском освещении см. у Мехди-хана: *Мехди-хан. Тарихи-Надири.* – Тавриз, 1248 г.х. – С. 133.

⁴ По Мехди-хану (*Мехди-хан. Тарихи-Надири.* – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134), Надир 2-го *рамадана* того же (1156) года (= 20 октября 1743 г. н.э.) отошел к Керкуку и затем предпринял посещение святых мест, причем встретил самое радушное и любезное отношение и содействие со стороны Ахмад-паши и других пашей; при этом отступление персов от Мосула Мехди-хан объясняет не неудачей персов, а, наоборот, тем, что мосульские паши, видя настойчивое стремление шаха взять крепость, сами вступили с ним в переговоры (*Мехди-хан. Тарихи-Надири.* – Тавриз, 1248 г.х. – С. 133).

⁵ 7-й имам господствующего в Персии шиитского направления Муса ибн Джа‘фар ал-Казим, погибший в 183 г.х. (= 799 г. н.э.) в Багдаде от яда.

Мухаммед ал-Джавада¹, затем переправился через Тигр у Кариба и поклонился праху имама Абу Ханифы»².

«В течение всего этого времени непрерывно курсировали послы между Надиром и Ахмад-пашой, пока, наконец, шах не отказался от своего требования о признании правоверности шиитского толка и о подтверждении того, что он-то и есть *мазхаб* Джа‘фара Правдивого. Затем Надир отправился в Неджеф, чтобы поклониться праху ‘Али, сына Абу Талиба, и посмотреть на сооруженный по его приказу золоченый купол».

Багдадский наместник Ахмад-паша, о котором упоминает Сувайди и которого Malcolm³ называет хорошим воином и хорошим политиком, все время дипломатично пытался сглаживать все шероховатости, возникавшие при переговорах Надира с Портой; не выражая прямого протеста против выставленных Надиром требований, он обещал ему склонить свое правительство прислать к Надиру несколько лучших *факихов* для решения спорных вопросов религиозного характера. Видя такое к себе доброжелательное отношение со стороны Ахмад-паши, Надир заявил Порте, что в дальнейшем согласен вести переговоры только через него. Это обстоятельство, как замечает Hammer⁴, даже заставило турецкое правительство относиться с некоторым подозрением к заслуженному паше.

402

¹ Мухаммад ибн ‘Али ал-Джавад, 9-й имам, тоже отравленный в Багдаде в 220 г.х. (= 835 г. н.э.).

² Основатель той из четырех школ суннитского толка, которая преобладает в Турции; это посещение Надиром гробницы великого и почитаемого суннитского ученого-законоведа наряду с гробницами шиитских имамов, очевидно, должно было документировать прекращение розни между шиитами и суннитами. Подробности посещения Надиром святых мест и могилы Абу-Ханифы см.: *Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134.

³ *Malcolm J. Histoire de la Perse depuis les temps les plus anciens jusqu’à actuelle.* – Paris, 1821. – Vol. III. – P. 81; об этом турецком государственном деятеле см.: *Enzyklopaedie des Islam*, I, P. 213.

⁴ *Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches.* – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 391 и 402.

В результате посредничества Ахмад-паши в 1746 г. н. э. (= 1159 г.х.) был, наконец, заключен мир, по которому Надир отказывался от большинства своих требований, в частности от признания Турцией пятого *мазхаба джа'фари*. Согласно этому мирному договору, государственные границы Персии и Турции должны были быть сохранены на основаниях договора обоих государств, заключенного при султানে Мураде IV в 1638 г., со следующими тремя оговорками: 1) персидские паломники пользуются одинаковой с османскими защитой со стороны официального турецкого *эмирулхаджжа*; 2) обоюдно назначаются поверенные в делах, подлежащие смене каждые три года, и 3) пленники, попавшие в плен за время военных действий, обоюдно подлежат свободному возвращению на родину¹.

Мы видим, таким образом, что основное требование Надира, о признании пятого правоверного *мазхаба*, осталось неудовлетворенным, турецкое правительство даже отказалось официально обсуждать этот вопрос. Мухаммед-ага, отправленный Ахмад-пашой еще до осады Мосула в Стамбул для переговоров с Высокой Портой, ко времени снятия осады привез известие, что султан на личном приеме сказал ему, что если Надир действительно желает вести переговоры относительно выставленных им в окончательной форме требований, то пусть он отступит в свои границы: при этом условии от переговоров можно ждать успеха, за исключением требования о признании пятого *мазхаба*, от которого Надиру следует отказаться, ибо исполнение этого-де требования грозило бы государству всеобщей смутой и беспорядками. В случае принятия этих условий Надиром, ведение переговоров поручалось Ахмад-паше². Так как при этом осталось неудовлетворенным ходатайство

¹ Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 418.

² См.: *Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134.

Ахмад-паши о присылке к Надиру нескольких виднейших *факихов* для решения религиозного спора, ходатайство, с которым он, уведомив о том Надира, обратился к Порте в том же 1156 году (= август 1743 н.э.)¹, то, очевидно, чтобы смягчить впечатление от этого, Ахмад-паша, щадя самолюбие Надира, тогда же, осенью 1743 года н.э., решил послать от себя лично видного суннитского богослова в ставку Надира для участия в религиозном диспуте между суннитами и шиитами. Этот диспут был устроен Надиром в его ставке в Неджефе в среду 24-го шаввала 1156 г.х. (= 12 декабря 1743 г. н.э.) с привлечением шиитских ученых Неджефа и Кербелы, а также суннитских ученых Афганистана и Мавараннахра², и имел, по-видимому, уже более скромную цель – наладить суннитско-шиитские отношения внутри самой Персии.

404

Привожу ниже в русском переводе то, что об этом диспуте повествует Сувайди, заживо задетый этим событием; его рассказ, живой и непосредственный, ярко рисует нам переживания самого рассказчика, дает живое описание всей обстановки диспута и встречи автора с Надиром, видимо, сразу завоевавшим его симпатии и доверие.

И вот, – повествует Сувайди, – когда я в воскресенье 21-го шаввала³ около заката сидел у себя, вдруг явился посланный Ахмад-паши звать меня к нему. Я отправился к нему по совершении предзакатной молитвы и вошел в дом правителя; ко мне вышел один из его друзей и собеседников, Ахмад-ага, и спросил меня: «Знаешь ли, зачем тебя вызвали?» Я ответил: «Нет». Тогда он мне сказал: «Паша ищет ученого, который мог бы совместно с учеными персами заняться обсуждени-

¹ См.: *Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches.* – Pesth, 1836. – Vol. IV. – S. 392.

² У Мехди-хана (*Мехди-хан. Тарихи-Надири.* – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134): «всех ученых Афганистана, Ирана, Балха, Бухары и всего Турана».

³ 1156 г.х. = 9 декабря 1743 г. н.э.

ем вопроса о шиитском толке и подумать о том, какие привести доводы в пользу его лживости, в то время как персы будут приводить доказательства его истинности; при этом, если он будет побежден в споре, ему придется признать и подтвердить пятый мазхаб».

Когда моего слуха коснулись эти слова, стали дыбом мои волосы и затряслись мои поджилки, и я сказал: «О, Ахмад-ага, ты знаешь, что шииты – народ упорствующий и любители препираться, так разве же они согласятся с тем, что я буду утверждать, тем более, если принять во внимание их мощь и их численность? А затем, этот шах, несправедливый и притеснитель, да разве я могу осмелиться привести доказательства лживости исповедываемого им учения и назвать безрассудными его взгляды? Да и как может состояться совместное с ними обсуждение вопроса, раз они отрицают всякое признаваемое нами предание и не признают достоверности ни шести сборников¹, ни других? Каждый стих (Корана), на котором я буду основывать свои доводы, они будут толковать по-своему, а они ведь утверждают, что довод, допускающий различное понимание, не может служить доказательством, равно как они утверждают, что условием доказательности довода является бесспорная приемлемость его для обеих сторон; а между тем во всех вопросах, решаемых путем исследования, приходишь ведь (только) к предположительным решениям. Так как же я докажу допустимость *масха* (т.е. символического омовения ног путем обтирания) обуви², раз она основана на сун-

¹ Шесть признанных у суннитов каноническими сборников достоверных религиозных преданий.

² Не вдаваясь здесь в подробности ожесточенного спора между суннитами и шиитами по этому мелкому вопросу религиозно-обрядового порядка, основанному, быть может, на разночтении соответствующего текста Корана (5:8). См.: *Фахр ад-дин ар-Рази*. Мафатих ал-гайб. – Константинополь, 1294 г. – Т. III. – С. 545), отмечу только, что отстаивая каждый свою точку зрения, и шииты, и сунниты создали соответствующие резко

не? Если я скажу, предание о *масхе* обуви передается примерно 70-ю сподвижниками Пророка, в том числе

формулирующие вопрос предания. Шииты приписывают жене Пророка 'Аише заявление: «Я предпочла бы, чтобы мне отрубили обе ноги, чем совершить *масх* поверх сандалий!» (*Фахр ад-дин ар-Рази*. Мафатих ал-гайб. – Константинополь, 1294. – Т. III. – С. 547), а сунниты заставляют ту же 'Аишу заявлять столь же категорически: «Я предпочту, чтобы мне отрубили обе ноги, чем совершить *масх* ног без сандалий!» (*Аз-Замахшари*. Кашшаф. – Каир, 1318–1319 г.х. – Т. I. – С. 407; см. также: *Ат-Табари*. Тафсир. Каир, 1321 г.х. – Т. VI. – С. 64 и 71–77). Более того, в комментарии к приписываемому Абу Ханифе сочинению «Васиййа» («Завещание») этому столпу суннитского учения приписываются слова: «Кто отрицает допустимость *масха* обуви, тот рискует впасть в неверие», а со слов его ученика Абу Йусуфа сообщается, что тот, кто отрицает такой *масх*, должен считаться неверным. (См.: *Мулла Хусейн*. Ал-Джаухарат ал-мунифа фи шарх насиййат ал-имам Аби Ханифа. – Хайдебад, 1321 г.х. – С. 20). Известному суннитскому ученому, ханафиту ал-Кархи (ум. в 340 г.х. = 952 г. н.э.) приписывают аналогичное заявление: «Боюсь, что впадает в неверие тот, кто не признает *масха* обуви» (*Бухари*. Сахих с коммент. ал-Касталани, т. II, с. 4, и Малик. Ал-Муватта' с коммент. Зуркани, т. I, с. 70). Конечно, имя 'Умара, столь ненавистное шиитам, фигурирует многожды в связи с теми преданиями, которые утверждают отрицаемый шиитами *масх* обуви. (См.: Сахих с коммент. ал-Касталани, т. II, с. 4 и 'Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани. Китаб-ал-Мизан. – Каир, 1306 г.х. – Т. I. – С. 56.) Для значения, которое вопрос о *масхе* обуви приобрел в шиитско-суннитском споре, очень характерен тот факт, что он включен одним из пунктов в суннитское исповедание веры как аш'аритского, так и матуридитского толка. См. приведенные у D.V. Macdonald'a (*Macdonald D.V. Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory*. – New York, 1903. – P. 298 и 314) формулировки ал-Аш'ари и ан-Насафи. Подлинный текст см.: *Абу-л-Хасан ал-Аш'ари*. Китаб-ал-ибана 'ан усул ад-дийана. – Хайдебад (литогр. 1321 г.х.). – С. 12. Подробное освещение этого вопроса, в связи с изучением обрядовых особенностей шиитов-зайдитов, см.: *Strothmann R. Das Staatsrecht der Zaiditen*. – Strassburg, 1912. – S. 21–46. В дополнение к приведенным в этой работе данным следует указать, что зайдиты не отвергают *масха* обуви безусловно: они допускают его в виде исключения, по нужде; ср.: «Corpus juris» di Zaid ibn Ali. Testo arabo pubblicato per la prima volta... da Eugenio Griffini. – Milano, 1919. – P. 15, §§ 66 и 67. Интересно отметить также, что Алиду Мухаммаду ан-Нафсу аз-Закиййа, при Аббасиде Мансуре объявившему себя халифом в Медине (145 г.х. = 763 г. н.э.), для определения его правоверия был предложен вопрос: «Совершаешь ли ты *масх* поверх обуви?» (См.: *Ибн Хаджар ал-Хайсами*. Китаб ас-сава'ик ал-мухрика. – Каир, 1324 г.х. – С. 31).

и 'Али, они ответят: а у нас недопустимость *масха* установлена свидетельством более, чем ста сподвижников Пророка, в том числе Абу Бакра и 'Умара. Если же я скажу им: подлинно, те предания, которые вы приводите в доказательство недопустимости *масха*, подложны и вымышлены, они ответят мне: точно так же и то, что вы приводите в доказательство допустимости *масха*, подложно. Так как же их убедить такими преданиями?¹ Я прошу его превосходительство вазира снять с меня эту пытку и послать вместо меня ханафитского или шафи'итского муфтия, ибо они оба более подходящие для такого случая».

Ахмад-ага ответил: «Это невозможно! Превосходительный паша избрал тебя для этого, и тебе остается только подчиниться; ты и не заикайся о возражении против его желания!»

На утро после этой ночи я виделся с вазиром Ахмад-пашой, и он много беседовал со мной по этому вопросу и сказал: «Я умоляю Аллаха сделать убедительными твои доводы и направить твой язык по пути истины, но ты волен пойти на спор, или уклониться от него, вот и все. Только не отказывайся от диспута совершенно, но, во время беседы, приведи некоторые подходящие рассуждения, дабы персы знали, что ты человек ученый. А если ты увидишь с их стороны объективность и желание выявить истину, тогда вступи с ними в дискуссию, но только смотри, не сдавайся им». Затем паша сказал: «Шах в Неджефе, и я хочу, чтобы в среду утром ты был у него», велел дать мне нарядную одежду, верховое животное и слугу и послал со мною одного из своих стремянных и отправил нас вместе с теми персами, которые пришли за нами.

¹ В 1324 г.х. (= 1906 г. н.э.) в Каире была напечатана специальная работа мекканского шафи'итского муфтия конца прошлого столетия Зайни Дахлана: «Трактат о методах спора с шиитами и опровержения их». Трактат издан одной брошюрой вместе с занимающей нас работой ас-Сувайди.

Мы выступили в понедельник 22-го шаввала¹ под вечер, и я в пути постоянно воображал себе в уме доводы обеих сторон и представлял себе ответы на возможные возражения; этим я был непрестанно занят, и не было у меня других мыслей, кроме конструирования различных доводов и опровержения (возможных) сомнений, так что я вообразил себе более ста доводов и на каждый довод приготовил одно, два или три возражения, в зависимости от характера сомнений и могущих быть основанными на них раз толков. В результате мною в дороге овладело настолько подавленное настроение, что я заболел уремией.

Прибыли мы в *Хиллэ Ра'ис ибн Мазйада*², которое тогда было в руках персов; там я встретил некоторых суннитов, которые сообщили мне, что шах для этого случая собрал всех муфтиев своей страны и что число их уже достигает 70-ти муфтиев, все шииты. Когда я услышал это, я воскликнул: «Нет силы, нет мощи, кроме как у Аллаха Всевышнего, Великого! Поистине, все мы принадлежим Аллаху, и к Нему нам надлежит вернуться!»

408

Я в уме подготовил речь и сказал себе: если я скажу, что мне не вменено в обязанность вступить в дискуссию, то, я почувствую, моя душа этим не удовлетворится, а если я вступлю с ними в дискуссию, то, боюсь, они доведут до сведения шаха противоположное тому, что действительно имело место. Обдумав, я твердо решил, что вступлю с ними в дискуссию только в присутствии шаха и скажу ему: «Для моей дискуссии требуется ученый арбитр, который не был бы ни суннитом, чтобы его нельзя было заподозрить в желании

¹ 10 декабря 1743 г. н.э.

² Город Хилла, в Месопотамии, в Багдадском вилайете; основан в 495 г.х. (= 1102 г. н.э.) мазйадитом Сайф ад-даула Садака ибн Мансуром и тогда же был назван *Хиллат, бани Мазйад*, т.е. «поселение племени Мазйад» (см.: Enzykl. d. Islam, II, стр. 327, где указана и литература); был в XIV в. центром шиитского фанатизма.

поддержать меня, ни шиитом, чтобы его нельзя было заподозрить в желании поддержать их; таким образом, нам нужен ученый, либо еврей, либо христианин, либо другой кто-либо, но только не суннит и не шиит». И еще скажу я ему: «Мы останавливаем свой выбор на тебе, ты рассуди нас, а Аллах Всевышний потребует от тебя ответа в день воскресения мертвых. Выслушай наши рассуждения, дабы стала для тебя ясна истина!»

Затем я представил себе, что если шах склонится на сторону шиитов, я стану с ним спорить и препираться, хотя бы это привело даже к моей казни. Все это я воспроизводил в своем воображении.

И выступили мы из упомянутого Хиллэ во время последней вечерней молитвы в ночь на среду, согласно условию. В эту ночь сильно моросило и был такой туман, что не видел человек своей собственной руки (пред глазами), и была эта ночь и тягостнее, и холоднее, чем та, о которой сказал поэт:

В одну из ночей джумады, обильную влагой
Когда и собака во мгле ее не видит веревок (державших палатку)¹.

Мы безостановочно шли вперед в эту ночь, пока не дошли до гробницы, почитаемой местом упокоения *Зу-л-Кифла*² (благословение и мир Пророку

¹ Стих принадлежит поэту омайядской эпохи Мурра ибн Махкан ат-Тамими; взят из его стихотворения, прославляющего его же гостеприимство. См.: *Rückert Fr. Hamasa, oder die ältesten arabischen Volkslieder.* – Stuttgart, 1846. – Vol. II. – S. 250. Наш автор читает этот стих так: *في ليلة من جمادى ذات أندية * لا تبصر الكلب في أرجائها الطنب*. Во всех других источниках вместо *أرجائها* читается *من ظلماتها*, и этот вариант я предпочел для перевода. См.: Таж ал-⁴Арус. – Т. X. – С. 363 и *Китаб-ал-Агани.* – Т. III. – С. 105. Всей справкой я обязан любезности акад. И.Ю. Крачковского; пользуюсь случаем принести ему искреннюю благодарность за всегдашнюю готовность помочь справками в недоступных нам здесь, в Ташкенте, источниках.

² Зу-л-Кифл, упоминаемый в Коране (21:85 и 38:48), почитается у мусульман пророком, который отождествляется с различными ветхозаветными пророками. Его гробницу указывают в нескольких местах, из которых до настоящего времени наибольшее значение у мусульман сохранила упоми-

нашему и ему!), а она находится на полупути между Хиллэ и Неджефом. Мы остановились вне здания святыни, немного отдохнули и шли дальше ночью; ранний утренний намаз мы сотворили в Би'р Дендане и не успели оглянуться, как к нам вскачь подъехал гонец, который сказал мне: «Торопись, ибо шах зовет тебя в это самое время». Между тем до ставки шаха оставалось еще расстояние в 2 фарсаха, и я спросил гонца: «Каков обычай шаха, если к нему направляется посол от кого-либо из царей: призывает ли он его к себе, как меня сейчас, прямо с пути, или же дает передохнуть, а затем только приглашает к себе?» Гонец ответил: «Никого, кроме тебя, он не приглашал прямо с пути и никого, кроме тебя, не призывал». Тогда во мне разлилась черная желчь, и я сказал себе: «Шах потребовал тебя к себе так поспешно не иначе, как с тем, чтобы принудить тебя признать истинность учения имамитов. Сначала он будет соблазнять тебя деньгами; если ты пойдешь на это – хорошо, если нет – он принудит тебя к этому силой. Что ты об этом думаешь?» И решил я, что буду говорить истину, хотя бы в этом была моя гибель, и что ни соблазном меня не склонить, ни устрашениями не принудить. И сказал я себе: «Поистине, ислам однажды уже остановился (в своем поступательном движении) в день кончины Посланника Аллахова¹ (благословение Аллаха и мир да будут с ним!), но затем вновь стал расти, благодаря Абу Бакру Праведнику (да пребудет над ним благоволение Аллаха Всевышнего!); затем ислам вторично остановился в своем развитии во время ин-

наемая здесь, в Кефиле, к югу от Хиллы. Подробнее см. в статье проф. И. Гольдциера в *Enzykl. d. Islam. Vol. I. P. 1003–1004*; см. также: *Герцфельд Э. Поездка в Персию // Новый Восток. – 1926. – № 13–14. – С. 303.*

¹ Когда началось почти поголовное отпадение от ислама арабских племен, так называемая ридда, ликвидированное лишь благодаря настойчивости первого халифа Абу Бакра и помогавших ему в том 'Умара и других старых воителей ислама.

квизиции, в связи с догматом о сотворенности Корана¹, но затем опять пошел вперед, благодаря Ахмаду ибн Ханбалу (да смилуется над ним Аллах!), и вот, ныне ислам останавливается в третий раз: если я в нерешительности остановлюсь, и ислам остановится навеки (да спасет нас от этого Аллах!), а если я решусь выступить, то ислам пойдет вперед в своем развитии во веки веков! Застой ислама и его поступательное движение зависят от застоя и движения вперед его последователей, и я не сомневаюсь в том, что жители этих стран² относятся с одобрением ко мне, немощному, и уверены во мне; поистине, добро есть добро, а зло есть зло!»

Итак, я утвердился в своем намерении, признал хорошим свое решение и обрек себя на смерть, так что к мысли о ней стал относиться с пренебрежением. Я сказал себе: «Я верую в Аллаха и Его ангелов, в Его писания и Его посланников, в день Страшного суда и в то, что судьба, хорошая и дурная, предопределена Аллахом Всевышним! Я свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха! Я свидетельствую, что Мухаммад Посланник Аллаха!» И погнал я свое верховое животное, все повторяя эти два символа веры.

Вдруг моим взорам представились два больших знамени, вышиною с высокую пальму; я справился о них, и мне сказали, что это два знамени шаха, водруженные им для того, чтобы военачальники знали, как им расположиться в ставке: одни располагаются

¹ Под инквизицией (*михна*) автор подразумевает те преследования и пытки, которым подвергались правоверные при аббасидском халифе ал-Ма'муне и его двух преемниках за нежелание принять му'тазилитский догмат о том, что Коран сотворен во времени. Жертвою этой инквизиции пал и имам Ахмад ибн Ханбал (ум. в 241 г.х. = 855 г. н.э.); об этом см.: *Macdonald D.B.* Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory. – New York, 1903. – P. 153 и специальную работу: *Patton W.M.* Ahmed Ibn Hanbal and the Mihna: a biography of the Imam including an account of the Mohammedan... – Leiden, 1897.

² Т.е. сунниты.

по правую сторону от этих знамен, другие – по левую и в других направлениях.

Мы все шли вперед, пока не увидели палаток; палатка шаха на семи больших высоких столбах. Мы дошли до места, которое у них называется *кõшкхана*, что обозначает группу палаток, расположенных одни против других: с каждой стороны по пятнадцать палаток, наподобие шатров, с портиком, но без столбов. Между верхушками тех палаток, что примыкают к палатке шаха, протянут сплошной намет, а посреди – дверь с завесой. В тех палатках, что по правую сторону, около 4000 вооруженных воинов, несущих охрану и ночью, и днем, а те палатки, что по левую сторону, пустые, и в них только расставлены седалища.

412

Приблизившись к *кõшкхане*, я спешил, и ко мне навстречу вышел какой-то человек, который приветствовал меня и почтил меня и стал непрерывно расспрашивать меня о паше и его приближенных. Я удивился обилию его сведений о приближенных паши, и когда он это заметил, он сказал: «Ты как будто меня не узнаешь?» Я ответил: «Да!» Тогда он сказал: «Я ‘Абдалкарим-бек; я некоторое время служил при Ахмад-паше, а ныне со стороны персидского правительства отправлен послом к османскому правительству». Пока он мне это рассказывал, вдруг пред нами предстали девять человек, и как только его взгляд упал на них, он вскочил на ноги. Они приветствовали меня, а я ответил на их приветствие, оставаясь сидеть, ибо не знал, кто это такие. ‘Абдалкарим стал представлять их мне, одного за другим, и сказал мне: «Вот это – Ми‘йаралмемалик Хасан-хан, а это – Мустафа-хан, а это Назар-‘Али-хан, а это Мирза Заки, а это Мирза Кафи». Когда я услышал имя Ми‘йаралмемалик, я вскочил на ноги, а он и бывшие с ним подали мне руку и приветствовали меня. А Ми‘йаралмемалик – вазир шаха, родом грузин, из вольноотпущенных шаха Хусейна.

Затем они сказали мне: «Пожалуй на аудиенцию к шаху», и подняли ту завесу, которая находилась посредине намета, и за ней обнаружился другой намет; между ними – расстояние в три локтя. Тут они меня остановили и сказали: «Если мы остановимся, остановись и ты, а если пойдем, иди тоже». Мы повернули налево и намет кончился, а пред нами оказалось просторное крытое пространство, окруженное наметом, видимое на далекое расстояние, и в нем много палаток для жен шаха и его харема.

Я посмотрел в сторону палатки шаха, и вот он сидел предо мной на возвышенном седалище, на расстоянии полета стрелы от меня. Когда взгляд его остановился на мне, он закричал громким голосом: «Привет 'Абдаллаху эфенди! Ахмад-хан (он разумел Ахмад-пашу) говорит: “Я посылаю тебе 'Абдаллаха эфенди”». Затем он сказал мне: «Подойди!» и я подошел шагов на десять, причем по правую руку от меня были все ханы, а по левую 'Абдалкарим-бек. Затем шах вновь сказал: «Подойди!». И я, как и в первый раз, подошел немного, и шах не переставал говорить мне «подойди!», а я – подвигаться вперед небольшими шагами, пока я оказался от него на расстоянии примерно пяти локтей. Тогда я увидел, что шах человек высокого роста, как можно было судить по его манере сидеть; на голове у него был одет четырехгранный белый колпак, наподобие персидских колпаков, а вокруг повязана чалма из тонкой шерсти, усеянная жемчугом, яхонтами, алмазами и другими драгоценными камнями; на шее у него были ожерелья из жемчуга и драгоценных камней, точно также браслеты и на предплечье; жемчугом, алмазами и яхонтами был расшит и кусок ткани, прикрепленный к предплечьям. На лице шаха были заметны следы старости и преклонного возраста, у него даже не доставало уже передних зубов, и ему, казалось, было уже 80 лет; борода у него черная, выкрашенная *вась-*

мой, но все же красивая; брови у него дугообразно изогнутые, не сливающиеся, а глаза чуть с желтизной, но все же прекрасные. Словом, внешность его красивая.

Когда взгляд мой упал на него, исчез из моего сердца страх и пропал мой ужас. Он заговорил со мною на туркменском наречии, как и при первом своем обращении ко мне, и спросил меня: «Как поживает Ахмадхан?» Я ответил: «В добром здоровьи». Затем шах спросил: «А знаешь ли, зачем я вытребовал тебя?» Я ответил: «Нет». Тогда он сказал: «В моем царстве две группы – туркестанцы и афганцы – говорят иранцам, что вы, мол, неверные! Неверие есть мерзость, и неприлично, чтобы в моем царстве одна часть населения обвиняла другую в неверии. Вот, теперь ты будешь уполномоченным с моей стороны; ты отменишь все, что должно быть признано проявлением неверия, и выскажешься по поводу третьей группы¹, чего ей держаться. Все, что ты увидишь и услышишь, ты сообщишь мне и доведешь до сведения Ахмад-хана». Затем он соизволил меня отпустить и повелел, чтоб я был гостем в доме И‘тимададауле (И‘тимад ад-даула) и чтобы я после полудня свиделся с муллабаши² Али-акбаром.

414

Я вышел в состоянии чрезвычайной радости и удовольствия, ибо решение судьбы персов было отдано в мои руки, и отправился я в помещение, отведенное для гостей. Я посидел немного; И‘тимад вошел в одну из палаток и пригласил меня на трапезу. Ко мне были представлены михмандар Назар ‘Али-хан и, вместе с ним, ‘Абдалкарим-бек и Абу-Зарр-бек. Подойдя к И‘тимаду, я его приветствовал, а он ответил на мое приветствие оставаясь сидеть; это мне испортило настроение, и я рассердился на то, что он не встал, и сказал себе: когда я усядусь, я скажу И‘тимаду: «Шах повелел отменить

¹ Т.е. шиитов, так как первые две группы, туркестанцы и афганцы, исповедывали суннитский ислам.

² Главный мулла.

все, что должно быть признано проявлением неверия, и уполномочил меня на это, и вот, первое проявление неверия, которое я искореню, это то, которое исходит от тебя, когда ты намеренно проявляешь пренебрежение и презрение к ученым; при этом я не соглашусь на другой способ искоренения его, чем посредством твоей казни», затем я встану, покину его помещение и пойду к шаху, чтобы доложить ему о том, что произошло.

Все это я представил себе в душе, но когда я уселся, И'тимад вскочил на ноги и выразил мне свои благопожелания, причем он оказался человеком очень большого роста, белый лицом, с большими глазами и бородой, выкрашенной *васьмой*. Он, при всем том, оказался человеком умным, обходительным, хорошим собеседником, с мягкостью в характере и склонностью к суннитскому толку.

Как только он встал, я понял, что таков их обычай, что они встают лишь после того, как усядется вновь пришедший. У него я позавтракал, и тогда последовало распоряжение о моем свидании с муллабаши, и я поехал верхом, а люди михмандара шли впереди меня. По дороге мне повстречался высокий человек с внешним обликом афганца, приветствовал меня и выразил мне свои благопожелания; я его спросил: «Кто ты?» Он ответил: «Я мулла Хамза Калнаджанский, афганский муфти». Я спросил: «О, мулла Хамза, хорошо ли ты говоришь по-арабски?» Он сказал: «Да». Тогда я сказал: «Поистине, шах еще ведь не искоренил всех встречающихся у персов проявлений неверия, так вот они, пожалуй, будут спорить со мной только по поводу одних каких-либо проявлений неверия, или о некоторых из них совсем не будут упоминать, а мы ведь совершенно не знаем ни их обычаев, ни их религиозных обрядов; так, поскольку ты осведомлен о каком-либо проявлении неверия, сообщи, дабы я мог отменить

его». Мулла ответил: «О, господин мой, не обольщайся словами шаха! Ведь он направил тебя к муллабаши только для того, чтобы тот во время разговора вовлек тебя в спор; так во время спора ты их остерегайся!» Я ответил: «Опасаясь я с их стороны отсутствия объективного отношения». На это мулла сказал: «Относительно этого будь благонадежен, ибо шах к этому собранию приставил наблюдателя, а над этим наблюдателем другого, а над другим – третьего, и притом ни один из них не знает того, кто поставлен над ним, а потому исключена возможность того, чтобы шаху было доложено не то, что действительно происходило».

416

Когда я приблизился к палатке муллабаши, он, пеший, вышел мне навстречу; это был человек небольшого роста, с темным цветом лица, с рубцом от виска до половины головы. Я слез с лошади, а он приветствовал меня, усадил меня выше себя на возвышении, сам же сел на манер ученика, и стали мы беседовать друг с другом, пока муллабаши не обратился к афганскому муфтию с вопросом: «Видел ли ты сегодня Хади-ходжу, “Море знания?”» Тот ответил: «Да!». А этот Хади-ходжа, кади из Бухары, по прозвищу «Море знания», прибыл в ставку шаха за четыре дня до моего приезда, и вместе с ним прибыли еще шесть ученых из Мавараннахра. Тогда муллабаши сказал: «Как он дерзает называть себя Морем знания, тогда как он никакими знаниями не обладает? Ведь если спросить его хотя бы о двух только доказательствах в пользу халифата ‘Али, клянусь Аллахом, он на это ничего не сможет ответить; более того, не смогут этого сделать и виднейшие столпы суннитов!». Эти слова он повторил трижды, так что я спросил его: «Что же это за два такие довода, на которые нет ответа?»

Благодаря такому резкому выпадку муллабаши, Сувайди волей-неволей оказался вовлеченным в бесплодный казуистический спор по самому основному

вопросу: о тех текстах Корана и тех религиозных преданиях, на которых шииты обосновывают преимущественное право 'Али на халифат после смерти Мухаммада¹. Муллабаши оказался в этом споре гораздо более непримиримым, чем в последующей официальной дискуссии, где ему, очевидно, пришлось строго держаться полученных от шаха директив. Спор, как Сувайди предвидел уже раньше, кончился ничем.

«Затем шах, извещенный об этом споре так, как он действительно происходил, – продолжает Сувайди, – повелел, чтобы собрались ученые Ирана, Афганистана и Мавараннахра² и отменили бы все то, что может считаться проявлением неверия, а я чтобы был арбитром над ними и уполномоченным со стороны шаха свидетелем того, на чем согласятся упомянутые три группы. Вышли мы, пробивая себе дорогу между палатками, а афганцы, узбеки и персы показывали на меня пальцами. И был этот день днем выдающимся. В крытом пространстве за гробницей имама 'Али (да будет над ним благоволение Аллаха Всевышнего!) собрались ученые Ирана, а было их около 70-ти, и среди них ни одного суннита, кроме муфтия из Арделана³. Я потребовал чернильницы и бумаги и стал регистрировать известнейших из них».

Благожелательный прием со стороны шаха, по-видимому, так успокоил Сувайди, что он, несмотря на не-

¹ Я опускаю подробности этого спора, т.к. он пестрит специальными богословскими терминами и намеками, и суть его не была бы ясна без обстоятельного комментария, который вывел бы эту статью далеко за пределы поставленных ей рамок. К тому же я предполагаю вернуться к этому спору в специальной работе, в которой будут освещены все, и государственно-правовые, и религиозно-обрядовые расхождения суннитов и шиитов и их обоюдная аргументация в защиту своих точек зрения.

² *Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134.

³ Арделан – название области между гор. Керманшахом и Азербейджаном; см.: *Бартольд В.* Историко-географический обзор Ирана. – СПб., 1903. – С. 138.

приятную дискуссию с муллабаши, спокойно и деловито занялся регистрацией виднейших из явившихся на диспут ученых, в полном сознании ответственности своей роли. Сувайди отмечает, что суннитских ученых Мавараннахра и Афганистана рассадили по левую и правую руку от него с таким расчетом, чтобы между ним и ими было еще 15 человек: «Это, – говорит он, – была хитрость со стороны персов, ибо они боялись, что я буду подсказывать им некоторые слова и давать им указания».

Познакомив упомянутого уже выше бухарского кади Хади-ходжу «Море знания», главу ученых Мавараннахра, с Сувайди и тою ролью, которую он, по воле шаха, должен был играть в этом диспуте, муллабаши первый начал дискуссию, правда, избегая углубляться в казуистические детали и проявляя совершенно беспримерную уступчивость.

Вот как об этом повествует Сувайди.

418

– А теперь, – обратился муллабаши к «Морю знания», – ты объясни мне те причины, из-за которых вы называете нас неверными, чтобы мы могли устранить их в его¹ присутствии. Ведь, по существу, мы вовсе не неверные, даже по мнению Абу Ханифы. В «Сборнике основ»² автор говорит: «Осью исламу служат пять мазхабов» и пятым он считал мазхаб имамитов. Точно так же автор «Стоянок»³ считает имамитов в числе мусульманских сект, а Абу Ханифа говорит в своем «Вышем

¹ Т.е. ас-Сувайди.

² «Джами’ ал-усул ли ахадис ар-расул» («Сборник религиозных преданий с биографиями Мухаммада и его сподвижников»); автор – Маджд ад-дин ибн ал-Асир, умер в 606 г.х. (= 1209 г. н.э.). См.: *Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Literatur.* – Berlin, 1902. – Bd. 1. – S. 357.

³ Имеется в виду, очевидно, известный суннитский богослов ‘Адуд ад-дин ‘Абд ар-Рахман ал-Иджи (умер в 756 г.х. = 1355 г. н.э.) и его работа по догматическому богословию «Китаб-ал-мавакиф фи ‘илм-ал-калм»; о нем см.: *Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Literatur.* – Berlin, 1902. – Bd. 2. – S. 208 и *Macdonald D.B. Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory.* – New York, 1903. – P. 241 и 269.

законоведени»¹: «Мы не считаем неверными тех, кто во время молитвы обращается к кибле»². И сказал сеййид такой-то (он назвал его по имени, но я его забыл) в комментарии на книгу «*Хидайат ал-фикх ал-ханафи*»: «Правильная точка зрения такова, что имамиты принадлежат к числу мусульманских сект», но только потом, когда последующие поколения ваши стали нас опровергать, они стали называть нас неверными, точно так же, как и наши последующие поколения, опровергая вас, стали вас называть неверными, а то, ведь, по существу, ни мы, ни вы не неверные. Но ты вот объясни те причины, о которых говорят более поздние ученые ваши и из-за которых они нас обвиняют в неверии, дабы мы могли их устранить.

Хади-ходжа ответил: «Вас обвиняют в неверии за поношение обоих шейхов»³. На это муллабаши сказал: «Мы отменили поношение обоих шейхов». Тогда сказал Хади-ходжа: «Вас обвиняют в неверии за то, что вы обвиняете сподвижников⁴ Пророка в заблуждении и неверии». На это муллабаши сказал: «Сподвижники Пророка все люди праведные, да будет над ними благоволение Аллаха, и да будут они довольны Его про-

¹ «Китаб ал-фикх ал-акбар»; работа, по-видимому, ложно приписываемая имаму Абу Ханифе.

² Такого заявления в упомянутом сочинении нет; есть другое, отдаленно с ним сходное: «Мы не считаем неверным правоверного за совершение им какого-либо греха, хотя бы большого, лишь бы он не считал совершення греха дозволенным, и мы не отрицаем в нем правоверия, называем его поистине правоверным, допуская, что он правоверный порочный, но все же не неверный». Китаб шарх ал-фикх ал-акбар, сана фаху-ш-шайх Абу-л-Мунтаха-л-Магнисави. – Хайдерабад, 1321 г.х. (литогр.). – С. 27. В приведенной муллабаши формулировке это изречение принадлежит Абу-л-Хасану ал-Аш'ари; см.: *Абу-л-Хасан ал-Аш'ари*. Китаб-ал-ибана 'ан усул ад-дийана. – Хайдерабад (литогр. 1321 г.х.). – С. 10.

³ О поношении «обоих шейхов» в шиитской экзегетике Корана см.: *Goldziher I. Die Richtungen der islamischen Koranauslegung.* – Leiden, 1920. – S. 297.

⁴ Т.е. сподвижников, допустивших к власти первых трех халифов, мина 'Али.

мыслом!» Тогда Хади-ходжа сказал: «Вы утверждаете, что брак на срок (*мут'а*) разрешен». Муллабаши ответил: «Он запрещен, его приемлют только неразумные из нас». Тогда сказал «Море знания»: «Вы признаете превосходство 'Али над Абу Бакром и утверждаете, что он истинный халиф после Пророка, благословение Аллаха и мир да будут с ним!» На это муллабаши ответил: «Превосходнейший из людей после Пророка (благословение Аллаха и мир да будут с ним!) Абу Бакр ибн Аби Кухафа, затем 'Умар ибн ал-Хаттаб, затем 'Усман ибн 'Аффан и затем уже 'Али ибн Аби Талиб (да будет над ним благословение Аллаха!), и право на халифат принадлежало им в той же последовательности, в которой мы говорили о их сравнительном превосходстве»¹. Тогда Хади-ходжа спросил: «Каковы основы вашей догматики и каков ваш символ веры?» На это муллабаши ответил: «Основы нашей догматики аш 'аритские, соответствующие символу веры Абу-л-Хасана ал Аш'ари»². Тогда «Море знания» спросил: «Я ставлю вам условием не разрешать, под давлением необходимости, того, что заведомо запрещено верой и запретность чего признано *иджма'*, и не запрещать под давлением необходимости, того, что заведомо разрешено и дозволенность чего признана *иджма'*»³. Муллабаши ответил: «Мы принимаем это условие».

¹ В этом своем ответе муллабаши впадает в прямое противоречие с тем, что он говорил о частной дискуссии с ас-Сувайди, очевидно, прибегая к *такийе*.

² Основатель господствующей поныне в суннитском исламе догматической школы, правда, развитой его позднейшими учениками в более либеральном направлении.

³ Протест суннита против признаваемой шиитами *такийи*, т.е. решения скрывать свои истинные политические взгляды и религиозные воззрения, если обнаружение их грозит опасностью. См.: Goldziher I. Vorlesungen über den Islam. – Heidelberg, 1910. – S. 215 и 246 (*Гольдцигер И. Лекции об исламе / Пер. с нем. А.Н. Черновой. – СПб., 1912. – С. 189 и 218*) и «Corpus juris» di Zaid ibn Ali. Testo arabo pubblicato per la prima volta... da Eugenio Griffini. – Milano, 1919. – P. 308, примечание к § 113.

Затем «Море знания» поставил им ряд условий по вопросам, не служившим, подобно вышеупомянутым, основанием для обвинения их в неверии, и они их приняли. Тогда муллабаши спросил: «А если мы будем держаться всего этого, согласишься ли ты нас к мусульманским толкам?» «Море знания» сначала помолчал, а потом сказал: «Поношение обоих шейхов – неверие». Муллабаши на это сказал: «Мы отказались от поношения обоих шейхов и отказались и от того, и от этого вплоть до последнего из упомянутых выше условий, так согласишься ли ты нас поистине к мусульманским толкам, или считаешь нас неверными?»

Помолчал «Море знания», а затем сказал: «Поношение обоих шейхов – неверие». Муллабаши сказал: «А разве мы от него не отказались?» «Море знания» спросил: «От чего же вы еще отказались?». Тот ответил: «Мы отказались и от этого, и от того вплоть до последнего из того, что выше упоминалось, так согласишься ли ты нас, при таком положении вещей, к мусульманским толкам?» А «Море знания» ответил: «Поношение обоих шейхов – неверие». Он этим хотел сказать, что, по учению мазхаба ханафитов, от того, кто раз поносил обоих шейхов, не принимается раскаяние, а ведь эти персы в прошлом были повинны в поношении, так отказ их в данный момент ничем не мог им помочь.

Тогда мулла Хамза, афганский муфти, сказал: «О, Хади-ходжа, есть ли у тебя доказательства того, что вот эти, до этого собрания, были повинны в поношении обоих шейхов?» Тот ответил: «Нет!» Тогда мулла Хамза возразил: «А они ведь уже приняли на себя обязательство, что в будущем не будет с их стороны этого поношения, так почему же ты не хочешь причислить их к мусульманским толкам?» Тогда «Море знания» заявил: «Если дело обстоит так, то они тоже мусульмане, у них те же права, что у нас, и на них те же обязательства, что и на нас!»

Тогда они все встали, ударили по рукам и стали говорить один другому: «Привет тебе, брат мой!» И все три группы просили меня быть свидетелем того, что у них произошло и чем они обязались. На этом и закончилось собрание около предзакатной молитвы в среду 24-го шаввала. Я оглянулся и увидел, что число персов, стоявших перед нами и вокруг нас, превышало десять тысяч.

422 Когда И'тимад, согласно существовавшему порядку, вышел от шаха, то ночи прошло уже четыре часа, и он сказал мне: «Шах благодарит тебя за то, что ты сделал, благословляет тебя, шлет тебе приветствия и просит тебя, чтобы ты (опять) встретился с ними¹ завтра в том же месте, так как я велел им написать все то, что они постановили и чем они обязались, и велел, чтобы каждый из них приложил свою печать под своим именем. А тебя я прошу написать наверху, вначале документа, что ты был свидетелем того, что постановили все три группы и чем они обязались, а затем приложить твою печать под твоим именем». Я сказал: «С удовольствием».

В четверг 25-го числа упомянутого месяца перед полуденной молитвой вышел приказ всем нам собраться в том же месте. Мы все собрались; персы в большой темноте сплошной массой стояли на всем пространстве от наружной стороны надгробия вплоть до дверей гробницы, и число их доходило примерно до 60 000. После того как мы уселись, принесли длинный свиток, длиной свыше семи пядей; до двух третей своей длины он был исписан длинными строками; нижняя треть была разделена на четыре абзаца, а между ними пробелы шириною до четырех пальцев или более, причем строчки в этих абзацах были значительно короче первых.

¹ Т.е. с принимавшими участие в диспуте учеными.

Муллабаши приказал придворному муфтию Ага-Хусейну, стоя пред лицом собравшихся, огласить эту грамоту, а был он человек высокого роста, с хорошей дикцией; он взял свиток, а тот был написан на персидском языке и содержание его следующее¹: «Поистине, мудрость Аллаха признала необходимым ниспослать (на землю) посланников, и таким образом он ниспослал посланников одного за другим, пока не наступил черед пророческой миссии пророка нашего, Мухаммада Избранника, благословения Аллаха и мир да будут с ним! После его кончины, а был он последним из пророков и посланников, его сподвижники (благоволение Аллаха да будет над ними!) сошлись на превосходнейшем, лучшем и наиболее сведущем из них, а именно на Абу Бакре Праведнике, сыне Абу Кухафы (благоволение Аллаха Всевышнего да будет над ним!) и все объединились на его избрании. Присягнули ему все, в том числе присягнул ему и имам 'Али ибн Аби-Талиб добровольно², по собственному почину, без всякого давления и принуждения; и избрание, и халифат остались за Абу Бакром, так как согласное решение сподвижников (благоволение Аллаха да будет над ними!) является решающим аргументом. Недаром Аллах Всевышний воздал им хвалу в Своем славном Писании,

423

¹ *Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134–135.

² В приведенном у Мехди-хана тексте грамоты (*Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 136), как в этом месте, так и ниже, совершенно отсутствует указание на добровольное признание 'Али Абу Бакра, что очень характерно для автора-шиита. Сохранившиеся у мусульманских историков данные об избрании Абу Бакра определенно говорят о том, что 'Али признал Абу Бакра лишь под очень сильным давлением (см. хотя бы: *Ибн ал-Асир*. *Китаб ал-камил фи-т-та'рих*. – Лейден, 1866. – Т. II. – С. 246. Это обстоятельство, нашедшее себе объективное освящение в европейской науке (см. об этом резюмирующие данные у *Becker C.H.* *Islam-Studien I*. – Leipzig, 1924. – S. 72), отрицается правоверным суннитским исламом, точка зрения которого подробно развита, напр., у Ибн Хаджара ал-Хайсами (*Ибн Хаджар ал-Хайсами*. *Китаб ас-сава'ик ал-мухрика*. – Каир, 1324 г.х. – С. 34).

говоря: “Шедшими впереди, первыми из мухаджиров и ансаров”¹ и т.д. или: “Снискали себе благоволение Аллаха правоверные, когда они под деревом обещали тебе верность”² и т.д. Было их в это время семьсот сподвижников и все они присутствовали на избрании Праведника; сказал Пророк (благоволение Аллаха и мир да будет над ним!): “Мои сподвижники, что звезды, кого бы из них вы ни взяли в руководители, вы окажетесь на правильном пути”³.

Затем Абу Бакр Праведник завещал халифат ‘Умару ибн ал-Хаттабу, и опять-таки все сподвижники, включая ‘Али ибн Аби Талиба, присягнули ему, так что избрание состоялось и на основании предуказания, и на основании единогласного решения. Затем ‘Умар (благоволение Аллаха да будет над ним!) сделал вопрос о халифате предметом обсуждения шести сподвижников, одним из которых был ‘Али ибн Аби Талиб, и мнение их сошлось на ‘Усмани ибн ‘Аффане. Затем ‘Усман погиб смертью мученика в своем жилище и не оставил никакого завещания, так что халифат оказался без главы, и вот тогда сподвижники объединились на избрании ‘Али ибн Аби Талиба⁴. Все эти четыре жили в одном месте и в одно время, но не было между ними ни соревнования, ни вражды, ни спора; напротив того, каждый

424

¹ Коран. 9:101: «Шедшими впереди, первыми из мухаджиров и ансаров и теми, что в добродетели последовали за ними, доволен Аллах, а они довольны Им». У Мехди-хана (*Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 137) приведен этот стих полностью.

² Коран. 48:18.

³ Сравнительно мало распространенный *хадис*; ср.: ‘Абд ар-Рауф ал-Мунави. Кунуз ал-хака‘ик. – Казань, 1909. – С. 19.

⁴ Очень характерно для шиита *Мехди-хана*, что он ни Абу Бакра, ни ‘Умара, ни ‘Усмана не называет по имени, а упоминает о них как о халифе первом, халифе втором и халифе третьем; только ‘Али он не только называет полным именем, но и рядом почетных прозвищ (*Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 136).

из них любил другого, хвалил и превозносил его, так что 'Али (да будет над ним благоволение Аллаха!), будучи спрошен *об обоих шейхах*, ответил: "Они – два имама правосудные, справедливые, держались истины, с этим и скончались", а Абу Бакр¹, став халифом, сказал: "Вы избираете меня, а, между тем, в вашей среде есть 'Али ибн Аби Талиб². Так да будет ведомо вам, о, иранцы, что и в отношении превосходства, и в отношении прав на халифат эти лица следуют в указанном порядке, и если кто будет их поносить или умалять их достоинство, то его имущество, дети, семья и кровь будут пред шахом лишены защиты закона и будет над ним тяготеть проклятие Аллаха, Его ангелов и всех людей! Уже в 1148 году во время моего избрания в Муганской степи я³ поставил вам условием отказ от поношения *обоих шейхов*⁴, а ныне я его окончательно отменяю, и кто еще будет поносить их, того я казню, детей и жен его уведу в плен, а имущество конфискую, так что не останется ни в областях самого Ирана, ни на окраинах ни этого поношения, ни вообще этих мерзостей. Ведь возникли эти мерзости только во дни мерзкого шаха Исмаила Сефевиды, а потомки его пошли по его следам, так что много было поношения *обоих шейхов* и широко распространились новшества и ереси; а было это

¹ И тут Мехди-хан говорит не об «Абу Бакре», а о «первом халифе».

² У Мехди-хана (*Мехди-хан. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 136*) это заявление Абу Бакра приводится в такой версии: «Я не лучший из вас, раз в вашей среде есть 'Али».

³ Документ исходит от имени шаха.

⁴ В тексте грамоты, приведенном у Мехди-хана (*Мехди-хан. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 136*), Надир, упоминая об условиях, поставленных им при его избрании на царство в Муганской степи, упоминает еще о том, что тогда османские ученые якобы признали *мазхаб* Джа'фара Правдивого. А следующие дальше угрозы по адресу нарушителей этих условий приводит после упоминания о возникновении сефевидских мерзостей.

в 857 году¹, так что со времени возникновения этих мерзостей прошло 300 лет»².

В грамоте он³ говорит по этому поводу еще очень многое, чего мы не упоминаем здесь, но на этом кончаются длинные строчки. Против некоторых мест в этой грамоте я стал возражать; так, я сказал муллабаши: «Вместо слова “назначение” (*насб*), употребленного там, где говорится о халифате ‘Умара, поставь слово “завещание” (*‘ахд*)⁴, так как выражение *насб* двусмысленное, могущее быть понято так, что сподвижники были *насиба*, выражение, которым вы обозначаете тех, кто всею душой ненавидит ‘Али». На это один из присутствовавших мне возразил: «Это противоречит явному значению слова; тот смысл его, о котором говоришь ты, никому и в голову не придет и никто не будет иметь его в виду; я боюсь, что из-за твоего возражения поднимется смута». Муллабаши тоже согласился с ним в этом, и я замолчал.

426

Затем я сказал муллабаши: «Слова ‘Али относительно *обоих шейхов*, что они “два имама” и т.д., принадлежат к числу таких, которым вы придаете значение, недопустимое в отношении *обоих шейхов*»⁵. На это тот

¹ 1453 г. н.э. Год назван неправильно; у Мехди-хана в тексте грамоты (*Мехди-хан. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 135*) приведен 906 г.х. (= 1501 г. н.э.); у Стенли Лейн-Пуля (*Лейн-Пул С. Мусульманские династии: Хронол. и генеал. табл. с ист. введ. / Пер. с англ. с примеч., [предисл.] и доп. В. Бартольда. – СПб., 1899. – С. 217 и 219, годом восшествия на престол шаха Исмаила I называется 907 г.х. = 1502 г. н.э.*

² В приведенном у *Мехди-хана* тексте грамота кончается указанием на то, что расхождение с правилами четырех правоверных *мазхабов* по мелким вопросам не противоречит исламу и не исключает шиитов из лона ислама, так что взаимное убийство и пленение между шиитами и суннитами запрещено.

³ Т.е. шах.

⁴ В изложении содержания документа сам ас-Сувайди, очевидно, желая избежать двусмысленности, и употребляет именно это выражение.

⁵ Выражение *عادلان قاسطان*, переведенное выше словами: «правосудные, справедливые», могут обозначать также: «язычники, несправедливые»; так одна женщина, желая обругать правителя Ирака ал-Хаджжаджа, крикнула

же человек возразил мне то же, что и раньше. Точно так же я сказал ему: «Слова Абу Бакра, сказанные им относительно 'Али во время своего избрания, у нас не считаются твердо установленными, а, напротив того, считаются подложными; между тем я могу привести вам слова 'Али в похвалу *обоих шейхов*, другие, чем приведенные вами, и совершенно недвусмысленно выражающие уважение его к ним; могу я привести вам и похвалу Абу Бакра 'Али, помимо того, что привели вы, и притом нечто такое, что твердо установлено». И опять тот человек таким же образом возразил мне, а муллабаши с ним в этом согласился.

А в коротких строках, следовавших за обращением шаха, от имени иранцев значилось: «Поистине мы обязались отказаться от поношения и признать, что в отношении превосходства и права на халифат сподвижники следуют друг за другом в порядке, указанном в этом документе; если кто из нас будет повинен в поношении и будет утверждать противное этому, то над ним будет тяготеть проклятие Аллаха, его ангелов и всех людей, а на нас падет гнев Надир-шаха, а наше имущество, кровь наша и дети наши будут отданы на произвол ему». Затем иранцы приложили свои печати в промежутке, оставленном после этого заявления от их имени.

Содержание следующих затем коротких строк от имени жителей Неджефа, Кербелы, Хиллы и *ал-Хореза*¹ вполне совпадало с содержанием первого абзаца, и представители этих мест тоже приложили свои печати в соответствующем уже упоминавшемся свободном промежутке; среди них были сеййид Насраллах, известный под именем Ибн Ката, шейх Джавад ан-Наджафи ал-Куфи и другие.

ему: *يا قاسط يا عادل*. См.: Тадж ал-'Арус. – Т. V. – С. 205; Т. VIII. – С. 12; Коран. 72:15 и 6:1 и 6:115.

¹ В тексте (*الخوارز*).

В следующих затем коротких строках значилось от имени афганцев, что если иранцы будут держаться того, что они признали правильным, и не будут поступать в разрез с этим, то они будут сопричисляться к мусульманским сектам, и у них будут те же права и на них будут те же обязательства, что у мусульман; и афганцы приложили свои печати в свободном промежутке под этим.

Содержание следующих затем строк от имени ученых Мавараннахра вполне совпадает с заявлением афганцев; и ученые Мавараннахра приложили свои печати под своими подписями.

Наконец и я, немощный, написал сверху над вступительной частью грамоты свое удостоверение в том, что я был свидетелем того, относительно чего договорились и какие на себя приняли обязательства упомянутые группы, пригласившие меня быть свидетелем, и наверное же, под своею подписью, я приложил свою печать².

И был этот день великим, мировым чудом, и исполнились сунниты радости и ликования, подобных которым не было во веки и с которыми не могут срав-

¹Интересно отметить, что Мехди-хан, который, согласно своему собственному заявлению, составил черновик этой грамоты (Мехди-хан. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134; на эту ускользнувшую от меня подробность любезно обратил мое внимание проф. А.А. Семенов), а значит, присутствовал и на диспуте, ни единым словом не упоминает о присутствии на этом диспуте, да еще в роли суперарбитра, представителя османского наместника Багдада Ахмад-паши, и рисует все это событие как событие чисто внутреннее, персидское; Мехди-хан только упоминает среди ученых, явившихся на диспут, также и ученых «из окрестностей Багдада» (Мехди-хан. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 136). Самого процесса диспута Мехди-хан не излагает, а приводит только грамоту, которую он называет «*васика*», причем он, по-видимому, приводит не просто подлинный персидский текст грамоты, а вольное ее изложение (شرح و ثبته مزبور اینست), предпосылая изложению самой грамоты длинное введение, в котором излагается вся история вопроса с упоминанием тех условий, которые Надир в Муганской степи при избрании на царство поставил своему народу, и тех пяти условий, с которыми он тогда же обратился к Высокой Порте.

ниться ни свадебные торжества, ни праздники; хвала Аллаху за это!

Затем шах прислал сласти в серебряных сосудах и вместе с тем курильницу из чистого золота, инкрустированную всякими неоценимыми драгоценными камнями, а в ней с пригоршню амбры. Мы надушились куреньями и покушали, а затем шах пожертвовал эту курильницу гробнице святого господина нашего 'Али. Когда мы вышли, то народу – персов, арабов, туркестанцев и афганцев – оказалось столько, что число их ведомо одному Аллаху Всевышнему.

Вышли мы в четверг после послеполуденной молитвы, и меня вторично повели к шаху. Я вошел к нему точь-в-точь, как в первый раз, и он опять непрерывно приказывал мне приблизиться, пока я не подошел к нему еще ближе, чем в первый раз. Тогда шах сказал мне: «Да воздаст тебе Аллах добром и да воздаст Он добром Ахмад-хану! Ведь Ахмад-хан, клянусь Аллахом, не щадил усилий, чтобы улучшить наши взаимоотношения, погасить смуту и прекратить пролитие мусульманской крови! Да поможет Аллах султану османов и да превознесет Аллах еще выше его славу и величие!» Затем он сказал мне: «О, 'Абдаллах эфенди, ты не думай, что шахиншах кичится событиями, подобными этому: ведь, если моими руками искоренено поношение сподвижников, то только потому, что Аллах споспешествовал этому и сподобил меня на это. Ведь вот, османы со времени султана Селима вплоть до вот этих наших дней сколько снаряжали войск и армий, сколько истратили средств и сколько погубили жизней, чтобы покончить с этим поношением, а все же не сподобились добиться этого! А вот я (хвала и благодарение Аллаху!) с легкостью отменил это, хотя, как уже говорилось, эти гнусности возникли уже при мерзком шахе Исмаиле, введенном в соблазн порочными людьми, и не прекращались до наших вот дней!»

Я сказал ему: «Если будет угодно Аллаху Всевышнему, все персы вернуться к тому, на чем стояли с самого начала, вновь став приверженцами Сунны и единой общины». На это шах ответил: «Если будет угодно Аллаху Всевышнему, но только постепенно, шаг за шагом».

Затем шах сказал мне: «О, 'Абдаллах эфенди, если бы я хотел хвастаться, то стал бы хвастаться тем, что я вот здесь, в этой аудиенции, олицетворяю четырех султанов: я – султан Ирана, султан Туркестана, султан Индии и султан Афганистана, но только все это благодаря споспешествованию Аллаха Всевышнего. Правда, я имею право ждать благодарности от всего ислама за то, что избавил сподвижников от поношения, и я надеюсь, что они будут предстательствовать за меня».

430

Затем шах сказал мне: «Я хотел бы отослать тебя обратно, ибо знаю, что Ахмад-хан ожидает тебя, но все же прошу тебя остаться еще на завтра, ибо я распорядился, чтобы пятничная молитва была совершена в соборной мечети Куфы, и повелел, чтобы с *минбара* в установленной последовательности были упомянуты сподвижники¹ и в первую очередь, до меня, была произнесена молитва за моего старшего брата, Его Величество верховного повелителя, султана османов, с упоминанием всех его почетных титулов, а затем за младшего брата (шах разумел самого себя), с тем, однако, чтобы за меня возносилась молитва короче, чем за верховного правителя, ибо приличествует младшему брату оказывать почет старшему». Затем шах сказал: «Да и по существу, и в действительности он старше и выше меня, ибо он султан, сын султана, а когда я родился на свет, ни отец, ни дед не были у меня султанами». После этого шах разрешил мне удалиться, и я ушел от него.

За это время по всем палаткам все персы стали поминать сподвижников, их подвиги и славные качества,

¹ В данном случае – первые халифы.

так что стали говорить о таких извлеченных из стихов Корана и из преданий доблестях и достоинствах Абу Бакра, 'Умара и 'Усмана (да будет над ними благоволение Аллаха!), которых не знают даже лучшие знатоки-сунниты; вместе с тем они объявляли безрассудными те взгляды персов и шаха Исмаила, которые привели их к поношению этих лиц.

Утром в пятницу шах направился в Куфу, а она находится от Неджефа на расстоянии одного фарсаха с небольшим, и когда подошло время послеполуденной молитвы, он отдал распоряжение своим муэдзинам, и они громко провозгласили призыв к пятничной молитве, и вместе с тем вышел приказ собраться на эту молитву. Тогда я обратился к И'тимададдауле (И'тимад ад-даула) с заявлением, что, по нашим воззрениям, совершение пятничной молитвы в соборной мечети Куфы недействительно: согласно учению Абу Ханифы – в виду того, что это небольшой город (*миср*)¹, а согласно учению аш-Шафи'и – ввиду того, что нет налицо требуемых сорока постоянных жителей города². И'тимад мне ответил: «Твое присутствие здесь же-

¹ По учению школы Абу Ханифы, пятничная молитва может совершаться только в большом городе (*миср*), под каковым надлежит разуметь город, в котором имеются большие улицы, рынки, у которого есть пригороды и в котором имеются *эмир* и *кади* для поддержания порядка и правосудия (см.: *Китаб ал-Кудури*. – Казань, 1911. – С. 17). По мнению некоторых ханафитов, миср – город, имеющий не менее 10000 жителей, в котором всякий ремесленник может жить своим ремеслом (Ал-Хидайа. Т. I. С. 120), а по мнению третьих – это столичный город, в котором живет султан ('*Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани*. *Китаб-ал-Мизан*. – Каир, 1306 г.х. – Т. I. – С. 170), без приказа или разрешения которого не может совершаться пятничная молитва (см. также *Китаб-ал-Кудури*. – Казань, 1911. – С. 17, и Ал-Хидайа, Т. I. С. 120).

² По учению школы шафи'итов и ханбалитов, пятничная молитва действительна в любом населенном пункте, насчитывающем 40 жителей, но действительна только, если присутствуют не менее 40 постоянных жителей (см.: '*Абд ал-Ваххаб аш-Ша'рани*. *Китаб-ал-Мизан*. – Каир, 1306 г.х. – Т. I. – С. 170, и *Берг Л.В.Х. ван ден*. Основные начала мусульманского права, согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. – СПб., 1882. – С. 29, и Ал-Хидайа. Т. I. С. 120). Сувайди, очевидно, имел в виду сорок постоян-

лательно для того, чтобы ты услышал *хутбу*¹, а в молитвенном обряде ты можешь принять участие или не принимать участия, по своему желанию».

Я направился к соборной мечети и увидел, что она битком набита народом; в ней было до пяти тысяч людей; присутствовали все персидские ученые и ханы, а на *минбаре* находился шахский имам 'Али Мадад. Муллабаши стал о чем-то совещаться с некоторыми учеными Кербелы, а затем муллабаши велел 'Али Мададу сойти, и на *минбар* поднялся кербелинец. Он возгласил хвалу и прославление Аллаху и призвал благословение на Пророка (благословения Аллаха и мир да будут с ним!), а затем сказал: «(Да благословит Аллах) и первого поистине халифа после него, Абу Бакра Праведника (благоволение Аллаха да будет с ним!), и второго халифа, возглашавшего истину и правду, господина нашего 'Умара ибн ал-Хаттаба (благоволение Аллаха да будет с ним!)». При этом он, однако, произнес букву «р» в слове «'Умар» с гласным «и», несмотря на то, что этот *хатиб*² был знатоком арабского языка; он сознательно прибег к скрытой игре слов, которую могли уловить только хорошие знатоки. Дело вот в чем: двухпадежность³ имени «'Умар» вызвана тем, что в этом имени имеется налицо «отклонение» (*'ادل*)⁴ и «определенность» (*ма'рифа*)⁵, а этот гнусный человек

432

ных жителей суннитов и, видимо, стремился уклониться от участия в этой молитве в столь необычных условиях, совместно с шиитами, в искренности коих он не без основания сомневался, как увидим ниже.

¹ Т.е. ектенью.

² Имам, возглашающий ектенью (*хутба*).

³ Двухпадежные имена в родительном падеже, который именно и стоит здесь в арабском тексте, оканчиваются на «а».

⁴ Отклонение от причастной формы 'Амир путем огласовки 'Умар.

⁵ 'Умар как собственное имя считается определенным; по довольно искусственной схеме арабских грамматиков, имя считается двухпадежным, если в нем сочетаются две из девяти установленных ими причин (*غير المنصرف ما كان ثانياً جهتين من الجهات التسع التي تمنع الصرف*), к числу которых при-

склонял «‘Умар» как трехпадежное, желая таким путем намекнуть, что у ‘Умара не было ни справедливости (‘адл), ни знания (ма‘рифа)! Да поразит Аллах его, этого хатиба, да уничтожит, посрамит и унизит он его и в этой, и в будущей жизни!

Затем хатиб продолжал: «...и третьего халифа, собирателя Корана, ‘Усмана ибн ‘Аффана (благоволение Аллаха Всевышнего да будет над ним!), и четвертого халифа, льва победителей, ‘Али ибн Аби Талиба, его сыновей Хасана и Хусейна, и всех остальных сподвижников и родственников (благоволение Аллаха да будет над ними!). Господи, продли царствование тени Аллаха на Земле¹, султана султанов рода человеческого, продли существование Сатурна его славы и Марса отваги его, этого второго Искандера Зулькарнайна, султана обоих материков, хакана обоих морей, служителя обоих заповедных священных городов², султана Махмуд-хана, сына султана Мустафа-хана! Да укрепит Аллах его халифат, да сделает вечным его султанат и дарует победу его войскам, носителям идеи единобожия, над народами неверных».

Затем хатиб провозгласил молитву за Надир-шаха, частью по-персидски, частью по-арабски. Персидская часть молитвы гласила: «Господи, продли царствование того, кем сияет родословие туркменское, вместилища главенства, Чингиза государственного управления», а арабская часть: «Ведь он – твердыня султанов, убежи-

надлежат «отклонение» – ‘адл (значит также – справедливость) и «определенность» – ма‘рифа (значит также – знание).

¹ Об этом титуле османских султанов см.: *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 2 – С. 221.

² Титул «служитель обоих священных городов», ранее принадлежавший египетским султанам, впоследствии был, по почину султана Селима, присвоен османским султанам. См.: *Бартольд В.В.* Халиф и Султан // Мир ислама. – 1912. – Т. I, № 3. – С. 365 и 387. Употребительные формы титулатуры османских султанов см.: *Arnold Th.W.* The Caliphate. – Oxford, 1924. – P. 203.

ще хаканов, тень Аллаха во Вселенной, редко¹ повторяющееся благоприятное сочетание созвездий». Затем хатиб сошел с минбара, и начался молитвенный обряд.

Затем Сувайди описывает совершение молитвенного обряда, тщательно отмечая все отклонения от принятого у суннитов порядка его совершения².

По окончании молитвы, как повествует Сувайди:

...шахом было прислано обильное угощение, и произошла такая давка и толкотня, что у муллабаши с головы свалилась чалма и были повреждены оба его указательных пальца. Я спросил: «Из-за чего эта толкотня и давка?» Мне ответили: «Когда шах слышит эту толкотню и давку, это доставляет ему радость и удовольствие; вот почему, как ты видишь, ханы и ученые устраивают такую толкотню и давку». Затем мы вышли.

434

Затем И'тимад спросил: «Ну, как ты находишь хутбу и молитву?» На это я сказал: «О хутбе ничего нельзя сказать, а вот молитва совершенно выходит из рамок предписаний четырех правоверных школ, вразрез с принятым ими на себя обязательством не делать ничего, что расходится с учением четырех правоверных школ, необходимо, чтобы шах привлек их за это к ответственности». Шаху об этом доложили; он разгневался и послал сказать мне через И'тимада: «Сообщи Ахмад-хану, что я искореню все противоречия, вплоть до совершения земных поклонов на землю»³.

¹ Непереводимая игра слов, основанная на нарицательном значении имени Надир – «редкий».

² Я не останавливаюсь на подробностях этих отклонений, опять-таки потому, что они потребовали бы довольно обстоятельного комментария.

³ Имеется, вероятно, в виду существующий у шиитов обычай при исполнении молитвенного обряда: когда человек, по болезненному состоянию своему, лишен возможности пасть ниц на землю для совершения земного поклона, ему предоставляется право взамен этого приложить ко лбу немного земли (*Query A. Recueil de lois concernant les Musulmans Schyites. – Paris, 1871. – Vol. I. – P. 78, § 193*); сунниты это нарочито запрещают (см.: *Китаб-ал-Кудури. – Казань, 1911. – С. 15, в главе о молитве больного: وجهه شيئاً ليسجد عليه*).

Затем в пятницу вечером я виделся с муллабаши, и мы разговорились об особенностях *мазхаба* Джа‘фара Правдивого. Я сказал: «Тот *мазхаб*, который вы исповедываете, ложен, ибо не базируется на выводах какого-либо *муджтахиды*»¹. Он ответил: «Это и есть результат того, до чего путем выводов (*иджтихад*) дошел сам Джа‘фар Правдивый». На это я возразил: «Джа‘фар Правдивый тут совершенно ни при чем, и вы совершенно не знаете *мазхаба* Джа‘фара Правдивого. Ведь если вы утверждаете, что в *мазхабе* Джа‘фара Правдивого допускается *такийя*, то ни вы, ни кто другой не знает его *мазхаба*, так как всякий вопрос можно рассматривать как *такийю*. Вот мне у вас говорили, что Джа‘фару приписывают три мнения относительно колодца, в который упало что-либо нечистое. Согласно первому мнению, высказанному им на вопрос об этом, колодец, что море, ничто не может его загрязнить; согласно второму – колодец должен быть весь до конца вычерпан; согласно третьему – нужно отчерпать только семь или шесть ведер. Я спросил одного из ваших ученых: «Как вы поступаете с этими тремя мнениями?» Он ответил: «Если человек достигает способности делать самостоятельные выводы, он взвешивает все мнения Джа‘фара Правдивого и признает правильным одно из них». Я спросил: «А что он говорит об остальных?». Он ответил: «Их он признает *такийей*»². Я спросил: «А если кто-нибудь другой на основании самостоятельных выводов (*иджтихад*) признает правильным другое мне-

¹ Сунниты признают *муджтахидами*, имеющими неограниченное право делать выводы непосредственно из священных первоисточников, только очень ограниченное число виднейших ученых старых поколений; у шиитов, наоборот, правом *иджтихада* широко пользуются и современные ученые. Об *иджтихаде* и *муджтахиде* см., например: Шмидт А.Э. ‘Абдал-Ваххаб-аш-Ша‘раний († 973/1565 г.) и его «Книга рассыпанных жемчужин». – СПб., 1914. – С. 109.

² Т.е. мнением, высказанным лишь из осторожности, чтобы прикрыть истинные убеждения.

ние, то что скажет он о том мнении, которое признал правильным первый муджтахид?» Он ответил: «Он скажет, что это мнение *такийя*». Тогда я сказал: «В таком случае погиб *мазхаб* Джа‘фара Правдивого, ибо всякое приписываемое ему решение вопроса может оказаться *такийей*, ибо нет критерия, на основании которого можно было бы судить, что сказано ради *такийи*, что нет». На это мой ученый собеседник ничего не смог ответить, а ты что скажешь на это?» Муллабаши тоже ничего не смог на это ответить. Затем я сказал ему: «Если же вы скажете, что в *мазхабе* Джа‘фара Правдивого не признается *такийя*, то это не тот *мазхаб*, которого придерживаетесь вы, ибо вы все стоите за допустимость *такийи*». Муллабаши ничего не смог ответить. Я привел ему еще ряд других доводов в пользу того, что то, чего они держатся, отнюдь не представляет собой *мазхаба* Джа‘фара Правдивого.

436

Затем шах разрешил мне вернуться в Багдад и послал со мной копию грамоты и копию *хутбы*, и по поводу всего, что произошло, я решил совершить хадж. Господи, помоги мне в этом!

На этом кончается бесхитростный рассказ Сувайди; из сообщения Мехди-хана¹ мы узнаем, что один экземпляр этой грамоты был положен в государственную сокровищницу, а копии были разосланы во все города государства.

Подводя итог всему вышеизложенному, приходится сказать, что описанный нашим автором диспут инсценирован Надиром, по-видимому, главным образом для отвода глаз, для того чтобы создать впечатление вовне, будто между подданными ему шиитами и суннитами существует полный мир и согласие, для чего понадобилось и присутствие Сувайди, как представителя турецких суннитов, да еще в ответствен-

¹ *Мехди-хан*. Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 134.

ной роли суперарбитра. Думается, что таким путем Надир хотел также затушевать и ту неудачу, которая постигла его попытку добиться от султана официального признания персов-шиитов правоверными мусульманами и признания его самого правоверным мусульманским правителем наряду с османским султаном, и вряд ли следует искать в этих домогательствах Надира каких-либо побуждений религиозного характера, как делали I. Goldziher¹ и Вамберу². К тем заявлениям, которые шах делал лично Сувайди относительно своего намерения искоренить все отклонения от правоверного ислама, даже в мелочах обрядовых постановлений, вряд ли можно относиться серьезно, и скептицизм афганского муфтия Мулла Хамзы представляется мне вполне обоснованным. В общем, однако, главные представители суннитского ислама в лице бухарского кадия Хади-ходжи, по прозвищу «Море знания», и самого Сувайди отнеслись к диспуту вполне серьезно; Сувайди из своей личной встречи с шахом Надиром вынес, очевидно, самое благоприятное о нем впечатление; это нашло себе выражение хотя бы и в том, что со времени первой встречи с шахом Сувайди о нем уже ни разу не говорит в таких непочтительных и враждебных выражениях, как в начале своего повествования.

По-видимому, Надир-шах, под влиянием ли военных неудач, под влиянием ли той старческой утомленности, которую подметил в нем Сувайди, отказался от мысли добиться у султана принятия всех выставлен-

¹ Goldziher I. Vorlesungen über den Islam. – Heidelberg, 1910. – S. 316; Гольдцигер И. Лекции об исламе / Пер. с нем. А.Н. Черновой. – СПб., 1912. – С. 27.

² Вамберу Г. История Бохары или Трансоксании / Пер. А.И. Павловского. – СПб., 1873. – Т. II. – С. 48. Здесь попытка Надира объясняется тем, что он якобы отдавал себе отчет в том, что шиитство – течение, могущее подточить правоверный ислам.

ных им условий: ни о признании пятого *мазхаба*, ни об особом *эмирулхаджже*, ни об отдельном месте для молитвы в ограде Каабы во время диспута, как мы видели, не было речи, не было речи об этом и в грамоте Надира. Возможно, что успехи персов при осаде Мосула и плачевное положение этого города преувеличены Мехди-ханом, и, быть может, ближе к истине подходит Сувайди, сообщающий, что Надир отступил от Мосула, отчаявшись в возможности добиться успеха под его стенами. Быть может, именно этим объясняется и внезапная уступчивость Надира, и та форма, в которой он пошел навстречу самолюбию османского султана в *хутбе* и в беседе с нашим автором. Очевидно, он искал мира, который и был заключен через два года при посредничестве Ахмад-паши на сравнительно скромных для Надира условиях.

438

В смысле действительного примирения шиитов и суннитов, хотя бы в пределах подчиненных Надиру стран, эта показная его попытка, конечно, тоже не привела к реальным результатам. Истинное настроение шиитского духовенства ясно выявилось уже в заявлении того муфтия, который погиб при вступлении Надира на престол. На диспут, устроенный шахом, шииты шли как на комедию, в которой им пришлось играть заранее им предназначенную роль; это им было тем легче исполнить, что в их распоряжении имелась спасительная *такийа*. Но за формальными рамками этого диспута шиитское духовенство, очевидно, также твердо и упорно продолжало стоять на почве чисто шиитских воззрений, как и их главный представитель муллабаши во время частных бесед с Сувайди¹. О том

¹ Ас-Сувайди, несомненно, должен был вынести очень невыгодное впечатление об искренности муллабаши в вопросе о примирении шиитов с суннитами, чем объясняется и его резкий агрессивный тон в последней беседе. Если верить имеющейся в берлинской рукописи приписке его сына, Мухаммада Са'ида эфенди (ум. около 1203 г.х. = 1788/89 г. н.э.),

же свидетельствует и тот факт, что в тексте грамоты в отношении первых халифов были употреблены выражения, заведомо допускающие двойное толкование. Об отсутствии искренности со стороны шиитов говорит и примененная *хатибом* во время *хутбы* уловка, скрывавшая трудно уловимую ядовитую выходку против второго халифа 'Умара. Вряд ли были серьезны и заверения шаха, что он искоренит все, что расходится с учением четырех правоверных суннитских школ даже в обрядовых вопросах, так как в персидский текст грамоты, приведенный у Мехди-хана и Мухаммед-Казима, включена специальная оговорка, что отклонения от четырех суннитских школ в отдельных частностях¹ не должны считаться противоречащими правоверному исламу.

Между тем, как это ни странно, но центр тяжести шиитско-суннитского спора, помимо основного вопроса о верховной власти, фактически в значительной мере был перенесен на совершенно не принципиальные разногласия религиозно-обрядового характера; это сквозит и в замечаниях Сувайди по поводу исполненного шиитами в его присутствии молитвенного обряда, это и в настоящее время еще проходит красной нитью в современной шиитско-суннитской полемической литературе, и этот вопрос заслуживает отдельного, специального освещения.

этот муллабаши впоследствии был предан позорной казни не без влияния нашего автора (см.: *Ahlwardt W. Verzeichnis der arabischen Handschriften.* – Berlin, 1893. – Bd. 5. – S. 443-a). Настроение ас-Сувайди при встрече с И'тимадом говорит в пользу такой возможности.

¹ از فروعات¹ *Мухаммед-Казим.* Надир-наме. Рукоп. Азиатск. Музея Акад. наук (№ 11 и 12 по списку В.В. Бартольда), Т. II. Л. 91-а; *Мехди-хан.* Тарихи-Надири. – Тавриз, 1248 г.х. – С. 135.

Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане

От составителя

Данная статья была обнаружена мною в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в октябре 2013 г. Она была начата А.Э. Шмидтом в 1930 г. незадолго до его первого ареста и последовавшей затем ссылки в Казань¹ и основана на материалах, собранных ученым во время экспедиций в Меану в 1926 и 1929 гг., в которых также принимали участие А.А. Семенов, А.П. Удаленков и др.²

В апреле 1931 г. Шмидт получил предложение от Института туркменской культуры подготовить статью о надписях мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского³. Арест и ссылка прервали работу над материалом.

440

После возвращения в Ташкент в 1934 г. Шмидт обратился в Институт туркменской культуры, чтобы узнать судьбу статьи, но ответа не получил. Тогда он доработал текст и прислал его И.Ю. Крачковскому, чтобы тот распорядился им по собственному усмотрению. Статья представляет интерес не только как ценный материал, в котором разобраны надписи на старинном мавзолее. В работе Шмидт обильно цитирует айаты Корана в собственном переводе, над которым он работал

¹ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 110б.

² Еще в ходе экспедиции 1926 г. мавзолеем был датирован концом XIV в. В 1929 г. археологическое исследование памятника, произведенное А.А. Семеновым, позволило уточнить дату его возведения – XI в. В начале 1950-х гг. археолог Г.А. Пугаченкова также отнесла время строительства мавзолея к середине XI в. (Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Дахистана, Авиберда, Серахса // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1951. – Т. II. – С. 240).

³ Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 100.

в 1920-е гг. Перевод этот так и не был завершен. Опасаясь, что цензура не пропустит статью с большим количеством коранических цитат, автор посчитал нужным вычеркнуть их в присланной Крачковскому машинописной редакции. Вычеркнутые А.Э. Шмидтом фрагменты помещены нами в фигурные скобки.

Статья публикуется в авторской редакции, но в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации (в т.ч. в библиографических описаниях). Примечания к тексту, за исключением отмеченных особо, принадлежат А.Э. Шмидту.

Во время беглого предварительного осмотра мавзолея шейха Абу Са'ида в Меане, произведенного при моем участии в сентябре 1926 года специальной комиссией Средазкомстариса с целью выявить нынешнее состояние этого великолепного памятника среднеазиатского мусульманского зодчества и определить необходимые меры для ограждения его от дальнейшего разрушения, мне удалось зафиксировать лишь несколько арабских надписей, приведенных А.А. Семеновым в его статье «По закаспийским развалинам»¹. Во время произведенного в июне 1929 года экспедицией Туркменкульта под общим руководством А.А. Семенова детального обследования этого памятника в художественно-архитектурном отношении мне удалось прочитать и зафиксировать почти все пощаженные временем и сохранившиеся от разрушения арабские надписи мавзолея; осталась совсем неразобранной только надпись широкого пояса, тянущегося внутри мавзолея по нижнему краю барабана. Эта фресковая надпись очень пострадала от сырости, но все же кое-где сохранились отдельные части, сохранились контуры

¹ Семенов А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Аннау. Неса. Мавзолей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 21; 23–25.

ры букв, однако при значительной высоте памятника и тусклом освещении мне, за отсутствием более сильного бинокля, ничего не удалось прочесть; об этом приходится жалеть в особенности потому, что, быть может, как раз в этой надписи сохранились данные о времени постройки и строителях памятника.

Ниже я привожу все разобранные мною надписи в подлинном арабском тексте и в русском переводе¹. Принимая во внимание ту первенствующую роль, которую, как справедливо отметила и В.А. Крачковская в своей капитальной работе об арабских надгробиях², «куфический шрифт играет в истории всего мусульманского искусства, как монументального, так и прикладного», я зарисовал четыре разновидности встречающегося в этих надписях куфического шрифта и прилагаю образцы их в моих собственных, к сожалению, быть может, и не очень совершенных зарисовках.

442

Все арабские надписи мавзолея можно разбить на две группы: надписи на портале мавзолея, облицованного поливными глазурированными кирпичами и мозаикой из поливных кирпичиков, и надписи во фресковой росписи стен и купола внутри мавзолея.

Начну с портала.

Как видно из снимков, приложенных к упомянутой уже статье А.А. Семенова³, портал состоит из двух арок:

¹ Цитаты из Корана, за немногими исключениями, приводятся только в переводе.

² Крачковская В.А. Арабские надгробия Музея Палеографии Академии наук СССР. – Л., 1929. – С. 123. В этой работе сделана попытка обрисовки эволюции куфического шрифта со второй четверти IX в. н.э., дан подробный анализ исследованных надгробий (приложены фотографические снимки) и обзор литературы по данному вопросу.

³ В настоящее время имею возможность пользоваться более многочисленными снимками, сделанными А.А. Семеновым летом 1929 г. при детальном обследовании мавзолея в художественно-архитектурном отношении и любезно предоставленными им мне для пользования, за что приношу ему искреннюю благодарность.

наружной, высокой и островерхой, и внутренней, менее глубокой, более низкой и с более пологим верхом, в той стене, которая упирается в наружную арку; в глубине этой второй арки, в упирающейся в нее передней (западной) стене мавзолея, находится довольно низкая двустворчатая дверь.

Почти всю верхнюю часть задней стены наружной арки портала, под стрельчатым верхом, занимает большая рельефная мозаичная розетка, частично вогнутая в виде большого круглого блюда. На самой середине, так сказать, на дне этой розетки, на темно-синем фоне имеется надпись белой вязью в две рифмованные строки¹:

دارى لمن يدارى
نارى لمن يمارى

т.е. «Моя обитель для того, кто ищет Моего расположения, а Мой огонь – для того, кто строптив». По краю розетки, тоже белым по синему фону, имеется надпись почерком *куфи*, девять раз повторяющая формулу: «Царствие принадлежит Аллаху»:

443

Затем на наружной арке имеется широкий пояс надписей светло-голубой и белой глазурной мозаикой по темно-синему фону поливных облицовочных кирпичей². Пояс надписей начинается внизу, по наружному краю правой щеки³ арки, поднимается вертикально вверх и на высоте нижнего края свода под прямым углом огибает нишу-пано⁴ с великолепным мозаичным глазурированным орнаментом, переходит на заднюю

¹ Так следует исправить первоначально предложенное мною чтение (Семенов А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Аннау. Неса. Мавзолей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 21).

² Семенов А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Аннау. Неса. Мавзолей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 19–20.

³ Щека – лицевая (передняя или задняя) поверхность арки (Примеч. сост.).

⁴ Здесь и далее по тексту панно у Шмидта пишется с одним «н».

стену арки в виде горизонтального пояса между упомянутой розеткой и верхом внутренней арки, затем переходит в горизонтальном же направлении на левую щеку арки и, наконец, огибая под прямым углом мозаичное пано, вертикально спускается по наружному краю левой щеки. Надпись в два ряда: по наружному краю надпись светло-голубая, сравнительно мелким орнаментальным *куфи*, а под ней, частично сплетаясь с нею верхними концами высоких букв, белая надпись крупной вязью (*сульс*), очень обычной для среднеазиатских памятников.

Облицовка пояса правой щеки на высоту человеческого роста совершенно выкрошилась и заменена очень грубой новой саманной¹ штукатуркой; выше облицовка сохранилась лишь по левому, внутреннему, краю пояса, но надпись все же во многих местах можно восстановить по контурам, отпечатавшимся в том растворе, по которому была выложена поливная мозаика букв.

444

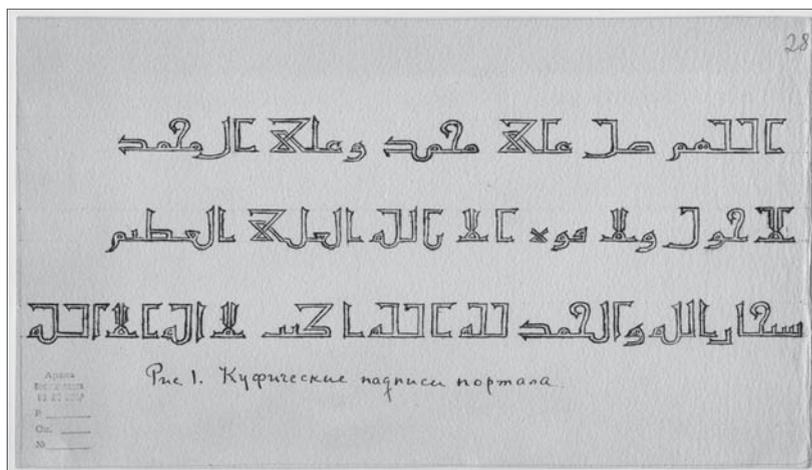

Рис. 1

¹ Саман (*тюркск.* – солома) – строительный материал, состоящий из глинистого грунта с добавлением соломы (Примеч. сост.).

Светло-голубая куфическая надпись пострадала значительно больше, выкрошилась во многих местах, даже контуры букв в затвердевшем растворе; состоит она сплошь из многократно повторенных молитвенных славословий, и поддающиеся еще разбору оставшиеся обрывки, в указанном выше направлении, начиная снизу на правой щеке, читаются так¹:

اللهم صل على محمد و على ال محمد... [الله]² اكبر
 و الحمد لله لا اله الا [الله]³
 الله أكبر و لا حول و لا قوة إلا بالله
 العلي العظيم سبحانه الله و الحمد [الله]⁴
 [لا إله إلا الله] الله أكبر⁵
 اللهم [صل] على محمد [اللهم صل] على محمد...

Перевод: «Господи. Благослови Мухаммада и потомков Мухаммада... [Аллах] велик. Нет силы, нет мощи, кроме как у Аллаха Высокого, Великого. Слава Аллаху и хвала [Аллаху]. Нет [божества, кроме Аллаха]. Аллах велик. Господи [благослови] Мухаммада. [Господи, благослови] Мухаммада...»

445

Надпись белой вязью, в оставшейся на правой щеке части, читается так:

[اللهم] اسالك خير [الم-]سالة و خير الدعاء و خير النجاح و خير العمل و خير الثواب و خير الحيوية و خير الممات.

¹ См. Рис. 1. Заключенные в прямые скобки слова восстановлены и дополнены мною.

² Здесь начинается верхняя горизонтальная часть пояса правой щеки, над панно.

³ Надпись здесь переходит на заднюю стенку наружной арки.

⁴ Здесь надпись переходит на горизонтальную часть пояса левой щеки.

⁵ Шейх Абу Са'ид рекомендовал своим последователям употреблять именно такую формулу молитвенного благословения Пророка, очевидно, этим руководствовались и строители мавзолея. См.: Жуковский В.А. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида: Толкование на четверостишие Абу-Са'ида: Персид. тексты. – СПб., 1899. – С. 265.

т.е. «[Господи]! Прошу Тебя (сподобить меня) лучшей мольбы, лучшей молитвы, лучшего успеха, лучших поступков, лучшей награды, лучшей жизни и лучшей кончины...»

В поясе над верхом внутренней арки портала от надписи белой вязью осталось только:

[اللهم] ارفع درجتى و تقبل صلوتى و اغفر خطيئتى اسالك...

т.е. «[Господи]. Вознеси степень мою, прими молитву мою и прости прегрешение мое. Молю Тебя....»

На левой щеке наружной арки сверху надпись белой вязью совсем выкрошилась, но ниже, после небольшого пробела, читается так:

من الجنة يا ارحم الراحمين قال النبى عليه السلام الا ان اولياء الله لا يموتون لكن
ينقلون من دار الى [دار]

т.е.: «...из Рая, о Милосерднейший из милосердных. Сказал Пророк (мир ему): “И поистине, святые Господни не умирают, а только переносятся из одной обители в [другую]...”»

446

На сохранившейся капители левой круглой полуколонны¹ в отдельных картушах почерком *куфи* читаются обе части мусульманского символа веры:

محمد رسول الله لا اله الا الله

Во внутренней арке портала такой же пояс двойных надписей, светло-синим *куфи* и белой вязью по темно-синему фону, обрамлял входную дверь в виде открытого внизу прямоугольника. По обе стороны двери, в вертикальных частях пояса, надписи совершенно выкрошились; от *куфической* надписи с правой стороны остались лишь две буквы *لى*, а с левой – только слова *على محمد و على*, входившие в состав того же, что и на наружной арке, многократно повторенного молитвен-

¹ Семенов А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Аннау. Несавозлей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 20.

ного славословия, сохранившегося в горизонтальной части пояса над дверью в виде:

.....¹ على محمد اللهم صلى على محمد و على ال محمد.....

От надписи белой вязью в вертикальной части пояса по правую сторону двери ничего не осталось; в горизонтальной части пояса над дверью поддается разбору оставшийся отрывок из середины 286-го стиха II-й главы Корана

...ربنا و لا تحملنا ما لا طاقة لنا به واعف عنا... т.е.: «...о Господи. И не возлагай на нас того, что нам не по силам, и прости нас». В вертикальной части пояса по левую сторону двери было окончание этого стиха, от которого остались лишь слова: لنا [اغفر]، т.е.: «Отпусти нам грехи наши...». Очевидно, надпись, начиная с вертикального пояса по правую сторону двери, заключала в себя весь этот довольно длинный стих.

Арабские надписи, имеющиеся в росписи стен внутри мавзолея, в свою очередь, можно разбить на несколько групп:

1. Надписи на широком поясе, обрамляющем нижний край барабана; надпись сделана крупной вязью, синим по фону, цвета которого за разрушением окраски определить не представляется возможным. От этой надписи сохранились лишь небольшие отрывки, которые, как уже указывалось, по техническим причинам не могли быть разобраны.

2. Надписи третьего яруса, не особенно крупной белой вязью по синему фону, по наружному краю четырех парусов и четырех арок, имеющих во всех четырех стенах на высоте парусов², и надписи в небольших картушах на внутренней стороне арочных сводов.

¹ Мухаммада... Господи, благослови Мухаммада и потомков Мухаммада.

² Парус, или пандатив – в архитектуре часть свода, которая обеспечивает переход от прямоугольного основания сооружения к купольному перекрытию или его барабану (Примеч. сост.).

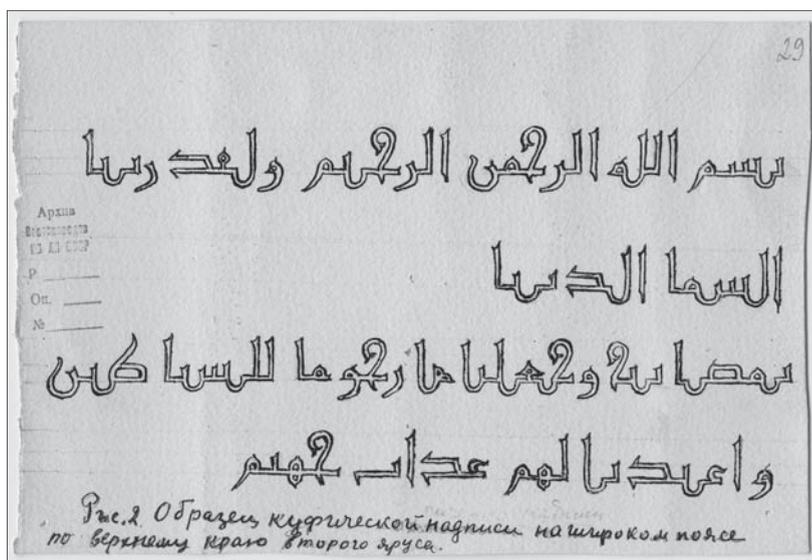

Рис. 2

448

3. Широкий пояс надписей, обрамляющий стены по верхнему краю второго яруса под парусами и верхними арками; надпись в два ряда: по верхнему краю сравнительно мелкая кувритическая надпись (см. Рис. 2), а под нею надпись крупною вязью по синему фону; т.к. от букв сохранились лишь контуры, а цвет росписи вылинялся, то можно только высказать предположение, что вязь была, вероятнее всего, белая, а кувритическая надпись какого-либо более светлого оттенка, чем сохранившийся темно-синий фон, либо светло-голубого, как на портале, либо золотисто-желтого, либо тоже белого цвета.

4. Надписи второго яруса по лепному краю, обрамляющему оконные ниши и отдельное пано, надписи на стрельчатых сводах оконных ниш и надписи в различных розетках, украшающих упомянутое пано (см. Рис. 3).

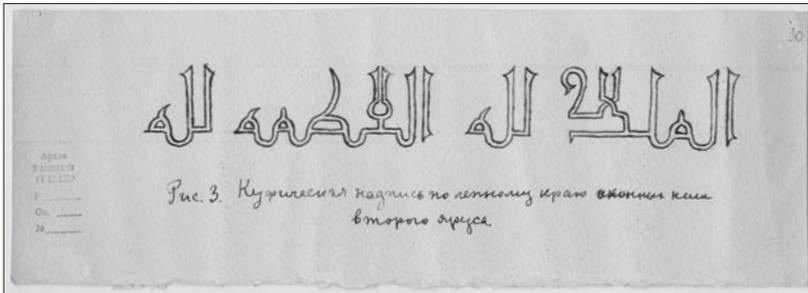
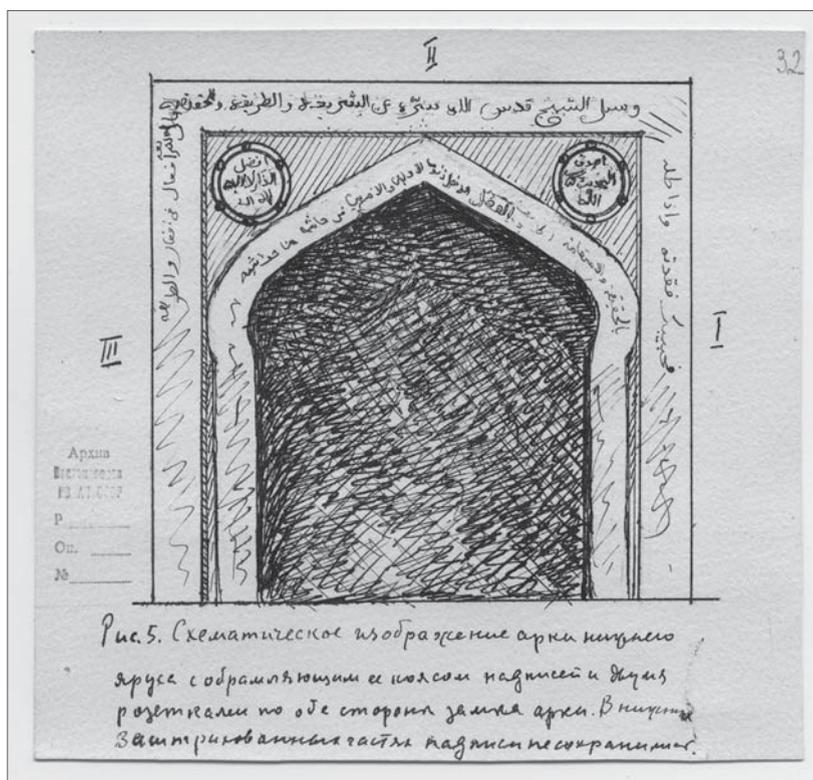

Рис. 3

5. Надписи нижнего яруса, представленные: а) надписями белою вязью по синему фону в поясах, которые в виде открытого внизу прямоугольника обрамляют сверху и с боков имеющиеся во всех четырех стенах арки (см. Рис. 5); в передней стене эту арку является арка входной двери, а в других стенах эти арки замыкают имеющиеся в них посередине глубокие ниши; б) надписями белою вязью по синему фону по наружному краю только что упомянутых арок; в) двойным рядом надписей (*куфи* и вязью) в поясах, которые обрамляют имеющиеся в передней стене по обе стороны входа небольшие ниши-*михрабы* (см. Рис. 8), и, наконец, г) надписями в ряде розеток, украшающих стены нижнего яруса, в частности, имеющихся вверху в углах по обе стороны замка арок, между арками и обрамляющим их поясом надписей (см. Рис. 5).

449

Надписи по краю ярусов и верхних арок представляют собой одну связную надпись, начинающуюся внизу, по правому краю заднего левого (северо-восточного паруса), переходящую затем последовательно на край верхней арки северной стены, на край северо-западного паруса, на край верхней арки передней (западной) стены и т.д., и кончаясь внизу по левому краю верхней арки задней (восточной) стены.

450

Рис. 5

Надпись довольно хорошо сохранилась и включает целиком всю LXXVI-ю главу Корана (всего 31 стих)¹, стих 16-й и начало 17-го стиха III-ей главы Корана и еще какой-то стих Корана, от которого осталось только два слова: *من الشهداءين*, судя по которым это мог-

¹ Включение в число надписей мавзолея всей 76-й главы Корана объясняется тем, что рецитация этой главы на мусульманском Востоке почиталась весьма богоугодной: рецитирующему ее обеспечен Рай и описанные в ней райские блаженства. Ср. *Махмуд аз-Замахиари*. Ал-Кашшаф. – Каир, 1913. – Т. III. – С. 242. Стих 16-й главы III-ей часто встречается в надписях надгробий. Ср.: *Крачковская В.А.* Арабские надгробия Музея Палеографии Академии наук СССР. – Л., 1929. – С. 11, 19, 49, 56.

ло бы быть концом 75-го стиха III-й главы или 57-го стиха XXI-й главы.

{Надпись, в указанной выше последовательности, в переводе читается так:

«[Во имя Аллаха] Милостивого, Милосердного. Разве не было в жизни человека времени, когда он не представлял собою чего-либо достойного упоминания. Подлинно, Мы создали человека из смешанного семени, (создали его), [чтобы подвергнуть его испытанию, и сделали его] слышащим, зрячим. [Подлинно] Мы повели его [по праведному пути, будь он благодарным или неблагодарным] и приготовили Мы [для неверных цепи, оковы и пылающий огонь, а праведники будут пить из чаши], наполненной смесью из Кафур'а [источника, из которого будут пить] рабы (Божии), направляя его [струи по своему желанию. Ведь они выполняют свой обет и боятся] того дня, [бедствия которого] широко (всех) объемлют, и [сами желая пищи], наделяют его бедного, сирого [и плененного, говоря]: «мы кормим вас] [ради Аллаха и не хотим от вас ни воздаяния, ни благодарности; мы боимся, что Господь наш найдет на нас день грозный, роковой». Но Аллах оградил их от бедствий этого дня и даровал им] сияющую красоту и радость, а за то, что они претерпевали, Он наградил их Раем и шелковыми одеяниями; там они, возлежа на ложах, не будут испытывать ни знойного солнца, ни стужи, близко над ними будет райская тень, и гроздья райской лозы будут низко свешиваться над ними. Их [будут обносить] серебряными сосудами и чашами из стекла, стекла белого, как серебро, меру которых они определяют сами; и будут их поить там из чаши со смесью имбиря, из райского источника, именуемого Сельсебиль; обносить их чашами будут вечно юные юноши: если их увидишь, подумаешь, что это рассыпанные жемчужины. Если [ты осмотришься там, в Раю, то увидишь

блаженство и бесконечное царствие]. И будут на них одежды из зеленого шелка и златотканая парча; будут они украшены серебряными браслетами, и напоит их Господь напитком чистым. Подлинно, все это будет вам воздаянием, и старание ваше будет вознаграждено. Терпеливо подчиняйся решениям Господа твоего и не слушайся [людей согрешающих и неверующих]. Поминай имя Господа твоего утром и вечером, а ночью падай ниц перед Ним и славословь Его долгой ночью. Эти вот [любят тленный мир и отбрасывают] от себя мысль о дне тягостном; ведь Мы создали их, Мы даровали им крепкое сложение, так если Мы пожелаем, то Мы же вместо них создадим других, подобных им. Это все – назидание: кто захочет, изберет путь к Господу своему, но вы не сможете захотеть, если того не пожелает Аллах. Подлинно, Аллах всеведущ и мудр, [он объемлет] милостью Своею [кого пожелает], а для творящих беззаконие уготовил мучительное наказание.

Свидетельствуют¹ Аллах и ангелы, а равно обладатели знания, соблюдая справедливость, что нет божества кроме Него. Нет божества кроме Него, Державного, Мудрого. Подлинно, истинною верою пред лицом Аллаха является ислам.....}.

На внутренней стороне сводов парусов и арок верхнего яруса, по обе стороны замка, в прямоугольных или удлинённых шестиугольных картушах имеется надпись вязью, содержащая формулу – *توكلت على الله* («я уповаю на Аллаха»). Надпись по верхнему краю широкого пояса под парусами и верхними арками почерком *куфи*² содержит пер-

¹ {Начиная отсюда, см.: Коран, III, 16-17; стих 16-й, заключающий в себя подчеркнутое исповедание единого Аллаха, часто встречается в надписях на надгробиях. См.: *Крачковская В.А.* Арабские надгробия Музея Палеографии Академии наук СССР. – Л., 1929. – С. 11, 19, 49 и 56.}

² См. Рис. 2.

вые восемь стихов LXVII-й главы Корана, которые, в противоположность LXXVI-й главе, рисуют мучения шайтанов и грешников в Аду. От надписи сохранилось начало на задней (восточной) стене, начиная от юго-восточного угла; на северной стене сохранилась лишь небольшая часть 4-го стиха; на передней (западной) стене сохранились почти полностью конец 4-го стиха и стихи 5-й и 6-й, а на южной стене только обрывки 7-го и 8-го:

{«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Благословен [Тот, в Чьих руках царствие. Он всемогущ, Он сотворил смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас праведнее в поступках своих; Он Державный, Всепрощающий, Он Тот, Который сотворил семь небес, одно над другим, и в творении Всемилосердного ты не усмотришь несоответствия. Подними свой взор еще раз (к небесам), разве] ты видишь [в них какую-либо щель? И еще] дважды подними свой взор: взор твой вернется к тебе (ничего не увидев) ослепленным, утомленным. Мы украсили ближнее небо светильниками, сделав их орудием для побивания шайтанов¹, для которых уготовили мучения в пылающем огне, а для тех, кто не верует в Господа своего, уготовили Мы мучения в Аду, и какое это ужасное убежище! Когда они будут ввергнуты в него, они услышат там стенания, и будет он кипеть и вот-вот разверзнется от гнева; каждый раз, как будет ввергнута в него (новая толпа) грешников, стражи его спросят их: разве к вам не приходил увещеватель»}.

¹ {На основании Корана (III, 31) на мусульманском Востоке сложилось поверье, будто ангелы побивают падающими звездами тех шайтанов, которые пытаются у врат неба подслушать предопределения Аллаховы. Ср.: *Махмуд аз-Замахшари*. Ал-Кашшаф. – Каир, 1913. – Т. II. – С. 152 (к гл. III, 31); т. III. – С. 204 (к гл. LXVII, 5). О происхождении выражения «*ашшайтан ар-раджим*» (т.е. шайтан, подлежащий избиению камнями) см.: G. van Vloten в: *Feestbundel aan prof. M. J. de Goeje*. – Leiden. 1891. – P. 35–44}.

Надпись крупною вязью на том же широком поясе сохранилась значительно лучше: только на правой (южной) стене она более пострадала, и остался лишь самый конец надписи и ряд отдельных букв, начиная от юго-западного угла до примерно последней трети южного отрезка пояса, а на остальных трех стенах надпись сохранилась полностью, за исключением одного-двух слов, уничтоженных сыростью и временем. Надпись начинается на задней (восточной) стене у юго-восточного угла и читается так:

454

بسم الله الرحمن الرحيم والحمد لله الذي زين حدائق قلوب الأولياء بانور
 اسرار اللاهوتية و نور بساتين صدور الاصفياء بدقائق معارف الملكية
 و الملكوتية و جعل مشاهدهم المقدسة و مراقدهم المطهرة قبلة للطالبيين و كعبة
 للسالكين و مثابة و امانة للطائفة العالمين¹
 و الصلوة و السلام على محمد سيد المرسلين و امام المومنين و خاتم النبيين
 و صلى الله على آله الطيبين الطاهرين و اصحابه اجمعين و اتباعه من
 الاولياء الصالحين خصوصا على ... [صا] حب الغيرة و صفي صفة الوحدة
 سلطان المكاشفين في السير الشيخ ابو [sic] سعيد بن ابى الخير قدس الله
 روحه و نور ضريحه و بعد فقد وفـ[ق] الله تعالى العبد الضعيف ابا الخير
 محمد بن محمد بن محمد بن محمد بن ابى بكر كرر لتزيين هذه الروضة
 الشريفة و تحسين قبتها المنـ[جيفة] التى هى روضة من رياض الجنان و
 كعبة يطوف بها اهل الذوق و العرفان.... [توفاه] الله و غفر له و لو الديه و
 الحمد لله أولا و آخرأ ظاهرا و باطنا

«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Хвала Аллаху, Который украсил лужайки сердец святых цветами тайн божественности и просветил души чистых тонкими познаниями мира дольнего² и мира горнего, а их священные могилы и чистые

¹ Тут, совершенно очевидно, по недосмотру пропущено слово العالمين б.м., ввиду сходства его начертания с начертанием предыдущего слова, с которым оно всегда сочетается в суфических текстах.

² Я читаю الملكية; сочетание الملك و الملكوت очень обычно у суфиев; ср.: Horten M. Die spekulative und positive Theologie des Islam. – Leipzig, 1912. – S. 252.

места их упокоения сделал *киблой* для ищущих познания, Каабой для шествующих по пути¹ и безопасным убежищем для знающих (претворяющих свое знание в дела). Благословение и привет Мухаммаду, господину посланников и имаму правоверных, и да благословит Аллах прекрасных, чистых потомков его, всех его сподвижников и его последователей из числа праведных святых, в особенности же... ревнителя, чистого приверженца атрибута единства, султана ищущих откровений на пути, шейха Абу Са'ида б. Аби-л-Хайра, да освятит Аллах его дух и осветит его могилу».

А затем: «...сподобил Аллах Всевышний немощного раба Абу-л-Хайра Мухаммада б. Мухаммад б. Мухаммад б. Мухаммад б. Аби Бакра возобновить украшение этого благородного цветника и украшение его высокого купола, представляющего собой цветник из цветников Рая и Каабу, вокруг которой совершают обход люди откровения и познания [Да примет его] Аллах и да простит ему и его родителям. Хвала Аллаху и вначале, и в конце, и явно, и тайно».

Эта надпись интересна тем, что дает основание предполагать, что сохранившееся до сего времени украшение мавзолея в виде поливной облицовки портала и действительно еще даже в современном состоянии великолепной росписи стен и купола, не современны постройке мавзолея, а происхождения более позднего². По своему характеру и облицовка портала, и внутренняя роспись относятся к XV веку н.э., а сам мавзолей должен был быть построен раньше, быть может, тотчас или вскоре после смерти шейха Абу Са'ида, т.е. в XI веке н.э. Археологическое обследование памятника, произведенное А.А. Семеновым в 1929 г.,

¹ Т.е. для суфиев.

² Надпись ведь говорит о «возобновлении» украшения.

подтверждает это предположение и, как указано в его статье¹, еще сохранившийся под обвалившейся облицовкой и в других местах по наружным стенам мавзолея первоначальный характер его наружного вида с несомненностью позволяет отнести сооружение этого памятника к XI в. н.э.

Имеющиеся на стенах второго яруса по наружному лепному краю оконных ниш и пано, а равно на стрельчатых сводах оконных ниш надписи представляют собою многократно повторенное выражение *الله العظمة لله الملك لله*, т.е. «Царствие принадлежит Аллаху. Величие принадлежит Аллаху». Надписи сделаны сильно орнаментированным куфическим почерком белым по синему, а местами по оранжевому фону (см. Рис. 3).

456

На широких пано, под широким поясом и над арками нижнего яруса имеются розетки с надписями; на передней (западной) и задней (восточной) стенах по наружному краю этих розеток тянется надпись вязью, содержащая CXII главу Корана.

{«Скажи: он Аллах Единый, Аллах Вечный, не родил и не родился и нет Ему равного никого»}.

В центре соответствующих розеток на пано правой (южной) и левой (северной) стены имеется геометрический орнамент, построенный на базисе восьмиугольника из сплетения продолжений верхних концов букв *лям* и *алиф* куфической надписи, которая тянется по внутреннему краю орнаментированного наружного пояса розетки и состоит из восьмикратно повторенного выражения *الله الملك لله* «Царствие принадлежит Аллаху» (см. Рис. 4).

¹Статья, с которой я, благодаря любезности автора, имел возможность ознакомиться еще в рукописи, в декабре 1931 г. была представлена в Туркменкульт (теперь ТГНИИ) для напечатания.

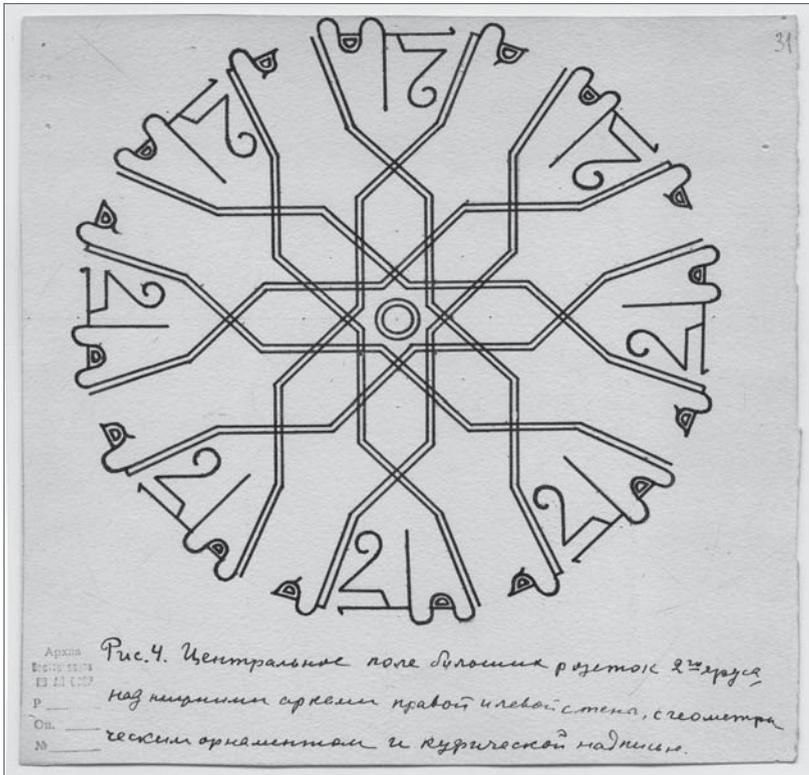

Рис. 4

Надписи в поясах, обрамляющих арки нижнего яруса, и по наружному краю самых арок, насколько можно судить по сохранившимся остаткам, не представляют собою одного связного текста, как надписи по краям парусов и арок третьего яруса, а содержат отдельные изречения пророка Мухаммада и самого шейха Абу Са'ида, правда, все аналогичного содержания, характеризующие истинный суфизм, не порвавший связи с шариатом; одним из представителей этого направления был ведь и сам покоящийся в мавзолее шейх.

Надпись в поясе, обрамляющем арку нижнего яруса правой (южной) стены (см. Рис. 5), содержит изре-

чения Мухаммада; начало надписи на стороне I не сохранилось, так же, как и часть в середине и в конце на стороне III; незначительные и неясные следы отдельных слов не дают возможности восстановить эти пострадавшие части надписи. Уцелевшая часть надписи читается так:

[.....قال رسول] الله صلى الله عليه و سلم اخلص دينك يلقى
 يوم القيا[مة..... الى] الله سيرا جميلا و السير الى الله بالهمم لا بالقدم
 و قال إذا أردت [ان] تجده فاطل[ب] في رجوعك عما دونه و سنل
 الى الله فقال ما هو الا بذل الروح و الا. فلا
 و سيكون

«...[Сказал посланник] Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует: Будь искренен в вере своей, и приведет она тебя в день Воскресения... [И шествуй к] Аллаху шествием добрым, а происходит шествование к Аллаху не шагами, а помыслами. И сказал он: если ты захочешь обрести Его, то постарайся отказаться от всего, что существует кроме Него. И спросили его: [в чем заключается шествование] к Аллаху, а он ответил: оно ничто иное, как жертвование душой, а в противном случае его нет и будет.....».

458

Надпись по краю арки нижнего яруса той же правой стены, в сохранившейся части, содержит изречение самого шейха Абу Са'ида¹:

.. [لا يصل المخلوق] الى المخلوق الا بالسير اليه و لا يصل المخلوق
 الى الخالق الا بالصبر عليه و الصبر عليه يقتل النفس و الهوى فيقتلون
 و يقتلون وعدا عليه في التورية و الانجيل و [القرآن و من اوفى بعهده من الله
 فاستبشروا ببيعكم الذي بايعتم به و ذلك هو الفوز العظيم]

¹ Жуковский В.А. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида: Толкование на четверостишие Абу-Са'ида: Персид. тексты. – СПб., 1899. – С. 315; Семенов А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Аннау. Неса. Мавзолей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолей султана Санджара в Мерве // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 24.

«..... [Тварь не может приблизиться] к твари иначе, как шествуя к ней, а к Творцу тварь не может прийти иначе, как перенося Его (испытания), а терпеливое перенесение таких убивает страсть и вожделение, ибо (верующие)¹ будут убивать² и будут убиваемы, как об этом гласит Его³ непреложное обещание в Торе, Евангелии и [Коране. А кто же более верен своему обещанию, чем Аллах. Так радуйтесь тому договору, который вы заключили⁴, ибо в этом-то и есть великое блаженство]».

Обе розетки по правую и левую сторону замка арки, в углах между аркой и обрамляющим ее поясом, на правой стене почти совершенно стерлись; только в правой розетке можно различить несколько разрозненных букв.

По обе стороны ниши на правой стене имеется по большой розетке.

Розетка по правую сторону ниши (Рис. 6), которая представляла собой богато орнаментированное поле в центре, охваченное по окружности узким поясом надписей белую вязью по синему фону с цветочным орнаментом по наружному краю этого пояса, очень пострадала; от надписи остались лишь обрывки, по которым можно установить, что она содержала СII-ю главу Корана:

{«Хвастовство богатством поглощает ваши помыслы, пока вы не сойдете в могилы. Но нет. Вы еще узнаете. И еще раз, вы еще узнаете (что произойдет). Если бы вы это узнали непреложным знанием, то несомненно узрели бы Ад. Затем вы узрели бы, что он – достоверная истина, а затем вас спросят о благах (которыми вы пользовались в этом мире)»}.

¹ Дальше следует цитата из Корана: конец 112-го стиха IX-й главы.

² Как видно из контекста: «сражаясь за веру».

³ Т.е. Аллаха.

⁴ Опущенное в цитате начало стиха гласит: «Подлинно Аллах купил у верующих и жизнь, и имущество с тем, что для них будет уготован Рай».

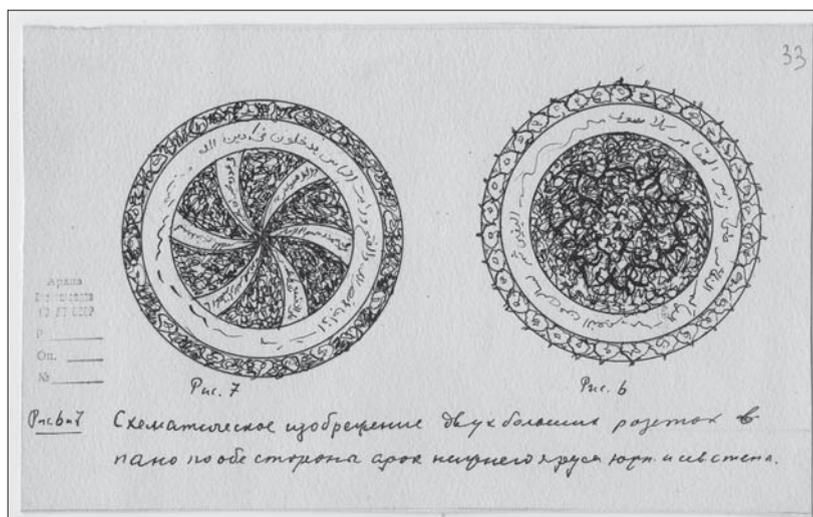

Рис. 6 и 7

460

Розетка по левую сторону ниши отличается от розетки по правую сторону ее только тем, что центр занят не сплошь цветочным орнаментом, а на фоне последнего имеются шесть крыльев, как лопасти винта, выходящие из одного центра (см. Рис. 7); на этих лопастях тоже имеются надписи. В поясе, охватывающем центральное поле розетки, надпись белую вязью по синему фону, почти полностью сохранившаяся, содержит СХ-ю главу Корана:

{«Когда придет от Аллаха помощь и победа и ты увидишь, что люди толпами вступают в лоно веры Аллаховой, то славословь и восхваляй Господа твоего и проси у Него прощения, ибо Он Всепрощающий»}.

Из крыльев-лопастей сохранились только две рядом, и на одной из них читается *басмала*, очевидно, начало какой-либо цитаты из Корана, на другой, очевидно, шестой, лопасти читаются только отдельные буквы конца цитаты, не дающие никакой возможности восстановить цитату в целом.

Надпись на поясе, обрамляющем арку нижнего яруса задней (восточной) стены, содержит изречение шейха Абу Са'ида и полностью сохранилась в отрезке II (см. Рис. 5), тогда как в отрезках I и III остались лишь небольшие отрывки:

.... فحببيك فقدته و اذا طلبـ[بتـه] و سئل الشيخ قدس الله سره عن الشريعة و الطريقة و الحقيقة فقال الشريعة افعال في افـ[عال و] الطريقة اخلاق في اخلاق و الحقيقة احوال في احوال فمن لا افعال له.....

«..... а возлюбленного твоего ты потерял, и если его поищешь И спросили шейха, да освятит Аллах его душу, о шариате, *тарикате* и *хакикате*; он ответил: шариат – дела за делами, *тарикат* – добрые нравы за добрыми нравами, а *хакикат* – экстатические состояния за экстатическими состояниями. Тот, у кого нет поступков (согласных с законом-шариатом),»

От надписи и по краю нижней арки задней стены остались лишь обрывки, не дающие возможность восстановить связным текст:

.... بالحقيقة و الاستقامة المجد و الفضل لدخل ذنوب الاولين و الاخرين في حاشية من حواشيه و لو بدت غير من.....

Две розетки в углах по обе стороны замка этой арки содержали имя строителя мавзолея; в правой розетке остались слова: عمل اضعف الـ[عباد] («Дело рук наимощнейшего из рабов»), а в левой – начало имени سلطانшах сын ... великого» العظیم

От больших двух розеток на пано по обе стороны арки нижнего яруса задней стены остались лишь небольшие кусочки; по сохранившимся отрывкам надписей можно заключить, что надпись в поясе, охватывающем центральную часть правой розетки, содержала CVI-ю главу Корана:

{«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Объединению Корейшитов, их объединению по случаю отправления караванов зимою и летом: пусть они поклоняются Господу этого храма, Господу, Который их накормил и избавил от голода и охранил их от опасностей»}.

Соответствующая надпись в поясе, охватывающем центральную часть левой розетки, содержала, как можно судить по сохранившемуся началу, ХСVII-ю главу Корана:

{«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Подлинно, Мы ниспослали его (Коран) в Ночь предопределения. А знаешь ли ты, что такое Ночь предопределения? Ночь предопределения лучше тысячи месяцев; в эту ночь ангелы и дух спускаются (на землю) с соизволения их Господа по всякому делу. Эта ночь – мир вплоть до восхода зари»}.

От надписи в поясе, обрамляющем арку нижнего яруса в левой (западной) стене, осталась довольно значительная часть; начала не хватает, оставшееся читается так:

... بين صوركم و الامر وراء الاسم و الصور فالمقامات حركات الظواهر و الاحوال حركات السراير و التوحيد و المعرفة وراء الظواهر و السراير و لا يدفل العبد بروح التوحيد و صفات التوحيد الا بكفاية و رعاية و عنايت

462

«...между вашими внешними образами. Но веление находится за пределами названия и образов; мистические стоянки – движения внешних органов, а экстатические состояния – движение сердца. Единая сущность Аллаха и познание находятся за пределами досягаемости органов внешних чувств и внутренних помыслов, и не может раб познать дух единства и атрибуты единства иначе, как при помощи умеренности, соблюдения и божественного провидения.....».

Сохранившаяся в значительной своей части надпись по краю самой арки гласит:

[قال] الشيخ قدس الله روحه اغياب¹ الزيارة مع حضور القلب خير من دوامها² مع نفور القلب و قال الشيخ اياك و صحبة الاشرار و لا تتقطع عن الله بصحبة الاحرار و قال.....

¹ Так следует исправить опечатку в тексте, приведенном в упомянутой статье Семенова (Семенов А. По Закаспийским развалинам. Мечеть в Аннау. Неса. Мавзолеей шейха Абу-Са'ида в Мейхене. Мавзолеей султана Санджара в Мерве // Известия Средазкомстариса. – Ташкент, 1928. – Вып. III. – С. 24).

² دوا من ما Или

«Сказал шейх, да освятит Аллах его дух: поклонение (святыне) с перерывами, но с внутренним сосредоточением, лучше, чем непрерывное поклонение с рассеянным сердцем. И сказал шейх: берегись общества дурных людей, но не отвлекайся от Аллаха и общением со святыми мужами. Сказал...»

Надписи белой вязью по синему фону в двух розетках по обе стороны замка арки сохранились полностью; в правой розетке читается:

قال النبي عليه السلام أصدق الحديث كتاب الله

[«Сказал Пророк (мир да будет с ним): Самый достоверный хадис – Книга Аллаха»], а в левой:

قال النبي عليه السلام أفضل الذكر لا اله الا الله

[«Сказал Пророк (мир да будет с ним): лучшее поминание – «нет божества, кроме Аллаха»].

В пано по правую сторону ниши нижнего яруса в левой стене имеется такая же розетка, как на противоположной стене по левую сторону ниши (см. Рис. 7); в поясе, охватывающем центральное поле розетки, надпись почти целиком сохранилась; она содержит XCIV-ю главу Корана.

{«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Разве не разверзли Мы тебе (стесненную) грудь твою и сняли Мы с тебя бремя, отягощавшее спину твою и возвеличили славу твою. Подлинно, наряду со стеснением есть и облегчение (дважды). Когда освободишься (от трудов), подвизайся и ко Господу твоему стремись»}.

На шести лопастях мы читаем почти полностью сохранившуюся CIX-ю главу Корана:

{«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Горе всякому хулителю и клеветнику, который собрал богатство и скопил его на будущее время. Он полагает, что его богатство обеспечит ему жизнь вечную: как бы не так! Он будет ввергнут в ал-Хутама¹. А знаешь ли ты,

¹ Ал-Хутама (букв. – сокрушилище) – название Преисподней в Коране.

что такое ал-Хутама? Это – огонь Аллахов, огонь пылающий, который доходит до самых сердец, и покроеет он их, как свод на высоких столбах»}.

Розетка в пано по левую сторону ниши не сохранилась.

Надпись на поясе, обрамляющем арку ниши с входной дверью в передней (западной) стене, сохранилась очень хорошо; начало надписи на персидском языке (не хватает первых слов), а затем она продолжается по-арабски:

[شيخ ما] قدس سره فرمود التصوف الصريح [الامر] و النهى أو الرضا و التسليم في مجارى الاقدار و قال مثل الصوفى كمثل الارض عليها كل قبيح و لا يخرج الاكل مليح و قال لا يكون الصوفى صوفيا حتى يكون الخلق كلهم عيالا عليه و قال التصوف ارادة الحق في الخلوة بلا خلق....

«...наш шейх, да освятится сердце его, соизволил сказать: явный суфизм – (соблюдение) повелений и запретов, или довольно и покорности пред свершающимися решениями судьбы. И сказал он: суфия можно уподобить земле; по ней рассеяно всякое дурное, а произрастает только всякое хорошее. И сказал он: не бывает суфий истинным суфием, пока не станет смотреть на всех тварей как на свою семью. И сказал он: *масаввуф* – стремление к Аллаху в одиночестве без присутствия тварей».

По краю арки ниши входной двери еще читается обрывок надписи:

...قال..... [من] لا اخلاص في قلبه فلا علم في دينه و شرعه و قال الصدق و دبعة الله في عبادته ليس للنفس اليه سبيل و قال الاخلاص الذي لا يكتمه المكان و لا بطلع ع[ليه]....

«Сказал... Если у кого в сердце нет искренности, то нет и понимания в его вере и в (выполнении) им закона. И сказал он: правда – это имущество, данное Аллахом на хранение рабам своим, и нет возделющей душе доступа к ней. И сказал он: искренность, которую не скрывает место и которая не познается.....»

В середине розетки в углу по правую сторону за-
мка арки (см. Рис. 5) мы читаем:

قال النبي عليه السلام لو علم المصلى من يناجيه لالتفت

т.е. «Сказал Пророк (мир да будет с ним): если бы
молящийся понимал, с кем он беседует, то, несо-
мненно, был бы внимателен», а в соответствующей
розетке по левую сторону:

قال النبي عليه السلام المصلى يناجي ربه

т.е.: «молящийся беседует с Господом своим».

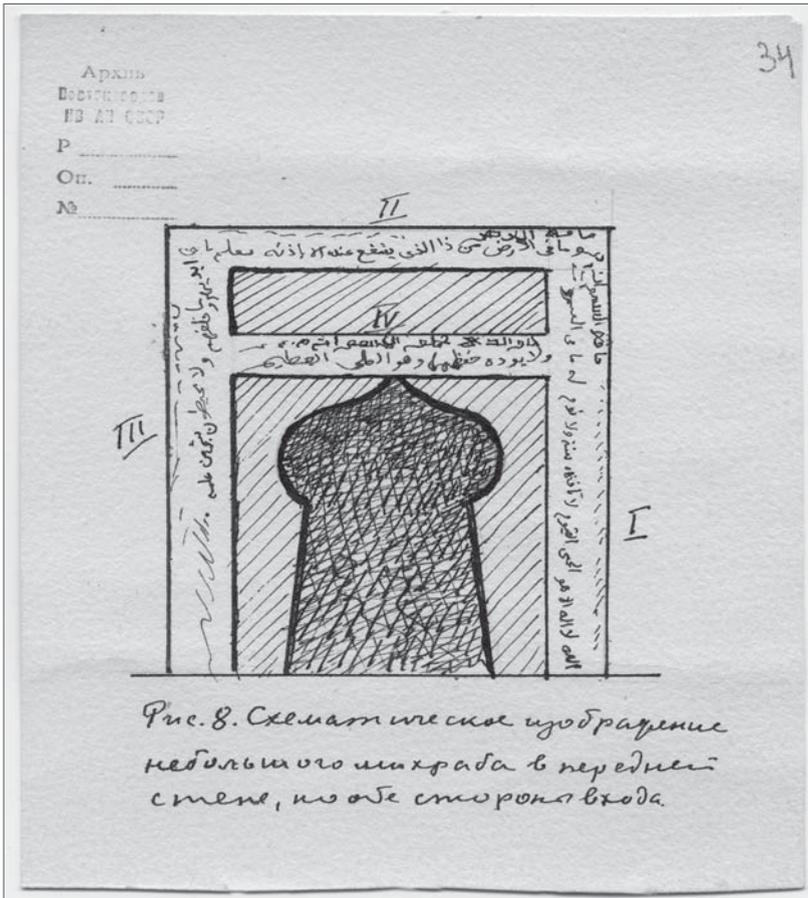

Рис. 8

В пано по обе стороны большой ниши входной двери в нижнем ярусе, вместо розеток, имеющих на других стенах, имеется по одной небольшой нише-*михрабу*, который заключен в рамку, наподобие косяка двери, со второй горизонтальной перемычкой непосредственно над аркой *михраба* (см. Рис. 8). По косяку и перемычке в последовательности, указанной на рисунке римскими цифрами, тянется двойной пояс надписей: по верхнему и наружному краю – куфическим почерком, а под ним – вязью. Надписи почти совершенно стерлись, так что о расцветке их судить нельзя; правый *михраб* частично разрушился. Самые надписи, представляющие цитаты из Корана, можно восстановить по сохранившимся обрывкам, кроме куфической надписи правого *михраба*, почти совершенно исчезнувшего.

466

Надпись вязью на левом *михрабе* содержит так называемый престольный стих (Коран, гл. II, ст. 256):

{«Аллах, нет божества кроме Него, Живый, Вечный; не знает Он ни дремоты, ни сна. Ему принадлежит то, что на небесах и на Земле. Кто может предстательствовать пред ним иначе, как с Его же соизволения? Он знает то, что перед ними, и то, что позади них, а они постигают из Его знания лишь то, что Он пожелает. Его престол обнимает небеса и Землю и поддержание их для него не обременительно. Он – Всевышний, Великий»}.

Куфическая надпись (см. Рис. 9) левого *михраба* содержит начало (первые 4 стиха) LVII-й главы Корана:

{«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного. Все, что на небесах и на Земле, славословит Аллаха; Он Державный и Мудрый. Ему принадлежит царствие на небесах и на Земле; Он оживляет и умерщвляет; Он может сотворить всякую вещь. Он первый и последний, явный и тайный, и Ему известно все. Он Тот, Который сотворил небеса и Землю в шесть дней...»}.

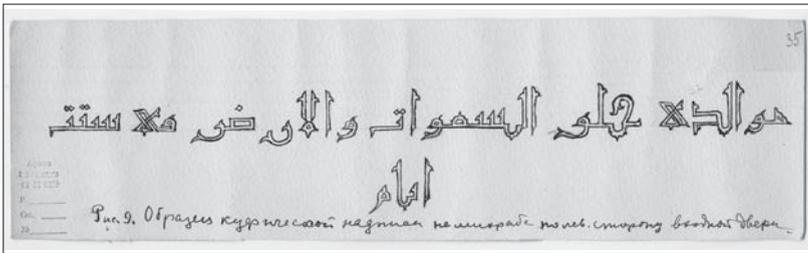

Рис. 9

Правый михраб сравнительно сильно пострадал от времени; от кувейтской надписи, как уже указывалось, остались лишь жалкие обрывки в виде отдельных букв, еле поддающихся разбору; от надписи вязью сохранились тоже небольшие обрывки, но все же достаточно связные и дающие возможность установить, что надпись содержала так называемый «Стих света» (Коран, гл. XXIV, ст. 35):

{«Аллах – свет небес и земли. Его свет можно уподобить нише: в нише – светильник, светильник – в хрустальной лампаде, а хрустальная лампада сияет, как блестящая звезда; возжигается светильник от древа благословенного, масличного, не восточного и не западного, масло которого вот-вот засияет, хотя бы его и не коснулся еще огонь; это – свет над светом. Аллах ведет к Своему свету кого пожелает, и рассказывает людям притчи, так как Он знает все»}.

В заключение остается еще раз высказать сожаление по поводу того, что по затруднениям технического порядка осталась неразобранной надпись по нижнему краю барабана внутри мавзолея.

Ташкент
Март 1931 – март 1935.

Шрутель-Ислам.

Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов. В 4-х ч. Собрано и обработано Магомет-Беком-Хаджетлаше. (Рецензия)¹

Узнав о выходе в свет упомянутой в заголовке книги, нам было хотелось от души приветствовать ее появление как попытку мусульманина со своей стороны способствовать ознакомлению немусульман с мусульманством и тем самым внести и свою лепту в дело приготовления почвы для мирного приобщения мусульманского Востока к общеевропейской культуре.

Как явствует из предисловия, автор книги задался гораздо более скромною целью: он имел в виду дать тем из своих единоверцев, «кто потерял, в силу исторических и других причин, свой родной язык»², возможность ознакомиться с основами мусульманского вероучения и не быть более «игрушкой в руках невежественных мулл»³.

И в этих более узких рамках задачу автора, конечно, нужно признать весьма почтенною. Мы вполне согласны с автором, что «называть себя мусульманином еще

468

¹ Текст рецензии печатается по первому изданию: *Шмидт А.Э.* Рец. на кн.: Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. Собрано и обработано Магомет-Беком-Хаджетлаше. Изд. журн. «Мусульманин» (Библиотека «Кавказских горцев», № 3). Париж, 1911–1912 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 118–123. Мною исправлена транскрипция некоторых терминов и имен в соответствии с правилами, установленными в современном российском академическом исламоведении (Примеч. сост.).

² *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 9.

³ Там же. – С. 10.

далеко не значит быть им»¹, что «помимо действительной веры и исполнения всех обрядностей... не бесполезно, по крайней мере, знать, что из себя представляет данная религия и на чем основана глубокая вера миллионов людей»², а потому мы готовы были бы приветствовать и такого рода попытку автора восполнить пробел, быть может, действительно ощущаемый его единоверцами в России (для них, несомненно, предназначается этот труд, написанный на русском языке), если бы более близкое ознакомление с этим трудом не заставило нас окончательно разочароваться в нем.

Книга, помимо написанных самим автором предисловия, примечаний в конце книги и заключения, состоит из четырех частей, представляющих собой частью пересказ, частью перевод отдельных мест из мусульманских богословско-юридических сочинений.

*Часть первая*³. О происхождении мусульманского вероучения. Священная история от сотворения мира до Магомета. Пророк Магомет⁴ и основание ислама.

*Часть вторая*⁵. Сущность вероучения – *итикад*⁶ (Догматическое вероучение).

*Часть третья*⁷. Отношение человека к Богу – *Айбадат*⁸ (Нравственное вероучение).

¹ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 8.

² Там же. – С. 8.

³ Там же. – С. 13–62.

⁴ Так автор последовательно пишет имя Мухаммада.

⁵ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 65–92.

⁶ И‘тикад. На с. 65 автор пишет «итикад».

⁷ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 93–98.

⁸ Чит. – ‘ибадат.

*Часть четвертая*¹. Объяснение богослужения и религиозных обрядов – *гамаль*².

Почему автор разъединил третью и четвертую части, нам непонятно. И та и другая трактуют о практическом благочестии ('амал), об 'убадат; этим термином обозначаются именно внешние формы благочестия, религиозные обряды, а отнюдь не «нравственное вероучение». Под каковым вряд ли можно понимать детальное описание обряда омовения, о котором только и говорится в третьей части.

Вообще, уже первые страницы книги с очевидностью убеждают нас в том, что автор положительно не сумел разобраться в том «богатом, но совершенно необработанном»³ материале, который был у него под руками и который он, увы! счел нужным не только привести в порядок, но и исправить⁴. Исправления же автора, как он сам заявляет в предисловии, частью заключались в том, что он старался «выбросить все, носящее явно вымышленный характер»⁵; к сожалению, автор совершенно умалчивает о том, каким критерием он руководствовался при определении того, что считать явно вымышленным, что нет. Зато автор не выбросил «поэтических преданий, которые с таким неподражаемым искусством передают арабы – первые последователи великого человека»⁶.

470

¹ *Хаджетлаше* М.-б. Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 99–148.

² Чит. – 'амал.

³ *Хаджетлаше* М.-б. Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Без слов ясно, что при такой постановке вопроса из разработки хотя бы и очень богатых материалов ничего путного выйти не могло.

Поэтому мы не должны удивляться ни тому, что, по словам автора, «в окрестностях священного города почти нет ни озер, ни рек», и что «богатство страны составляют: зной, песок и камень»¹, ни тому, что, рассказывая о происхождении пророка Мухаммада, автор пользуется исключительно легендарными материалами, совершенно игнорируя имеющиеся налицо научно проверенные исторические данные.

Правда, автор в конце книги дает целый ряд примечаний, в которых, между прочим, поясняет, что жившее по соседству с Геджасом в Йемене «племя черных арабов под названием Хабашей»² не что иное, как Абиссинцы³, что боевой слон абиссинского вождя Абраги стал на колени перед Каабой не по собственному почину, а побуждаемый к тому вожаком – тайным приверженцем ‘Абд ал-Муталлиба⁴, и что «дальнейшие затем сказания и предания, имеющие несомненно фантастический характер, являются следствием последующих событий, т.е. они (sic!) написаны и созданы после смерти Пророка»⁵. Но это не мешает автору в тех же примечаниях утверждать, что после поражения абиссинского войска «каменные истуканы потеряли свое обаяние и многие разочаровались в его могуществе»⁶, что «таким образом народы подготовились к восприятию нового учения, о котором тогда уже

¹ *Хаджетлаше* М.-б. Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 17; курсив наш.

² Там же. – С. 22.

³ Там же. – С. 162.

⁴ Там же. – С. 163.

⁵ Там же. – С. 165.

⁶ Там же. – С. 163.

ходили слухи, т.е. задолго до появления Магомета»¹, что «евреи, считавшиеся передовым народом, первые тревожились этим событием² и, как мы знаем, старались воспрепятствовать рождению пророка, уничтожить сына Мутталиба»³.

С присутствием вообще легендарного материала в книге, написанной мусульманином, для которого многие из приведенных легенд окружены ореолом святости, мы могли бы, конечно, примириться, но чем оправдать, что автор не знает даже ни даты рождения Пророка, ни даты *хиджры* (автор пишет «Геджра») и утверждает будто Мухаммад родился в 550 г. по Р.Хр. (вместо 570) и бежал в Медину в 602 г. (вместо 622 г.)⁴? Дальше идти, право же, некуда. Правда, несколько выше автор правильно приводит даты рождения и смерти Мухаммада, но зато утверждает, что «в *первые годы* он проповедовал в небольшом кружке своих родственников и знакомых» и что «к *тому же времени* относится устройство первой мечети в городе Медине и установление правильного богослужения»⁵.

472

Прямо ужасна транскрипция арабских имен и арабских терминов. Уже самое заглавие книги «*Шрутель-ислам*» может служить примером неудачной транскрипции. Автор, очевидно, имел в виду озаглавить свой труд: «Условия (принадлежности к вероучению) ислама», по-арабски – «*Шурут ал-ис-*

¹ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 164.

² Предсказанием одного еврея-хироманта относительно имевшего родиться пророка Мухаммада.

³ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 164.

⁴ Там же. – С. 68.

⁵ Там же. – С. 38–39; курсив наш.

лам». Мы не можем, конечно, требовать от автора вполне научной транскрипции, но от лица, по-видимому, знакомого с арабским языком, можно было все-таки ожидать хотя бы более или менее однообразной транскрипции, а между тем автор одно и то же слово, одно и то же имя пишет на разные лады. Известный «великий имам» (по-арабски *ал-имам-ал-а'зам*), основатель ханафитской школы мусульманского права, носил имя «Абу Ханифа». Автор называет его то *Озам-Эбу-Ханифе*¹, то *Азам-Ибн-Ханифийя* или просто *Ханифия*², то *Имам-Азам-Абу-Ханифийя*³, то *Имам-Азам-Эбу-Ханифийя*⁴.

В другом месте автор это же имя пишет Абу-Ганифе, поясняя его перевод: отец Ганифея (!)⁵. Известный ученик Абу Ханифы – Абу Йусуф зовется автором то Эбу-Хассуф⁶, то Ибн-Юсуф⁷. Первый халиф появляется у автора то правильно, под именем «Абу-Бекр»⁸, то под именем «Абу-Бекер»⁹ с пояснением – «отец Бекира». Имя отца Мухаммеда «Абду-л-лах» автор передает через «Абд-Ула»¹⁰.

Каждый отдел мусульманского молитвенного обряда – *салат* (а не «салатт» или «салаат», как пишет автор) называется *ракат*, автор изобретает для этого термины «Рик-атт», «Рик-Аатт» и «Рик-Атт»¹¹.

¹ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 93.

² Там же. – С. 99–100.

³ Там же. – С. 148.

⁴ Там же. – С. 74.

⁵ Там же. – С. 86.

⁶ Там же. – С. 92.

⁷ Там же. – С. 100 и 110.

⁸ Там же. – С. 111.

⁹ Там же. – С. 86.

¹⁰ Там же. – С. 26, 27 и след.

¹¹ Там же. – С. 116 и след.

Арабское слово 'Ид – праздник, автор на одной и той же странице пишет то Ид, то Айд, то Гейд¹, *хадисы* называет «хатиссами»² и т.д.

Кроме того, автор совершенно без разбора и без последовательности приводит термины то в арабской, то в персидской или турецкой их форме. Вероятно, это происходит в зависимости от того, на каком языке была написана книга, из которой автор заимствовал данное место. Этим, конечно, приходится объяснить у автора и появление имени Мунедджим-Баши в форме Мунеджим-Бахи³. По-видимому, автор имел перед собою французскую транскрипцию *bachi*, но, по ошибке, прочел ее по-немецки.

Еще хуже дело обстоит тогда, когда автор цитирует в своей транскрипции целые арабские фразы. Так, например, выражение из символа веры: «ва малаикатиhi» (и ангелов Его) автор передает так: «Вемаля и Катига»⁴.

474

Всех недочетов этого рода и не перечтешь, вся книга так и пестрит ими. Быть может, часть их должна быть отнесена на долю плохой корректуры, но тогда совершенно непонятна та искренняя благодарность, которую автор выражает своему секретарю за добросовестное исполнение роли корректора!⁵

К тому же книга написана прямо-таки ужасным русским языком. Приведем только еще два примера в дополнение к тем, которые попутно приводились уже выше:

1. «Догматы мусульманской религии имеют специальные сочинения»⁶.

¹ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 145.

² Там же. – С. 89.

³ Там же. – С. 68.

⁴ Там же. – С. 84.

⁵ Там же. – С. 8.

⁶ Там же. – С. 65.

2. «Потрясенное неудачей и появлением тучи птиц, все это внесло панику в рядах абиссинских солдат и они бросились в бегство»¹.

Правда, автор в заключении говорит, «что часть материала, относящегося до религиозных обрядов, была написана старым текстом совершенно не по-русски (хотя автор, очевидно, думал, что пишет по-русски), так что буквально приходилось переводить на разговорный язык чуть ли не каждую строку»², но ведь второй пример заимствован из примечаний, самим автором написанных.

Во всяком случае, мы очень опасаемся, что труд автора не принесет его единоверцам той пользы, которой он ожидает, и, думается нам, быть может, лучше будет, если автор не станет осуществлять своего намерения выпустить специальный труд под названием: «Комментарии к учению Ислама», в котором он надеется, «основываясь на сочинениях величайших арабских и европейских ученых, с помощью Пророка осветить все неясности, которые тормозят культуру и мешают мусульманам жить по-человечески»³.

Автор в одном месте разбираемого труда говорит про пророка «Ибрагима, или еврея Авраама», что «во всяком случае для мусульман он – бесполезное лицо»⁴. Боимся, что просветитель в духе нашего автора окажется для мусульман лицом не только бесполезным, но даже вредным.

¹ *Хаджетлаше М.-б.* Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов: В 4-х ч. – Париж, 1911. – С. 163.

² Там же. – С. 167. Недоумеваем, каким это «старым текстом» писал тот автор, который доставил материалы автору разбираемого труда.

³ Там же. – С. 170.

⁴ Там же. – С. 154.

СПИСОК ТРУДОВ А.Э. ШМИДТА

Опубликованные работы:

1897

1. Применение системы фикха в арабской грамматике // Ал-Музаффарийат. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1897. – С. 309–324.

1899

2. Рец. на кн.: Muhammeds Lehre von der Offenbarung quellenmässig untersucht von Dr. Otto Pautz. Leipzig, 1898. VI, 308 // Журн. Мин. нар. просв. – 1899. – Ч. CCCXXV. – сент./окт. – С. 362–375.

476

1902

3. Арабская грамматика: [Лекции 1–18. Запись лекций прив.-доц. А.Э. Шмидта, студента I курса В.Л. Бреше с 19.IX. 1901 г. по 29.III. 1902 г.], – [СПб.]: Б.и. [1902]. – 118 с.

1903

4. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах: Ст. и разыскания А. Куника и бар. В. Розена / Пер. с нем. А.Э. Шмидта. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1903. – Ч. II.–XII, 066, 209 с.

А.Э. Шмидтом сделан перевод с немецкого языка экскурсов А.А. Куника и составлены указатели.

1904

5. Рец. на кн.: А. Крымский. Мусульманство и его будущность. – М., 1899 // Записки Вост. отдел. Рус. археол. об-ва. – 1904. – Т. XII, Вып. 1. – С. 023–026.

1908

6. Проф. бар. В.Р. Розен (Некролог) // Санкт-Петербургские ведомости. – 1908. – 11 (24) января. – № 9. – С. 4.

1909

7. Рец. на кн.: *First steps in Muslim jurisprudence, consisting in experts from Bākūrat-al-Sa'd of Ibn Abū Zayd with Arabic text, English translation, notes and a short historical and biographical introduction by Alexander David Russel and Abdullah al-Ma'mun Suhrawardy.* London, 1906. XXI, 121 // Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. об-ва. – 1909. – Т. XIX, Вып. I. – С. 091–093.

8. Рец. на кн.: Ал-Хафиз Шемс-ад-дин-Мухаммед-б-Ахмед-аз-Захабий. *Мизân ал-и'тидâl fû накд-ар-ридждâль.* Т. I (486 с.); Т. II (362 с.). Каир, 1325 (1908) // Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. об-ва. – 1909. – Т. XIX, Вып. I. – С. 093–0102.

477

1911

9. Рец. на кн.: *Ignaz Goldziher. Vorlesungen über den Islam (Religions wissenschaftliche Bibliothek. Herausgegeben von Wilhelm Streitberg und Richard Wünsch. I Bd.).* Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910 // Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. об-ва. – 1911. – Т. XXI, Вып. 1. – С. 0103–0104.

10. Рец. на кн.: *Le livre des ventes du Çah'îh' d' El-Bokhâri, suivi du livre de la vente a terme (selem) et du livre du retrait (chouf'a).* Traduction avec éclaircissements et commentaires par Frédéric Peltier. Alger, 1910. VIII, 243 // Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. об-ва. – 1911. – Т. XX, Вып. 1. – С. 0102–0109.

1912

11. Очерки истории ислама, как религии // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 32–55; Т. I, № 2. – С. 85–202; Т. I, № 4. – С. 562–581.

12. Рец. на кн.: Шрутель-Ислам. Сущность догматического и нравственного вероучения мусульман с кратким объяснением богослужения и религиозных обрядов. В 4-х ч. Собрано и обработано Магомет-Бекком-Хаджетлаше. Изд. журн. «Мусульманин» (Библиотека «Кавказских горцев», № 3). Париж, 1911–1912 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 118–123.

13. Рец. на журн.: Der Islam. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients. Herausgegeben von C.H. Becker. Strassburg. Verlag von Karl Trübner. Bd. I. 1910.; Bd. II. 1911 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 1. – С. 124–138.

478

14. Рец. на кн.: *И. Гольдцигер*. Лекции об исламе. Прил. статья Г. Вамбери: Культурное движение среди русских татар / Пер. с нем. А.Н. Черновой. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1912. [Современное человечество. Б-ка обществознания под общ. ред. И.М. Бикермана] // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 2. – С. 227–231.

15. Рец. на журн.: The Moslem World. A quarterly Review of current events, literature and thought among Mohammedans, and the progress of Christian Missions in Moslem Lands. Ed.: Rev. S.M. Zwemer, D.D.–London: F.R.G.S., 1911. – Vol. I, № 1–4; 1912. – Vol. II, № 1 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. I, № 2. – С. 247–249.

16. Рец. на журн.: Revue du Monde Musluman, publié par la Mission Scientifique du Maroc. – Paris: Ernst Leroux, Editeur, 1911. – Vol. XIII– XIV, XV // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. 1, № 2. – С. 249–256.

17. Рец. на журн.: *Der Islam*. Bd. III. 1912. // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. 1, № 3. – С. 450–459.

18. Рец. на журн.: *Revue du Monde Musluman, publié par la Mission Scientifique du Maroc*. Paris: Ernst Leroux, Editeur. Vol. XVI, 1911; Vol. XVII, XVIII, XIX, 1912 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. 1, № 3. – С. 459–462.

19. Рец. на кн.: Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. I: О наследовании у мусульман-суннитов / Сост. П.В. Антаки. СПб., 1912 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. 1, № 4. – С. 597–601.

20. Рец. на журн.: *Der Islam*. Bd. III. 1912. Heft 4 // Мир ислама. – СПб., 1912. – Т. 1, № 4. – С. 603–610.

1913

21. Нâсираддйн-ат-Тусий († 672/1273) по вопросу о свободе воли // Сборник статей в честь Д.Ф. Кобеко от сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. – СПб.: типо-лит. Н.И. Евстифеева, 1913. – С. 169–176.

479

1914

22. ‘Абд-ал-Ваххâб-аш-Ша‘рâний († 973/1565 г.) и его «Книга рассыпанных жемчужин». – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1914. XVI, 251, [5]. 047 с.

1915

23. Рец. на кн.: *И.Ю. Крачковский*. Абу-л-Фарадж ал-Ва’ва Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества. – Пг., 1914 // Журн. Мин. нар. просв. – 1915. – Ч. LVIII. – Авг. – С. 387–406.

1917

24. Рец. на ст.: С. Snouck Hurgonje. *Heilige Oorlog made in Germany* (De Gids, 1915. № 1) // Мусульманский мир. – СПб., 1917. – Вып. 1. – С. 55–61.

25. Новые данные по вопросу о мнимом упоминании имени Мухаммеда в Пятокнижии Моисея // Зап. Вост. отд. Имп. Рус. археол. об-ва. – 1917. – Т. XXIV, Вып. 1. – С. 1–28.

1922

26. Как сложилось житие Мухаммеда // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – Авг.-сент. – С. 4–7.

27. Проф. П.А. Фалев (Некролог) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 51–53.

28. Туркестанский Восточный Институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение. – Ташкент, 1922. – № 2. – Окт.-дек. – С. 112–125.

1924

480 29. Востоковедение в Туркестане // Новый Восток. – 1924. – Кн. 6. – С. 512–514.

1925

30. Идеал мусульманского правителя-наместника IX века (III века Хиджры). (Послание Тахира ибн ал-Хусейна к сыну своему ‘Абдаллаху ибн Тахиру) // Бюллетень Среднеазиат. гос. ун-та. – Ташкент, 1925. – № 8. – С. 127–138.

31. Эпоха мирзы Улуг бека // Шмидт А.Э., Субботин М.Ф., Вяткин В.Л. Мирза Улуг бек. – Ташкент: Узб. гос. изд-во, 1925. – С. 3–5.

1926

32. Шариат и право водопользования в Средней Азии // Народное хозяйство Средней Азии. – [Ташкент], 1926. – № 8–9. – С. 1–8.

1927

33. Из истории суннитско-шиитских отношений // عقد الجمان В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели / Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Бетгера. – Ташкент, 1927. – С. 69–107.

34. Мухаммед Абду и его роль в [истории] прогрессивных течений современного ислама // Палермо–Сицилия. Путевые заметки Мухаммеда Абду. Арабский текст. Учебное пособие. – Ташкент, 1927. [Стеклограф. изд.]¹.

35. Zu “Der Islam”, Bd. XV. P. 106–107 // Der Islam. – 1927. – Bd. XVI, Heft ¾. – S. 266–267.
Заметка об ас-Сувайди.

1929

36. Рец. на кн.: Известия Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Т. I. Ташкент, 1928 // Бюллетень Среднеазиат. гос. унта. – Ташкент, 1929. – Вып. 18. – С. 119–123.

481

1930

37. Четыре арабских рукописи из собрания И.Ю. Крачковского // Зап. Коллегии востоковедов. – Л., 1930. – Т. V. – С. 763–800.

¹ Написанная А.Э. Шмидтом вводная статья к «Путевым заметкам» М. Абдо была запрещена цензурой. По свидетельству самого Шмидта, сохранилось всего два экземпляра книги с его текстом (см.: Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 116об.–117). Нам не удалось установить номера страниц, на которых была опубликована статья. Ее название с небольшими расхождениями приводится здесь: Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8; Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175.

1935

38. Рукопись III тома Всемирной истории Ибн-Мискавейха (из собрания Гос. Публ. библиотеки УзССР) // Труды Гос. Публ. б-ки УзССР. – Ташкент: Изд-во Комитета наук, 1935. – Т. I. – С. 118–133.

1941

39. Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 31–33.

1947

40. Памяти незабвенного учителя (В.Р. Розена) // Памяти академика В.Р. Розена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 11–18.

482

1958

41. Материалы по истории Средней Азии и Ирана // Ученые записки ИВ АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. XVI. – С. 441–513.

2001

42. Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – XXXIII. 415 с.

2003

43. «Нет ничего совершеннее, чем умеренность в благах». Из послания правителя Хорасана Тахира ибн ал-Хусейна сыну своему 'Абдаллаху ибн Тахиру (IX век) // Татарский мир. – М., 2003. – № 13 (23). – С. 10.

Публикации писем А.Э. Шмидта:

1. Письма А.Э. Шмидта к А.Н. Самойловичу о К.К. Юдахине: 1922-1925 // Александр Николаевич Самойлович: научная переписка: биография / Сост., авт. ст. и биогр. Г.Ф. Благова. – М., 2008. – С. 261–264.

2. Беккин Р.И. Зарубежная командировка А.Э. Шмидта в Европу. По материалам его писем барону В.Р. Розену (1897 г.) // Восточный архив. – 2017. – № 2. – С. 6-18.

Работы под редакцией А.Э. Шмидта:

1911

1. *Гольдциер И.* Ислам – (Die religion des Islams) / Пер. И. Крачковского, под ред. и с предисл. прив.-доц. А.Э. Шмидта. – СПб.: «Восточная» тип. И. Бораганского, 1911. – [6]. 51 с.

483

1921

2. Арабская хрестоматия для I курса / Сост. В.Ф. Гиргас и В. Розен / Под ред. А.Э. Шмидта. – 4-е изд. – Ташкент, 1921. [Литограф. изд.]¹.

1923

3. Отрывки из жития Мухаммеда по Ибн-Хишаму. (Арабский текст [по хрестоматии Fischer'a] как материал для семинара по исламоведению). – Ташкент, 1923 [Литограф. изд.]².

¹ Название упоминается здесь: Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175. Точное количество страниц в данном издании нам не известно.

² Название (с незначительными разночтениями) упоминается здесь: Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8; Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175. Точное количество страниц в данном издании нам не известно.

1924

4. *Гиргас В.Ф., Розен В.Р.* Арабско-русский словарь. Хрестоматия для 1-го курса / Под ред. А.Э. Шмидта. – Ташкент: Туркестан. Вост. ин-т, 1924. – 43 с., араб. паг. [Литограф. изд.]¹.

5. Свод постановлений мусульманского права (шариата) о водопользовании и землепользовании / Под ред. А.Э. Шмидта // Вестник ирригации. – Ташкент, 1924. – № 9. – С. 60–84.

1927

6. *عقد الجمان* В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели / Под ред. А.Э. Шмидта и Е.К. Бетгера. – Ташкент: О-во для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927. – XII. 556 с.

484

7. Палермо–Сицилия. Путевые заметки Мухаммеда Абду. Арабский текст. Учебное пособие / С предисл. проф. А.Э. Шмидта. – Ташкент, 1927 [Стеклограф. изд.].

1935

8. Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Ташкент: Изд-во Комитета наук, 1935. – Т. I. Юбилейный. 1870–1935. – 272 с. *Востоковедная часть под ред. А.Э. Шмидта.*

9. Перечень восточных рукописей В.Л. Вяткина в Госуд. публичной библиотеке УзССР / Сост. Б.С. Сергеев; под ред. А.Э. Шмидта // Труды Гос. публ. б-ки УзССР. – Ташкент, 1935. – Т. I. – С. 60–91.

¹ Название упоминается здесь: Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175.

Неопубликованные работы¹:

1. Арабские надписи мавзолея шейха Абу Саида Мейхенейского в Меане (1935) // АВ ИВР РАН. Разр. 1. Оп. 8. Д. 46. Л. 1–26. 8 рис.
2. Зийад б. Йахйа и его трактат об истинной вере / Араб. текст, перевод и комментарии А.Э. Шмидта (сер. 1920-х)².
3. Из культурного прошлого нынешнего Узбекистана // Советский Узбекистан: Сборник (1926)³.
4. К вопросу о переводе истории Тимура арабского историка ибн-Арабшаха / Пер. с араб. и предисл. А.Э. Шмидта (1936) // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Д. 526. Л. 1–11.
5. Каталог восточных рукописей Государственной публичной библиотеки УзССР / Под ред А.Э. Шмидта. – Вып. 1 (1936–1937)⁴. 220 рукописей из 515 описаны А.Э. Шмидтом.

485

¹ Здесь помещены только работы, о которых достоверно известно, что они были закончены А.Э. Шмидтом, но по разным причинам не были опубликованы. Когда неизвестно точное название произведения, мы даем заголовок, в котором отражается его содержание. Даты в скобках обозначают время окончания работы или ее сдачи в печать. Труды расположены в алфавитном порядке.

² Согласно письмам Шмидта, работа над черновым вариантом книги была завершена им еще в середине 1920-х гг. (Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1908–1925) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1018. Л. 261об.). Название приводится по следующему источнику: Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8.

³ Упомянуется в: Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1926–1929) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1019. Л. 1об.

⁴ Упомянуется в: Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175. См. также: *Шмидт А.Э.* Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 33. Часть каталога планировалось опубликовать во втором томе Трудов ГПБ УзССР (Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Ташкент, 1935; без pag.).

6. Каталог восточных рукописей Государственной публичной библиотеки УзССР / Под ред А.Э. Шмидта. – Вып. 2 (1937)¹.

7. Каталог восточных рукописей Государственной публичной библиотеки УзССР / Под ред А.Э. Шмидта. – Вып. 3 (1937)².

8. Описание рукописей [произведений] Авиценны, [хранящихся] в собрании Государственной публичной библиотеки УзССР // Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Т. III (1938)³.

9. Описания 32 арабских рукописей Государственной публичной библиотеки УзССР (сверх подготовленных к печати в выпуске 1 Каталога рукописей)⁴.

486 10. Переписка среднеазиатских ханов с представителями зарубежных стран (1936)⁵.

¹ Упомянуется в: *Шмидт А.Э.* Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 33.

² Упомянуется в: *Шмидт А.Э.* Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 33.

³ Упомянуется в: Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8; Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175. О том, что данная работа будет опубликована в третьем томе «Трудов ГПБ УзССР», Шмидт указывает в своем докладе, прочитанном в 1937 г.: *Шмидт А.Э.* Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 31.

⁴ Упомянуется в: Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175.

⁵ Упомянуется в: Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 181. Название указывается по следующему источнику: *Кнауэр Н., Чеботарева В.* Шмидт Александр Эдуардович // Немцы в России. – М., 2006. – Т. 3. – С. 755.

11. Рец. на кн.: *Семенов А.А.* К догматике памирского исмаилизма. Ташкент, 1926. (1930)¹.

12. Рец. на кн.: *Семенов А.А.* Описание персидских, арабских и турецких рукописей Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета. Ташкент: Изд-во Среднеазиатского гос. ун-та, 1935 // Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Т. II (1938)².

13. Рукопись Корана XIII–XIV в. с подстрочным персидским и среднеазиатско-турецким переводом (материалы для истории среднеазиатско-турецких наречий) // Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Т. II (1938)³.

14. Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Т. II (1938)⁴. *Востоковедная часть под ред. А.Э. Шмидта.*

487

15. Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Т. III (1938)⁵. *Востоковедная часть под ред. А.Э. Шмидта.*

¹ Упоминается в: Письма А.Э. Шмидта к И.Ю. Крачковскому (1930–1938) // СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 1020. Л. 19об.

² Упоминается в: Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8; Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175.

³ Название приводится по анонсу второго тома Трудов Гос. публ. библ. УзССР (Труды Государственной публичной библиотеки УзССР / Отв. ред. А.М. Гуревич. – Ташкент, 1935; без паг.). См. также: Личное дело А.Э. Шмидта // АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 8.

⁴ Упоминается в: Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175.

⁵ Упоминается в: Список ученых трудов А.Э. Шмидта // АВ ИВР РАН. Разр. I. Оп. 8. Д. 175. См. также: *Шмидт А.Э.* Рукописи произведений Авиценны в Государственной публичной библиотеке УзССР // Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. / Под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 31.

Литература об А.Э. Шмидте

Энциклопедии и справочные издания:

1. *Бертельс Д.Е.* Шмидт Александр Эдуардович // Советская историческая энциклопедия. – М., 1976. – Т. 16. – Стлб. 301.
2. *Кнауэр Н., Чеботарева В.* Шмидт Александр Эдуардович // Немцы в России. – М., 2006. – Т. 3. – С. 755–756.
3. *Милюбанд С.Д.* Шмидт Александр Эдуардович // *Милюбанд С.Д.* Востоковеды России = Russian orientalists: XX – начало XXI века: Биобиблиографический словарь: В 2-х кн. – М.: Вост. лит., 2008. – Кн. II: Н–Я. – С. 995–996.
4. *Никольцева Н.Ф.* Шмидт Александр Эдуардович, фон // Лицейская энциклопедия. Т. 2: Императорский Александровский Лицей (1844–1917) / Под ред. С.М. Некрасова. – СПб., 2013. – С. 742.
5. *Шилов Л.А.* Шмидт А.Э. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь РНБ. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 584–587.
6. Шмидт А.Э. // Востоковедение в Петрограде. 1918–1922. – Пг., 1923. – С. 83.
7. Шмидт Александр Эдуардович // Наука и научные работники СССР. Ч. VI. Научные работники без Москвы и Ленинграда / АН СССР. – Л., 1928. – С. 490.
8. Шмидт Александр Эдуардович // *Чернобаев А.А.* Историки России конца XIX – начала XXI в. Биобиблиографический словарь. – М.: Собрание, 2017. – Т. 3. – С. 471.

9. Шмидт Александр Эдуардович (1871–1939) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 420–421.

10. Гульбин Г.Г. Шмидт А.Э. // Гульбин Г.Г. Биобиблиографический словарь русских и советских арабистов // АВ ИВР РАН. Ф. 141. Оп. 1. Д. 425. Л. 588–593.

Статьи и др. материалы:

1. Арбенин. Из дневника студента Т.В.И. // Восток: Журнал студенчества Туркест. Вост. ин-та. – Ташкент, 1923. – № 1 (5). – С. 25–30 [Стеклограф. изд.].

2. Беккин Р.И. Кафедра исламоведения Петроградского университета (О малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта) // *Ars Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. – М., 2016. – С. 77–95.

489

3. Беккин Р.И. Патриарх российского исламоведения: несколько малоизвестных страниц из биографии А.Э. Шмидта // Национальная библиотека. – СПб., 2015. – № 2 (5). – С. 60–65.

4. Беккин Р.И. А.Э. Шмидт и М.-б. Хаджетлаше: история одного конфликта вокруг журнала «Мир Ислама» // Эхо веков = Гасырлар авазы. – 2017. – № 2. – С. 237–249.

5. Беккин Р.И., Шигабдинов Р.Н. «Пришлось уступить вооруженной силе...» (как библиотекари не хотели возвращать мусульманам Коран ‘Усмана) // Национальная библиотека. – СПб., 2017. – № 1 (9). – С. 50–55.

6. *Благова Г.Ф.* Александр Эдуардович Шмидт // Александр Николаевич Самойлович: научная переписка: биография / Сост., авт. ст. и биогр. Г.Ф. Благова. – М., 2008. – С. 75-76.

7. *К-ль Ю.* К юбилею [А.Э. Шмидта] // Восток: Журнал студенчества Туркест. Вост. ин-та. – Ташкент, 1923. – № 1 (5). – С. 4–5 [Стеклограф. изд.].

8. *Костецкий В.А.* Судьба человека, посвятившего жизнь изучению ислама. – Ташкент, 2015 // <http://mytashkent.uz/wp-content/uploads/2015/10/Sudba-cheloveka-posvyativshego-zhizn-izucheniyu-islama.pdf>

490

9. *Крачковская В.А.* Несколько слов об А.Э. Шмидте: к 100-летию его рождения // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи.* Китаб ал-Харадж / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. XIX–XXV.

10. *Крачковский И.Ю.* Впервые оппонентом на диссертации (1914) // *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о кн. и людях. – 3-е изд., стер. – М., 2003. – С. 91–100.

11. *Крачковский И., Бартольд В., Ольденбург С.* Записка об ученых трудах проф. А.Э. Шмидта // Известия Академии наук СССР: Сер. 6. – 1925. – Т. 19. – С. 892–895.

12. *Лунин Б.В.* Александр Эдуардович Шмидт // Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки / Сост. Б.В. Лунин. – Ташкент, 1974. – С. 377–383.

13. *Лунин Б.В.* По велению сердца и разума (А.Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкен-

те) // *Общественные науки в Узбекистане*. – Ташкент, 1970. – № 8. – С. 40–55.

Лунин Б.В. По велению сердца и разума // *Абу Йусуф Й'акуб б. Ибрахим ал-Куфи*. *Китаб ал-Харадж* / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта; супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступ. ст. и указ. А.А. Хисматулина. – СПб., 2001. – С. VIII–XVIII.

14. *Некра*. К юбилею А.Э.Ш. [стихотворение] // *Восток: Журнал студенчества Туркест. Вост. ин-та*. – Ташкент, 1923. – № 1 (5). – С. 3 [Стеклограф. изд.].

15. *Смирнов Н.П.* Очерки истории изучения ислама в СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 99–102.

16. *Флыгин Ю.* Александр Шмидт – востоковед, достойный восхищения // *Yagona oilada / В семье единой*. Общественно-политический и культурно-просветительский журнал. – Ташкент, 2016. – № 1–2. – С. 28–29.

491

17. *Флыгин Ю.* Тот, кто возвращал в Ташкент Коран Османа (Исламовед А.Э. Шмидт) // *Восток свыше*. – Ташкент, 2003. – № 6. – С. 81–86.

18. *Чернявский Е.* 25-летие научной деятельности проф. А.Э. Шмидта // *Туркестанская правда*. – Ташкент, 1923. – № 20. – 28 янв. – С. 3.

19. А.Э. Шмидт (25 лет научной деятельности) // *Восток: Журнал студенчества Туркест. Вост. ин-та*. – Ташкент, 1923. – № 1 (5). – С. 2–3 [Стеклограф. изд.].

20. *Bekkin R.* The Islamic Studies Department of Petrograd State University (One Little Known Page of A.E. Schmidt's Biography) // *Manuscripta Orientalia*. – 2014. – Vol. 20, No. 1. – June. – P. 59–67.

Составитель: Р.И. Беккин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

Абдо (‘Абду), Мухаммад 185, 393, 481, 484
Абу Йусуф, Й‘акуб б. Ибрахим ал-Куфи 427, 482, 490, 491
Авиценна (Ибн Сина) 215, 217, 482, 485–487
Аделунг Т.С. 179
Айшин М. См.: Хаджетлаше М.-б.
Аллаев А. См.: Хаджетлаше М.-б.
Альвардт В. 274, 277
ал-Анбари 37
Андреев М.С. 124–126, 129, 130, 138, 198, 202, 203, 225, 312
Аристотель 225
ал-‘Аскалани, Ибн Хаджар ал-Канани 274

Байер В.М., фон 16
ал-Бакри, Абу ‘Убайд 100
Бартольд В.В. 8, 27, 32, 38, 63, 76–81, 85, 87, 89, 90, 92, 95,
97–99, 103, 112, 116, 128–130, 137, 138, 143, 147, 148,
153, 160, 174, 176, 181, 186, 195, 202, 208, 209, 211,
214, 235, 244, 260, 304, 325, 335, 345, 348, 349, 379,
383, 481, 484
Баязитов М.-С. 109
Беляев В.И. 9, 190, 193–197, 204, 217, 224, 226, 232, 266, 269,
336
Берг Л.В.С., ван ден 240
Березин И.Н. 239
Бетгер Е.К. 143, 147, 181, 207, 213
Бетгер Евгения 213
ал-Бируни, Абу Райхан 232
Бобинская М. 253
Боголюбов А.С. 223
Боровков А.К. 201
Браудо А.И. 118

492

¹ В указатель включены фамилии отечественных и западных востоковедов, мусульманских ученых, а также родственников А.Э. Шмидта, упоминаемых в книге.

Бродский А.Л. 126, 156, 169, 173, 174, 182, 188, 211
 Броккельман К. 329
 Брюллова-Шаскольская Н.В. 74, 141, 184, 205
 Бычков И.А. 72, 252

Ваисов Б. 155
 Ваисов Газизян 155
 Ваисов Гайнан 155
 Валидов А.-З. 11, 112
 Вамбери Г. 272, 390, 437
 Вельяминов-Зернов В.В. 241
 Веселовский Н.И. 23, 24, 32, 116
 Витте С.Ю. 19
 Владимирцов Б.Н. 112, 314
 Влотен Г., ван 36, 283
 Воробьев П.И. 320
 Вундцеттель Н.Э. 129, 180, 318
 Вяткин В.Л. 143, 484

493

Гаврилов М.Ф. 191, 192, 318, 328, 331, 332, 340
 ал-Газали, Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад 25,
 273, 275
 Галушко Д.А. 210
 Галушко О.А. 233
 Гамазов М.А. 22, 59
 Гаркави А.Я. 68
 Гаррицкий А.А. 124, 136
 Гейер Р. 279, 290
 Гинцбург И.И. 29, 63
 Гиргас В.Ф. 102, 106, 159, 240
 Гольдциер И. 11, 32, 34–36, 40, 81–85, 87, 106, 107, 158, 267,
 272, 275, 276, 279, 280, 285, 286, 288
 Городецкий Б.Г. 190
 Григорьев В.В. 21, 22, 58
 Гуревич А.М. 209, 213, 215
 Гуэ М., де 11, 36, 267

Давлетшин А.-А. 159, 378

Датиев А.Г. 92

Дегио К.К., фон 110

Дейк ван Ален Корнелиус, ван 285

Дейк Эдвард Абботт, ван 285

ал-Джувайни, 'Абд ал-Малик б. 'Абдаллах 280

Диваев А.А. 129, 136

ад-Динавери, Абу Ханифа 223, 232

Долинина А.А. 7, 13, 114, 242, 243

Дубсон А.Б. 192

Жилаги Д. 272, 276

Жузе П.К. 136

Жуковский В.А. 11, 28, 61, 267, 298, 301

Залеман К.Г. 21, 38

аз-Замахшари, Махмуд б. 'Умар 35, 180, 279, 281

494

аз-Заркаши, Абу 'Абдаллах Бадр ад-дин Мухаммад ибн
Бахадир 276

Зарубин И.И. 325

аз-Захаби, ал-Хафиз Мухаммад б. Ахмад 280

Зийад б. Йахйа 103, 104, 161, 162, 180, 217, 485

Знаменский А.А. 182, 183, 187

Ибн ал-'Араби 161, 221

Ибн Арабшах 216, 221, 485

Ибн ал-Асир 232, 352, 364, 418

Ибн Баттута, Мухаммад ибн Абдуллах б. Мухаммад ат-
Танджи 159, 344

Ибн Исхак 289

Ибн Муханна, Джамалад-дин 343

Ибн Сина. См.: Авиценна

Ибн ал-Фиркахи (Бурхан ад-дин ал-Фазари) 280

Ибн Хазм 35, 279, 281, 282, 284

Иванов И.А. 59, 297

- Иванов П.П. 9, 147, 209
ал-Исфакхани, Хамза 232
- Йомудский Н.Н. 154, 186, 309, 310, 323
- Казем-бек А.К. 21, 58
ал-Кайравани, Ибн Аби Зайд 160
Карабачек Й., фон 11, 32, 37, 267, 277, 279, 286, 288–290
Картманн 162
ал-Касталани, Шихаб-дин Ахмад б. Мухаммад 280, 283,
377, 393
- Катанов Н.Ф. 90, 136
Катип Челеби. См.: Мустафа б. ‘Абдулла
ал-Кашгари, Махмуд 329
Коковцов П.К. 38, 62
Коробов В.Б. 43
Корф М.А. 66
Крауш О.А. 222, 223
- Крачковская В.А. 26, 45, 111, 197, 210, 225, 226, 227, 233, 442
Крачковский И.Ю. 7–9, 18, 22, 24, 26–28, 34, 35, 47, 65, 81,
99, 100, 101, 104–109, 111, 112, 114, 117, 119, 128, 129,
131, 149, 157, 160, 162–164, 166, 172, 180–183, 185,
186, 194, 195, 203, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 221, 223,
224, 226–228, 231, 232, 235, 244, 269, 317, 336, 409,
440, 441
- Кротков Н.Н. 27
Крымский А.Е. 84, 87, 103, 162
ал-Кудури, Абу-л-Хасан 240
Кузнецов П.Е. 124, 129, 305
Кузьмин И.П. 137
Кун А.Л. 247
Куник А.А. 100, 476
Кучербаев М.-А. 124
ал-Кушайри, Абу Наср 180, 181

Ландберг К. 278
Лунин Б.В. 79, 197, 198
Лыкошин Н.Л. 136

ал-Маварди, Абу-л-Хасан 282
ал-Мадани, Амин б. Хасан 284
Малик б. Анас 281
Маллицкий Н.Г. 131, 180, 206, 222, 225, 379, 380, 381, 382
Малов С.Е. 137, 176, 177, 178, 201, 217, 313, 317, 320, 326, 328,
332, 343
Марр Н.Я. 7, 28, 38, 47, 67, 79, 116, 205, 242
Массон М.Е. 145, 184
ал-Мас'уди, Абу-л-Хасан 348
Машанов М.А. 75
Машковцев А.Ф. 124
Медников Н.А. 23, 24, 36, 38, 101, 147
Межов В.И. 66
496 Мелиоранский П.М. 38, 300
Молчанов А.А. 209, 214, 215
ал-Мунави, 'Абд ар-Рауф Мухаммад ал-Мунави 277
Муратов 337, 338
Мустафа б. 'Абдулла (Катип Челеби, Хаджи Халифа) 285
Мухлинский А.О. 21
Мюллер А. 32
Мютель В.Ю. См.: Шмидт В.Ю.
Мютель Г.Ю. 62, 63

ан-Навави, Мухйад-дин 274, 280
Навои Алишер 342
Навроцкий М.Т. 102
Нершахи, Абу Бакр Мухаммад ибн Джа'фар 344
Нечкин Д.И. 72, 143, 144, 257, 258, 265
Нёльдеке Т. 32, 203
Никольский Б.В. 51, 56

- Оде-Васильева К.В. 136
 Ольденбург С.Ф. 8, 49, 81, 114–116, 147, 202, 235, 244, 259
 Орфянская В.Н. 178
 Османов М. 239
 Остроумов Н.П. 28, 107, 135, 175, 188
 Ошанин Л.В. 187, 188
- Панков А.В. 180
 Переферкович Н.А. 27
 Пестовский Б.А. 314
 Пещерева Е.М. 9, 147, 184, 266
 Пиотровский М.Б. 266
 Писарев С.И. 71, 248
 Плышевский В.А. 189
 Поливанов Е.Д. 131–135, 142, 169, 306, 319
 Политур Н.Р. 72
 Поппе Н.Г. 27
 Поппе Н.Н. 27
 Пугаченкова Г.А. 440
- Радлов В.В. 25
 Радлов Э.Л. 53, 64, 71, 72, 252
 ар-Рази, Фахр ад-дин 281
 Разумовская Е.А. 222, 223
 Розен В.Р. 10, 11, 21–23, 25, 27–31, 33–37, 40, 42, 52, 59, 60,
 62, 64, 87, 100–102, 105–107, 109, 113, 128, 131, 145,
 147, 150, 159, 235, 266, 267, 269, 476
 Розен О.Ф. 294
 Розенберг Ф.А. 112
- Сайтов В.И. 67, 69
 Салиев П.М. 338
 Саломон А.П. 40, 48, 50–57, 59, 60, 291, 297, 299, 301
 Салье М.А. 137
 Самойлович А.Н. 9, 12, 25, 29, 30, 80, 112, 116, 167, 168, 174,
 175, 177, 178, 268, 303, 311, 313, 324

ас-Сарахси, Мухаммад 279

Сегаль М.А. 338

Семенов А.А. 120, 126, 129, 131, 144, 145, 173, 203, 204, 209,
217, 225, 229, 231, 233, 330, 338, 401, 428, 440, 442,
455, 462

Сергеев С.Б. 209

ас-Сиджистани, Абу Давуд 280

Ситковский П.П. 147

Смирнов В.Д. 21, 68, 273, 276

Смирнов Н.А. 83, 84, 228

Снук-Хюргронье Х. 85

Соловьев В.С. 41, 48

Солькин А.Ф. 126

ас-Сувайди, 'Абдаллах-эфенди ал-Багдади 180, 285, 390,
391, 394–397, 400, 402, 404, 407, 416, 417, 418, 420,
426, 431, 434, 436, 437, 438, 439

ас-Суйути, Джалалад-дин 277

498 Сыромятников С.Н. 90, 92

ат-Табари 223, 232, 351, 352, 356–358, 360–363

Тайфур, Абу-л-Фадл Ахмад ибн Аби Тахир 345, 349, 351,
352, 356

Топчибашев А.-б. 20

Умняков И.И. 203, 206

Успенский Б.И. 248

Ухтомский Э.Э. 38, 41–47, 51, 59, 61, 94, 292, 293, 299, 300

Ушаров К.А. 188, 189, 190

Фалев П.А. 129, 136, 177, 178, 303, 305, 310, 313, 314, 326

Фахретдинов Р. 253, 255

Фиолетов Н.Н. 203

Фитрат А. 330

Флейшер Г. 29, 31, 32

- Хаджетлаше М.-б. 88–95, 97–99, 468
 Хаджи Халифа. См.: Мустафа б. ‘Абдулла
 Хаммер-Пургшталь Й., фон 390, 395
 Харрасовиц Г. 166
 Харрасовиц О. 275
 Харузин А.Н. 92
 Хаутсма М.Т. 36
 Хафиз 27, 160
 Хащаб А. 80
 Хельмерзен А.Л.Е., фон 62
 ал-Химйари, Абу Мухаммад ‘Абдал-Малик ибн Хишам 289
 Ходжа Ахрар 70, 247, 254, 255
 Ходжаев Ф.Г. 168, 268, 311
 Хортен М. 185
 Хузейми Ш. 135
- Цветков П.П. 107
 Цвибак М.М. 183, 184, 186–190, 200
- Честер Ф.Д. 275
- аш-Шайбани, Мухаммад 279
 аш-Ша‘рани, ‘Абд ал-Ваххаб 11, 34, 35, 47, 100, 102, 105, 108,
 109, 217, 274, 277, 284, 285
 Шаховской Б.Н. 27, 58
 аш-Шахрастани, Абу-л-Фатх Мухаммад б. ‘Абдал-Карим
 279
 Шахт Й. 181
 Шведов Н.К. 76, 77, 78, 79
 Шебунин А.Ф. 70, 71, 248
 Шмидт Адель Эдуардовна 18, 111, 165
 Шмидт Александр Александрович 63, 179, 225, 227, 231,
 232, 233, 234
 Шмидт Альбрехт Эдуардович, фон 18, 20, 64, 111, 165

Шмидт Вера Юлиевна 62, 118, 123, 146, 229, 231, 233, 234,
307, 310, 330, 333, 336, 339

Шмидт Виктор Александрович 64, 295

Шмидт Эдуард Александрович 63, 137, 178, 201, 226, 227,
230, 231

Шмидт Эдуард Егорович, фон 16, 64

Щербатской Ф.И. 30

Э(т)тингер Г.Я. См.: Хаджетлаше М.-б.

Юдахин К.К. 178, 304, 309, 316, 318, 326

Якубовский А.Ю. 219

Яроцкий В.Я. 210, 211, 212

СОКРАЩЕНИЯ

- АВ ИРВ РАН – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации
- АРАН – Архив Российской академии наук
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГПБ УзССР – Государственная публичная библиотека Узбекской Советской Социалистической Республики
- ГУС – Государственный ученый совет Народного комиссариата просвещения Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества
- ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук (Академии наук СССР)
- ИВ АН СССР – Институт востоковедения Академии наук СССР
- Икомус – Исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета
- ИПБ – Императорская Публичная библиотека
- ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
- ЛИЖВЯ – Ленинградский институт живых восточных языков
- МГИМО – Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
- ОАД РНБ – Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки
- ИНО ОГПУ – Иностраный отдел Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР

- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- САГУ – Среднеазиатский государственный университет
- САКУ – Среднеазиатский коммунистический университет
- САСХИ – Среднеазиатский сельскохозяйственный институт
- САХИПИ – Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- Средазкомстарис – Среднеазиатский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы
- ТВИ – Туркестанский восточный институт
- ТГНИИ – Туркменский государственный научно-исследовательский институт истории
- ТуркГУ – Туркестанский государственный университет
- Туркомстарис – Туркестанский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы
- Узкомстарис – Узбекистанский комитет по охране и изучению памятников материальной культуры
- ФВЯ – Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета
- ФОН – Факультет общественных наук Петроградского университета. Также: Факультет общественных наук Среднеазиатского государственного университета
- ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания

- ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
- ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
- ЦУАрДел – Центральное управление архивным делом Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики
- ЮТАКЭ – Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Научное издание
Российское востоковедение

**А.Э. ШМИДТ: БИОГРАФИЯ,
НАУЧНАЯ ПЕРЕПИСКА,
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ,
БИБЛИОГРАФИЯ**

Автор-составитель: Беккин Ренат Ирикович

Корректор: Т.В. Смирнова
Художественное оформление: Д.А. Филатов
Дизайн обложки: И.Т. Картвелишвили

Подписано в печать 20.03.2018. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура PT Serif Caption. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Садра».
129301, Москва, пр-т Мира, д. 186, к. 1, офис 8
www.sadrabook.ru

Монография посвящена деятельности российского востоковеда А.Э. Шмидта (1871–1939). Учителями Шмидта были барон В.Р. Розен, И. Гольдциер, М. де Гуэ, Й. фон Карабачек и другие выдающиеся специалисты по мусульманскому Востоку. Учениками Шмидта себя считали И.Ю. Крачковский, А.Н. Самойлович, В.И. Беляев, П.П. Иванов, Е.М. Пещерева и др. Книгу открывает научная биография А.Э. Шмидта, специально подготовленная для данного издания. В книге представлены уникальные материалы из государственных и частных архивов Санкт-Петербурга, Москвы, Ташкента. Издание адресовано всем, кто интересуется историей российского – советского востоковедения в целом и исламоведения в частности.

ISBN 978-5-906859-04-4

9 785906 859044